
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306871 5

КО ДНЮ

СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ

РОЖДЕНІЯ

И. А. КРЫЛОВА.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

БАСНЯМЪ КРЫЛОВА.

СОСТАВИЛЪ

В. КЕНЕВИЧЪ.

ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 лин., № 12.)

1868.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 24-го января 1868 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крыловъ, какъ баснописецъ, представляетъ замѣчательное и въ нашей литературѣ безпримѣрное явленіе. Почти съ выхода въ свѣтъ первой его басни онъ дѣлается любимцемъ всей читающей публики; журналисты почитаютъ его басни украшеніемъ своихъ журналовъ, и сѣтуютъ, если его лѣнивая муза на время умолкаетъ. При жизни его, ему не было сдѣлано ни одного серьезнаго замѣчанія ни относительно содержанія его басенъ, ни относительно ихъ внѣшней отдѣлки. Рѣзкая статья Каченовскаго (1812 г.) должна была возбудить въ читателѣ только негодованіе, а замѣтки А. Измайлова въ статьѣ «О разсказѣ басни», по своей мелочности, не могли имѣть замѣтнаго вліянія на баснописца.

Такимъ образомъ Крыловъ, восхищая своихъ современниковъ, не нашелъ у нихъ строгой, безпристрастной, правильной оцѣнки. Съ 1844 до 1847 года напечатано было о Крыловѣ нѣсколько обширныхъ статей. Большая часть изъ нихъ посвящена біографическимъ свѣдѣніямъ; и дѣйствительно, эта сторона предмета такъ полно обработана, что къ ней почти нечего прибавить. Что же касается до оцѣнки басенъ, то въ этихъ статьяхъ обращено вниманіе преимущественно на ихъ литературное достоинство, опредѣляется отношеніе русскаго баснописца къ Ла Фонтену и дока-

зывается его самобытность; но вопросъ объ историческомъ значеніи его произведеній почти не затрогивается.

Правда, Лобановъ, Плетневъ, Гоголь и наконецъ Булгаринъ высказали мысль, что почти каждая оригинальная басня его была вызвана какимъ-нибудь современнымъ общественнымъ явленіемъ; что каждая изъ нихъ рѣшаетъ какой-нибудь вопросъ, занимавшій умы его современниковъ; но три случая, подавшіе поводъ къ сочиненію басни, разсказанные Лобановымъ; общія замѣчанія о цѣлыхъ группахъ басенъ однороднаго содержанія, Плетнева; три-четыре замѣтки Гоголя; разсказъ Булгарина о литературныхъ партіяхъ, — все это слишкомъ скудно, обще и представляетъ слишкомъ мало данныхъ для опредѣленія отношенія басенъ Крылова къ современной ему дѣйствительности.

Между тѣмъ многія басни, оторванныя отъ исторической почвы, лишаясь своего настоящаго значенія, пріобрѣтаютъ совершенно другой смыслъ; многіе нравоучительные выводы кажутся до того общими мѣстами, что повидимому даже не могутъ найти примѣненія къ дѣйствительности. Оно и не можетъ быть иначе: забывъ или вовсе не зная тѣхъ обстоятельствъ, съ которымъ связано литературное произведеніе, мы не можемъ ни правильно понять его, ни вѣрно опредѣлить направленіе дѣятельности писателя.

Такое неудовлетворительное состояніе одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ нашей науки побудило насъ къ собиранію матеріаловъ, которые могли бы послужить основаніемъ для его рѣшенія.

Прежде всего представилась необходимость привести всѣ басни въ возможно строгій хронологическій порядокъ. Тотъ порядокъ, въ какомъ обыкновенно печатаются басни Крылова, избранъ имъ самимъ въ изданіи 1843 года. Кажется, баснописецъ

заботился преимущественно о томъ, чтобы избѣжать однообразія: басни, близкія другъ къ другу по содержанію и по времени, онъ помѣстилъ въ различныхъ книгахъ, и такимъ образомъ совершенно разрушилъ ихъ хронологическую послѣдовательность.

Для возстановленія хронологическаго порядка оказалось необходимымъ разсмотрѣть всѣ изданія басенъ, появившіяся въ свѣтъ при жизни баснописца, потому что каждое послѣдующее изданіе пополнялось цѣлою новою книгою басенъ. Эти изданія слѣдующія:

I. **Басни И. А. Крылова**. С. П.-бургъ, въ типогр. губернскаго правленія, 1809 г. 8°, съ надписью: «Съ дозволенія Санктпетербургскаго цензурнаго комитета», безъ означенія числа (54 стр.).

Это изданіе, заключающее двадцать-три басни, было привѣтствовано извѣстною статьею Жуковскаго и повторено въ 1811 г. Въ новомъ тисненіи авторъ многое измѣнилъ и исправилъ. Полное его заглавіе слѣдующее: Басни И. Крылова, С. П.-бургъ, 1811 г., въ типографіи губернскаго правленія (одобрено цензоромъ въ сентябрѣ).

II. **Новыя басни Ивана Крылова**. С. П.-бургъ, 1811 г., въ типографіи губернскаго правленія, 8° (цензорская отмѣтка 8-го марта). Это такъ же брошюра въ 42 стр., заключающая двадцать одну басню.

III. **Басни Ивана Крылова**, 1815 г. Это заглавіе съ виньеткою работы Ив. Иванова, составляетъ фронтиспísъ; на слѣдующемъ листѣ помѣщено полное заглавіе: Басни Ивана Крылова въ трехъ частяхъ. Въ Санктпетербургѣ, въ типографіи правит. сената, 1815 г. 8°. На третьемъ листѣ помѣщено слѣдующее посвященіе: «Его Императорскому Величеству Государю Императору

съ благоговѣніемъ и душевною благодарностію всеподданнѣйше посвящаетъ Иванъ Крыловъ». (Цензорская отмѣтка отъ 28 марта). Къ каждой изъ трехъ частей приложено оглавленіе и въ каждой особая пагинація *. Въ дополненіе къ нимъ въ 1816 году напечатаны были отдѣльно еще двѣ части: 4-я, подъ заглавіемъ: Новыя басни И. А. Крылова, часть четвертая, иждивеніемъ содержателя типографіи, А. Похорскаго. С.-Пбргъ, въ типогр. имп. театра, 1816 г. (форматъ предыдущихъ трехъ частей; цензорская отмѣтка отъ 25 февраля 1816 г.), и 5-я: Новыя басни И. А. Крылова, часть пятая, С.-Пбргъ, въ типографіи имп. театра, 1816 г. (въ томъ же форматѣ; цензорская отмѣтка отъ 7-го марта 1816 г.).

IV. **Басни Ивана Крылова, въ шести частяхъ**, иждивеніемъ содержателя театральной типогр., А. Похорскаго. С. П.-бргъ, въ тип. имп. театра, 1819, 8°. При каждой части приложено особое оглавленіе, и съ третьей, при которой другой заглавный листъ, начинается новая пагинація: цензорская отмѣтка отъ 18-го октября 1816 г. **

Съ 1819 по 1823 г. Крыловъ ничего не печаталъ; но съ 1823 г. вновь стали появляться его басни, которыя составили новую книгу въ слѣдующемъ изданіи, вышедшемъ въ 1825 году:

---

* Въ письмѣ А. Измайлова къ Н. Грамматину (отъ 13 января 1813 г.) сохранилось интересное свѣдѣніе, которое, кажется, должно отнести къ этому изданію. Авторъ письма, перечисляя, что кому изъ литераторовъ пожаловано государемъ императоромъ, говоритъ: «Крыловъ на изданіе своихъ басенъ получилъ отъ государя черезъ предстателя своего Оленина 4,000 рублей». Перечисленіе заключается словами: «Скажите послѣ этого, что худо быть словесникомъ». (Библіографич. записки, 1859 г., столб. 419.)

** Объ этомъ изд. см. въ Указателѣ объявленіе С. Петербургскихъ Вѣдомостей, 1819 г. Въ имп. публичн. библіотекѣ хранится весьма ин-

V. **Басни И. А. Крылова, въ семи книгахъ.** Новое исправленное и дополненное изданіе. С.-Пбргъ. У книгопродавца Сленина, въ тип. департ. нар. просвѣщенія 1825. Оно посвящено императору Александру и украшено прекраснымъ портретомъ баснописца, рисованнымъ съ натуры И. Оленинымъ *, виньеткою и семью картинками, приложенными къ первой баснѣ каждой книги. Первая изъ нихъ, при б. «Конь и Всадникъ», которою открывается изданіе, работы Зауэрвейта, остальныя шесть — Ив. Иванова. Въ этомъ изданіи Крыловъ въ первый разъ отмѣтилъ въ оглавленіи басни, переводныя и заимствованныя, которыхъ, по его счету, оказалось тридцать четыре.

VI. **Басни Ивана Крылова, въ осьми книгахъ.** Новое изданіе вновь исправленное и умноженное. С.-Пбргъ, въ тип. А. Смирдина, 1830 г. Заимствованныхъ басенъ показано такъ же тридцать четыре.

За этимъ изданіемъ слѣдуетъ цѣлый рядъ изданій Смирдина, который, по свидѣтельству Лобанова съ 1830 по 1840 г., напечаталъ въ различныхъ форматахъ 40000 экземпляровъ. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ вышло въ 1834 г., съ картинками Сапожникова, въ двухъ частяхъ, 4°.

VII. **Басни И. А. Крылова, въ девяти книгахъ.** С.-Пбргъ, въ типогр. военно-учебныхъ заведеній, 1843 г. Число заимство-

---

тересный экземпляръ изданія 1819 г., проложенный чистыми листами, на которыхъ Крыловъ дѣлалъ поправки, приготовляя свои басни къ изданію 1825. Этотъ экземпляръ, какъ видно изъ собственноручной надписи Гнѣдича, былъ подаренъ ему Крыловымъ, а онъ въ свою очередь подарилъ его библіотекѣ.

* Сыномъ Алексѣя Николаевича, Петромъ Алексѣевичемъ.

ванныхъ басенъ показано то же. — Это то самое изданіе, которое предпринялъ и окончилъ самъ Крыловъ, но только не успѣлъ его выпустить въ свѣтъ, и которое душеприкащикъ его Я. И. Ростовцевъ, послѣ смерти баснописца, исполняя его волю, разослалъ въ числѣ болѣе тысячи экземпляровъ лицамъ, участвовавшимъ въ 1838 г. въ составленіи для него юбилейнаго торжества * и присутствовавшимъ на похоронахъ поэта. На траурной оберткѣ разосланныхъ экземпляровъ было напечатано: «Приношеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ. По его желанію. Санктпетербургъ, 1844 г. 9 ноября ¾ 8 утромъ».

Съ 1847 года «Полнымъ собраніемъ сочиненій Крылова» начинается длинный рядъ изданій гг. Юнгмейстера и Веймарна; но эти изданія, представляя болѣе или менѣе неисправное повтореніе текста 1843 г., не имѣютъ никакого значенія при изученіи нашего баснописца.

Сравнительный пересмотръ исчисленныхъ изданій доставилъ существенныя данныя, на которыхъ долженъ былъ основаться хронологическій списокъ басенъ. Независимо отъ того, извлечены изъ періодическихъ изданій свѣдѣнія о времени появленія въ свѣтъ тѣхъ басенъ, которыя, прежде чѣмъ входили въ изданія, печатались отдѣльно. При этомъ обращалось вниманіе на время цензорской отмѣтки, такъ какъ оно иногда приблизительно опредѣляетъ время сочиненія басни.

Весьма важнымъ пособіемъ при опредѣленіи хронологіи басенъ, равно какъ и въ другихъ отношеніяхъ, служили рукописи. Онѣ могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: 1) рукописи, принад-

---

* Жизнь и соч. И. А. Крылова, П. А. Плетнева, стр. LXLII.

лежащія имп. публ. библіотекѣ, и 2) рукописи, принадлежащія г. Савельеву.

Рукописи перваго отдѣла гораздо малочисленнѣе втораго.

I. На первой изъ нихъ, заключающей только четыре полныя басни *(Огородникъ и Философъ, Оселъ и Соловей, Квартетъ* и *Слонъ и Моська)*, рукою Гнѣдича сдѣлана надпись: «Экземпляръ басенъ, сколотый булавкою, который И. А. Крыловъ въ такомъ видѣ имѣлъ съ собою, когда читалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Зимнемъ дворцѣ, 1813 года, будучи у Нея вмѣстѣ со мною».

II. На второй, тщательно переписанной рукою баснописца и заключающей десять басенъ *(Лягушки и Юпитеръ, Лжецъ, Орелъ и Пчела, Собаки и Прохожіе, Лисица и Сурокъ, Тѣнь и Человѣкъ, Безбожники, Крестьяне и Рѣка, Пожаръ и Алмазъ, Лань и Дервишъ)*, имъ самимъ сдѣлана надпись: «По сей рукописи сочинитель имѣлъ счастіе читать свои басни ея императорскому величеству Маріи Феодоровнѣ, генваря 11 дня 1814 г.».

III. Въ третьей, такъ же переписанной рукою Крылова, находится тринадцать басенъ *(Прудъ и Рѣка, Дерево, Камень и Червякъ, Чижъ и Голубь, Орелъ и Кротъ, Комаръ и Пастухъ, Крестьянинъ и Разбойникъ, Лебедь, Щука и Ракъ, Клеветникъ и Змѣя, Конь и Всадникъ* (въ двухъ спискахъ), *Собаки и Прохожіе, Чижъ и Ежъ* (въ двухъ спискахъ), *Добрая Лисица)*, а въ концѣ ея приписано рукою А. Н. Оленина: «Басни были читаны самимъ авторомъ у государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, по требованію ея величества въ 12 день маія 1814 г. На сей конецъ авторъ тщательно старался ихъ переписать своею рукою, какъ то доказываетъ сія рукопись *».

* На той же страницѣ находится стихотвореніе кн. Вяземскаго «Къ портрету Государя Императора», переписанное съ дозволенія императрицы Оленинымъ.

IV. Сверхъ того, въ 1841 году Лобановъ, по выѣздѣ Крылова изъ дома публичной библіотеки, собралъ въ сору на чердакѣ черновые листы; многіе изъ нихъ изорваны, другіе такъ пострадали отъ сырости и грязи, что многаго въ нихъ вовсе нельзя разобрать. Въ этой коллекціи находится двадцать одна басня *(Огородникъ и Философъ, Волкъ и Мышенокъ*, черновое заключеніе басни *Безбожники, Собачья Дружба, Волкъ на Псарнѣ* (три ред.), *Мальчикъ и Червякъ, Мотъ и Ласточка, Булыжникъ и Алмазъ, Тѣнь и Человѣкъ, Зеркало и Обезьяна* (двѣ редакціи), *Тришкинъ Кафтанъ* (двѣ редакціи), *Два Мужика, Безбожники, Муха и Пчела, Двѣ Собаки, Чижъ и Ежъ, Ручей, Клеветникъ и Змѣя, Мышь и Крыса, Медвѣдь у Пчелъ, Любопытный);* но къ сожалѣнію, ни на одной изъ этихъ рукописей не означено года.

Рукописи втораго отдѣла, по словамъ ихъ владѣльца, г. Савельева, были собраны самимъ баснописцемъ за нѣсколько лѣтъ до смерти, сложены въ извѣстномъ порядкѣ и переданы ему на храненіе. Это почти полный экземпляръ басенъ, написанный рукою самого автора. Видно, что нѣкоторыя изъ нихъ были списаны имъ съ печатнаго изданія, неизвѣстно, для какой цѣли: одна тетрадь въ четвертку содержитъ всѣ басни, заключающіяся въ изданіи 1819 года, безъ всякихъ перемѣнъ сравнительно съ печатною редакціею. Другія же представляютъ всю работу баснописца, отъ черновой накидки нѣсколькихъ отрывочныхъ мыслей до окончательной редакціи; послѣднія принадлежатъ позднѣйшему времени; именно: періоду отъ 1823 года до 1835 *.

---

* Послѣднія двѣ басни: «Два Мальчика» и «Кукушка и Пѣтухъ» мы помѣстили подъ 1836 г., потому что въ этомъ году онѣ явились въ печати;

Кромѣ данныхъ для опредѣленія хронологической послѣдовательности басенъ, тщательный пересмотръ рукописей доставилъ множество варіантовъ, которые при изученіи нашего поэта имѣютъ особенную важность.

Извѣстно, что Крыловъ былъ къ себѣ несравненно строже, чѣмъ его читатели: онъ по-многу разъ переписывалъ одну и ту же басню, всякій разъ передѣлывалъ ее и удовлетворялся только тогда, когда въ ней не оставалось ни одного слова, которое, какъ онъ выражался, «ему пріѣдалось». Этого рода варіанты даютъ богатый матеріалъ для изученія языка, и если бы впослѣдствіи представилась надобность въ спеціальномъ словарѣ къ баснямъ Крылова, то они нашли бы въ немъ видное мѣсто. Но надо замѣтить, что нерѣдко, обработывая языкъ, поэтъ нашъ измѣнялъ многіе оттѣнки мысли, подробности въ сценахъ и картинахъ, и такимъ образомъ придавалъ своему сочиненію совершенно иной характеръ. Подобные варіанты имѣютъ еще большую важность: они иногда приводятъ къ уразумѣнію той задней мысли, которую поэтъ скрывалъ за своимъ вымысломъ, или прямо намекаютъ на современныя явленія.

Такое важное значеніе варіантовъ побудило насъ къ самому тщательному сличенію окончательнаго текста басенъ (1843 года) со всѣми предшествовавшими изданіями и рукописями; и мы скорѣе опасаемся упрека въ излишней мелочности, чѣмъ въ невниманіи къ этой сторонѣ предмета. При собираніи варіантовъ по рукописямъ (особенно позднѣйшей эпохи) нерѣдко представлялось неодолимое препятствіе — крайняя неразборчивость черновыхъ рукописей, изъ коихъ нѣкоторыя написаны карандашемъ и отъ вре-

---

но судя по рукописямъ, онѣ, вѣроятно, были написаны одновременно съ б, «Вельможа»; къ такому заключенію приводитъ одинаковость почерка, чернилъ, бумаги: всѣ онѣ набросаны въ одной тетради infolio въ 12 стр.

мени почти совершенно стерлись. Но мы заносили на наши страницы и тѣ стихи, которые хотя и были зачеркнуты, однако еще могли быть прочитаны. Мы не рѣшались пренебречь и такими стихами.

Приведеніе басенъ въ хронологическій порядокъ и собраніе варіантовъ составляли собственно приготовительную работу. Теперь надлежало бы каждую басню (разумѣется, оригинальную) обставить тѣми историческими данными, которыя могли бы опредѣлить отношеніе ея къ современной дѣйствительности. Если бы это было выполнено, то, конечно, ничего болѣе не оставалось бы желать; но, къ сожалѣнію, исторія текущаго столѣтія еще такъ мало извѣстна въ своихъ подробностяхъ, которыя могли имѣть и, конечно, имѣли важное значеніе; свидѣтельства современниковъ, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя намъ были доступны, такъ недостаточны, что выполненіе этой задачи остается пока невозможнымъ.

Отрывочныя замѣчанія нѣкоторыхъ писателей и свѣдѣнія, сообщенныя намъ нѣсколькими лицами, знавшими Крылова или имѣвшими возможность узнавать о немъ изъ первыхъ источниковъ, указывали иногда на факты, съ которыми связано появленіе той или другой басни; но и эти свѣдѣнія весьма скудны и требовали строгой повѣрки, которая нерѣдко приводила къ отрицанію установившагося мнѣнія.

Всѣ имѣвшіяся у насъ данныя, по своей скудости, могли привести къ полному уразумѣнію историческаго значенія далеко не всѣхъ басенъ; очень многія ожидаютъ новаго изслѣдованія, которое, какъ надо надѣяться, съ теченіемъ времени, при болѣе подробной и разносторонней обработкѣ исторіи той эпохи, когда писалъ Крыловъ, сдѣлается возможнѣе.

При изученіи Крылова представляется еще одинъ вопросъ, не только не рѣшенный, но почти не тронутый критикою: дѣйствительно ли оригинальны всѣ тѣ басни, которыя онъ самъ призналъ оригинальными? Изслѣдованіе его басенъ въ этомъ отношеніи привело насъ къ отрицательному отвѣту. Сверхъ Ла Фонтена, котораго преимущественно изучалъ нашъ баснописецъ, ему были знакомы и другіе писатели, особенно Эзопъ, изъ котораго онъ непосредственно почерпнулъ нѣсколько сюжетовъ. Тутъ мы старались быть какъ можно осторожнѣе: только тогда рѣшались признать басню заимствованною, когда заимствованіе было очевидно.

Такъ какъ басня во всѣ времена и у всѣхъ народовъ имѣла цѣлью исправленіе недостатковъ и заблужденій, которые повсюду болѣе или менѣе общи, то, естественно, правоучительные выводы у разныхъ баснописцевъ должны имѣть нѣкоторое, хотя иногда весьма отдаленное сходство. Можетъ быть, сличеніе произведеній нашего баснописца съ произведеніями писателей другихъ народовъ и могло бы быть интересно, но едва ли оно содѣйствовало бы къ болѣе глубокому пониманію его басенъ. Поэтому мы останавливаемся только на тѣхъ писателяхъ, изъ которыхъ онъ могъ заимствовать непосредственно, и переходимъ къ болѣе отдаленнымъ источникамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда находимъ у Крылова что-либо общее съ ними.

Критика безусловно признала Крылова писателемъ самостоятельнымъ; даже въ заимствованныхъ басняхъ онъ умѣетъ сохранить свою самостоятельность, перенося чужой сюжетъ на родную почву, обставляя его чисто русскими условіями жизни и примѣняя выводы по возможности къ русскому строю общества. Но такое заключеніе, хотя и совершенно справедливое, высказывалось бездоказательно; никто изъ критиковъ не задалъ себѣ задачи отдѣ-

лить въ его басняхъ свое отъ чужаго и опредѣлить, въ чемъ именно заключается то, что всѣ русскіе съ дѣтства привыкаютъ называть народностію въ басняхъ Крылова.

Сопоставленіе заимствованныхъ его басенъ съ ихъ оригиналами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сходятся, или совершенно расходятся, можетъ, какъ полагаемъ, дать обильный запасъ данныхъ для повѣрки установившагося мнѣнія. Оттого всюду, гдѣ оказывалась надобность, приведены подлинныя мѣста изъ тѣхъ произведеній, изъ которыхъ заимствовалъ Крыловъ, а иногда приведены басни вполнѣ.

Басни Крылова, какъ извѣстно, доставили русскому языку множество пословицъ и поговорокъ; но съ другой стороны, онъ самъ почерпнулъ много изъ народныхъ пословицъ; у него есть даже басни, составляющія какъ бы развитіе мысли, выраженной въ пословицѣ. Если онъ въ изображеніи звѣрей иногда расходится съ народною сказкою, за то его нравственные выводы во многихъ случаяхъ совпадаютъ съ народнымъ взглядомъ на вещи, какъ онъ выразился въ пословицахъ. Указаніе такихъ заимствованій * не только не лишено интереса, но имѣетъ первостепенную важность. Съ одинаковою точностію мы отмѣчали и тѣ изреченія Крылова, которыя вошли въ сборники народныхъ пословицъ.

Въ русской литературѣ Крыловъ является первымъ баснописцемъ по достоинству, но послѣднимъ по времени. Хотя ни

---

* Мы пользовались сборниками пословицъ: Курганова (Письмовникъ), Д(митрія) К(няжевича) (1822 г.), Снегирева (Русскіе въ своихъ пословицахъ и Русскія народныя пословицы и притчи) и Даля (Пословицы русскаго народа).

одинъ изъ его предшественниковъ не можетъ быть поставленъ съ нимъ наравнѣ, однакожъ нельзя предположить, чтобы онъ не былъ хорошо знакомъ съ ними и не заимствовалъ чего-либо у нихъ. Чтобы опредѣлить отношеніе его къ своимъ предшественникамъ, здѣсь сопоставлено все, что можно было найти общаго между баснями Крылова и другихъ русскихъ писателей, и указано, который изъ нихъ занимался обработкою сюжетовъ, возбудившихъ его вниманіе.

Хотя нѣкоторые отрывочные отзывы о басняхъ помѣщены непосредственно при самыхъ басняхъ; однакожъ для большаго удобства прилагаемъ указатель статей о Крыловѣ и его произведеніяхъ съ изложеніемъ ихъ содержанія; нѣкоторыя же изъ нихъ перепечатываемъ вполнѣ. Въ указатель не внесены только тѣ статьи, которыя по своей незначительности не заслуживаютъ вниманія. Изъ статей о Крыловѣ, написанныхъ на иностранныхъ языкахъ, мы указываемъ только тѣ, которыя были переведены на русскій языкъ. Мы не могли взять на себя обширнаго труда—собрать все, что было писано за границею о нашемъ баснописцѣ, во-первыхъ, потому, что ни въ одной изъ здѣшнихъ библіотекъ нѣтъ полной коллекціи иностранныхъ періодическихъ изданій; во вторыхъ, потому, что это значило бы вступить въ неравное соперничество съ С. Д. Полторацкимъ, который въ заграничныхъ библіотекахъ собралъ все, что было писано о Крыловѣ, а равно и всѣ переводы его басенъ, и вѣроятно, со временемъ напечатаетъ свою коллекцію.

Сознаемъ, что трудъ нашъ и неполонъ и недостаточенъ; но онъ не могъ бы достигнуть и настоящей полноты безъ обязательнаго содѣйствія многихъ лицъ, и преимущественно К. С. Савельева, предоставившаго въ наше распоряженіе всѣ хранящіяся у него рукописи.

В. Кеневичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1815.

1816.

1817.

1818.

1819.

1806.

—

I. Дубъ и Трость.

По времени появленія въ печати это первая басня Крылова. Еще въ 1781 г., на четырнадцатомъ отъ рожденія, онъ испробовалъ свои силы въ этомъ родѣ поэзіи — перевелъ одну б. изъ Ла Фонтена; знатоки того времени и между прочими И. И. Бецкій хвалили этотъ переводъ (М. Лобановъ, стр. 4). Съ тѣхъ поръ онъ посвящалъ свою дѣятельность преимущественно театру и только въ 1805 г., когда ему было 37 лѣтъ, снова обратился къ баснѣ: «перечитывая Ла Фонтена, онъ вдругъ почувствовалъ желаніе передать нѣкоторыя изъ его басенъ своимъ языкомъ русскому народу» (Лобановъ, стр. 48). И. И. Дмитріевъ первый радушно привѣтствовалъ будущаго великаго баснописца: «Это истинный вашъ родъ», сказалъ онъ ему: «наконецъ вы нашли его» (тамъ же). Эти басни были: «Дубъ и Трость» и «Разборчивая Невѣста», напечатанныя въ «Московскомъ Зрителѣ», изд. кн. П. Шаликовымъ, 1806 г. ч. I, стр. 73, подъ общимъ заглавіемъ: «Двѣ басни для С. К. Бкидрфвой», съ полною подписью и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: «Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И* И* Д*. Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему. . . Имя любезнаго поэта обрадуетъ конечно и читателей моего журнала такъ, какъ обрадовало меня». «Всего замѣчательнѣе, говоритъ

М. А. Дмитріевъ въ своей статьѣ: «Мелочи изъ запаса моей памяти» («Москвитянинъ», 1854. Мартъ, № 6, кн. 2, стр. 92), что одна изъ этихъ басенъ была «Дубъ и Трость», въ которой Крыловъ (переводя ее послѣ Дмитріева) именно вступалъ съ нимъ въ соперничество».

Въ «Московскомъ Зрителѣ» «Дубъ и Трость» напечатана въ такомъ видѣ:

Тростинкѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать честь —
Съ ней разговоръ завесть. — [1]
«Куда тебя обидѣла Природа!
(Онъ началъ) вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка; [2]
Чуть мелкой рябью лишь погода
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо! . . [3]
Не такъ, какъ я! Чело подъемля горделиво
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь:
Спокойно вѣтви тамъ мои распространяю,
Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце заслоняю
И посмѣваюся порывамъ злѣйшихъ бурь; [4]
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стихійныя войны. . .
Какъ розно мы съ тобой сотворены!
Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется зефиромъ. [5]
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла.
Моею тѣнію покрытой:

[1] У Ла Фонтена: Le chêne un jour dit au roseau. — Измѣнить этотъ простой стихъ Крылову, вѣроятно, подало поводъ выраженіе Дмитріева: «Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры», которымъ первый переводчикъ желалъ съ самаго начала опредѣлить отношеніе между дѣйствующими лицами.

[2] У Ла Фонтена: Un roitelet pour vous est un pesant fardeau. У Дмитріева: Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей.

[3] Эти три стиха ближе къ Ла Фонтену, чѣмъ Дмитріева; у перваго:

Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau
Vous oblige à baisser la tête.

[4] Этотъ и предыдущій стихи у Ла Фонтена:

Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête.

[5] У Ла Фонтена: Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr. У Дмитріева: Все для меня зефиръ, тебѣ жъ все аквилонъ.

Отъ вѣтровъ и отъ бурь я бъ былъ тебѣ защитой! [6]
Но васъ природа разнесла
По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья: [7]
Конечно, въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья!» — [8]
«Ты очень жалостливъ» [9] — сказала Трость въ отвѣтъ —
«Однако не крушись! [10] мнѣ столько худа нѣтъ;
Не за себя я вихрей опасаюсь —
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь: [11]
А ты еще во вѣкъ не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны! [12]
Но подождемъ конца.» — [13]
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, ревущій Аквилонъ. [14]

[6] У Ла Фонтена: Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir:
Je vous défendrais de l'orage.

3-й изъ приведенныхъ стиховъ опущенъ и у Дмитріева, который эту мысль передаетъ такъ:

Блаженна бъ ты была, когда бъ росла со мною:
Подъ тѣнію моей густою
Ты бъ не страшилась бурь . . .

[7] У Ла Фонтена: Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.

Стихи Крылова болѣе приближаются къ стихамъ Дмитріева:

. . . . но рокъ тебѣ судилъ
Расти на мѣстѣ злачна дола
На топкихъ берегахъ владычества Эола.

[8] У Ла Фонтена: La nature envers vous me semble bien injuste.

[9] У Дмитріева такъ же.

[10] У Ла Фонтена: . . . . mais quittez ce souci.

[11] У Ла Фонтена: Je plie, et ne romps pas.

[12] У Ла Фонтена: . . . . . Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté sans courber le dos.

[13] У Ла Фонтена: Mais attendons la fin. У Дмитріева то же.

[14] Наступленіе грозы у Ла Фонтена изображено нѣсколько иначе:

. . . . Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusque-là dans ses flancs.

*

Уперся Дубъ; къ землѣ Тростиночка припала; — [15]
Бунтуетъ вѣтръ, — удвоилъ силы онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.[16]

[15] У Ла Фонтена: L'arbre tient bon; le roseau plie. У Дмитріева: Трость гнется — Дубъ стоитъ.

[16] Послѣдніе 4 стиха составляютъ весьма близкій переводъ слѣдующихъ стиховъ Ла Фонтена:

Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts.

Въ 1808 году «Дубъ и Трость» снова была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» (часть I, № 2, стр. 22, съ подписью *К.*). Здѣсь находимъ только двѣ незначительныя перемѣны: въ 14 стихѣ устарѣлая форма *стихійныя* замѣнена — *стихій*, и 27 стихъ читается такъ: А ты, — такъ ты еще не уклонялъ лица.

Въ первомъ изданіи басенъ Крылова (1809 г.) находимъ новыя перемѣны: вм. 3-го стиха: Какъ мало о тебѣ заботится природа; въ 8-мъ стихѣ: вм. *Не такъ какъ я* — Тогда какъ я*; вм. 19-го стиха: То былъ бы я тебѣ защитой; въ 35 стихѣ: . . . всѣ силы собралъ онъ.

Въ изданіи 1811 «Дубъ и Трость» подверглась болѣе значительнымъ перемѣнамъ: въ 10 ст. вм. *тамъ* — вкругъ; вм. 11 ст. Отъ солнца цѣлыя долины заслоняю; вм. 13 и 14 ст.

Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ
Стою неколебимъ среди стихій войны;

въ 21 ст. вм. *берегамъ* — рубежамъ;

Въ изд. 1815 г. второй изъ приведенныхъ стиховъ:

Ни вихремъ, ни грозой стою неколебимъ.

вм. 15 ст. Какъ розенъ жребій мой съ твоимъ; въ 21 ст. По тинистымъ брегамъ . . . ; въ 27 ст. А ты хотя еще . . . ; въ 28 ст.

---

* У Ла Фонтена: Cependant que . . .

вм. *ихъ* — бурь; вм. 29 ст. И всѣ усилья ихъ погнуть тебя . . : въ 35 ст. вм. *Бунтуетъ* — бушуетъ.

Въ изд. 1819 года не находимъ никакихъ перемѣнъ сравнительно съ предыдущимъ.

При изданіи 1825 года Крыловъ совершенно переработалъ свой первый переводъ*. Семь передѣлокъ его сохранились въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву; одна изъ нихъ написана карандашемъ, который отъ времени почти совершенно стерся; другая, хотя и написана чернилами, но такъ неразборчиво, что трехъ строкъ вовсе нельзя прочитать; въ ней поэтъ остановился на словахъ: «хоть я и гнусь, но не ломаюсь»; третья также доведена до словъ: «но подождемъ конца». Остальныя четыре совершенно полны. Приводимъ вполнѣ редакцію 1825 года, а въ выноскахъ варіанты по рукописямъ и изданіямъ; въ приложеніи же для удобнѣйшаго сравненія помѣщаемъ всю басню Ла Фонтена.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ. [a]
Поистинѣ роптать ты въ правѣ на природу, [b]
Сказалъ онъ: воробей [c], и тотъ тебѣ тяжелъ. [d]
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть. [e]

[a] Дубъ съ Тростью нѣкогда такую рѣчь завелъ. (рукоп.).
— Дубъ нѣкогда съ Тростинкой рѣчь завелъ.

[b] По истинѣ пенять ты можешь на природу. [c] . . . снигирь . . . .

[d] . . . . ты такъ тонка, мала, хила,
Что для тебя овсянка тяжела.

[e] Едва лишь легкой рябью воду
Подернетъ вѣтеръ въ непогоду,
Нагнешься ты такъ сиротливо!
— Въ легкую погоду
Едва отъ вѣтерка начнетъ вода рябѣть
Нагнешься . . . .
— И въ легкую погоду
Едва вода начнетъ рябить,
Ты такъ нагнешься . . .

---

* Въ экземплярѣ изд. 1819 г., принадлежащемъ Имп. публ. библ., эта басня написана Крыловымъ вполнѣ, такъ, какъ напечатана въ изд. 1825 г.

Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ; [f]
Но, посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ,
Стою и твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей, — мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнью вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой; [h]
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья: [i]
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья. [k]
Я вижу, какъ ты добръ [l], сказала Трость въ отвѣтъ:
Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Я гнусь [m], но не ломаюсь:
И [n] бури мало мнѣ вредятъ;
Едва не болѣе ль [o] тебѣ онѣ грозятъ! [p]

[f] . . . . горделиво
Я возношу главу въ небесную лазурь,
Спокойно вѣтви здѣсь мои распространяю
И солнце заслоняю.
— Я, возносясь главой до тучъ,
Не только солнечный останoвляю лучъ,
Но, будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ.
При вихряхъ и грозахъ стою и твердъ и прямъ,
Всю ярость презирая ихъ.

[g] Послѣ этого стиха: — Какъ розна жизнь моя съ твоей.

[h] Тебѣ бы могъ быть покровомъ и защитой.
— Отъ бурь былъ я тебѣ защитой.

[i] Но вамъ, какъ на бѣду, природа отвела
Брега Эолова владѣнія бурлива.
— Но вамъ рости природа отвела . . .

[k] Признаться, къ вамъ она совсѣмъ несправедлива.

[l] Ты очень жалостливъ (изд. 1830). [m] Хоть я и гнусь . . .

[n] Такъ . . . [o] Едва ль не болѣе . . .

[p] Я вижу, Трость на то сказала: съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты;
По сожалѣнія твои напрасны:
Мнѣ менѣ, чѣмъ тебѣ, набѣги бурь опасны:
Хоть я гибка,
Но не ломка.
— Я вижу, съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты,
Трость Дубу отвѣчаетъ:

То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость ч
Твою не одолѣла крѣпость
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но подождемъ конца!
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ и съ дождемъ шумящій г аквилонъ.
Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался. [1]

Но жребій мой тебя напрасно огорчаетъ;
Подумай лучше о себѣ.
А мнѣ чего робѣть? Благодарю судьбинѣ:
Легко погнуть меня — за то я не ломаюсь.
— Я вижу, Тростиночка сказала: съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты.
Но сожалѣніе твое напрасно:
Хоть я и гнусь,
Но не ломаюсь.
— Я чувствую ко мнѣ твою всю доброту,
Трость Дубу отвѣчала.
. . . .
Тебѣ едва ли вѣтръ не болѣе угрожаетъ,
Чѣмъ мнѣ: хотя и гнусь,
Но не ломаюсь.
ч То правда, ты еще не уклонялъ лица,
Какъ вѣтры здѣсь бушуя выли;
Тебя погнуть всѣ ихъ порывы тщетны были;
Но подождемъ конца (рукоп.).
г . . . ревущій.

[1] Басня, говоритъ Измайловъ, есть поэма; слѣдовательно всѣ стихотворные обороты, всѣ почти риторическія украшенія, тропы и фигуры могутъ имѣть въ ней мѣсто. Надобно только употреблять ихъ съ особеннымъ искусствомъ и благоразуміемъ, смотря по важности предмета и по тому, самъ ли въ баснѣ говоритъ сочинитель, или животныя и другіе актеры». Какъ образецъ такого искуснаго употребленія риторическихъ украшеній онъ приводитъ послѣдніе три стиха (*Соч.* т. II, стр. 678).

Такимъ образомъ переводъ, сдѣланный въ 1806 году, Крыловъ обработалъ окончательно только въ 1830; при этомъ дол-

жно замѣтить, что послѣдняя редакція гораздо ближе къ Ла Фонтеновой баснѣ, чѣмъ первая.

Ла Фонтенъ заимствовалъ эту басню у Эзопа, у котораго она носитъ заглавіе: «Трость и Олива» (переводъ Мартынова, № 142); уже Ла Фонтенъ замѣнилъ Оливу Дубомъ и озаглавилъ басню: «Le Chêne et le Roseau» (l. I, f. XXII). Изъ русскихъ писателей переводили ее: Сумароковъ (кн. I, притча 5), Княжнинъ («Сочиненія», изд. Смирдина, 1848 т. II, стр. 537,) и Дмитріевъ (кн. I, б. 1) подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Дубъ и Трость».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Le Chêne et le Roseau.

(Ла Фонтена.)

Le chêne un jour dit au roseau:
Vous avez bien sujet d'accuser la nature;
Un roitelet pour vous est un pesant fardeau:
Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau
Vous oblige à baisser la tête;
Cependant que mon front, au Caucase pareil,
Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête.
Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr.
Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir:
Je vous défendrais de l'orage;
Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.
La nature envers vous me semble bien injuste.
Votre compassion, lui répondit l'arbuste,
Part d'un bon naturel; mais quittez ce souci:
Les vents me sont moins qu'à vous redoutables;
Je plie, et ne romps pas. Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté sans courber le dos;
Mais attendons la fin. Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusque-là dans ses flancs.

L'arbre tient bon; le roseau plie.
Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts.

II. Разборчивая невѣста.

О появленіи въ печати этой б. см. примѣч. I. Идею б. «La Fille», которую Крыловъ перевелъ подъ означеннымъ заглавіемъ, Ла Фонтенъ заимствовалъ, какъ думаетъ Валькнэеръ, изъ слѣдующей эпиграммы Марціала (l. V, e. 17):

In Gelliam.

Dum proavos, atavosque refers, et nomina magna;
Dum tibi noster eques sordida conditio est;
Dum te posse negas nisi lato, Gellia, clavo
Nubere: nupsisti, Gellia, cistifero. *

Въ изданіи басенъ Ла Фонтена, явившемся при его жизни, эта басня соединена съ другою: «Le Héron» **, и только въ посмертныхъ изданіяхъ стали ихъ раздѣлять, не смотря на то, что заключительные стихи б. «Le Héron»:

. . . Ce n'est pas aux hérons
Que je parle: écoutez, humains, un autre conte:
Vous verrez que chez vous j'ai puisé ces leçons. —

органически связываютъ ее съ б. «La Fille».

Вслѣдствіе такого раздѣленія эта басня и въ нашей литературѣ является независимою отъ предыдущей.

---

* Т. е. Между тѣмъ, какъ ты, Геллія, толкуешь о прадѣдахъ и прапрадѣдахъ и великихъ именахъ; между тѣмъ какъ (званіе) нашего всадника (кажется) тебѣ низкимъ положеніемъ: между тѣмъ какъ тебѣ, по твоимъ словамъ, не возможно выйдти иначе за-мужъ, какъ за сенатора; (на самомъ дѣлѣ) Геллія, вышла ты за носильщика.

** Содержаніе ея слѣдующее: Проходя вдоль рѣки, цапля увидѣла карпій и щуку; но такъ какъ для нея не наступило еще время обѣда, то она оставила ихъ безъ вниманія. Когда же у нея явился апетитъ, она снова подошла къ рѣкѣ; но на этотъ разъ стали являться все рыбы низшаго достоинства, такъ что цапля заключила, что на такую дрянь и клюва разѣвать не стоитъ. Кончилось тѣмъ, что ей пришлось удовлетвориться улиткою (l. VII, f. IV).

Гр. Хвостовъ, также переводившій ее, замѣчаетъ (т. 4, б. VII; примѣч. 5), что она была переведена имъ «около 1785 года и напечатана во всѣхъ изданіяхъ». Но надо думать, что Крыловъ вовсе не имѣлъ въ виду этого перевода, когда самъ переводилъ; потому что при самомъ тщательномъ сличеніи невозможно уловить ни одной общей черты, кромѣ развѣ риѳмы: *спесива* и *прихотлива*, которую находимъ у обоихъ писателей, что впрочемъ можетъ быть объяснено простою случайностію.

Въ содержаніи и въ расположеніи Крыловъ не сдѣлалъ никакого существеннаго измѣненія; онъ внесъ нѣсколько національныхъ чертъ, которыя легко усматриваются при сличеніи съ подлинникомъ. Жуковскій причислилъ ее къ разряду лучшихъ изъ 23 басенъ, явившихся въ 1809 г., но не вошелъ въ подробный разборъ ея достоинствъ («Сочиненія», т. VII, стр. 98).

Невѣста-дѣвушка смышляла [a] жениха.
Тутъ нѣтъ еще грѣха;
Да [b] вотъ что грѣхъ: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ [c]
(Красавица была немножко прихотлива): [d]
Ну, чтобы все имѣлъ. Кто жъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть. [1]
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,

[a] ...смѣкала... (Моск. Зр.). [b] А...
[c] Не вѣтренъ, не угрюмъ, имѣлъ бы милліонъ,*
И въ лентахъ . . .
[d] Вм. этого стиха: Къ середнему всему была она брюзглива.

[1] Эти девять строкъ у Ла Фонтена нѣсколько иначе, хотя общій смыслъ остается тотъ же:

Certaine fille, un peu trop fière,
Prétendait trouver un mari
Jeune, bien fait, et beau, d'agréable manière,
Point froid et point jaloux: notez ces deux points-ci.
Cette fille voulait aussi
Qu'il eût du bien, de la naissance,
De l'esprit, enfin tout. Mais qui peut tout avoir?

* Ср. съ 6-мъ стихомъ Ла Фонтена.

Презнатные катили къ ней на дворъ. [2]
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки! [3]
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ? [e]
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль [f], карманы пусты;
То носъ широкъ [4], то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ; [5]
Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, — годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней [g] ужъ руки. [6]
Какіе простаки! [h]
Твердитъ красавица: по нихъ ли я невѣста!
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста! [i]
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ? [j]

[e] . . . . . изъ этихъ жениховъ?
И думать смѣхъ: тотъ малъ, а тотъ безъ орденовъ;
У этого въ мозгу всѣ норки пусты,
То носъ широкъ *и проч.* (Моск. Зр.)

[f] . . . всѣ . . . (1809).

[g] . . . средней . . . (1811).

[h] . . . дураки. (1809, 11).

[i] . . . Затѣи, право, не у мѣста (Моск. Зр.)

[j] Пойду ли я за этихъ чудаковъ. (Моск. Зр.)

«*Размышленія* (les Réflexions) должны быть кратки, а болѣе всего естественны», замѣчаетъ Измайловъ. «Хотя главная истина въ баснѣ должна быть всегда одна, но сіе не препятствуетъ баснописцу въ продолженіе повѣствоoанія упоминать краткимъ образомъ въ приличныхъ мѣстахъ и о другихъ постороннихъ истинахъ. Надобно только дѣлать сіе такъ, чтобы вовсе не было видно тутъ ни малѣйшаго принужденія, чтобы сіи постороннія истины, или размышленія, казались необходимо нужными и заключались въ немногихъ словахъ». Какъ образецъ такихъ *размышленій* онъ приводитъ ст. 6—7 и ниже 45 (*Соч.*, т. II, стр. 666).

[2] У Ла Фонтена: Le Destin se montra soigneux de la pourvoir:
Il vint des partis d'importance.

[3] Эта мысль у Ла Фонтена выражена такъ:
La belle les trouva trop chétifs de moitié.

[4] У Ла Фонтена: L'autre avait le nez fait de cette façon-là.

[5] У Ла Фонтена: C'était ceci, c'était cela.

[6] У Ла Фонтена: Après les bons partis, les médiocres gens
Vinrent se mettre sur les rangs.

Какъ будто бъ я себя замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно; [7]
Такъ за-мужъ кинуться ничуть [k] мнѣ не пристойно.
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ. [8]
Еще минулъ годокъ [l]; еще уплылъ годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никто не шлетъ. [m]
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та за-мужемъ давно, другую [n] сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть [o] въ красавицыну грудь. [9]
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ; тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость [p], рѣзвости какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ! [10]
Вотъ тутъ спесивица [q] перемѣняетъ тонъ. [11]

[k] . . . совсѣмъ. (Моск. Зр.) [l] Еще скончался годъ . . . (М. Зр.).
[m] Въ изд. 1809 г. этотъ стихъ пропущенъ.
[n] . . . иную . . . (М. Зр.). [o] Закралася тоска . . . (М. Зр.).
[p] Улыбки . . . (до изд. 1825). [q] . . . красавица . . . (М. Зр.).

---

[7] У Ла Фонтена: . . . . Ils pensent que je suis
Fort en peine de ma personne:
Grâce à Dieu, je passe les nuits
Sans chagrin, quoique en solitude.

[8] У Ла Фонтена этотъ и слѣдующій стихи:
. . . . adieu tous les amants.
Un an se passe, et deux . . .

[9] У Ла Фонтена: Le chagrin vient ensuite . . (Ср. вар. о).

[10] Все это изображеніе перемѣнъ у Ла Фонтена сжато въ слѣд. три стиха:
. . . . elle sent chaque jour
Déloger quelques Ris, quelques Jeux, puis l'Amour;
Puis ses traits choquer et déplaire.

[11] У Ла Фонтена: Sa préciosité changea lors de langage.

Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться: [12]
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ, [r]
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку, [s]
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада-рада ужъ была, [13]
Что вышла за калѣку.

[r] Какъ женщина на насъ ни искоса глядитъ (до изд. 1815 г,)

[s] Заключительные 5 стиховъ, редактированные окончательно при изд. 1815 г., были измѣнены два раза:

— Соскуча жизнь вести унылу, одиноку,
Красавица ко браку
Кратчайшій путь взяла —
И рада *и проч.* (Моск. Зр.)
— Соскуча жизнь вести унылу, одиноку,
Съ калѣкой наконецъ она вступила въ бракъ
И ужъ судила такъ:
Не всяко лыко въ строку. (1811).

---

[12] У Ла Фонтена: Son miroir lui disait: Prenez vite un mari.

[13] У Ла Фонтена: Se trouvant à la fin tout aise et tout heureuse
De rencontrer un malotru.

III. Старикъ и трое молодыхъ. *)

Переводъ б. Ла Фонтена Le Vieillard et les trois jeunes Hommes, содержаніе которой, по указанію Велькнэера, заимствовано у Абстеміуса (De Viro decrepito arbores inserente). Басня Крылова напечатана въ первый разъ съ полною подписью въ «Московскомъ Зрителѣ» за Февраль 1806 г. ч. 2, стр. 70; потомъ съ весьма значительными перемѣнами въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. I, № 10, стр. 88, гдѣ подписана буквою *К.*; отсюда перешла въ изданіе 1809 г. и послѣдующія, и подобно б. «Дубъ и Трость», окончательно редактирована въ 1825 г. Приводимъ послѣднюю редакцію, отмѣчая варіанты, заимствованные изъ всѣхъ перепечатокъ, начиная съ 1808 года, и изъ двухъ рукописей, изъ коихъ одна содержитъ переработку первыхъ 27 строкъ, а вторая 22. Первую же редакцію, напечатанную въ

---

*) Заглавіе взято у Дмитріева (кн. IV, б. XVIII).

«Московскомъ Зрителѣ», имѣющую мало общаго съ послѣдней, для большаго удобства, помѣщаемъ въ концѣ.

Старикъ садить сбирался деревцо. [a] [1]
Ужъ пусть бы строиться, да какъ садить въ тѣ лѣта, [b] [2]
Когда ужъ смотришь вонъ [c] изъ свѣта!
Такъ старику смѣясь въ лицо, [d]

[a] Какой-то старичекъ развесть задумалъ садъ (до 1815).
— Старикъ сажалъ, копаясь, деревца (р.).

[b] Пускай бы строиться! да какъ сажать въ тѣ лѣта (до 1815).
— Добро бы (р.). У Дмитріева то же.

[c] . . . вонъ глядишь . . . (до 1815).

[d] Вмѣсто 11 стиховъ, отъ 4 до 14:
Какой тутъ складъ?
Ну, право, дожилъ ты, старинушка, до дѣтства!
Не двѣсти жъ лѣтъ въ твоемъ написано вѣку!
Такъ говорили старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства,
И продолжали такъ, смѣясь его трудамъ:
Признайся самъ,
Что эти замыслы не по твоимъ годамъ;
А лучше бы тебѣ молиться дома Богу
Объ отпускѣ грѣхамъ своимъ.
Да собираться понемногу
Очистить мѣсто здѣсь другимъ.
Оставь ты молодымъ заботы,
Гдѣ такъ медлительно идутъ къ концу работы;
Намъ можно-таки отъ трудовъ
Черезъ полвѣка ждать плодовъ;
А въ старости глубокой, хилой
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой. (Др. В.)
— Съ 10 до 16 изъ приведенныхъ стиховъ въ изд. 1809 г.:
Объ отпускѣ грѣховъ своихъ,
Да собираться по немногу
Очистить мѣсто для другихъ.
Ну что тебѣ охоты
Черезъ полвѣка ждать успѣха отъ работы.
Оставь ужъ молодымъ такія ты заботы.
Намъ можно позволять
Себя столь дальнею надеждою ласкать.
— Да собираться бы въ могилу понемногу.
А мѣсто бъ здѣсь свое очистить для другихъ, *и проч.* (изд. 1811).

---

[1] У Ла Фонтена: Un octogénaire plantait.
[2] У Ла Фонтена: Passe encor de bâtir; mais planter à cet âge!

Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали. [e]
Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали, [f]
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ. [3]
Не ужъ ли будешь ты второй Маѳусаилъ?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать толь дальніе разсчеты? [4]
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ. [g] [5]
Такіе замыслы простительны [h] для насъ: [6]
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой, [i]
А старику пора знакомиться съ могилой. —
Друзья, смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
Издѣтства я къ трудамъ привыкъ; [k]
А если отъ того, что дѣлать начинаю, [l]
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю:
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь. [m]
Кто добръ, не все къ своей лишь прибыли трудится; [n]
Сажая деревцо, [o] и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни [p] не дождусь;
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится, [q] [7]
И это для меня ужъ плодъ. [r] [8]

[e] Три говорятъ ему сосѣднихъ молодца (1-ая р.).
— Смѣялись три ему сосѣднихъ молодца (1-ая р.).
[f] Чтобъ пользу принесла тебѣ работа эта (р.).
[g] Когда и будущій тебѣ не вѣренъ часъ (р.).
Ср. Дмитріева: Ровесникамъ твоимъ и настоящій часъ не вѣренъ.
[h] . . . годятся лишь . . . [i] Мы въ цвѣтѣ юности и силы (р.).
[k] Къ трудамъ изъ дѣтства я привыкъ (до 1819).
[l] А если отъ трудовъ, которы начинаю (1809).
[m] За тѣ труды еще охотнѣй я берусь (1819).
[n] Вмѣсто этого стиха:
По что же вамъ дивиться (Др. В.)
Чему же вамъ дивиться (до 1819).
[o] Садъ этотъ разводя . . . (до 1819).
[p] Что если тѣни сихъ деревьевъ . . . (до 1819).
[q] . . . прохладится (до 1819).
[r] Въ изд. до 1819 г. этого стиха нѣтъ.

---

[3] У Ла Фонтена: Quel fruit de ce labeur pouvez-vous recueillir?
Autant qu'un patriarche il vous faudrait vieillir.
[4] У Ла Фонтена: Quittez le long espoir et les vastes pensées.
[5] Ср. варіантъ g.
[6] У Ла Фонтена: Tout cela ne convient qu'à nous.
[7] У Ла Фонтена: Mes arrière-neveux me devront cet ombrage.
[8] У Ла Фонтена: Cela même est un fruit que je goûte aujourd' hui.

Да можно ль [s] и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ? [9]
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, [t] что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ. —
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было: [10]
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ.
Надеждой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца, — все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока [u] власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили. [11]
Узнавши о кончинѣ ихъ, [v]
Нашъ добрый старичекъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

[s] Да льзя ли . . . (1811).
[t] А можетъ быть . . . (Др. В.).
[u] . . . пороковъ . . .
[v] Узнавъ кончину ихъ.

---

[9] У Ла Фонтена эта мысль выражена иначе:

Qui de nous des clartés de la voûte azurée
Doit jouir le dernier?

[10] Заключеніе совершенно сходно съ оригиналомъ по мысли, но различается въ выраженіи ея:

Le vieillard eut raison: l'un des trois jouvenceaux
Se noya dès le port, allant à l'Amérique;
L'autre, afin de monter aux grandes dignités,
Dans les emplois de Mars servant la république,
Par un coup imprévu vit ses jours emportés;
Le troisième tomba d'un arbre
Que lui-même il voulut enter;
Et, pleurés du vieillard, il grava sur leur marbre
Ce que je viens de raconter.

[11] Въ этомъ саркастическомъ замѣчаніи о докторахъ выразилось недовѣріе, съ которымъ Крыловъ во всю жизнь относился къ медикамъ и ихъ теоріямъ (см. Лобанова, стр. 62, а также Быстрова, который замѣчаетъ, что «Иванъ Андреевичъ не любилъ медицины; чтеніе глупыхъ романовъ замѣняло ему лѣкарства» (Сѣверн. Пчела, 1845, № 63); это впрочемъ не мѣшало ему вѣрить въ симпатіи и исполнять самые нелѣ-

ные совѣты старухъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но еще до выхода въ отставку Крыловъ заболѣлъ рожей, которая помѣстилась у него на лицѣ. Приглашенный поутру врачъ прописалъ ему лѣкарства и вечеромъ, проѣзжая мимо дома публичной библіотеки, пожелалъ взглянуть на своего знаменитаго паціента. Что жъ онъ увидѣлъ? Больной сидѣлъ на томъ же креслѣ, гдѣ онъ его оставилъ утромъ; но все его лицо было завѣшено краснымъ сукномъ, въ которомъ были прорѣзаны двѣ дырочки для глазъ. — Къ чему вы это дѣлаете? спросилъ его докторъ. — Да вотъ онѣ говорятъ, что это помогаетъ, отвѣчалъ Крыловъ, указывая на какихъ-то женщинъ, сидѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ. Доктору стоило большаго труда увѣрить его, что лѣкарства дѣйствительнѣе краснаго сукна. (Слышано отъ доктора, къ которому Крыловъ обратился въ этомъ случаѣ).

Старикъ и трое молодыхъ.

(Первая редакція, напечатанная въ «Московскомъ Зрителѣ»).

Какой-то старичекъ развить задумалъ садъ. [1]
«Пускай бы строиться — да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда уже нога занесена изъ свѣта? [2]
Какой тутъ складъ!
Ну, право, дѣдушка, ты дожилъ ужъ до дѣтства: [3]
Не двѣсти жъ лѣтъ въ твоемъ написано вѣку!» [4]
Такъ говорили старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства — [5]
И продолжали такъ, смѣясь его трудамъ:
«Затѣялъ дѣло ты не по своимъ годамъ,
А лучше бъ ты молился дома Богу
Объ отпускѣ грѣхамъ своимъ.
Да собирался бъ понемногу
Очистить мѣсто здѣсь другимъ;
И замыслы свои, держась разсудка правилъ,
Для нашихъ ты бъ ровесниковъ оставилъ. [6]
Лишь въ нашемъ возрастѣ не бѣгаютъ работъ,
Съ которыхъ надобно полвѣка ждать плодовъ;

[1] У Ла Фонтена: Un octogénaire plantait.

[2] У Ла Фонтена: Passe encor de bâtir; mais planter à cet âge!

[3] У Ла Фонтена: Assurément il radotait.

[4] Эта мысль у Ла Фонтена выражена слѣдующимъ стихомъ:
Autant qu'un patriarche il vous faudrait vieillir.

[5] У Ла Фонтена: Disaient trois jouvenceaux, enfants du voisinage.

[6] Предыдущіе семь стиховъ Крылова соотвѣтствуютъ слѣдующимъ пяти Ла Фонтена:

A quoi bon charger votre vie
Des soins d'un avenir qui n'est pas fait pour vous?
Ne songez désormais qu'à vos erreurs passées;
Quittez le long espoir et les vastes pensées;
Tout cela ne convient qu'à nous.

А въ старости глубокой, хилой
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой.»
«Друзья!» смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
Къ трудамъ отъ мягкихъ я ногтей моихъ привыкъ; [7]
Но часто не себѣ я только въ вѣкъ свой сѣялъ,
Не одного себя я въ жизнь мою лелѣялъ;
И трудъ тотъ былъ всегда по сердцу моему,
Гдѣ видѣлъ пользу я не мнѣ лишь одному.
Чему же вамъ дивиться?
Садя теперь, и той я мыслью веселюсь,
Что если тѣни сихъ деревьевъ не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда ихъ тѣнью прохладится. [8]
Да льзя ли и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ: [9]
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу
Иль на пригожство лицъ?
Ахъ! сколько въ старости прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я проводилъ въ могилу . . .
Не смѣйтеся! . . а можетъ быть,
Вамъ прежде моего лежать въ земной утробѣ! . .
И можетъ быть, на вашемъ сидя гробѣ,
Придется нѣсколько зарей мнѣ проводить.» — [10]
Какъ напрорекъ старикъ, такъ точно послѣ было; [11]
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Улыбкой счастіе сперва ему польстило;
По бурею корабль разбило:
Надежду и пловца, — все море поглотило;
Другой, за славою гонясь, въ чужой землѣ
Палъ въ брани — въ честь себѣ, а матери — къ страданью;
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И занемогъ; быть можетъ, живъ бы былъ,
Но добрый врачъ его поторопилъ
Послѣднею природѣ данью.
Нашъ старичекъ на гробѣ ихъ
Оплакалъ всѣхъ троихъ.

[7] Отъ мягкихъ . . . ногтей. — Это выраженіе, нѣсколько впрочемъ измѣненное: *отъ младыхъ ногтей*, Снегиревъ относитъ къ числу нашихъ старинныхъ выраженій, заимствованныхъ изъ греческихъ (ἀπὸ τῶν ἁπαλῶν ὀνύχων) и латинскихъ писателей (a teneris unguiculis) (*Русск. въ своихъ послов.* кн. I, стр. 87, М. 1831). Такое выраженіе дѣйствительно, встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, напр. въ «Посланіи Никыфора, митр. кіевск., къ в. к. Володимиру» * и въ «Пов. объ Ульяніи Муром.» (*Пам. стар. русск. литер.*, вып. I) **.

[8] У Ла Фонтена: Mes arrière-neveux me devront cet ombrage.

[9] Ср. выше примѣч. 9-е.

[10] У Ла Фонтена: Je puis enfin compter l'aurore
Plus d'une fois sur vos tombeaux.

[11] Ср. выше примѣчаніе 10.

* ..., иль млаъ ногтій очисти. **) . . . отъ младыхъ ногтей Бога возлюби . . .

1808.

—

IV. Ворона и Лисица.

Сюжетъ этой б. заимстованъ у Ла Фонтена (Le Corbeau et le Renard, кн. I, б. 2), который въ свою очередь заимствовалъ ее у Эзопа (см. № 204, переводъ Мартынова) и Федра (кн. I, б. 13); изъ русскихъ писателей раньше Крылова переводили эту б. Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Воронъ и Лисица» («Сочиненія», т. I, стр. 218), и Сумароковъ два раза, подъ заглавіемъ: »Ворона и Лисица» (кн. II, притча XXX) и «Ворона и Лиса» (кн. V; притча VI). Басня Крылова * въ первый разъ напечатана въ

*) Кенигъ въ своихъ «Очеркахъ русской литературы» (68 стр. русск. перев.) говоритъ, что Крыловъ въ отношеніяхъ своихъ къ гр. Хвостову уподоблялся этой Лисицѣ: онъ долго и терпѣливо выслушивалъ его стихи, похваливалъ ихъ, а потомъ «у довольнаго графа выпрашивалъ въ-займы денегъ». Къ такому разсказу, ничѣмъ не подтверждающемуся, Кенигу, вѣроятно, подалъ поводъ слѣдующій анекдотъ, разсказанный Бантышомъ-Каменскимъ, со словъ Дмитрія Ивановича Языкова, слышавшаго его отъ самого Крылова: «Однажды пришелъ къ послѣднему пріятель его Ок. и уговорилъ Крылова отправиться вмѣстѣ къ гр. Хвостову. Посѣщеніе ихъ чрезвычайно обрадовало неутомимаго стихотворца. «Садитесь, господа», сказалъ онъ въ кабинетѣ: «я прочту вамъ новое свое произведеніе». «Нѣтъ, не сядемъ», отвѣчалъ Ок. «пока не ссудишь ты меня двумя стами рублями».—Хвостовъ отговаривался. — «Прощай», сказалъ Ок. съ досадою, и пригласилъ Крылова послѣдовать его примѣру. — «Останьтесь, выслушайте!» сказалъ хозяинъ еще съ бо́льшимъ неудовольствіемъ: «право не будете раскаяваться». — «Дай двѣсти рублей», продолжалъ Ок.: «останемся.»—«Дамъ, но выслушайте напередъ.» — «Нѣтъ, братъ, не проведешь: дай двѣсти рублей, а тамъ читай, сколько тебѣ будетъ угодно».—«И вы останетесь у меня, будете слушать»?—«Останемся и будемъ слушать». — Деньги отсчитаны, гости усѣлись у окна, близъ двери,

*

«Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. I, № 1, стр. 16, и окончательно редактирована при изданіи 1815 г. Въ предыдущихъ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 4—6: Ворона, сидя на суку,
Сбиралась ужъ клевать кусочекъ свой сырку (1808, 9).
17: Какой умильненькій носокъ (1808, 9).
21: Спой, свѣтикъ, не стыдись! Будь съ Лисынькой дружнѣе.
Я чай, вѣдь соловья ты чище и нѣжнѣе. —
Вѣщуньина *и проч.* (1808).
— Я чай, вѣдь ты поешь и соловья нѣжнѣе (1809, 11).
23: .... духъ .... (1809).
24: И, вздумавъ оправдать Лисицыны слова (1808).
— Тутъ на привѣтливы лисицыны слова (1811).

Къ ст. 2: На ель Ворона ....

Уже Сумароковъ замѣнилъ въ этой баснѣ *Во̀рона* прежнихъ баснописцевъ, болѣе подходящею къ этому сюжету птицею, *Вороною*, что совершенно согласно съ народнымъ представленіемъ. (См. *Словарь* Даля, вып. II, стр. 215).

Къ ст. 4—7: Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру...
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.

У Ла Фонтена: Maître corbeau, sur un arbre perché,
Tenait en son bec un fromage.

Къ ст. 9: Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:

У Ла Фонтена: Maître renard, par l'odeur alléché, ...

Къ ст. 14: Голубушка, какъ хороша!

У Ла Фонтена: Que vous êtes joli!

Къ ст. 19—21: Что, ежели, сестрица ....
Вѣдь ты бъ была у насъ царь-птица!

У Ла Фонтена: .... si votre ramage
Se rapporte à votre plumage,
Vous êtes le phénix des hôtes de ces bois.

хозяинъ началъ чтеніе съ жаромъ, свойственнымъ поэту. Долго продолжалось оно. Выведенный изъ терпѣнія Ок. сказалъ на ухо Крылову: «Уйдемъ, право, нѣтъ силъ!» — Крыловъ совѣтовалъ дождаться конца. Ок. удалился потихоньку, потомъ Крыловъ; но послѣдній, вышедши, остановился за дверью, ожидая развязки.—«Не правда ли, друзья», произнесъ наконецъ стихотворецъ, прервавъ свое чтеніе, «что это стихъ геніальный!» и не слыша отвѣта, оглянулся, вскрикнувъ съ сердцемъ: «Ахъ, проклятые, они ушли!» Тогда Крыловъ бросился бѣжать, не оглядываясь назадъ». (Библ. для Чт. 1845, т. 69, отд. III, стр. 11). Очень можетъ быть, что Кёнигу былъ не точно переданъ этотъ разсказъ, и онъ приписалъ Крылову поступокъ его пріятеля, въ которомъ также нельзя видѣть сходства со вкрадчивою Лисицею.

Для сравненія приводимъ стихи Сумарокова, соотвѣтствующіе 14—21 стихомъ б. Крылова:

Дружокъ, воронушка, названная сестрица:
Прекрасная ты птица,
Какія ноженьки, какой носокъ;
И можно то сказать тебѣ безъ лицемѣрья,
Что паче всѣхъ ты мѣръ, мой свѣтикъ, хороша;
И попугай ничто передъ тобой, душа;
Прекраснѣе сто кратъ твои павлиньихъ перья:
Нелѣстны похвалы пріятно намъ тернѣть:
Естьли бы еще умѣла ты и пѣть!
Такъ не былобъ тебѣ подобной птицы въ мірѣ.

Къ ст. 22—23: Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло...

Эти два стиха передають слѣдующую мысль Ла Фонтена:
A ces mots le corbeau ne se sent pas de joie.

V. Лягушка и Волъ.

Переводъ б. Ла Фонтена: La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Boeuf, который могъ заимствовать ее у Федра (кн. I, б. 24) или у Горація (кн. II, sat. 3)*. Изъ русскихъ писателей Сумароковъ перевелъ ее два раза подъ слѣдующими заглавіями: «Лагушка» (кн. IV, пр. XXXI) и «Возгордѣвшая Ля-

*) Вотъ это мѣсто Гораціевой сатиры:

Разъ лягушонка теленокъ ногой раздавилъ; ускользнувши
Въ сильномъ испугѣ, другой разсказывать матери началъ,
Что товарища звѣрь растопталъ! — «А великъ ли?» спросила
Мать, надуваясь: «будетъ такой?» — Нѣтъ! тотъ вдвое былъ больше!
«А такой?» мать спросила, надувшись еще. — Нѣтъ! хоть лопни,
Все не будешь съ него.
(Сатиры Горація, переводъ Дмитріева, М. 1858).

Въ сатирѣ педантъ Дамазиппъ сравниваетъ съ надувающеюся лягушкою Горація, укоряя его въ страсти строить (откуда у Ла Фонтена: bâtir), т. е. подражать людямъ высокимъ.

Ср. такъ же пословицу: «Не бывать бычкомъ лягушкѣ, больше въ деньгѣ есть цѣны, нежели въ полушкѣ». (*Русск. нар. послов.* Снегирева, стр. 260).

гушка» (кн. VI, пр. XXIII). Переводъ Крылова въ первый разъ напечатанъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808, ч. I, № 2, стр. 2, съ подписью *К.* и безъ правоученія, которое появилось въ изд. 1815 г. Въ предшествующихъ изд. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Смотрит-ко...: (1809, 11). 8: Что каково? (Др. В.).
9: Прибавилась ли я? 10: Ну, а теперь? (Др. В.).
13: Съ натуги околѣла (Др. В. и изд. 1809).

Къ ст. 1—4: Лягушка на лугу увидѣвши вола....
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.

У Ла Фонтена: Une grenouille vit un boeuf
Qui lui sembla d'une belle taille.
Elle, qui n'était pas grosse en tout comme un oeuf,
Envieuse, s'étend, et s'enfle, et se travaille
Pour égaler l'animal en grosseur.

Къ ст. 5—10: Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?...
Ну какъ теперь? — Все то жъ. —

Эта часть разсказа довольно близка къ подлиннику, какъ по содержанію, такъ и по формѣ:

.... Regardez bien, ma soeur:
Est-ce assez? dites-moi; n'y suis-je point encore?
Nenni. — M'y voici donc? — Point du tout. — M'y voila?
Vous n'en approchez point.

Къ ст. 13: Съ натуги лопнула, и околѣла.

У Ла Фонтена: .... La chétive pécore
S'enfla si bien qu'elle creva.

Къ ст. 14—17: Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ....
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

Мысль правоученія та же, но выражена въ другой формѣ:

Le monde est plein de gens qui ne sont pas plus sages:
Tout bourgeois veut bâtir comme les grands seigneurs,
Tout petit prince a des ambassadeurs
Tout marquis veut avoir des pages.

VI. Ларчикъ.

По времени появленія въ печати это первая оригинальная басня Крылова. Въ первый разъ она была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г. ч. I, № 6, стр. 56, и, подобно всѣмъ другимъ баснямъ, явившимся въ этомъ журналѣ, подписана буквою *К.* По словамъ С. П. Жихарева («Дневникъ Чиновника, Отеч. Зап». 1855 г. за октябрь, стр. 363), Крыловъ написалъ эту басню въ 1807 г. и читалъ ее около 19 мая у кн. Шаховскаго. Замѣчательно, что первое оригинальное произведеніи Крылова подверглось гораздо меньшимъ перемѣнамъ, чѣмъ всѣ предыдущія заимствованныя басни и многія послѣдующія.

Ст. 5-й: Къ кому-то принесли Ларецъ (Др. В.).
6-й: .... метался (до изд. 1819).
8-й: Какъ.... (вм. *Вотъ*....) (1819).

VII. Левъ на Ловлѣ.

Содержаніе и форму разсказа Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: La Genisse, la Chèvre, et la Brebis, en société avec le Lion, которую въ свою очередь Ла Фонтенъ заимствовалъ у Федра (кн. I, б. 5); б. послѣдняго имѣетъ близкое сродство съ б. Эзопа: «Левъ и дикій Оселъ» (№ 225, перев. Мартынова); но Крыловъ измѣнилъ дѣйствующихъ лицъ, и въ первомъ изданіи, въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. (ч. I, № 12, стр. 95), его басня явилась подъ заглавіемъ: «Левъ, Собака, Лисица и Волкъ»; настоящее же заглавіе выставлено въ изданіи 1809 г. Замѣнивъ корову, овцу и козу собакою, лисицею и волкомъ, Крыловъ избѣжалъ порицаній критики, которымъ часто подвергался Ла Фонтенъ, и приблизилъ нѣсколько свою басню къ слѣдующему эпизоду въ «Roman du Renart»: Со львомъ въ обществѣ были волкъ и лисица, и пришлось имъ дѣлить быка, корову и теленка. Волкъ предложилъ отдать быка льву, ягненка лисицѣ, а корову предназначилъ себѣ. Въ отвѣтъ на это, левъ

растерзалъ его и предложилъ дѣлежъ лисицѣ. Та отдала быка льву, корову—львицѣ, а теленка—ихъ сыну. Левъ остался очень доволенъ и спросилъ ее, какъ она научилась такъ хорошо дѣлить. Лисица отвѣчала ему, указывая на волка, у котораго голова была растерзана и висѣла кожа: «Мой учитель тотъ, котораго вы видите съ краснымъ воротникомъ». Эпизодъ этотъ заимствованъ изъ басни Эзопа: «Левъ, Лисица и Оселъ» (№ 38 перев. Мартынова), которая передѣлана Сумароковымъ подъ заглавіемъ «Раздѣлъ» (кн. III, притча XVI). Эту басню перевели: Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: Левъ, Телица, Коза и Овца («Сочиненія», т. I, стр. 223), Сумароковъ «Левъ, Корова, Овца и Коза» (кн. I, пр. XXXV) и Хемницеръ, который озаглавилъ ее «Дѣлежъ Львиный» (изд. Смирдина, б. LIX) и ввелъ въ разсказъ новое лицо—Осла, почему Льву пришлось дѣлить добычу на пять частей. Подобнаго содержанія басни находимъ у В. Н. Майкова, подъ заглавіемъ: «Медвѣдь, Волкъ и Лисица» (ч. I, б. 9), и у Державина, для котораго, по мнѣнію Я. К. Грота, первая послужила источникомъ (см. «Сочиненія Державина», академич. изд., т. III, стр. 540—1); но обѣ онѣ значительно отличаются отъ б. Федра обстановкою и тѣмъ, что Лиса предлагаетъ найденный полоть ветчины отдать тому, кто старше. —При перепечаткахъ б. эта повергласъ слѣдующимъ незначительнымъ измѣненіямъ:

Ст. 5: Зарокъ всѣ положили (1808, 9),
— Они зарокъ всѣ положили (1811).
10: И ну скорѣй къ товарищамъ пословъ (1808—19).

Къ ст. 7: И что наловится, то по-ровну дѣлить.

У Ла Фонтена эта мысль выражена общѣе:

.... mirent en commun le gain et le dommage.

Къ ст. 8—9: Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала.

У Ла Фонтена: Dans les lacs de la chèvre un cerf se trouva pris.

Къ ст. 10: И шлетъ къ товарищамъ пословъ,

У Ла Фонтена: Vers ses associés aussitôt elle envoie.

Къ ст. 16—17: И говоритъ: мы, братцы, вчетверомъ,
И на четверо онъ оленя раздираетъ.

У Ла Фонтена:

Et dit: Nous sommes quatre à partager la proie.
Puis en autant de parts le cerf il dépeça

Къ ст. 19—24: Вотъ эта часть моя....
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.

Разсказъ о дѣлежѣ довольно близокъ подлиннику:

Prit pour lui la première en qualité de sire.
Elle doit être à moi, dit-il; et la raison,
C'est que je m'appelle lion;
A cela l'on n'a rien à dire.
La seconde, par droit, me doit échoir encor:
Ce droit, vous le savez, c'est le droit du plus fort.
Comme le plus vaillant, je prétends le troisième.
Si quelqu'une de vous touche à la quatrième,
Je l'étranglerai tout d'abord.

Ср. также у Хемницера:

А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же съ жизнію простись.

VIII. Обезьяны.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г. (ч. I, № 12, стр. 103.) съ подписью: *К.*

Хотя Крыловъ не отнесъ этой басни къ числу заимствованныхъ, однакожъ нельзя не замѣтить, что въ индѣйской «Панчатантрѣ» и у Эзопа находимъ басни, основанныя на страсти обезьянъ къ подражанію. Въ «Нравоучительныхъ и политическихъ басняхъ Пильпая» (объ этой книгѣ, см. прим. къ б. XI) разсказывается о столярѣ и обезьянѣ: увидѣвъ, что столяръ кололъ бревно двумя большими клиньями, обезьяна, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда онъ отошелъ отъ работы, задумала подражать ему; она вынула одинъ клинъ, но не вложила другаго, и бревно защемило ей обѣ ноги. Столяръ, возвратясь, убилъ обезьяну. Отсюда выводится заключеніе: не должно мѣшаться въ постороннія дѣла (стр. 58). Содержаніе б. Эзопа слѣдующее: обезьяна съ высокаго дерева увидѣла, что рыбаки закинули въ рѣку неводъ, и стала замѣчать, что̀ и какъ они дѣлали. Когда они пошли обѣдать, обезьяна попробовала имъ подражать; но запуталась въ сѣти и чуть было не утонула. Отсюда выводъ: «предпринимающій себѣ неприличное не только не получаетъ успѣха, но и вредъ себѣ причиняетъ. (См. переводъ Мартынова, № 293.)

*

При перепечаткахъ эта басня подверглась слѣдующимъ перемѣнамъ:

Ст. 5: Я вамъ скажу тому примѣръ.... (Др. В.).
28: .... тутъ.... (вм. *имъ*) (до 1819 г.).
29: Что жъ время, говорять, терять? (до 1811).
32: Премножество внизу разостлано сѣтей (Др. В.).
34: .... обвиваться (вм. *завиваться*) (Др. В.)
35: Кричать, шумѣть.... (1809).
— Кричатъ, шумятъ.... (1809).

Въ этой баснѣ Крыловъ возвратился къ темѣ, которая въ первомъ періодѣ его литературной дѣятельности давала обильную пищу его сатирѣ. Пристрастіе къ иностранцамъ и слѣпое подражаніе имъ онъ осмѣялъ и въ своихъ прозаическихъ статьяхъ (см. «Почта Духовъ» изд. 1847, т. I), и въ комедіяхъ. Нѣтъ возможности положительно сказать, что именно подало ему поводъ возвратиться къ этому предмету; всего вѣроятнѣе, что онъ осмѣиваетъ здѣсь страсть къ французскимъ модамъ и пристрастіе къ французамъ, усилившееся послѣ Тильзитскаго мира. Къ этому же времени относится и перемѣна формы военныхъ по французскому образцу. «Подражаніе обычаямъ или одѣянію какого нибудь народа всегда въ Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія», говоритъ Вигель. «Уже съ сентября мѣсяца начали всю гвардію переодѣвать по-французски; въ слѣдующемъ году это сдѣлано и со всею арміей.... Они (военные) были недовольны: въ новыхъ мундирахъ своихъ они видѣли французскую ливрею, и съ насмѣшливою досадой поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, говорили, что Наполеонъ у всѣхъ русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ» («Воспом.», т. III, стр. 7).

IX. Музыканты.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808, ч. I, № 15, стр. 128, и подписана буквою *К.*

Гоголь придавалъ этой баснѣ особенно важное значеніе, находя въ ней выраженіе здраваго взгляда на практическую дѣятельность. Его школьный учитель, большой любитель тишины и порядка, на смерть не любилъ Крылова за то, что тотъ сказалъ: По мнѣ ужъ пей, да дѣло разумѣй («Мертвыя Души», ч. I, гл. XI). Впослѣдствіи онъ весьма опредѣлительно высказалъ свое мнѣніе: «Особенно слышно, какъ онъ (Крыловъ) держитъ

сторону ума, какъ проситъ не пренебрегать умнаго человѣка, но умѣть съ нимъ обращаться. Это отозвалось въ баснѣ «Музыканты», которую онъ заключилъ словами: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй». Не потому онъ это сказалъ, чтобы хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, на мѣсто мастеровъ дѣла, людей Богъ вѣсть какихъ, еще и хвастаются тѣмъ, говоря, что хоть мастерства они не смыслятъ, за то отличнѣйшаго поведенія. Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать и не трудно его обратить къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ; но дурака трудно сдѣлать умнымъ, какъ ни говори съ нимъ. «Въ ворѣ, что въ морѣ, а въ дуракѣ, что въ прѣсномъ молокѣ», говоритъ наша пословица («Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Собр. сочин.» Т. III. стр. 463). Замѣчаніе Плетнева объ этой б. см. при б. «Огородникъ и Философъ».

При перечаткахъ только два стиха этой басни подверглись измѣненіямъ:

Ст. 8-й: И завертѣлась голова (до 1811 г.).
15-й: И я не нахвалюсь ихъ добрымъ поведеніемъ (до 1815).

Къ ст. 16—17. Измѣненная народная пословица: Пей, да дѣло разумѣй! (См. «*Русскія народныя пословицы и притчи*», изд. И. Снегиревымъ, 1848, М. стр. 320). Впрочемъ въ изд. 1831 г., кн. II, стр. 12, Снегиревъ приводитъ эту же пословицу тѣми же почти словами, какъ у Крылова: «По мнѣ хоть пей, да дѣло разумѣй».

X. Парнасъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г., ч. I, № 16, стр. 135; подписана буква *К*. Въ послѣдствіи значительно измѣнена.

Ст. 1—2: Какъ въ Греціи богамъ пришли минуты грозны
И сталъ ихъ колебаться тронъ;
Или, такъ сказать, простѣе взявши тонъ,
Какъ боги выходить изъ моды стали вонъ,

То начали богамъ прижимки дѣлать розны:
Ни храмовъ не чинить, ни жертвъ не отпускать;
Что Боги ни скажи, всему смѣяться;
И даже, гдѣ они изъ дерева случатся,
Самихъ ихъ на дрова таскать.
Богамъ худыя шутки:
Житье тѣснѣе каждый годъ,
И наконецъ имъ сказанъ въ сутки
Совсѣмъ изъ Греціи походъ.
Какъ ни были они упрямы,
Пришло очистить храмы;
Но это не конецъ: давай съ боговъ лупить
Все, что они успѣли накопить.
Не дай Богъ изъ боговъ разжаловану быть!
Угодья божески міряна расхватали.
Когда дѣлить ихъ стали,
Безъ дальнихъ выписокъ и словъ
Кому-то и Парнасъ.... (Др. В.).

4: Хозяинъ сталъ пасти на немъ ословъ (Др. В.)
10: И хочетъ свѣтъ.... (Др. В.).
11—16: Одинъ изъ нихъ, кто болѣ былъ востеръ,
Кричитъ: друзья, робѣть не надо;
Вы видите: насъ цѣлое здѣсь стадо;
То какъ не замѣнить намъ девяти сестеръ?
Подымемъ музыку, составимъ свой мы хоръ).
(Первые три стиха измѣнены при изданіи 1815 г.; послѣдніе при изд. 1825.)
18: То выдадимъ указъ (Др. В.).
20: Тому быть приняту не можно на Парнасъ (Др. В.).
24: Какъ будто заскрипѣлъ обозъ (до 1811).

Внимательное изученіе этого замѣчательнаго произведенія нашего баснописца приводитъ къ убѣжденію, что оно было вызвано какимъ нибудь современнымъ общественнымъ явленіемъ. Но какимъ именно? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только предположительно. Всѣ наши изслѣдованія привели насъ къ догадкѣ, и мы рѣшаемся высказать ее единственно потому, что надѣемся, это побудитъ интересующихся этимъ предметомъ къ новымъ изысканіямъ, которыя, можетъ быть, откроютъ неопровержимую истину.

По времени появленія эта басня близка къ одному изъ замѣчательныхъ событій первой половины царствованія имп. Александра I, именно: къ удаленію товарищей его юности, сотрудниковъ его въ дѣлѣ преобразованія государственнаго управленія, и это обстоятельство даетъ намъ поводъ думать, что она имѣетъ къ нему отношеніе. Въ началѣ царство-

ванія люди, извѣстные своею опытностію и именами своими напоминавшіе славное царствованіе Екатерины, были устранены. Замѣщеніе ихъ людьми хотя благородными, образованными, но совершенно неопытными и излишне пылкими; задуманное ими преобразованіе, которое приведено было въ исполненіе съ чрезмѣрною торопливостію,—все это возбуждало повсемѣстное неудовольствіе и громкія порицанія. «Дѣйствительно, пишетъ баронъ Корфъ («Жизнь гр. Сперанскаго», т. I, стр. 94), образованіе министерствъ 1802 года, даже если смотрѣть на него безъ предубѣжденія въ пользу совѣщательнаго порядка, было произведеніемъ мало обдуманнымъ, не зрѣлымъ, не соглашеннымъ ни съ образованіемъ только что передъ тѣмъ учрежденнаго совѣта, ни съ правами и властію древняго установленія сената и коллегій, еще остававшихся, покамѣстъ, въ прежнемъ своемъ составѣ и дѣйствіи. Набросанное на бумагу въ нѣсколькихъ поверхностныхъ очеркахъ, безъ всякихъ подробностей исполненія, и между тѣмъ тотчасъ же приведенное въ дѣйствія, это образованіе носило на себѣ отпечатокъ особенной спѣшности и малой опытности составителей». Можно себѣ представить, какая должна была произойти путаница въ администраціи, когда самимъ реформаторамъ «приходилось учиться на самыхъ своихъ реформахъ, дѣйствовать какъ бы въ чаду, ощупью, не умѣя дать себѣ достаточно отчота въ томъ, что изъ всего ими дѣлаемаго выйдетъ». (Тамъ же стр. 98). Въ глазахъ даже безучастнаго зрителя, не говоря о тѣхъ, кто долженъ былъ уступить имъ свое мѣсто и вліяніе, недостатокъ опытности и зрѣлой обдуманности не могъ искупаться ни добросовѣстностію, ни искренностію стремленія ко благу общему. Они казались, и должны были казаться людьми не свѣдущими, а для многихъ и злонамѣренными («Зап. Державина, Русская Бесѣда», 1859 г., кн. 17, «Воспом.» Вигеля, ч. II, стр. 1—15). Карамзинъ, выразившій, по мнѣнію барона Корфа, въ своей запискѣ «О старой и новой Россіи» столько же свои личныя мнѣнія, сколько и то, что слышалъ вокругъ себя, сведшій воедино разнообразные толки тогдашней консервативной оппозиціи, говоритъ: «одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною» («Жизнь графа Сперанскаго», т. I, ст. 141).

Свиданіе императора Александра съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, какъ извѣстно, совершенно измѣнило его внѣшнюю политику и значительно подѣйствовало на его личный характеръ. Съ этимъ свиданіемъ связывается перемѣна министерства, которое (по словамъ Вигеля), подъ прозваніемъ англійскаго, цѣлыя пять лѣтъ управляло Россіею. Изъ прежнихъ министровъ и любимцевъ Александра, дѣлившихъ его труды въ первую эпоху преобразованій, къ концу 1807 года никого не осталось. Удаленіе ихъ г. Богдановичъ приписываетъ нравственному перевороту,

происшедшему въ императорѣ Александрѣ послѣ Тильзитскаго свиданія. «Многократныя, продолжительныя бесѣды съ тѣмъ, кого современники наперерывъ провозглашали величайшимъ изъ смертныхъ, должны были развить самостоятельность Александра и показать ему въ настоящемъ видѣ благородныхъ, но мало опытныхъ и не всегда дальновидныхъ совѣтниковъ, которыхъ прежде считалъ онъ умами превосходными». («Тильзитскій миръ», ст. Богдановича, «Вѣстникъ Европы», 1867 г., т. III. стр. 294). Къ этимъ-то удаленнымъ любимцамъ, какъ кажется, и должно отнести басню «Парнасъ»; что же касается до приведеннаго варіанта первыхъ стиховъ, то, мы полагаемъ, Крыловъ изображаетъ въ немъ положеніе старыхъ государственныхъ людей, которые изъ упрямства или изъ дальновидности всѣми силами противились реформамъ, спорили, негодовали, но наконецъ покорились необходимости и мало-помалу вовсе сошли со сцены.

Такое предположеніе, можетъ быть, слишкомъ смѣлое, мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: басня появилась только четыре мѣсяца спустя послѣ перемѣны министерства, но написана была, конечно, гораздо ранѣе, можетъ быть, даже подъ живымъ впечатлѣніемъ событія, чѣмъ и объясняются многочисленные намеки на современность, которыми исполнена первая ея редакція. Подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ, развившимся въ царствованіе императрицы Екатерины и руководствовавшимся воззрѣніями, усвоенными въ молодости, Крыловъ, которому было тогда уже 40 лѣтъ, не могъ перемѣнить своихъ убѣжденій и присоединиться къ молодежи, смутно понимавшей, что необходимо что-то перемѣнить, улучшить. По самому свойству своего характера, нерасположенный къ перемѣнамъ, онъ не могъ стать на сторону реформаторовъ, дѣятельность которыхъ не оправдалась никакими положительными результатами, а повлекла только новыя перемѣны. Благоразумный, разсудительный и осторожный, онъ не могъ сочувствовать людямъ, которые взялись за дѣло безъ основательнаго знакомства съ нимъ, безъ необходимый подготовки, безъ выработаннаго заранѣе плана. Эти люди должны были казаться ему людьми пустыми, которымъ никакое мѣсто не придастъ ума. Такого недостатка не могли искупить въ глазахъ нашего баснописца никакія ихъ личныя достоинства.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ замѣтить, что если наша догадка справедлива, то она не дастъ намъ права отводить Крылову мѣсто въ ряду противниковъ разумнаго развитія. Въ этомъ случаѣ его мѣсто рядомъ съ Карамзинымъ, представителемъ мыслящей части общества: они оба высказали одну и туже мысль, съ тою только разницею, что Крыловъ облекъ ее въ рѣзкія, можетъ быть, даже слишкомъ рѣзкія формы сатиры.

Къ ст. 30—31: Послѣднія два стиха басни Снегиревъ внесъ въ свое собраніе пословицъ: «Когда у кого голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста». (стр. 174).

XI. Пустынникъ и Медвѣдь.

Содержаніе этой б. заимствовано у Ла Фонтена, который свою б. L'Ours et l'Amateur des jardins заимствовалъ изъ le Livre des Lumières, ou la Conduite des roys composé par le sage Pilpay, Indien; traduit en françois par David Sahid d'Ispahan, ville capitale de la Perse. A Paris, chez Siméon Piget, 1644.* Это переводъ сокращенной передѣлки первыхъ четырехъ главъ пространной персидской книги, называемой Anvár-i Suhailí **. Этимъ сочиненіемъ персидская литература обязана Гусайнъ-Ваицу (въ началѣ XV в.), который переработалъ трудъ знаменитаго своимъ краснорѣчіемъ «ритора» Наср-Аллага, переложившаго на персидскій языкъ арабскій переводъ сборника басенъ подъ заглавіемъ «Калила и Димна», по имени двухъ шакаловъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ (въ санскритскомъ имъ соотвѣтствуютъ Катарака и Данамака). Что же касается до арабскаго перевода, то онъ, какъ говоритъ преданіе, былъ сдѣланъ знаменитымъ ученымъ Абдаллагомъ бенъ-Конкаффа, во времена халифа Мансура, основателя Багдада, съ древняго персидскаго или пельвискаго языка, на которомъ говорили султаны Ирана. О послѣднемъ переводѣ сохранилось преданіе, что во времена Нуширвана (531—579) распространился слухъ, будто въ сокровищахъ индустанскихъ царей хранится книга, составленная изъ рѣчей животныхъ и заключающая въ себѣ все необходимое ца-

---

* Эта книга переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Политическія и правоучительныя басни Пильпая, философа индейскаго, съ французскаго переведена Академіи Наукъ переводчикомъ Борисомъ Волковымъ. Спб. 1762 г.

** Полное заглавіе этой книги въ англійскомъ переводѣ, которымъ мы пользовались, слѣдующее: The Anvàr-i Suhaili, or the lights of Canopus; being the Persian version of the Fables of Pilpay; or the Book «Kalilah and Dimnah», rendered into Persian, by Husain Và'iz ùl-Kàshifi; Literally translated into prose and verse by Edward B. Eastwich; Hertford. 1856, 1 v.— Странность заглавія объясняется однимъ стихомъ персидскаго переводчика: «Мудрость исходитъ изъ Аравіи, — такъ сказалъ царь арабовъ», т. е. Магометъ. Если смотрѣть изъ Герата, то Канопусъ восходитъ на правой сторонѣ неба, слѣдовательно, по направленію Аравіи; а такъ какъ пророкъ сказалъ, что мудрость исходитъ изъ Аравіи, то мудрость можно разсматривать, какъ бы состоящею въ связи съ этимъ свѣтиломъ. (См. Anvàr-i Suhaili, стр. 11).

рямъ въ дѣлѣ правленія и охраненія своей власти. Нуширванъ поручилъ своему врачу Берзуегу отправиться въ Индустанъ и добыть эту книгу. Посольство увѣнчалось успѣхомъ: Барзуегъ привезъ изъ Индіи книгу, извѣстную подъ именемъ: «Панчатантра» и перевелъ ее на языкъ пельви. (Подробности о переработкахъ «Панчитантры», см. Pantschatantra, fünf Bücher indischer, Fabeln, Märchen und Erzählungen, 2 Th. Leipzig. 1859). Въ le Livre des Lumières эта басня носитъ заглавіе: «О садовникѣ и медвѣдѣ» (№ XXX, стр. 134 русск. перев.). Содержаніе ея слѣдующее: «Какой-то садовникъ такъ любилъ сады, что удалился отъ человѣческаго общества и предался единственно заботамъ о своихъ деревьяхъ. Онъ былъ одинокъ, а потому ему наскучило жить въ уединеніи; вслѣдствіе этого онъ рѣшился идти искать общества. Прогуливаясь однажды у какой-то горы, онъ увидѣлъ медвѣдя, видъ котораго привелъ его въ ужасъ. Но этому звѣрю также наскучило быть одному, и онъ сошелъ съ своей горы съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и садовникъ. Лишь только они увидѣли другъ друга, то почувствовали взаимную любовь. Медвѣдь весьма учтиво поклонился садовнику, а тотъ знаками пригласилъ его слѣдовать за нимъ и, придя въ садъ, угостилъ его лучшими плодами. Съ этого времени они не разлучались. Когда садовникъ, утомясь отъ работы, ложился спать, то медвѣдь отгонялъ мухъ, опасаясь, чтобы онѣ его не разбудили. Однажды садовникъ заснулъ подъ тѣнью дерева, а медвѣдь по обыкновенію отгонялъ мухъ. Замѣтивъ, что одна изъ нихъ сѣла садовнику на ротъ, онъ согналъ ее; но она тотчасъ же сѣла съ другой стороны; это такъ его разсердило, что онъ схватилъ большой камень и убилъ ее; но вмѣстѣ съ тѣмъ разбилъ черепъ своему другу». Отсюда правоученіе: «лучше имѣть разумнаго непріятеля, чѣмъ глупаго друга». (О дальнѣйшемъ развитіи этого сюжета въ народныхъ сказаніяхъ и литературѣ, см. упомятое сочиненіе Бенфея, ч. I, § 106 и Nachträge zum ersten Theil, S. 538—9. *).

*) Объ этомъ предметѣ см. мою статью въ «Учителѣ», 1865 г., № 2 и 3, въ которой указано также отношеніе этого сюжета къ русскимъ народнымъ сказаніямъ.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808, ч. I, № 17, стр. 142; но, по словамъ Жихарева («От. Зап.» 1855, сентябрь, стр. 157), онъ перевелъ ее въ 1807 году и читалъ на литературномъ вечерѣ у А. С. Хвостова, 5-го мая. Кромѣ Крылова басню Ла Фонтена переводилъ Сумароковъ, подъ заглавіемъ: «Другъ Невѣжа» (кн. IV, пр. XIV), и гр. Хвостовъ — подъ заглавіемъ: «Медвѣдь и Огородникъ» (кн. III, б. 3); послѣдній перевелъ позже Крылова, что видно изъ примѣчанія (58-го) къ этой баснѣ: «она прекрасно переведена у И. А. Крылова». Сверхъ того передѣлка этой б. напечатана въ журналѣ Подшивалова: «Покоящійся Трудолюбецъ», 1784 г., ч. II, стр. 221, подъ заглавіемъ: «Пустынникъ и Медвѣдь», безъ имени автора.

Замѣчательно, что эта басня подверглась самымъ ничтожнымъ перемѣнамъ:

Ст. 7: .... складно .... (до 1811 г.).
39: Вотъ какъ-то .... (Др. В.). 48: .... усни. 62: ... ужъ я-жъ ...

Къ ст. 1—4: Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога ....
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Нравоученіе, которымъ у Ла Фонтена заключается басня, выражено слѣдующимъ двустишіемъ:

Rien n'est si dangereux qu'un ignorant ami;
Mieux vaudrait un sage ennemi.

3-й и 4-й стихи Крылова внесены Далемъ въ «Сборникъ народныхъ пословицъ» (стр. 557).

Къ ст. 5 — 13: Жилъ нѣкто человѣкъ безродный одинокой ....
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Въ изд. 1809 г. и во всѣхъ послѣдующихъ до 1830 г. неправильно печаталось: *одинакой*, хотя уже въ 1809 году Жуковскій въ своей статьѣ замѣтилъ эту ошибку (*Соч.*, т. VII, стр. 107).

Выписавъ эти стихи, Жуковскій замѣчаетъ: «Вотъ истинное простодушіе Ла Фонтена, который не могъ бы выразиться лучше, когда бы родился русскимъ» (тамъ же стр. 107).

Къ ст. отъ 50 до 57: Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ ....
У друга на носу.

Жуковскій говоритъ: «Здѣсь подражаніе несравненно лучше подлинника». Ла Фонтенъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant se placer,
Mit l'ours au désespoir — il eut beau la chasser!

«Какая разница! Въ переводѣ картина, и картина совершенная. Стихи летаютъ вмѣстѣ съ мухою» (тамъ же). Въ словарѣ Академіи Наукъ вторая половина 56-го и 57-й стихъ приведены въ примѣръ подъ словомъ *спахивать*, причемъ слово *согналъ* замѣнено словомъ *спахнулъ*; но такая замѣна не оправдывается ни однимъ изданіемъ.

Къ ст. 59—66: Вотъ Мишенька, не говоря ни слова....
Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ.

Противопоставляя эти стихи, изображающіе медлительность медвѣдя, предыдущимъ, Жуковскій говоритъ: «здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся. Всѣ эти слова: *мишенька*, *увѣсистый*, *булыжникъ*, *корточки*, *переводитъ*, *думаетъ*, *и у друга*, *подкарауля*, прекрасно изображаютъ медлительность и осторожность: за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстро полустишье:

Хвать друга камнемъ въ лобъ —

Это молнія, это ударъ! Вотъ истинная живопись, и какая противоположность послѣдней картины съ первою». (Тамъ же.)

Къ ст. 63: И, у друга на лбу подкарауля муху.

Этотъ стихъ въ измѣненномъ видѣ сдѣлался народной пословицею, какъ видно изъ «Сборника» Даля: «Подсидѣлъ у друга муху» (стр. 557).

Вообще должно замѣтить, что если возможно въ этой б. Крылова находить что либо общее съ б. Ла Фонтена, то развѣ только основной фактъ; все же остальное: расположеніе разсказа, характеристика дѣйствующихъ лицъ и отношенія между ними, обстановка, изображеніе самаго факта,—все это вполнѣ принадлежитъ русскому баснописцу. Сверхъ того нельзя оставить безъ вниманія и искусства, съ какимъ Крыловъ избѣжалъ нѣкоторыхъ недостатковъ, замѣтныхъ во французской баснѣ. Любитель садовъ Ла Фонтена значительно отличается отъ восточнаго садовника, о которомъ въ le Livre des lumières сказано глухо: «у него не было ни жены, ни дѣтей, и онъ съ утра до вечера трудился въ своемъ саду, который сдѣлалъ такимъ прекраснымъ, какъ земной рай»; между тѣмъ у Ла Фонтена онъ поставленъ совершенно въ другія условія: Seigneur, говоритъ онъ медвѣдю:

Vous voyez mon logis; si vous vouliez faire
Tant d'honneur que d'y prendre un champêtre repas,
J'ai des fruits, j'ai du lait....

Во всѣхъ восточныхъ передѣлкахъ этой басни животныя (въ санскритскихъ обезьяна, въ персидскихъ медвѣдь) являются равноправными съ человѣкомъ: въ le Livre des lumières садовникъ и медвѣдь при пер-

вой встрѣчѣ предлагаютъ другъ другу узы дружбы, какъ равный равному. У Ла Фонтена эти отношенія нарушены:

> L'homme eut peur: mais comment esquiver? et que faire?...

и потомъ:

> .... il sut donc dissimuler sa peur.

Такое нарушеніе отношенія между человѣкомъ и міромъ животныхъ, устанавливаемаго первобытною поэзіею, разрушаетъ кажущееся правдоподобіе всего разсказа.

Замѣнивъ ла-фонтеновскаго любителя садовъ «пустынникомъ, человѣкомъ безроднымъ, одинокимъ, живущимъ вдали отъ города, въ глуши», Крыловъ уже самою неопредѣленностію этихъ выраженій далъ волю воображенію читателя перенести дѣйствіе въ такую эпоху и въ такую мѣстность, въ которыхъ дружественныя отношенія между человѣкомъ и животнымъ могли представляться возможными.

XII. Оракулъ.

Хотя по свидѣтельству С. П. Жихарева («От. Зап.», 1855, сентябрь, стр. 164), Крыловъ написалъ эту б. въ 1807 г. и читалъ ее 9 мая на вечерѣ у кн. Шаховскаго, однако она была напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. (ч. I, № 22, стр. 183) съ подписью *К.*

Основная мысль этой басни была высказана Крыловымъ въ «Почтѣ Духовъ»: танцмейстеръ Фурбиній совѣтуетъ Плутону не отставлять отъ должности повредившихся судій, во уваженіе ихъ долговременной службы, но «приставить къ нимъ умнаго секретаря, который бы вмѣсто ихъ разсматривалъ дѣла, а они бы подписывали то, что онъ имъ скажетъ». (См. IX письмо, «Полное собраніе сочиненій», т. I, стр. 84). Почти тоже повторено въ первой статьѣ подъ заглавіемъ «Ночи»: «Его превосходительство, валяясь въ пышныхъ пуховикахъ, изволитъ заниматься хорошими сновидѣніями, между тѣмъ какъ секретарь его готовитъ ему къ завтраму политическія разсужденія, которыя, конечно, онъ выдастъ за свои; ибо этотъ господинъ уже привыкъ думать секре-

тарскою головою, которая есть его душа, а вельможа этотъ ея тѣло». (Тамъ же, стр. 215 — 16).

Въ перепечаткахъ этой б. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 7: оглушенъ (вм. *заглушенъ*) (Др. В.).
13: И кто за чѣмъ къ нему ни подойдетъ.
16: Куда въ немъ умъ дѣвался (до изд. 1811).

XIII. Волкъ и Ягненокъ.

Заимствована у Ла Фонтена, который содержаніе своей б. le Loup et l' Agneau могъ почерпнуть у Эзопа (№ 229, пер. Мартынова) или у Федра (кн. I, б. 1 *). Раньше Крылова переводилъ ее Тредьяковскій («Сочиненія», т. I, стр. 221), потомъ Сумароковъ подъ тѣмъ же заглавіемъ (кн. I, притча II). Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г. (ч. I, № 24 стр. 199 и подписана буквою *К*). Въ V части того же журнала была напечатана статья Шишкова: «Сравненіе Сумарокова съ Ла Фонтеномъ», въ которой между прочимъ разбирается притча «Волкъ и Ягненокъ». Это обстоятельство, по мнѣнію Я. К. Грота, подало поводъ Державину написать басню на тотъ же предметъ (см. «Сочиненія Державина», академич. изд. т. III, стр. 566 и слѣд.). — Приводимъ варіанты:

---

* Эта басня напоминаетъ апологъ Гезіода въ его поэмѣ: «Труды и Дни», о кончикѣ и соловьѣ. Изъ него выводится то правоученіе, что слабѣйшій долженъ уступать сильнѣйшему и не раздражать его безполезнымъ противодѣйствіемъ. Этимъ сюжетомъ Ла Фонтенъ воспользовался въ своей баснѣ le Milan et le Rossignol. Приводимъ апологъ Гезіода: «Вотъ что сказалъ однажды кончикъ гармоническому соловью, котораго онъ въ своихъ загнутыхъ когтяхъ уносилъ въ нѣдра облаковъ. Когда несчастный, пронзенный жестокими когтями похитителя, жаловался и стоналъ, тотъ обратился къ нему съ такими суровыми словами: «Несчастный! зачѣмъ эти жалобы? Тотъ, кто держитъ тебя въ своей власти, сильнѣе тебя. Ты идешь, куда я тебя веду, какова бы ни была сладость твоихъ пѣсенъ. Если захочу, я могу съѣсть тебя, могу и отпустить». Такъ говорилъ быстрый кончикъ, съ распростертыми крыльями. Безуменъ тотъ, кто хотѣлъ бы противустать волѣ сильнѣйшаго! онъ не побѣдилъ бы, но навлекъ бы стыдъ и несчастіе» (см. Fables de La Fontaine, édit.variorum Paris, 1861.).

Ст. 6: ....надо же.... (до изд. 1825).
10—13: Съ пескомъ и съ иломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое (Др. В.).
14 и 15: эти стихи явились въ изд. 1809 г.
16—17: Когда свѣтлѣйшій волкъ замѣтить удостоитъ,
Ягненокъ отвѣчалъ, что.... *и проч.* (до изд. 1811).
19—20: То гнѣвомъ онъ себя напрасно безпокоитъ —
И вамъ питья мутить никакъ я не могу (до изд. 1811).
22: Бездѣльникъ!.... (до 1819).
25: Я этого, другъ мой.... (Др. В.).
27—28: Въ изд. 1815, 19 и 25 г. вторая половина 27 и первая 28-го стиховъ пропущены, вѣроятно, по ошибкѣ.
— Нѣтъ брата.... (до 1811).
34: .... мнѣ скучно слушать (Др. В.).

Къ ст. 1: У сильнаго всегда безсильный виноватъ.

Этотъ стихъ обратился въ пословицу и внесенъ въ сборникъ Снегирева (стр. 422).

У Ла Фонтена: La raison du plus fort est toujours la meilleure.

Къ ст. 5: Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться:

У Ла Фонтена: Un agneau se désaltérait
Dans le courant d'une onde pure.

Къ ст. 6 и 7: И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.

У Ла Фонтена: Un loup survient à jeun, qui cherchait aventure,
Et que la faim en ces lieux attirait.

Къ ст. 10: ... Какъ смѣешь, ты наглецъ, нечистымъ рыломъ...

Обращеніе волка у Ла Фонтена выражено въ болѣе сжатой формѣ:

Qui te rend si hardi de troubler mon breuvage?
Dit cet animal plein de rage:
Tu seras châtié de ta témérité.

Къ ст. 16—20: Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ...
Питья мутить ему никакъ я не могу.

Оправданіе ягненка весьма близко къ оригиналу;

У Ла Фонтена: Sire, répond l'agneau, que Votre Majesté
Ne se mette pas en colère;
Mais plutôt qu'elle considère
Que je me vas désaltérant
Dans le courant,
Plus de vingt pas au-dessous d'elle;
Et que, par conséquent, en aucune façon,
Je ne puis troubler sa boisson.

Къ ст. 23 — 32: Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ...
И если можете, то мнѣ всегда вредите.

Весь разговоръ только въ подробностяхъ отличается отъ слѣд. стиховъ Ла Фонтена:

Et je sais que de moi tu médis l'an passé!
Comment l'aurais-je fait si je n'étais pas né?
Reprit l'agneau; je tette encor ma mère. —
Si ce n'est toi, c'est donc ton frère. —
Je n'en ai point. — C'est donc quelqu'un des tiens;
Car vous ne m'épargnez guère,
Vous, vos bergers, et vos chiens.

Къ ст. 37: Сказалъ — и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

У Ла Фонтена:

Là-dessus, au fond des forêts
Le loup l'emporte...

Басня Ла Фонтена оканчивается иронической фразой: et puis le mange sans autre forme de procès; Крыловъ измѣнилъ заключеніе; но дополнилъ разсказъ одною чертою, которой нѣтъ у французскаго баснописца:

Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ....

Эти строки придаютъ всему разсказу оттѣнокъ ироніи. — Такой же тонъ придаетъ своей басенкѣ и Тредьяковскій:

Сего (ягненка) какъ съѣсть ему (волку) намѣреніе впало.
А справедливымъ бы казалось дѣло то.
Онъ говорилъ....

Это совершенно согласно съ Эзопомъ, у котораго сказано, что волкъ хотѣлъ съѣсть ягненка «подъ благовиднымъ предлогомъ».

Съ этой басней Ла Фонтена связывается разсказъ о Наполеонѣ I, который однажды на островѣ св. Елены высказалъ свое мнѣніе объ его басняхъ вообще и объ этой въ особенности. Полагаемъ, что этотъ разсказъ не будетъ здѣсь неумѣстенъ, потому что сужденіе Наполеона такъ же можетъ быть примѣнено къ Крылову, какъ и къ Ла Фонтену. «Императоръ встрѣтилъ маленькаго Тристана, старшаго сына де-Монтолона, которому было только семь лѣтъ. Онъ поставилъ его между колѣнъ и заставилъ говорить басни, въ которыхъ бѣдное дитя изъ десяти словъ не понимало двухъ. Императоръ много смѣялся, осуждалъ то, что даютъ Ла Фонтена дѣтямъ, которыя не могутъ его понимать, и началъ объяснять ихъ Тристану, желая сдѣлать ихъ понятными ему.... Императоръ нашелъ, что въ б. «Волкъ и Ягненокъ» слишкомъ много ироніи, почему она не можетъ быть доступна пониманію дѣтей; сверхъ того она грѣшитъ въ своемъ принципѣ и въ правоученіи, и это въ первый разъ его пора-

зило. Несправедливо, que la raison du plus fort fût toujours la meilleure, и если такъ случается на самомъ дѣлѣ, то это зло, говорилъ онъ, злоупотребленіе, достойное порицанія. Волкъ долженъ былъ бы подавиться, пожирая ягненка». (Mémorial de Sainte-Hélène; 1842, t. I, p. 780—1).

XIV. Стрекоза и Муравей.

Ла Фонтенъ заимствовалъ свою б. la Cigale et la Fourmi у Эзопа, у котораго дѣйствующими лицами являются «Кузнечикъ и Муравей» (№ 133, перев. Мартынова *). Въ первый разъ на русскій языкъ она была переведена Сумароковымъ, подъ заглавіемъ «Стрекоза» (кн. II, пр. LXVII), потомъ подъ тѣмъ же заглавіемъ Хемницеромъ («Сочиненія», изд. 1847, б. XLIX) и наконецъ Крыловымъ. Въ первый разъ эта б. напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808, ч. I, № 34, стр. 61, и подписана буквою *К*. Въ послѣдующихъ изданіяхъ перемѣнено только одно слово: придеть, вм. *пойдетъ* (1809). Жуковскій отнесъ ее къ числу лучшихъ изъ 23 басенъ, вошедшихъ въ изданіе 1809 г. («Сочиненія», т. VII, стр. 98.)

Къ ст. 1 — 4: Попрыгунья Стрекоза . . . .
Какъ зима катитъ въ глаза.

У Ла Фонтена:

La cigale, ayant chanté
Tout l'été,
Se trouva fort dépourvue
Quand la bise fut venue.

---

* Сверхъ того у Эзопа есть другая басня, весьма сходная съ этой по содержанію и по правоученію: «Муравей и Жукъ». Содержаніе ея слѣдующее: Жукъ, увидѣлъ муравья, бѣгавшаго по пашнѣ и собиравшаго зерна въ запасъ на зиму, и назвалъ его жалкимъ бѣднякомъ, который весь вѣкъ трудится болѣе всѣхъ животныхъ. Муравей перенесъ упрекъ, не сказавъ ни слова. Когда же настала зима и навозъ потопило разлитіемъ рѣкъ, то голодный жукъ пришелъ къ муравью просить у него взаймы пищи. Но муравей сказалъ ему: «о Жукъ! если бы ты работалъ въ то время, какъ поносилъ меня, то не терпѣлъ бы теперь недостатка въ пищѣ». Басвь учитъ насъ не лѣниться въ пріобрѣтеніи нужнаго, но заблаговременно заботиться о необходимомъ для сохраненія жизни. (№ 244, пер. Мартынова).

Къ ст. 5 — 13: Помертвѣло чисто поле…
На желудокъ пѣть голодный!

Эти стихи составляютъ развитіе слѣдующей мысли Ла Фонтена:

Pas un seul petit morceau
De mouche ou de vermisseau.

Къ ст. 16: Не оставь меня, кумъ милой!

Начиная съ этого стиха вторую половину басни, которая почти ничего не имѣетъ общаго съ французскою, кромѣ заключенія, Жуковскій приводитъ въ своей статьѣ, какъ образецъ разговора. («Сочиненія», т. VII, стр. 104).

Къ ст. 29 — 30: Ты все пѣла? Это дѣло!
Такъ поди же попляши!

У Ла Фонтена: Vous chantiez! j'en suis fort aise.
Eh bien, dansez maintenant.

XV. Орелъ и Куры.

Напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. II, № 45, стр. 150, съ подписью *К.* Ни въ одномъ изъ изданій Крыловъ не отнесъ этой б. къ разряду заимствованныхъ, однакожъ она имѣетъ много сходства по содержанію и по цѣли съ б. Дмитріева «Орелъ и Каплунъ», напечатанной въ первый разъ въ «Московскомъ Зрителѣ», 1806 г. (за мартъ, стр. 33). Пѣтухъ, увидѣвъ, какъ Орелъ взлетѣлъ къ небесамъ, въ восторгѣ воскликнулъ: «Кто равенъ съ нимъ!»—Ты и я», сказалъ Каплунъ и вздумалъ доказать это на дѣлѣ, но тутъ же упалъ на кровлю, какъ свинецъ. Птицы смѣялись, а благоразумный пѣтухъ сказалъ: «Каплунъ, ты не орелъ!» Заключеніе слѣдующее:

Читатель! я хотѣлъ въ иносказаньи этомъ
Представить риѳмача съ поэтомъ.

При изданіи собранія стихотвореній Дмитріевъ замѣнилъ эти двѣ строки обращеніемъ къ Каплуну и далъ баснѣ болѣе общее значеніе:

Спасибо Каплуну! и онъ урокъ оставилъ!
«Отважный безъ ума всегда себя безславилъ».

Приводимъ варіанты.

Ст. 1—2. Въ день свѣтлый, солнечный желая нагуляться,
Орелъ подъ небесью леталъ (Др. В.).
— Въ день свѣтлый, солнечный желая прогуляться (1809).
— Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью царь пернатыхъ птицъ леталъ (1815, 30).
. . . . пернатый.... (1819, 25).

Ст. 4: Гдѣ молнія родится (1815, 30).
14: И подлѣ.... (Др. В., 1809).
18: Неужъ ли за полетъ, сосѣдка (Др. В.).
22: вм. *знатнѣе:* честнѣе.... (до 1825).
25: вм. *такъ какъ куры:* какъ и куры (Др. В.).
29: вм. *до облакъ:* съ орлами.... (1819).
30: вм. *таланты:* поэтовъ.... (до 1819).
32: Но чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно (до 1819).

XVI. Муха и Дорожные.

Переработка б. Ла Фонтена le Coche et la Mouche, первообразъ, которой Валькнэеръ находитъ въ б. Эзопа «Комаръ и Волъ» (№ 213, пер. Мартынова) и Федра «Муха и Ослица» (кн. III, б. 5), хотя между ними и французскою баснею весьма отдаленное сходство. Содержаніе басни Эзопа слѣдующее: Комаръ, сидя на рогу Вола, пищалъ и сказалъ ему: если я тяжелъ для твоей шеи, то улечу прочь. На это Волъ отвѣчалъ: ни того не зналъ я, когда ты сѣлъ, ни до того нѣтъ мнѣ надобности, когда останешься. Басня уличаетъ неизвѣстныхъ, ничего не значущихъ и сражающихся съ сильными государями. — Разсказъ Федра, какъ по содержанію, такъ и по выводу значительно измѣненъ; вотъ содержаніе этой басни: Муха, сидя на оглоблѣ укоряла ослицу, что она идетъ тихо, и угрожала ужалить ее. На это ослица отвѣчала, что слова мухи ничего ей не значатъ; но она опасается того, кто, сидя на переднемъ сидѣніи, держитъ возжи и бичъ и умѣряетъ ея ходъ. Вслѣдствіе этого она совѣтуетъ мухѣ оставить свои упреки, ибо она сама знаетъ, гдѣ нужно идти скорѣе, гдѣ

тише. Этою баснею достойно осмѣивается тотъ, кто, не имѣя силы, дѣлаетъ тщетныя угрозы.

У Сумарокова находимъ четыре басни, въ которыхъ развивается сюжетъ обоихъ древнихъ баснописцевъ: «Высокомѣрная муха» (кн. III, пр. XXIII) по содержанію сходна съ б. Федра; но заключеніе болѣе частное: онъ сравниваетъ съ мухою, погоняющею лошака, господъ, которые,

Раздувшися, гоняютъ лошадей.
Которы возятъ ихъ, и коихъ сами хуже.

«Тяжелый Комаръ» (кн. IV, пр. XLVIII), сидѣвшій на дубѣ въ то время, какъ его повалила буря, и потомъ сказавшій, что если бы онъ не отяготилъ дуба, то вѣтеръ не причинилъ бы ему такого бѣдствія, равно какъ и Муха въ притчѣ «Муха и Карета» (кн. VI, пр. IX), хвалившаяся тѣмъ, что подняла пыль, произведенную колесами кареты, по своему характеру приближаются къ комару Эзопа. Притча же «Услужливый Комаръ» (кн. IV, пр. XLVII), какъ по содержанію, такъ мѣстами и по изложенію весьма близка къ Ла Фонтену. Сюда же относится и извѣстная б. Дмитріева «Муха» (кн. II, б. XII), хваставшаяся своимъ участіемъ въ работѣ быка и заключившая рѣчь свою знаменитымъ «мы пахали!» Басню Ла Фонтена перевелъ также гр. Хвостовъ подъ заглавіемъ «Муха и Берлинъ» (кн. III, б. XVII), но позже Крылова, что видно изъ примѣчанія (67): «Басня «Берлинъ и Муха» прекрасно передѣлана Крыловымъ». («Полн. собр. стих.», т. IV, стр. 305).

Басня Крылова въ первый разъ была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г., ч. III, № 63, стр. 85, съ небольшими перемѣнами.

Ст. 7—9: .... Спустился съ козелъ онъ
И въ два кнута, мучитель,
Съ лакеемъ лошадей тиранитъ съ двухъ сторонъ (Др. В.).
27: Лакей, гутора .... (1809).
28: .... болтаютъ вздоръ тишкомъ.
30: .... грибовъ искать.... (до изд. 1834 г.).
31—32: .... что только лишь одна
О всемъ заботится она (Др. В.).

34: Втащились и всползли на ровную дорогу.
38: .... ноги носятъ.
40: Которые во все....

Къ ст. 1 — 5: Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору....
Тащился.

У Ла Фонтена:

Dans un chemin montant, sablonneux, malaisé,
Et de tous les côtés au soleil exposé,
Six forts chevaux tiraient un coche.

Къ ст. 6 — 14: Кони измучились и кучеръ какъ ни бился....
Но въ гору по песку едва-едва тянули.

Послѣдніе девять стиховъ замѣняютъ слѣдующіе два стиха Ла Фонтена:

Femmes, moine, vieillards, tout était descendu:
L'attelage suait, soufflait, était rendu. —

и представляетъ картину чисто національнаго колорита. Подобную же картину находимъ и у Сумарокова:

Труды коней почти совсѣмъ уже исчезли:
Жалѣя и колесъ, жалѣя и коней,
Лакеи слезли,
Стоящіе на ней:
Однако этотъ скиртъ и съ мѣста не ступаетъ:
Возница лошадямъ кричитъ: ну, ну, ну, ну!
И плѣтью лупитъ ихъ, какъ будто за вину:
Стегалъ, стегалъ, кричалъ, кричалъ и осипаетъ.
Отъ лошадей и пѣна тутъ и паръ

Къ ст. 15 — 32: Случись тутъ мухѣ быть. Какъ горю не помочь?...
О всемъ заботится одна.

Хотя разсказъ, заключающійся въ этихъ стихахъ, по содержанію и сходенъ съ оригиналомъ, но подробности такъ различны, что не возможно уловить ни одной общей черты.

Къ ст. 33 — 38: Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, по-немногу..
Меня насилу крылья носятъ.

У Ла Фонтена.

Après bien du travail, le coche arrive au haut:
Respirons maintenant! dit la mouche aussitôt:
J'ai tant fait que nos gens sont enfin dans la plaine.
Çà, messieurs les chevaux, payez-moi de ma peine.

Къ ст. 39 — 41: Куда людей на свѣтѣ много есть....
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

Нравоученіе по мысли сходно съ подлинникомъ. У Ла Фонтена:

Ainsi certaines gens, faisant les empressés,
S'introduisent dans les affaires:
Ils font partout les nécessaires,
Et, partout importuns, devraient être chassés.

XVII. Слонъ на Воеводствѣ.

Напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г., ч. IV, № 79, стр. 8, съ подписью *К.* Эта б. не вошла въ изд. 1809 г. и перепечатана была въ изд. 1811 г. съ незначительною перемѣною въ 22 стихѣ: вм. *говоритъ имъ Слонъ,* Слонъ сказалъ (Др. В.).

Къ ст. 5 — 6: Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однакоже въ семьѣ не безъ урода!

«Какъ размышленія», замѣчаетъ Измайловъ, «имѣющія форму изреченій (sentences), нерѣдко дѣлаются пословицами, такъ и самыя пословицы употребляются иногда въ разсказѣ и вмѣсто размышленій». Въ примѣръ приведены означенные стихи («Сочиненія», т. II, стр. 666).

Къ ст. 12 — 13: Вступило отъ овецъ прошеніе въ Приказъ,
Что волки де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.

Особенно забавнымъ въ этихъ стихахъ Измайловъ находитъ то, что животнымъ приписываются обычаи людей. «Какъ прилично послѣ словъ: *прошеніе, приказъ* поставлена здѣсь любимая приказными частица *де*!» («Сочиненія», т. II, стр. 690).

Къ ст. 17 — 18: .... Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легенькій оброкъ собрать съ овецъ?

«Правдоподобіе состоитъ въ томъ», говоритъ Измайловъ, «чтобы не говорить того, чего не можетъ быть въ природѣ, или въ естественномъ порядкѣ вещей.

Rien n'est beau que le vrai: le vrai seul est aimable,
Il doit régner partout, et même dans la Fable.
(Boileau, *Epitre* IX)

«Надобно быть весьма осторожнымъ, чтобы сохранить сіе качество въ разсказѣ басни. Ла Фонтенъ и лучшіе наши баснописцы погрѣшали иногда противъ правдоподобія». Въ примѣръ такой погрѣшности онъ при-

водитъ означенные два стиха и вмѣстѣ съ Каченовскимъ спрашиваетъ: «На что волкамъ тулупы, и развѣ надобны имъ овечьи кожи»? (См. рецензію Каченовскаго, «Вѣстникъ Европы». 1812 г., № 4, стр. 309).

Къ ст. 20: Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять.

Въ «Сборникѣ» Даля находимъ пословицу, составившуюся на основаніи этого стиха; а именно: «Дай хоть по шкуркѣ съ брата снять. И всего-то придется по шкуркѣ съ брата» (стр. 183).

XVIII. Лисица и Виноградъ.

Содержаніе заимствовано изъ б. Ла Фонтена le Renard et les Raisins (кн. III, б. 11). Такого же содержанія б. находимъ у Эзопа подъ заглавіемъ «Лисица и Виноградъ» (№ 155, пер. Мартынова) и у Федра—«Лисица и Виноградная кисть» (кн. IV, б. 2). Изъ русскихъ писателей кромѣ Крылова переводили эту б. Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Лисица и Віноградна кисть» («Соч.» т. I, стр. 240) и Сумароковъ—«Лисица и Виноградъ» (кн. VI, пр. XL). Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808, ч. IV, № 80, стр. 16, съ подписью *К.*, а потомъ явилась въ изд. 1811 г.

Ст. 3: У кумушки на виноградъ
Глаза и зубы разгорѣлись (Др. В.).
— Запрыгали глаза и зубы разгорѣлись (до изд. 1834).
4: .... висятъ онѣ высоко (до 1825 г.).
5: Одна бѣда ....

Къ ст. 7—8: Хоть видитъ око ....

Народная пословица: «Глазъ видитъ да зубъ нейметъ» (Снегирева: «Русск. народн. посл.», М. 1848, стр. 69). Въ «Сборникѣ пословицъ» Даля находимъ эти стихи въ измѣненномъ видѣ: «Зеленъ виноградъ—когда не даютъ» и «Киселъ виноградъ, зѐленъ» (стр. 237).

Къ ст. 11—12: На взглядъ то онъ хорошъ,
Да зеленъ ....

Подобное выраженіе встрѣчается у Сумарокова; лисица говоритъ о виноградѣ:

Хорошъ на взглядъ,
Да киселъ.

Для сравненія приводимъ басню Ла Фонтена:

Le Renard et les Raisins.

Certain renard gascon, d'autres disent normand,
Mourant presque de faim, vit au haut d'une treille
Des raisins, mûrs apparemment
Et couverts d'une peau vermeille.
Le galant en eût fait volontiers un repas,
Mais comme il n'y pouvait atteindre:
Ils sont trop verts, dit-il, et bon pour des goujats.
Fit-il pas mieux que de se plaindre?

XIX. Крестьянинъ и Смерть.

Источникомъ Крылову, какъ показываетъ сравненіе, послужила б. Ла Фонтена: la Mort et le Bûcheron, передѣланная изъ Эзоповой басни «Старикъ и Смерть» (№ 20 перев. Мартынова *). Ее же переводили: Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Старикъ и Смерть» («Сочиненія», т. I, стр. 232), Сумароковъ, «Крестьянинъ и Смерть» (кн. VI, притча VIII) и Державинъ, подъ заглавіемъ: «Смерть и Старикъ» («Сочиненія» академич. изд., т. III, стр. 539); но онъ измѣнилъ смыслъ басни тѣмъ, что его старикъ на вопросъ явившейся къ нему Смерти: «Ты звалъ меня?»— Нѣтъ, нѣтъ, не я, помилуй! онъ вскричалъ. И пальцемъ ближняго сосѣда указалъ». Переводъ гр. Хвостова (кн. I, б. IV). въ нѣкоторыхъ выраженіахъ сходенъ съ б. Крылова. С. П. Жихаревъ свидѣтельствуетъ, что Крыловъ написалъ эту б. въ 1807 г.: въ «Дневникѣ Чиновника», подъ 3 февраля 1807 г., разсказывается: «всѣ пристали къ Крылову, чтобъ онъ прочиталъ что нибудь. Долго отпекивался остроумный комикъ, но наконецъ разрѣшился баснею Ла Фонтена: «Смерть и Дровосѣкъ» и проч. («Отеч. Зап», 1855, т. CI, стр. 126).

* У Ла Фонтена есть другая басня: la Mort et le Malheureux, написанная въ подражаніе Эзопу; но такъ какъ онъ упустилъ нѣкоторыя черты оригинала, то рядомъ съ нею помѣстилъ упомянутую передѣлку (см. Fables de la Fontaine, édit. variorum. Paris, 1861.)

** Такого заглавія ни въ рукописяхъ, ни въ печатныхъ изданіяхъ мы не встрѣчали.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. IV, № 81, стр. 24, съ подписью *К.*, и перепечатана къ изд. 1811 г., стр. 6.

Ст. 1: Валежнику набравъ.... (рукоп.).
10: .... при томъ жена.... (Др. В.).
11: А тамъ боярщина, подушное, оброкъ.

Къ 1—8: Набравъ валежнику порой холодной, зимной....
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой.

У Ла Фонтена:

Un pauvre bûcheron, tout couvert de ramée,
Sous le faix du fagot aussi bien que des ans
Gémissant et courbé, marchait à pas pesants,
Et tâchait de gagner sa chaumine enfumée.
Enfin, n'en pouvant plus d'effort et de douleur,
Il met bas son fagot, il songe à son malheur.

Къ ст. 9—13: Куда я бѣденъ, Боже мой....
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ.

Жалобы крестьянина по темѣ довольно близки къ размышленіямъ французскаго дровосѣка:

Quel plaisir a-t il eu depuis qu'il est au monde?
En est-il un plus pauvre en la machine ronde?
Point de pain quelquefois, et jamais de repos:
Sa femme, ses enfants, les soldats, les impôts,
Le créancier, et la corveé,
Lui font d'un malheureux la peinture achevée.

Къ стр. 15—16: Зоветъ онъ смерть. Она у насъ не за горами,
А за плечами.

У Ла Фонтена: Il appelle la Mort.

Народная поговорка: «Смерть не за горами, а за плечами», или «Дума за горами, а смерть за плечами» (Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи», дополненіе, изд. 1857, а также «Словарь» Даля, стр. 332).

Къ ст. 17—18: Явилась вмигъ
И говоритъ: За чѣмъ ты звалъ меня, старикъ?

У Ла Фонтена:

.... Elle vient sans tarder,
Lui demande ce qu'il faut faire.

Въ б. Сумарокова смерть спрашиваетъ тѣми же словами, какъ у Крылова:

За чѣмъ ты звалъ меня?

Къ ст. 21—22: Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.

У Ла Фонтена:

C'est, dit-il, de m'aider
A recharger ce bois....

Къ ст. 25—26: Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

Заключительные два стиха — народная пословица: «Какъ жить ни тошно, а умирать еще тошнѣй» (Снег. 165 стр.), которая разнообразно варіируется; напр. «Жить грустно, а умереть тошно» и «Жить — мучиться, а умереть не хочется» (см. «Русск. нар. посл. и пр.» Снегирева, 1848, стр. 127). Эта мысль у Ла Фонтена выражена извѣстнымъ стихомъ:

Plutôt souffrir que mourir.

XX. Слонъ и Моська.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. IV, № 85, стр. 35. Это восемнадцатая и послѣдняя басня изъ появившихся въ этомъ изданіи, которое прекратилась съ концомъ года; потомъ она перепечатана въ изданіи 1811 г., стр. 19, съ единственною перемѣною: въ 4 стихѣ вм. «зѣвакъ» было: смотрителей (Др. В.).

Ст. 19—20: Ай, Моська, знать она сильна,
Что лаетъ на слона.

Эти два стиха внесены, какъ народная пословица, въ «Полное собраніе нар. посл.» Д. К., 1822 г. (стр. 1).

1809.

XXI. Два Голубя.

Содержаніе своей б. les deux Pigeons Ла Фонтенъ заимствовалъ изъ le Livre des Lumières (см. примѣч. къ б. XI), гдѣ эта басня разсказывается визиремъ царю Дабшелиму, намѣревающемуся предпринять дальнее путешествіе для отысканія сокровищъ, о которыхъ онъ былъ извѣщенъ въ сновидѣніи. Приводимъ этотъ разсказъ въ извлеченіи, такъ какъ онъ объясняетъ нѣкоторыя частности въ б. Ла Фонтена: «Были нѣкогда два голубя, сказалъ визирь, которые, довольствуясь пшеницею и водою, жили въ своихъ гнѣздахъ совершенно благополучно. Одному изъ нихъ, Базиндагу, вздумалось однажды странствовать. Какъ ни уговаривалъ его другой, Навазиндагъ, остаться дома, однакожъ тотъ не послушалъ его и отправился въ путь. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы и сады, и къ вечеру пріютился на деревѣ, которое росло въ прекрасномъ мѣстѣ, подобномъ земному раю. Лишь только онъ сѣлъ на дерево, какъ началась гроза. Онъ перелеталъ съ одной вѣтки на другую, но нигдѣ не могъ укрыться отъ дождя и града. Проведя такъ безпокойно ночь, онъ уже началъ раскаяваться, что разстался съ другомъ, и вознамѣрился возвратиться домой. Когда взошло солнце, то голодный ястребъ увидѣлъ Базиндага и устремился на него. Онъ затрепеталъ отъ страха; но къ счастію его, на ястреба налетѣлъ орелъ, и пока два хищника дрались между собою, голубь успѣлъ ускользнуть отъ нихъ и спрятаться въ небольшой скважинѣ, куда едва возмож-

но было войти воробью. Вышедши на другой день оттуда, онъ чувствовалъ себя совершенно слабымъ отъ голода и страха. Озираясь на всѣ стороны, не летитъ ли на него снова ястребъ или орелъ, онъ увидѣлъ на полѣ голубя, предъ которымъ было разсыпано много пшеницы, и смѣло приблизился къ нему; но лишь только проглотилъ нѣсколько зеренъ, какъ почувствовалъ, что ноги его запутались въ силокъ. Базиндагъ обратился къ голубю съ упреками, отчего онъ не предупредилъ его о такомъ обманѣ, и просилъ указать ему какой нибудь способъ избавленія. «Глупенькій, отвѣчалъ ему тотъ: если бы я зналъ какое нибудь средство, то прежде всего самъ употребилъ бы его и не былъ бы причиною гибели моихъ товарищей», и при томъ разсказалъ ему «о молодомъ верблюдѣ и его матери»: Немилосердая мать! говорилъ молодой верблюдъ, утомившись идти за своею матерью: остановись хоть на минуту, чтобы я могъ отдохнуть». «Безразсудный сынъ, отвѣчала мать: развѣ ты не видишь, что мою узду держитъ другой? Если бы я была свободна, я сбросила бы съ себя ношу и помогла бы тебѣ». — Употребивъ всѣ усилія, Базиндагъ вырвался наконецъ изъ силковъ и полетѣлъ домой. Отъ радости онъ забылъ о другихъ опасностяхъ и даже о голодѣ. Пролетая черезъ деревню, онъ сѣлъ на стѣну противъ засѣяннаго поля. Тамъ увидѣлъ его крестьянинъ, который стерегъ поле отъ птицъ, бросилъ въ него камнемъ изъ пращи и такъ жестоко ударилъ его, что онъ полумертвый упалъ въ находившійся подлѣ глубокій колодезь, откуда крестьянинъ никакъ не могъ его достать. Такъ провелъ онъ всю ночь и на другой день, собравъ послѣднія силы, полетѣлъ къ своему гнѣзду. Навазиндагъ узналъ его по полету и съ радостью полетѣлъ къ нему на встрѣчу; но увидѣвъ его слабымъ и унылымъ, сталъ спрашивать о причинѣ. Базиндагъ разсказалъ ему свои приключенія и поклялся, что впредь никогда не будетъ путешествовать». Дабшелимъ возражаетъ визирю и въ свою очередь выслушиваетъ новое возраженіе*. Изъ этой бесѣды составляется введеніе въ книгу Anvâr-i Suhailî, неимѣющее ничего общаго съ санскритскимъ текстомъ «Панчатантры», а равно и съ арабскою переработкою его

* См. русскій переводъ этой книги: *Политическія и нравоучительныя басни Пильпая*, пер. Б. Волкова. 1762. стр. 20.

«Калила и Димна» (см. Benfey's Pantschatantra, I Th. §§ 12—17 и 19 *. Слѣдовательно, басня «о голубѣ путешественникѣ» персидскаго происхожденія, и составляетъ, по замѣчанію Эствика, одинъ изъ удачнѣйшихъ эпизодовъ Гусайнъ-Ваица (см. англійскій переводъ Anvâr-i Suhailí, Translator's Preface, X).

Изъ русскихъ писателей у Ла Фонтена заимствовали эту басню: Сумароковъ, который назвалъ ее «Голубь и Голубка» (кн. V, притча XXXIV), гр. Хвостовъ — «Два Голубя» (т. IV, стр. 11, б. VI); (онъ измѣнилъ ея содержаніе: у него одинъ изъ голубей «постарѣе, другой помоложе», отчего они становятся въ такія отношенія, какія могутъ существовать между наставникомъ и воспитанникомъ, что совершенно противорѣчитъ основной мысли разсказа); Дмитріевъ — «Два Голубя» (кн. I, б. 14), который перевелъ ее почти по-строчно **, и наконецъ Крыловъ.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1809 года, стр. 6, и впослѣдствіи подверглась нѣкоторымъ перемѣнамъ:

Ст. 1: .... братца .... (изд. 1811 и 15).
9: одинъ у нихъ .... (1815).
10—11: Диковинки земнаго круга
Судить и видѣть самъ собой,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой. —
Во снѣ и на яву походъ лишь видитъ свой
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта разинуть (до 1819).
14: Въ изданіяхъ до 1819 г. этого стиха нѣтъ.
15: Иль братца хочешь ты покинуть (до 1819).
16: Жестокій: ежели ... (1809, 11),
20: .... упрашивать не буду (1809. 11).
21: Теперь и кормъ такъ скуденъ, малъ (1809).
— Теперь и кормъ и скуденъ такъ и малъ (1811).
— Теперь же кормъ .... (1815, 19).
24: Останься, другъ любезный мой (1809).
28: Силки да ястреба .... (1809, 11).
36: И разсуждать и чувствовать мѣшаетъ (1809, 11).
40: И, лучшія узнавъ диковинки на свѣтѣ.
44—45: Тамъ это слышалъ я, тамъ то попалось мнѣ,
А тамъ такое видѣлъ диво.
47: Какъ будто бъ самъ леталъ со мной въ той сторонѣ.

* Тамъ же стр. 1 — 46.
** См. Журн. *Учитель* за 1865 г. № 3 и 4, стр. 123—4.

Ст. 48: По сихъ словахъ друзья....
52: .... Къ счастью засохшій дубъ попался (до 1819).
55: Но ни отъ вѣтровъ.... (1809, 11).
79—82: Вм. этихъ стиховъ:

И тутъ не всѣ бѣды окончились на немъ:
Мальчишка въ близости рѣзвился:
Набравши камушковъ, онъ въ цѣль метать учился
И, чтобъ узнать, вѣрна ль рука,
Хвать камнемъ въ голубка.
Какъ срѣзалъ съ ногъ онъ бѣдняка (1809, 11).

Къ ст. 1 — 6: Два голубя, какъ два родные брата жили....
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

«Въ этихъ шести стихахъ», пишетъ Жуковскій, «которые всѣ принадлежатъ подражателю, распространенъ одинъ прекрасный стихъ Ла Фонтена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre;

но они, вѣрно, не покажутся никому излишними. Можно ли пріятнѣе представить счастливое согласіе двухъ друзей? Вотъ то, что называется замѣнять красоты подлинника собственными». («Сочиненія», т. VII, стр. 99.)

Къ ст. 7—12: Ну, кажется, куда бъ хотѣть...
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.

«И этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ», продолжаетъ Жуковскій,— «но они милы тѣмъ простодушіемъ, съ какимъ выражается въ нихъ нѣжное чувство». (Тамъ же).

Вм. стиховъ отъ 6 до 12 у Ла Фонтена:

L'un d'eux, s'ennuyant au logis,
Fut assez fou pour entreprendre
Un voyage en lointain pays.

Къ ст. 13 — 33: Куда ты? говоритъ сквозь слезъ ему другой....
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья?

Вся эта рѣчь голубя по содержанію сходна съ подлинникомъ, хотя и отличается отъ него въ частностяхъ:

L'autre lui dit: Qu'allez-vous faire?
Voulez-vous quitter votre frère?
L'absence est le plus grand des maux:
Non pas pour vous, cruel! Au moins que les travaux,
Les dangers, les soins du voyage,
Changent un peu votre courage.
Encor, si la saison s'avançait davantage!
Attendez les zéphyrs: qui vous presse? un corbeau
Tout à l'heure annonçait malheur à quelque oiseau.

Je ne songerai plus que rencontre funeste,
Que faucons, que réseaux. Hélas! dirai-je, il pleut:
Mon frère a-t-il tout ce qu'il veut,
Bon souper, bon gîte, et le reste?

Къ ст. 34 — 36; Растрогала рѣчь эта голубка....
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.

Эта мысль у Ла Фонтена выражена иначе:

Ce discours ébranla le coeur
De notre imprudent voyageur.
Mais le désir de voir et l'humeur inquiète
L'emportèrent enfin.

Къ ст. 37 — 47: Не плачь, мой милый, такъ онъ друга утѣшаетъ....
Какъ будто бъ самъ леталъ ты по свѣту со мной.

Отвѣтъ голубя у Ла Фонтена;

.... Il dit: Ne pleurez point;
Trois jours au plus rendront mon âme satisfaite:
Je reviendrai dans peu conter de point en point
Mes aventures à mon frère;
Je le désennuierai. Quiconque ne voit guère
N'a guère à dire aussi.

Къ ст. 48—58: Тутъ дѣлать нечего, друзья поцѣловались....
Желанье подзывать бѣдняжку далѣ стало.

Этимъ стихамъ у Ла Фонтена соотвѣтствуютъ слѣдующіе стихи:

A ces mots, en pleurant, ils se dirent adieu.
Le voyageur s'éloigne: et voilà qu'un nuage
L'oblige de chercher retraite en quelque lieu.
Un seul arbre s'offrit, tel encor que l'orage
Maltraita le pigeon en dépit du feuillage.
L'air devenu serein, il part tout morfondu,
Sèche du mieux qu'il peut son corps chargé de pluie....

Къ ст. 51: Подъ нимъ какъ океанъ синѣетъ степь кругомъ.

Этотъ стихъ Жуковскій и Измайловъ приводятъ, какъ образецъ живописнаго изображенія бури.

Къ ст. 59—66: Встряхнулся и летитъ, летитъ и видитъ онъ....
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.

Ла Фонтенъ, слѣдуя своему оригиналу, вводитъ другаго голубя, дѣйствующее лице, вовсе ненужное для разсказа:

Dans un champ à l'écart voit du blé répandu,
Voit un pigeon auprès: cela lui donne envie;
Il y vole, il est pris: ce blé couvrait d'un lacs
Les menteurs et traîtres appas.

Le lacs était usé; si bien que, de son aile.
De ses pieds, de son bec, l'oiseau le rompt enfin:
Quelque plume y périt....

Къ ст. 67—76: Вотъ пуще той бѣды, бѣда надъ головой....
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.

Эта часть разсказа у Ла Фонтена передана такимъ образомъ:

.... et le pis du destin
Fut qu'un certain vautour, à la serre cruelle,
Vit notre malheureux, qui, traînant la ficelle
Et les morceaux du lacs qui l'avait attrapé,
Semblait un forçat échappé.
Le vautour s'en allait le lier, quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.
Le pigeon profita du conflit des voleurs,
S'envola....

По поводу этихъ стиховъ Крылова Жуковскій замѣчаетъ: «Вотъ изображеніе опасностей голубка путешественника. котораго преслѣдуетъ ястребъ:

Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ холодныхъ крыльевъ пашетъ.

Въ Ла Фонтенѣ этихъ стиховъ нѣтъ; но подражатель, кажется, хотѣлъ замѣнить ими другіе два. нѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ

.... quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Дмитріева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs —
И такъ. благодаря стеченію воровъ.

Стихъ тѣмъ болѣе важный. что въ немъ стихотворецъ мимоходомъ. одною чертою напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство *намекать* принадлежитъ въ особенности Ла Фонтену». (Тамъ же.)

Къ ст. 77—87: Межъ тѣмъ нашъ голубь милой....
Доплелся кое какъ безъ дальнихъ бѣдъ.

У Ла Фонтена:

.... s'abattit auprès d'une masure,
Crut pour ce coup que ses malheurs
Finiraient par cette aventure;
Mais un fripon d'enfant (cet âge est sans pitié)
Prit sa fronde, et du coup tua plus d'à moitié
La volatile malheureuse,

Qui, maudissant sa curiosité,
Traînant l'aile, et tirant le pied,
Demi-morte et demi — boiteuse,
Droit au logis s'en retourna:
Que bien, que mal, elle arriva
Sans autre aventure fâcheuse.

Къ ст. 82: Сей возрастъ жалости не знаетъ.

Измайловъ относитъ этотъ стихъ къ разряду удачныхъ размышленій (réflections) («Соч.» т. II. стр. 665).

Къ ст. 85—97: Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Гдѣ ваша милая иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

Объ этихъ стихахъ Жуковскій говоритъ: «Заключеніе басни прекрасно въ обоихъ переводахъ (т. е. Дмитріева и Крылова), съ тою только разницею, что Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Дмитріевъ перевелъ очень близко Ла Фонтена и съ нимъ сравнился. (За тѣмъ авторъ выписываетъ заключеніе обѣихъ басенъ *. Послѣдніе стихи (т. е. Дмитріева) лучше первыхъ; но должно ли ихъ сравнивать? Крыловъ, не желая переводить снова, а можетъ быть, и не надѣясь перевести лучше, замѣнилъ красоту подлинника собственною. Заключеніе басни его (если не сравнивать его ни съ Ла Фонтеномъ, ни съ переводомъ Дмитріева) прекрасно само по себѣ. Напримѣръ, послѣ подробнаго описанія несчастій голубка - путешественника, не тронетъ ли васъ одинъ прекрасный и нѣжный стихъ:

Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ.

Авторъ поставилъ одно имя дружбы въ противоположность живой картинѣ страданія, и вы спокойны на счетъ печальнаго странника. Поэтъ далъ полную волю вашему воображенію представить вамъ тѣ отрады,

---

* Приводимъ переводъ Дмитріева:

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ,
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? Другъ другомъ восхищайтесь;
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный.
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей любезной озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни каменныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ... Придете ль вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Уже ль прошла пора столь милыхъ обольщеній
И полно мнѣ любить?

которыя найдетъ голубокъ его, возвратившись къ своему другу. Здѣсь всякая подробность была бы излишнею и только ослабила бы главное дѣйствіе. Посредственный писатель, вѣроятно, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы наскучить читателю обыкновенными выраженіями чувства; но истинное дарованіе воздержаннѣе: оно обнаруживается и въ томъ, что поэтъ описываетъ, и въ томъ, о чемъ онъ умалчиваетъ, полагаясь на чувство читателя. Послѣдніе три стиха прелестны своею простотою и нѣжностію». («Сочиненія», т. VII, стр. 100 и слѣд.).

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что, замѣняя заключительные стихи Ла Фонтена собственными, Крыловъ, сверхъ соображеній, указанныхъ Жуковскимъ, могъ руководиться и тѣмъ еще, что субъективно-лирическій тонъ, въ который впадаетъ французскій баснописецъ, не вполнѣ согласуется съ объективнымъ, спокойнымъ разсказомъ. Чтобы выдержать этотъ тонъ до конца сочиненія, Крыловъ пожертвовалъ стихами подлинника.

XXII. Моръ Звѣрей.

По мнѣнію комментаторовъ Ла Фонтена, басня его les Animaux malades de la peste заимствована имъ у Guillaume Gueroult, le premier livre des Emblèmes, изданной въ Ліонѣ въ 1540 г., гдѣ находится разсказъ подъ заглавіемъ: Fable du Lion, du Loup et de l'Ane; по Жерюзе въ своей Histoire de l'Eloquence au XVI siècle приводитъ разсказъ проповѣдника Ролена (Raulin) (род. 1443 ум. 1514) изъ проповѣдей и писемъ котораго Рабле и Ла Фонтенъ почерпнули нѣсколько сюжетовъ. Его разсказъ направленъ противъ злоупотребленій католической церкви. «Левъ однажды исповѣдывалъ. Различныя животныя подходили къ нему исповѣдываться. Волкъ началъ: онъ сознался, что пожралъ множество барановъ; но прибавилъ, что это старинное обыкновеніе его фамиліи, что съ незапамятныхъ временъ волки ѣли овецъ и что онъ не чувствуетъ себя столь виновнымъ. Левъ ему сказалъ: такъ какъ это обыкновеніе вашихъ предковъ, наслѣдственное право, то продолжайте; только читайте при этомъ Pater noster. Лисица сдѣлала подобное же признаніе, и сказала: я съѣла много куръ, опустошила много птичьихъ дворовъ; но во всѣ времена мои предки дѣлали то же самое прежде меня, и я ѣмъ ихъ по моей

природѣ. — Пусть будетъ такъ, сказалъ левъ: продолжайте, дѣлайте, какъ ваши предки; но читайте при этомъ Pater noster. Въ свою очередь пришелъ оселъ; онъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ бьетъ себя въ грудь и сознается, что виновенъ въ трехъ прегрѣшеніяхъ: во-первыхъ, онъ съѣлъ сѣно, которое упало съ телѣги на терновникъ. — Это большой грѣхъ — ѣсть чужое сѣно! Продолжайте. — Тогда оселъ сознался, что онъ однажды нагадилъ въ монастырѣ. — Загадить святую землю! вскричалъ левъ: это смертный грѣхъ! — Признаніе въ третьемъ прегрѣшеніи онъ произнесъ среди слезъ и рыданій. Онъ сказалъ наконецъ, что, когда братія пѣла въ хорѣ, онъ заревѣлъ и подтягивалъ имъ. Левъ ему сказалъ: О! это тяжкій грѣхъ — пѣть въ то время, когда поетъ братія, разстраивать ее и сѣять разногласіе въ церкви! — За все это онъ приговорилъ его къ бичеванію (Fables de La Fontaine, édit. variorum. 1861). Едва ли не отсюда Ла Фонтенъ заимствовалъ основу своей басни, въ которой оселъ винится въ томъ, что ѣлъ траву на лугу, принадлежащемъ монастырю, чѣмъ возбуждаетъ общее негодованіе и навлекаетъ на себя наказаніе. Этотъ намекъ на своекорыстіе духовной касты въ русскихъ переводахъ и передѣлкахъ исчезаетъ.

Изъ русскихъ писателей переводили эту б. Ла Фонтена: Княжнинъ, подъ заглавіемъ «Моръ Звѣрей» («Собраніе сочиненій», т. II, стр. 539) и гр. Хвостовъ подъ тѣмъ же заглавіемъ («Полное собраніе стихотвореній», т. IV, стр. 33).

Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ изд. 1809 г., стр. 13—16.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ, моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри.
Въ адъ распахнулись настежъ двери; [1]
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы. [2]

---

[1] У Княжнина: Повсюду къ смерти имъ отверзты двери.

[2] Жуковскій, выписавъ все вступленіе до 17 стиха, говоритъ: «Крыловъ занялъ у Ла Фонтена искусство смѣшивать съ простымъ и легкимъ разсказомъ картины, истинно стихотворныя». 4-й и 5-й стихи — «два стиха, которые не испортили бы никакого описанія моровой язвы въ эпической поэмѣ». («Соч.», т. VII. стр. 103).

По поводу этихъ же стиховъ Лобановъ замѣчаетъ: «Крыловъ на-

Неумолимая, какъ сѣно коситъ ихъ; [a]
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, [b] чуть бродятъ полумертвы.
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ. [c]
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ: [d] [3]
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ монахъ; [4]
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ. [e]
Съ голубкой голубь врозь живетъ:
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье!
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ. [f]
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души;

[a] На часъ по тысячѣ валится ихъ (до 1819). У Княжнина: валятся звѣри.

[b] Такой же части ждя .... (1809),
— Съ собой того же ждя .... (1811).
— Себѣ того жъ боясь .... (1815, 19).

[c] Въ изд. до 1825 г. этого стиха нѣтъ.

[d] Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой той (1809, 11).
— ....въ великихъ тѣхъ бѣдахъ (1815, 19).

[e] ....смиренъ какъ святой:
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ.
И пища имъ на умъ нейдетъ (1809, 11).
(Послѣдній стихъ остается также до изд. 1834 г.).

[f] Въ сей крайности совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ (1819).

писалъ свое начало басни; но это свое несравненно лучше; въ немъ болѣе поэзіи: кисть его сильнѣе и роскошнѣе. У Ла Фонтена нѣтъ, напримѣръ, этого прекраснаго изображенія:

Въ адъ распахнулись настежъ двери.

(См. «Жизнь и сочин. Крылова», стр. 50).

[3] У Княжнина: И звѣри въ ужасѣ уже не звѣри стали.

[4] По поводу относящагося къ этимъ стихамъ варіанта Жуковскій замѣчаетъ: «здѣсь разсказъ стихотворный забавенъ и легокъ, но не составляетъ непріятной противоположности съ поэтическою картиною язвы. А въ слѣдующихъ трехъ стихахъ съ простымъ описаніемъ сливается нѣжное чувство». Выписавъ стихи 15—16, Жуковскій продолжаетъ: «Это переводъ, и самый лучшій, прекрасныхъ ла-фонтеновыхъ стиховъ:

Les tourterelles se fuyaient:
Plus d'amour, partant plus de joie....

Какая разница съ переводомъ Княжнина, который однакоже не дуренъ:

И горлицы другъ друга убѣгаютъ,

Сбрелись и, въ тишинѣ царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши. [5]
— «О други!» началъ Левъ: «по множеству грѣховъ [6]
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ! [g]
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ. [h]

[g] Дозволитъ принести себя на жертву имъ (до 1819).
[h] Смягчить жестокость ихъ (1809).

Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ и нѣтъ утѣхъ! («Соч.» т. VII, стр. 103).
Для сравненія приводимъ стихи Ла Фонтена, изображающіе уныніе звѣрей:

On n'en voyait point d'occupés
A chercher le soutien d'une mourante vie;
Nul mets n'excitait leur envie:
Ni loups ni renards n'épiaient
La douce et l'innocente proie;

Слѣдуютъ два вышеприведенные стиха.

[5] Ла-фонтеново выраженіе: Le lion tint conseil et dit, Крыловъ замѣнилъ четверостишіемъ, на которое Лобановъ указываетъ, какъ на «прекрасную картину» (стр. 50).

[6] Вся рѣчь льва, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, близка къ подлиннику:

.... Mes chers amis,
Je crois que le ciel a permis
Pour nos péchés cette infortune.
Que le plus coupable de nous
Se sacrifie aux traits du céleste courroux:
Peut-être il obtiendra la guérison commune.
L'histoire nous apprend qu'en de tels accidents
On fait de pareils dévouements.
Ne nous flattons donc point; voyons sans indulgence
L'état de notre conscience.
Pour moi, satisfaisant mes appétits gloutons,
J'ai dévoré force moutons.
Que m'avaient-ils fait? nulle offense;
Même il m'est arrivé quelquefois de manger
Le berger.
Je me dévouerai donc, s'il le faut: mais je pense
Qu'il est bon que chacun s'accuse ainsi que moi;
Car on doit souhaiter, selon toute justice,
Que le plus coupable périsse.

Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ,
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
И такъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно. [i]
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь, хоть это мнѣ и больно,
Не правъ и я! [j]
Овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совсѣмъ безвинно,
Дралъ безчинно;
А иногда, — кто безъ грѣха? —
Случалось, дралъ и пастуха:
И въ жертву отдаюсь охотно.
Но лучше бъ намъ всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи; на комъ ихъ болѣ есть. [k]
Того бы въ жертву и принесть:
И было бы богамъ то болѣе угодно. [l]
«О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты»,
Лисица говоритъ, «въ грѣхъ это ставишь ты. [7]
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
При томъ же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ, [8]
Когда ты ихъ изволишь кушать. [m]

[i] И такъ
Пусть всякъ
Подробно здѣсь разскажетъ,
Кого въ чемъ совѣсть вяжетъ (1809, 11).
— И такъ, собравши духъ,
Пусть исповѣдуетъ *и проч.* (до 1819).

[j] Охъ, признаюсь: не правъ и я! (1809, 11).

[k] Вм. ст. отъ 42 до 44:
И въ жертву отдаюсь охотно — только сперва
Не худо бъ всѣмъ свои грѣхи здѣсь перечесть;
На комъ ихъ болѣ есть,
Того бы.... (1809, 11).

[l] Онъ правосудію прямая будетъ жертва.

[m] Къ чему щадить овецъ? — Я думаю безъ лести,
И всѣ то скажутъ здѣсь, хоть самъ спросить изволь,
Для твари глупой, подлой толь,

---

[7] У Ла Фонтена:
Sire, dit le renard, vous êtes trop bon roi;
Vos scrupules font voir trop de délicatesse.

[8] У Ла Фонтена: .... Vous leur fîtes, seigneur,
En les croquant, beaucoup d'honneur.

А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ. [9]
Ихъ чаще такъ учить: имъ это по-дѣломъ.
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спѣсью дышетъ,
И нашими вездѣ себя царями пишетъ.»
Окончила лиса; за ней на тотъ же ладъ, [10]
Льстецы Льву тоже говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ наперехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья. [n]
За львомъ медвѣдь и тигръ и волки въ свой чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья:
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ.
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ [11] имъ такъ мычитъ: «И мы

Царю по вкусу быть чрезмѣрно много чести (1809, 11).
Въ изд. 1815 и 19 г. 2-й и 3-й стихи:
И вѣрно всѣ согласны здѣсь со мной —
Для твари глупенькой такой *и проч.*
n .... разрѣшенья (1809, 11).
o И всѣ, кто былъ зубкомъ иль ноготкомъ богаты,
Тѣ вышли вонъ (до 1825).

---

[9] О пастухѣ у Ла Фонтена лисица говоритъ:
Et quant au berger, l'on peut dire
Qu'il était digne de tous maux,
Étant de ces gens-là qui sur les animaux
Se font un chimérique empire.

[10] Слѣдующіе двѣнадцать стиховъ соотвѣтствуютъ шести Ла Фонтена:
Ainsi dit le renard; et flatteurs d'applaudir.
On n'osa trop approfondir
Du tigre, ni de l'ours, ni des autres puissances,
Les moins pardonnables offenses:
Tous les gens querelleurs, jusqu'aux simples mâtins,
Au dire de chacun, étaient de petits saints.

[11] По поводу замѣны ла-фонтеновскаго осла воломъ Лобановъ замѣчаетъ: «У Ла Фонтена оселъ въ свою очередь кается въ грѣхахъ прекрасными стихами; но Крыловъ замѣнилъ его воломъ, не глупымъ, какимъ всегда принимается оселъ, но только простодушнымъ животнымъ... Эта перемѣна и тѣмъ уже совершеннѣе, что въ рѣчи вола мы слышимъ мычаніе и столь естественное, что словъ его нельзя замѣнить другими звуками; а эта красота, которою нашъ поэтъ пользуется и вездѣ съ край-

Грѣшны. Тому лѣтъ пять, [p] когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого [q] себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ!
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
«Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть! [12] Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги?
Его безчинника съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть и нравы отъ заразы:
Такъ, по его грѣхамъ и моръ у насъ такой!» [r]
Приговорили —
И на костеръ Вола взвалили.
И въ людяхъ такъ же, говорятъ:
Кто по-смирнѣй, [s] такъ тотъ и виноватъ. [13]

[p] .... Тому давно .... (1819).
[q] Нигдѣ .... (до 1819).
[r] По немъ у насъ и моръ такой (до 1819).
[s] .... побезсильнѣе .... (1809).

нимъ благоразуміемъ, вездѣ приноситъ читателю истинное удовольствіе» (стр. 51). Для сравненія приводимъ стихи Ла Фонтена, соотвѣтствующіе стихамъ Крылова отъ 61 до 76:

L'âne vint à son tour, et dit: J'ai souvenance
Qu'en un pré de moines passant,
La faim, l'occasion, l'herbe tendre, et, je pense,
Quelque diable aussi me poussant,
Je tondis de ce pré la largeur de ma langue;
Je n'en avais nul droit, puisqu'il faut parler net.

[12] У Ла Фонтена:

Manger l'herbe d'autrui! quel crime abominable!

[13] Мысль этого стиха только въ обратной формѣ выражается въ пословицѣ: «Чья сильнѣе, та и правѣе» (*Сборникъ* Даля, стр. 162, и *Полн. собр. послов.* Д. К., стр. 286).

XXIII. Пѣтухъ и Жемчужное зерно.

Первообразъ этой басни находимъ у Федра (кн. III, б. 10) Pullus ad Margaritam; пѣтухомъ Федръ называетъ того, кто его не понимаетъ:

Hoc illis narro, qui me non intelligunt.

Ла Фонтенъ, заимствовавъ у него содержаніе, измѣнилъ заключеніе, отнеся басню вообще къ невѣждамъ, не умѣющимъ пользоваться предметами, драгоцѣнными для ученаго (кн. I, б XX, le Coq et la Perle).

Въ русскую литературу эта басня была перенесена Тредьяковскимъ подъ заглавіемъ: «Пѣтухъ и Жемчужина» («Соч.» изд. 1849, басенка I) безъ правоученія; потомъ переводили ее Сумароковъ, подъ заглавіемъ: «Пѣтухъ и Жемчужное зерно» (кн. II, прит. XLIV), примѣнившій ее, подобно Федру, къ тѣмъ, «кто притчи презираетъ»; и гр. Хвостовъ подъ тѣмъ же заглавіемъ (кн. III, б. IX).

Передѣлка Крылова напечатана въ первый разъ въ изд. 1809 года съ слѣд. варіантами:

Ст. 2: Нашелъ пѣтухъ.... (1809, 11).
5 — 8: Ну, что за прибыль, что на взглядъ
Ячменнаго зерна собою повиднѣе;
Я. право, вдвое былъ бы радъ.
Когда бы что нибудь здѣсь вырылъ посытнѣе.
10: Чего не во́зьмутъ въ толкъ....

Для сравненія приводимъ всю басню Ла Фонтена:

Le Coq et la Perle.

Un jour un coq détourna
Une perle, qu'il donna
Au beau premier lapidaire.
Je la crois fine, dit-il;
Mais le moindre grain de mil
Serait bien mieux mon affaire.
Un ignorant hérita
D'un manuscrit, qu'il porta
Chez son voisin le libraire.
Je crois, dit-il, qu'il est bon;
Mais le moindre ducaton
Serait bien mieux mon affaire.

XXIV. Левъ и Комаръ.

Басня Эзопа «Левъ и Комаръ» (№ 144, перев. Мартынова), и заимствовавшая изъ нея б. Ла Фонтена le Lion et le Moucheron (кн. II, б. 9) въ общемъ весьма сходны между собою, но значительно различаются въ подробностяхъ. Приводимъ для сравненія первую: Комаръ, пришедши ко Льву, сказалъ: «я тебя не боюсь ты не сильнѣе меня. Но если не такъ, къ чему тебѣ служитъ твоя сила? Что ты царапаешь когтями и кусаешь зубами, — это дѣлаетъ и жена, когда дерется съ мужемъ. Я гораздо тебя сильнѣе; если хочешь, выйдемъ на сраженіе», и, запищавъ, напалъ на Льва, кусая его въ безволосыя мѣста около ноздрей. Левъ своими когтями отгонялъ его отъ него (*себя*), доколѣ не вышелъ изъ себя. Комаръ, побѣдивши льва и затрубивъ и запѣвши побѣдную пѣснь, улетѣлъ, но, запутавшись въ паутину, когда паукъ сталъ его ѣсть, взрыдалъ, что, сражаясь съ величайшими звѣрьми, былъ ихъ побѣдителемъ; а нынѣ погибаетъ отъ ничтожнаго животнаго—паука.—Баснь на тѣхъ, кои низвергаютъ великихъ и малыми низвергаются».—Сохранивъ вполнѣ основу разсказа, Ла Фонтенъ вывелъ правоученіе какъ для Льва, такъ и для его побѣдителя:

Quelle chose par là nous peut être enseignée?
J'en vois deux, dont l'une est qu'entre nos ennemis
Les plus à craindre sont souvent les plus petits;
L'autre, qu'aux grands périls tel a pu se soustraire,
Qui périt pour la moindre affaire.

Эту б. Ла Фонтена довольно близко перевелъ И. И. Дмитріевъ, подъ заглавіемъ: «Левъ и Комаръ» (кн. IV, б. XVIII); у Сумарокова есть также притча, по идеѣ приближающаяся къ этой: «Заяцъ и Медвѣдь» (кн. VI, притч. XXIV): «Заяцъ мститъ медвѣдю, пожравшему его дѣтенышей, тѣмъ, что зимою протаптываетъ слѣдъ отъ деревни къ его берлогѣ; мужикъ, погнавшійся за зайцемъ, открываетъ медвѣдя, сзываетъ крестьянъ, и тѣ его убиваютъ». Выведенное отсюда правоученіе сходно съ правоученіемъ Крылова:

Не учиняй обидъ, ты сильный, никогда,
Безсильный то отмстить удобенъ иногда.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1809 года, стр. 26, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 5 — 7: Послушай здѣсь,
Какъ больно Комаромъ наказанъ Левъ за спесь;
Вотъ слухъ какой о томъ дошелъ мнѣ стороною (изд. 1809, 11).
14: То съ тылу, то съ лица .... (1809, 11).
26 — 27: Деретъ сыру землю когтями онъ и зубомъ
Взоръ искрой засверкалъ, бьетъ у рту пѣна клубомъ.

(Такъ читаются эти два стиха въ изд. 1809 и 11 г.; второй изъ нихъ вовсе уничтоженъ въ изд. 1815 и 1819).

Къ ст. 11: Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань.

У Ла Фонтена:

.... lui-même il sonna la charge,
Fut le trompette et le héros.

Къ ст. 15: И мѣсто высмотрѣвъ, и время улуча ....

У Ла Фонтена:

Puis prend son temps, fond sur le cou
Du lion ....

Къ ст. 23: То въ носъ забьется льву, то въ ухо льва укуситъ.

У Ла Фонтена:

Tantôt pique l'échine, et tantôt le museau,
Tantôt entre au fond du naseau.
La rage alors se trouve à son faîte montée.

Къ ст. 25—33: Престрашный поднялъ ревъ ....
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги.

Эти стихи составляютъ развитіе слѣдующихъ стиховъ Ла Фонтена:

Il rugit. On se cache, on tremble à l'environ;
Et cette alarme universelle
Est l'ouvrage d'un moucheron.

Означенные стихи Крылова въ частностяхъ нѣсколько приближаются къ стихамъ Дмитріева:

У Льва глазъ кровью налился;
Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,
Реветъ и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!
Отъ Комара всеобщій страхъ!

Ср. съ первыми двумя стихами Дмитріева варіантъ ст. 26 — 27.

Къ ст. 37—39: Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

У Ла Фонтена:

L'insecte du combat se retire avec gloire:
Comme il sonna la charge, il sonne la victoire,
Va partout l'annoncer....

Надобно однакожъ замѣтить, что хотя Крыловъ и сохранилъ указанные здѣсь подробности оригинала, однакожъ совершенно измѣнилъ последовательность разсказа.

У Дмитріева дѣло оканчивается тѣмъ, что Левъ умираетъ, изгрызши и исцарапавши себя отъ ярости. Крыловъ же, послѣдовавъ Ла Фонтену и Эзопу, оставилъ Льва въ живыхъ и заставилъ его просить мира, что, кажется, естественнѣе.

XXV. Роща и Огонь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1809 года, стр. 34, и окончательно редактирована только въ 1825 г. Въ предшествовавшихъ изданіяхъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 2—3: Бываетъ, что корысть себя подъ дружбой кроетъ,
Тогда тебѣ она лишь яму роетъ (1809 и 11).
17: Все это ничего.... (до изд. 1819).
26—27: Однако же сказать я не запнусь,
Что я въ могуществѣ и съ солнцемъ потянусь (до 1819).
31—33: И такъ, когда зимою,
Ты хочешь зеленѣть, какъ лѣтомъ и весною
Такъ только у себя мнѣ дай ты уголокъ (до 1819).

Сверхъ того въ одной изъ черновыхъ рукописей рядомъ съ передѣлками б. «Дубъ и Трость», изъ которыхъ извлечены варіанты ея, сохранились два стиха, долженствовавшіе замѣнить приведенные варіанты стиховъ 26 и 27:

Коль правду говорить (а правду я люблю),
То солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.

Это первая басня, въ которой Крыловъ обличаетъ своекорыстную, лицемѣрную дружбу; впослѣдствіи онъ не разъ возвращался къ этому предмету и изображалъ его съ разныхъ сторонъ.

XXVI. Лягушки, просящія царя.

Это передѣлка б. Ла Фонтена les Grenouilles qui demandent un Roi, заимствованной имъ у Эзопа (№ 166, перев. Мартынова); ее также находимъ у Федра (кн. I, б. 2), который сюжетъ ея примѣнилъ прямо къ Аѳинянамъ.

Изъ русскихъ писателей, кромѣ Крылова, эту б. перевели Вас. Майковъ (изд. 1766 г., кн. I, б. 4) и гр. Хвостовъ (кн. III, б. 1); послѣдній позже Крылова (примѣч. 55); оба подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1809 года, стр. 36.

Лягушкамъ стало неугодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ неблагородно
Безъ службы и на волѣ жить. [1]
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ царя онѣ просить. [a] [2]

[a] Пришли къ Юпитеру царя онѣ просить (1809, 11).

---

[1] У Ла Фонтена:

Les grenouilles, se lassant
De l'état démocratique....

По поводу этихъ стиховъ Измайловъ въ своемъ разборѣ этой басни («Соч.» т. II, стр. 721) замѣчаетъ: Слово: неугодно, иронически здѣсь употребленное, означаетъ уже прихоть и сумасбродство лягушекъ, хотя мы и не знаемъ еще, что именно имъ не нравится. *Кому не угодно? Лягушкамъ*, самымъ послѣднимъ и презрительнымъ животнымъ. — У Ла Фонтена жаловались онѣ только на демократическое правленіе; но это еще не показываетъ безумія ихъ, ни прихоти, потому что въ демократическомъ, или народномъ правленіи гораздо болѣе, нежели въ прочихъ, дѣлается несправедливостей и притѣсненій. Напротивъ того у Крылова лягушки похожи на собакъ, которыя *съ жиру бѣсятся:* имъ показалось *неблагородно безъ службы и на волѣ жить!* Подлинно *безумныя*, какъ ихъ назвалъ Юпитеръ».

[2] «Лягушки могли бы сами себѣ выбрать царя; нѣтъ, онѣ вздумали просить о томъ *боговъ*, которые безъ просьбы даютъ всѣмъ необходимо нужное». (Измайловъ, т. II, стр. 722).

*

Хоть слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно, [3]
На сей однако жъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ: [4]
Далъ имъ царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ, [5]
И плотно такъ онъ треснулся [b] на царство, [6]
Что ходенемъ пошло трясинно государство: [7]
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ, [8]
И шепотомъ царю по кельямъ дивовались.

[b] .... трепнулся.... (во всѣхъ изд., кромѣ 1843 г.).

(Замѣчательно, что Жуковскій, въ своей статьѣ, приводя текстъ этой б., замѣнилъ глаголъ *трепнулся* гл. *треснулся*; въ академич. словарѣ перваго нѣтъ вовсе, но приведенъ послѣдній съ выпискою 9-го и 10-го стиховъ (т. IV, стр. 296). Такимъ образомъ, можемъ сказать, что эта удачная поправка принадлежитъ не Крылову, а Жуковскому).

---

[3] Измайловъ замѣчаетъ, что слово: не сродно «употреблено весьма удачно», потому что слушать вздоръ богамъ не только не прилично, но именно не сродно». (Тамъ же).

[4] Въ этомъ стихѣ, по мнѣнію Измайлова, частица *жъ* «лишняя и дѣлаетъ непріятность для слуха». (Тамъ же.)

[5] Измайловъ замѣчаетъ, что въ этомъ стихѣ нарушено правило, требующее, чтобы въ шестистопномъ ямбическомъ стихѣ цезура была послѣ первыхъ трехъ стопъ», а здѣсь она сдѣлана послѣ двухъ, и всякій чувствуетъ, что это очень хорошо, естественно и не противно для уха; ибо легкость и естественность составляютъ главнѣйшее достоинство обыкновеннаго разговора въ стихахъ. — Онъ обращаетъ также вниманіе на слово: *съ шумомъ*, придающее особенную выразительность стиху, какъ звукоподражательное. (Тамъ же).

[6] Измайловъ находитъ этотъ стихъ особенно выразительнымъ и приписываетъ его выразительность тому, что «первая половина его оканчивается односложнымъ словомъ, вторая начинается такъ же односложнымъ, за которымъ слѣдуетъ длинное слово: *трепнулся* .... Все это чрезвычайно живо изображаетъ описываемое здѣсь дѣйствіе. Кажется, видишь, какъ этотъ царь упалъ съ неба на землю, отскочилъ немного вверхъ, потомъ опять упалъ и остался уже на мѣстѣ». (Тамъ же.)

[7] «Живопись въ самыхъ звукахъ!» говоритъ Жуковскій. «Два длинныхъ слова: *ходенемъ* и *трясинно*, прекрасно изображаютъ потрясеніе болота» («Соч.», т. VII, стр. 106). Измайловъ повторяетъ слова Жуковскаго.

[8] «Въ послѣднемъ стихѣ», пишетъ Жуковскій, «красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ скачки и прыганіе. Вся эта тирада есть образецъ легкаго, пріятнаго и живописнаго разсказа». (Тамъ же.)

И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ, [9]
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ ѳсиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то [c]
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку; [10]
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бъ не пригляделся свѣтъ:
То и онѣ сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ. [11]

[c] Чуть смѣютъ на него глядѣть онѣ — и то (1809, 11).

---

[9] Выраженіе, напоминающее народную поговорку: «Всѣмъ взялъ, и ростомъ, и дородствомъ». («Словарь» Даля, стр. 423.)

[10] По поводу этого стиха Измайловъ замѣчаетъ: «Прекрасное, забавное и живое изображеніе! Изъ этого стиха можно написать картину». (Тамъ же.)

[11] Выписавъ стихи отъ 9 до 38, Жуковскій говоритъ: «Можно забыть, что читаешь стихи: такъ этотъ разсказъ легокъ, простъ и свободенъ. Между тѣмъ какая поэзія! Я разумѣю здѣсь подъ словомъ *поэзія* искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутственными». («Соч.» т. VII, стр. 105). Въ стихахъ отъ 31 до 38 Измайловъ видитъ «прекрасный примѣръ постепенности» («Соч.» т. II, стр. 725). Эти стихи могутъ быть признаны вполнѣ оригинальными, потому что у Ла Фонтена видимъ только намекъ на эту постепенность; приводимъ для сравненія стихи Ла Фонтена, соотвѣтствующіе стихамъ Крылова отъ 22 до 38:

Or c'était un soliveau,
De qui la gravité fit peur à la première
Qui, de le voir s'aventurant,
Osa bien quitter sa tanière.
Elle approcha, mais en tremblant.
Une autre la suivit, une autre en fit autant:
Il en vint une fourmilière;

Въ три дня наскучило съ такимъ царемъ житье.
Лягушки новое челобитье, [d]
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инаго нраву:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого;
За то ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ лягушкахъ каждый годъ великій недочетъ.
Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и — проглотитъ. [12]
Вотъ пуще прежняго и кваканье, и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя инова;
Что нынѣшній ихъ царь глотаетъ ихъ, какъ мухъ:
Что даже имъ нельзя (какъ это не ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконецъ, ихъ царь тошнѣе имъ засухъ. [13]

[d] Лягушки снова за вытье (1809).

(Послѣднее слово въ бывшемъ у насъ экземплярѣ, принадлежавшемъ эрмитажной, а нынѣ публичной библіотекѣ, зачеркнуто карандашемъ и вмѣсто его вписано: *вновь челобитье*. Эта поправка, вѣроятно, сдѣлана самимъ Крыловымъ.)

Et leur troupe à la fin se rendit familière
Jusqu'à sauter sur l'épaule du roi.

37-й стихъ, въ которомъ Измайловъ признаетъ особенно удачнымъ выраженіе: *по милости своей*, переводъ полустишія Ла Фонтена, слѣдующаго непосредственно за приведенными стихами: Le bon sire le souffre....

[12] О стихахъ отъ 45 до 56 Измайловъ замѣчаетъ, что они представляютъ прекрасную фигуру *разумноженія* («Соч.» т. II, стр. 727): она тѣмъ замѣчательнѣе, что вполнѣ принадлежитъ Крылову: у Ла Фонтена все это описаніе замѣняетъ слѣдующая фраза:

Le monarque des dieux leur envoie une grue,
Qui les croque, qui les tue,
Qui les gobe à son plaisir.

[13] «И коротко и сильно!» восклицаетъ Измайловъ. «Что можетъ быть мучительнѣе положенія: сидѣть цѣлый день на мѣстѣ, молчать и не смѣть никуда выглянуть. Самая малая засуха есть уже великое несчастіе для лягушекъ; но царь ихъ, журавль, несноснѣе, *тошнѣе* имъ засухъ.

— «Почто жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?[14]
Не мнѣ ль, безумныя», вѣщалъ имъ съ неба гласъ:[e]
«Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ царь, — такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ;
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;
Другой вамъ данъ, — такъ этотъ очень лихъ:
Живите жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже![15]

[e] Безумныя! вѣщалъ имъ съ неба гласъ:
Не мнѣ ли не было нигдѣ житья отъ васъ (1809, 11).

Выразительная эта метафора: *тошнье* весьма часто употреблялась въ старинныхъ нашихъ простонародныхъ пѣсняхъ, и даже нынѣ еще употребляется въ разговорахъ между простолюдинами» (тамъ же). У Ла Фонтена вся эта тирада сжата въ одно предложеніе: Et grenouilles de se plaindre.

[14] Заключительная рѣчь Юпитера довольно близка къ подлиннику:

Et Jupin de leur dire: Eh quoi! votre désir
A ses lois croit-il nous astreindre?
Vous avez dû premièrement
Garder votre gouvernement;
Mais, ne l'ayant pas fait, il vous devait suffire
Que votre premier roi fût débonnaire et doux:
De celui-ci contentez-vous,
De peur d'en rencontrer un pire.

[15] «Вообще басня сія у Крылова несравненно лучше, нежели у Ла Фонтена» (Измайловъ. тамъ же); «въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ» (Жуковскій т. VII, стр. 106). — Замѣчаніе, которымъ Измайловъ заключаетъ свой разборъ, что въ исходѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія французы походили на изображенныхъ въ этой баснѣ лягушекъ, было причиною, что ее нерѣдко примѣняли къ французамъ этой эпохи; можетъ быть, и самъ Крыловъ, пиша эту басню, имѣлъ ту же заднюю мысль. что нисколько не противорѣчило бы вообще его мнѣніямъ о французахъ.

XXVII. Левъ и Человѣкъ [1].

Эта б. въ первый разъ была напечатана въ изд. 1809 года, стр. 40, а потомъ повторена во второмъ только изданіи первыхъ 23 б. («Басни Ивана Крылова, вновь исправленныя, 1811»); изъ всѣхъ же остальныхъ изданій исключена; въ 1865 году мы ее перепечатали въ «Русскомъ Архивѣ» (№ 4) въ приложеніи къ нашей статьѣ: «Хронологія б. Крылова», сохранивъ какъ ороографію, такъ и пунктуацію изданія 1809 г.

Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.
Кто вѣры этому нейметъ,
Тотъ ясный здѣсь примѣръ найдетъ,
Что сила безъ ума сокровище плохое. —
Разкинувши тенета межъ деревъ
Ловецъ добычи дожидался;
Но какъ-то оплошавъ, самъ въ лапы льву попался. —
Умри презрѣнна тварь! Взревѣлъ свирѣпый левъ,
Разинувъ на него свой зѣвъ.
Посмотримъ, гдѣ твои права, гдѣ сила, твердость,
По коимъ ты въ тщеславіи своемъ
Всей твари, даже льва быть хвалишься царемъ?
И у меня въ когтяхъ мы разберемъ,
Сразмѣрна ль съ крѣпостью твоей такая гордость? —
Не сила, разумъ намъ надъ вами верхъ даетъ,
Былъ человѣка льву отвѣтъ.
И я хвалиться смѣю,
Что я съ умѣньемъ то препятство одолѣю,
Отъ коего и съ силой, можетъ быть,
Ты долженъ будешь уступить. —
О вашемъ хвастовствѣ усталъ я сказки слушать. —
Не въ сказкахъ доказать, я дѣломъ то могу:
А впрочемъ ежели солгу,
То ты еще меня и послѣ можешь скушать.
Взгляни — между деревьевъ сихъ.
Трудовъ моихъ
Разкинуту ты видишь паутину —
Кто лучше сквозь нее изъ васъ туда пройдетъ? —
Коль хочешь я пролѣзу напередъ.
А тамъ посмотримъ, какъ и съ силой въ свой чередъ

---

[1] У Эзопа есть также басня подъ заглавіемъ «Левъ и Человѣкъ» (№ 219, переводъ Мартынова), которую Ла Фонтенъ перевелъ подъ заглавіемъ le Lion abattu par l'homme (кн. III, б. X); но ни по содержанію, ни по нравственному выводу она не имѣетъ ничего общаго съ б. Крылова.

Проскочишь ты ко мнѣ на половину.
Ты видишь: эта сѣть не каменна стѣна;
Малѣйшимъ вѣтеркомъ колеблется она;
Однако съ силою одною,
Ты прямо сквозь нее едва-ль пройдешь за мною.
Съ презрѣніемъ тенета обозрѣвъ,
Ступай туда, сказалъ надменно левъ;
Въ мигъ буду я къ тебѣ дорогою прямою.
Тутъ мой ловецъ не тратя лишнихъ словъ
Нырнулъ подъ сѣть и льва принять готовъ. —
Какъ изъ лука стрѣла, левъ вслѣдъ за нимъ пустился,
Но левъ подныривать подъ сѣти не учился.
Онъ въ сѣть ударился, но сѣти не прошибъ —
Запутался — (ловецъ тутъ кончилъ споръ и дѣло).
Искуство силу одолѣло
И бѣдный левъ погибъ.

1811.

XXVIII. Огородникъ и Философъ.

Читана авторомъ въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова, 14 Марта 1811 г. и напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ», того же года, кн. I, стр. 51; за тѣмъ въ изданіи 1811 г. вышедшемъ подъ заглавіемъ: «Новыя басни Ивана Крылова», стр. 27.

Эта б. сохранилась въ рукописи. Приводимъ варіанты, извлеченные изъ нея и изъ изданій:

Ст. 17: И подлѣ моего твой огородъ во всемъ (рукп., Чт. въ Б. и изд. 1811).
28: .... худо, вм. *криво* (тамъ же).
42: За заступъ взялся свой (рукп.).

Приводимъ слова Плетнева, по поводу этой и нѣсколькихъ другихъ басенъ: «Его (Крылова) правоученіе проникнуто свѣтомъ опытовъ и мудрости . . . . Онъ воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ бѣды. Вникнувъ мыслью въ тайный смыслъ его басенъ: «Огородникъ и Философъ», «Червонецъ», «Музыканты», «Любопытный», кто не почувствуетъ, что, по его системѣ, педантство нелѣпо во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ». Эта басня дала поводъ г. Флёри (Journal de St. Peterbourg, № 219, 1867) къ слѣдующему заключенію о Крыловѣ: «Krylow», говоритъ онъ, «est médiocrement favorable aux découvertes, aux inventions nouvelles; il est plus frappé de leurs inconvénients que de leurs avantages. Ainsi il se plaît à railler les savants, occupés de recherches minutieuses (*le Curieux)*, les expériences agricoles (*le Jardinier et le Phi-*

losophe) и проч. Понявъ эту басню въ прямомъ ея смыслѣ и не давъ себѣ труда проникнуть въ мысль автора, французскій критикъ продолжаетъ: «La Fontaine est au contraire ami des nouveautés et quoique la philosophie de Descartes fût assez vivement poursuivie, il déclare que dans les siècles passés on eût fait un dieu de l'auteur de la «Méthode» et qu'il tient le milieu entre l'esprit et l'ange».

Хотя Крыловъ, дѣйствительно, нигдѣ, ни въ басняхъ, ни въ предшествовавшихъ сочиненіяхъ, не выразилъ сочувствія ни къ какимъ открытіямъ, изобрѣтеніямъ или нововведеніямъ; хотя дѣйствительно, ко всему онъ относился не иначе, какъ критически, что и составляетъ существенное отличіе его таланта; однакожъ никто не скажетъ, чтобы Крыловъ оставался равнодушенъ и безучастенъ къ тому, что заслуживало сочувствія. Достаточно вспомнить, съ какимъ уваженіемъ относился онъ къ труду Гнѣдича, какъ рѣзко отзывался о порицателяхъ Пушкина, который и Крылову, воспитавшемуся въ классическихъ преданіяхъ, долженъ былъ казаться нововводителемъ.

XXIX. Гуси.

Какъ и предшествующая б., читана въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова и появилась въ печати въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ», 1811, кн. I, стр. 53; перепечатана въ «Новыхъ басняхъ», стр. 39. Рукописи не сохранилось; въ печатныхъ изданіяхъ находимъ только одинъ варіантъ:

Ст. 14: И насъ, какъ птицъ простыхъ гоняетъ (Чт. въ Б. и изд. 1811).

Къ ст. 1—2: Предлинной хворостиной мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать.

Этотъ стихъ Измайловъ приводитъ, какъ примѣръ «живаго изображенія, сдѣланнаго, такъ сказать, одною чертою». («Соч.» т. II, стр. 658).

Къ ст. 30—31: Баснь эту можно бы и болѣ пояснить.
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Ср. пословицу: «Можно бы про это пѣсню спѣть, да чтобъ кого по уху не задѣть» («Послов. рус. народа», Даля, стр. 732).

XXX. Оселъ и Соловей.

Вмѣстѣ съ предыдущими двумя баснями была читана въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова и въ первый разъ напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ», кн. I, стр. 55. Сохранившаяся рукопись и изданія заключаютъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—6: Пропой мнѣ кой-что, чтобы я,
Твое услыша пѣнье,
Самъ посудилъ о твоемъ умѣньѣ (рукоп.)
— Желалъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье («Чт. въ Б.». Послѣдній стихъ измѣненъ при изд. 1843).
— Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое послушавъ пѣнье (изд. 1811).
20—21: Ну, что жъ, сказалъ оселъ — хотя
Не худо.... (рукп.)
— Скончалъ пѣвецъ и ждалъ хвалы потомъ.
Изрядно, говоритъ оселъ, сказать не ложно.... («Чт. въ Б.», изд. 1811).

Къ ст. 1 — 6: Оселъ увидѣлъ Соловья....
Велико ль подлинно твое умѣнье?

По поводу этихъ стиховъ Лобановъ замѣчаетъ: «Оселъ, котораго обличаютъ уже слова: *послушай-ка*, *дружище*, не довѣряя похваламъ другихъ, самъ хочетъ посудить о пѣньѣ соловья. Читатель предугадываетъ уже мудрое рѣшеніе его и любопытствуетъ слышать оное; авторъ съ самаго начала овладѣлъ уже его вниманіемъ» (стр. 52). Первыя 3 строки Измайловъ приводитъ, какъ образецъ «естественности въ изображеніи характеровъ», при чемъ обращаетъ особенное вниманіе на увеличительныя: *дружище* и *мастерище* («Соч.» т. II, стр. 681).

Къ ст. 8 — 12: Защелкалъ, засвисталъ....
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

«Мы читывали когда-то», говоритъ Лобановъ (тамъ же), указавъ на приведенныя строки, «утомительныя, скучныя описанія пѣнія соловья, но такого мелодическаго, мастерскаго концерта, даннаго намъ Крыловымъ, не случалось намъ читать ни на какомъ языкѣ. Предпослѣднимъ стихомъ очаровавши нашу душу и усладивши нашъ слухъ упоительною мелодіею, авторъ, какъ глубокій музыкантъ, оканчиваетъ свой концертъ гремучимъ, рокочущимъ стихомъ».

Ср. съ описаніемъ пѣнія соловья и произведеннаго имъ впечатлѣнія у Державина, въ стихотвореніяхъ: «Соловей», т. I, стр. 692, и «Обитель Добрады», т. II, стр. 695. академич. изд.; и съ слѣдующимъ четверостишіемъ Мих. Попова:

Урчалъ, дробилъ, визжалъ, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косно вдругъ, вдругъ томно, тяжко, звонко,
Стеналъ, хрипѣлъ, щелкалъ, скрыпѣлъ, тянулъ, виллялъ,
И разностью такой людей и птицъ плѣнялъ.

(Притча «Соловей», «Досуги» Мих. Попова, Спб. 1772 г., ч. I, стр. 30.)

Въ 1-мъ и 2-мъ примѣчаніяхъ къ стих. «Соловей» Я. К. Гротъ указалъ на всѣ попытки русскихъ писателей описать пѣнье соловья и заключилъ, что Крыловъ наконецъ рѣшилъ эту задачу. («Соч.» Державина, т. I, стр. 692—695.)

Къ ст. 13 — 16: Внимало все тогда....
И прилегли стада.

«Подобныя фантазіи рождаются только въ головахъ такихъ людей, каковъ былъ Крыловъ. Очарованіе полное, нечего, кажется, болѣе прибавить; но нашъ поэтъ былъ живописецъ. Въ богатомъ своемъ воображеніи онъ нашелъ еще прелестную картину, которая увѣнчиваетъ изображеніе и довершаетъ очарованіе, произведенное пѣньемъ соловья.» (Приводятся слѣдующіе стихи до 19-го.) (Лобановъ, стр. 52). — На описаніе пѣнья соловья и впечатлѣнія, произведеннаго имъ, Измайловъ указываетъ, какъ на образецъ картиннаго описанія. («Соч.» т. II, стр. 661).

Къ ст. 20 — 23: Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ...
Тебя безъ скуки слушать можно.

«Это судъ обыкновеннаго невѣжды, которому недоступно изящное; но окончательный нелѣпый приговоръ глупца еще не высказанъ; вотъ онъ:

А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Вотъ приговоръ, отъ какихъ многіе, по слабости человѣческой природы, сходили съ ума или погибали въ огорченіи. Изящество даровъ природы всегда сопровождается и живымъ воображеніемъ и чрезмѣрною чувствительностію, которыя легко раздражаются и все принимаютъ къ сердцу; да и соловей Крылова что дѣлаетъ?

Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять полей.»

(Лобановъ, стр. 52).

О случаѣ, подавшемъ поводъ къ сочиненію этой б., Лобановъ говоритъ весьма неопредѣленно: «Авторъ, зная по опыту, а можетъ быть и собственному своему, сколько страдаютъ умные, талантливые люди отъ глупыхъ сужденій сильныхъ судей, и сколько вреда, а иногда и зла отъ того проистекаетъ, хотѣлъ выставить на позоръ такихъ людей; и если онъ ихъ не исправилъ, — вѣдь дураковъ не переродишь, — то надѣлилъ русскую словесность восхитительнымъ стихотвореніемъ» (стр. 51). Гораздо опредѣлительнѣе выражается объ этомъ предметѣ Кёнигъ въ «Очеркахъ русской литературы» (рус. перев. 1862 г. стр. 67). Онъ говоритъ: «Никто не сомнѣвается, что подъ соловьемъ и пѣтухомъ Крыловъ разумѣлъ себя и Дмитріева, а подъ осломъ одного преданнаго сему послѣднему критика». Но это не совсѣмъ вѣрно. Намъ неоднократно случалось слышать отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ В. Т. Плаксина, имѣвшаго возможность узнать истину изъ ближайшихъ источниковъ, конечно устныхъ, слѣдующій разсказъ о происшествіи, подавшемъ поводъ къ сочиненію этой басни:

Какой-то вельможа (по словамъ однихъ, гр. Разумовскій, по другимъ, кн. А. Н. Голицынъ), можетъ быть, слѣдуя примѣру имп. Маріи Ѳеодоровны, покровительствовавшій поэту, а можетъ быть, искренно желая свести съ нимъ знакомство, пригласилъ его къ себѣ и просилъ прочитать двѣ-три басенки. Крыловъ артистически прочиталъ нѣсколько басенъ, въ томъ числѣ одну, заимствованную у Ла Фонтена. Вельможа выслушалъ ихъ благосклонно и глубокомысленно сказалъ: «Это хорошо: но почему вы не переводите такъ, какъ Ив. Ив. Дмитріевъ»? — «Не умѣю», скромно отвѣчалъ поэтъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Возвратясь домой, задѣтый за живое баснописецъ, вылилъ свою желчь въ б. «Оселъ и Соловей». Что всѣ дѣйствующія лица этой басни и отношенія между ними—намеки на дѣйствительность, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но мы находимъ подтвержденіе этому въ слѣдующемъ фактѣ, записанномъ М. А. Дмитріевымъ: «Лѣтомъ 1822 года», говоритъ онъ, «нѣсколько русскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ Крыловъ, нанимали на общій счетъ дачу близъ Руки (мѣстность указана не вѣрно). Иногда у нихъ бывали чтенія. Въ этомъ маленькомъ обществѣ Крылова называли «соловьемъ». («Мелочи изъ запаса моей памяти», «Москвит.», за январь 1854, стр. 191). Едва ли возможно сомнѣваться, что такое имя было дано ему на основаніи его басни. Сюда же, по словамъ М. А. Дмитріева, относится и стихотвореніе гр. Хвостова: «Пѣвцу-Соловью», для прочтенія котораго авторъ нарочно поѣхалъ на дачу; но поплатился за то, потому что слушатели безпрестанно прерывали чтеніе аплодисментами, увѣривъ его напередъ, что за каждый аплодисментъ у нихъ положено ставить бутылку шампанскаго. Въ «Полномъ собраніи сочиненій» гр. Хвостова мы нашли это стихотвореніе только не подъ тѣмъ заглавіемъ, какое даетъ

ему М. А. Дмитріевъ, а подъ другимъ: «Новоселье въ Киріановкѣ» * (т. V, стр. 86), которое отнесено къ іюню 1822 г. и было читано авторомъ на дачѣ 7-го іюня (примѣч. 67), гдѣ, по словамъ гр. Хвостова, собирались не литераторы, а члены англійскаго клуба. Приводимъ 4-ю строфу стихотворенія, относящуюся къ нашему предмету:

Средь Киріановки смекали
Устроить на Руси Парнасъ,
Съ утра до вечера, подъ часъ,
И въ вистъ и рокомболь играли.
Теперь, любезные друзья,
Пріѣхалъ (*я*) слушать соловья.

XXXI. Листы и Корни.

Въ первый разъ напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любит. русскаго слова», кн. IV, стр. 100.

Въ изд. 1811 г. и позднѣйшихъ находимъ слѣдующія перемѣны.

Ст. 3: Листки.... (до 1843).
6: .... краса долинѣ всей (до 1843).
14: Плясать пастушекъ привлекаемъ (Чт. въ Б. и изд. 1811).
21: Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно (до 1843).
23-й ст. прибавленъ въ изданіи 1843 г.
25—27: Мы тѣ,
Имъ снизу отвѣчали,
Которые, здѣсь роясь *и проч.* (изд. 1830, 34).
31: .... съ каждою весной.... (Чт. въ Б. 1811).

«Листы и Корни», пишетъ Плетневъ, «утверждаютъ законныя отношенія между сословіями» (стр. LVII).

Вникнувъ въ смыслъ этой басни и замѣчанія Плетнева, правда, очень лаконическаго, но тѣмъ не менѣе многозначительнаго, нельзя не

---

* Киріановка — дача на четвертой верстѣ по петергофской дорогѣ, принадлежавшая княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой; она назвала ее такъ во имя св. Кира и Іоанна, память которыхъ празднуется 28 іюня, въ день восшествія на престолъ имп. Екатерины II.

видѣть, что подъ корнями, роющимися въ землѣ, Крыловъ, разумѣлъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ басня отвѣчаетъ на одинъ изъ серьознѣйшихъ вопросовъ, поднятыхъ въ первый же годъ царствованія имп. Александра I,* — вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, вызвавшій самыя разнорѣчивыя мнѣнія не только людей государственныхъ, но и тогдашнихъ литераторовъ, въ томъ числѣ и главнѣйшаго, передоваго между ними — Карамзина **. Сличеніе вгляда Крылова съ высказанными въ тѣ времена мнѣніями вполнѣ раскрываетъ тотъ здоровый, самостоятельный умъ баснописца, которому не даромъ удивлялись его современники.

XXXII. Синица.

Въ первый разъ напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любит. русскаго слова», кн. IV, стр. 102, затѣмъ въ изд. 1815 года, ч. II, стр. 4. съ перемѣною одного стиха:

Ст. 26: Не обижаючи синицына лица (Чт. въ Б.).

Основная мысль б., выраженная въ нравоученіи, вполнѣ высказывается народною пословицею: «Не хвалися ѣдучи на рать, а хвалися ѣдучи съ рати» (Снегиревъ, «Рус. нар. посл.», 1848 г. стр. 295). Къ кому относилась эта б., узнать мы не имѣли возможности; но ее весьма удачно впослѣдствіи примѣнили къ Н. Полевому, сочиненія котораго, «Исторіи Русскаго народа», долго ожидали вслѣдствіе сдѣланнаго заранѣе объявленія, и когда вышли первые два тома, то О. Сомовъ (въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1830 г. стр. 93) о нихъ сказалъ, что они приводятъ на память окончаніе басни «Синица».

Къ ст. 23—24: Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла.

Съ этими двумя стихами Снегиревъ (стр. 369) сопоставляетъ народную поговорку: «Синица за море летѣла и море зажигать хотѣла; синица много нашумѣла, да не было изъ шума дѣла» (см. «Пол. собр. русск. посл.» Д. К., стр. 225).

---

* См. «Вѣстникъ Европы» 1866 г., т. I, стр. 178 — 9; 184 и слѣд.

** См. рѣчь Я. К. Грота, «Торжественное собраніе Имп. Акад. Н. 1-го Дек. 1866 года», стр. 21. и примѣчанія отъ 41 до 51, а также «Записки» Державина въ «Русской Бесѣдѣ», 1859 г. кн. XVII. стр. 485 — 490. и «Соч.» его, академич. изд. т. II, стр, 391.

XXXIII. Откупщикъ и Сапожникъ.

По указанію Валькнэера (Fables de La Fontaine, 1841), содержаніе басни le Savetier et le Financier Ла Фонтенъ заимствовалъ у французскаго писателя первой половины XVI вѣка Bonaventure des Periers изъ его разсказа: du savetier Blondeau, qui ne fut oncques en sa vie mélancholique deux fois; et comment il y pourveut, et de son épitaphe. Прежде Крылова эту б. передѣлалъ на русскій языкъ Сумароковъ, подъ заглавіемъ: «Ремесленникъ и Купецъ» (кн. V, притча LV), а послѣ него гр. Хвостовъ (кн. III, б. XIV).

Передѣлка Крылова въ первый разъ напечатана въ «Новыхъ басняхъ», 1811 года, стр. 1.

Ст. 5 и 6: Въ дому сластей и винъ по горло, черезъ край (1811).
31: .... сударь, вм. *баринъ.*
32: .... ты и веселъ и поешь?
34: И вѣрно! что жъ за чудо?
46: .... ужъ тѣмъ ведется свѣтъ.
48: .... богатѣ, вм. *богатьй.*
55: Дай Богъ, чтобъ *и проч.*
62—71: Примчалъ гостинецъ подъ полой,
А съ нимъ принесъ заботу, сокрушенье,
Безсонницу, тоску и подозрѣнье.
То спрячетъ деньги за замокъ,
То дорогой мѣшокъ
Украдкою схоронитъ подъ заборомъ,
Замечетъ хворостомъ и соромъ,
И ходитъ ночью самъ дозоромъ;
Ну, словомъ, жизнь *и проч.*

Къ ст. 1—2: Богатый откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ ....
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.

Первые 20 стиховъ, въ которыхъ изображены отношенія и положенія дѣйствующихъ лицъ, составляютъ развитіе слѣдующихъ стиховъ Ла Фонтена:

Un savetier chantait du matin jusqu'au soir:
C'était merveilles de le voir,
Merveilles de l'ouïr; il faisait des passages,
Plus content qu'aucun des sept sages.

Son voisin, au contraire, étant tout cousu d'or,
Chantait peu, dormait moins encor:
C'était un homme de finance.
Si sur le point du jour parfois il sommeillait,
Le savetier alors en chantant l'éveillait.

Къ ст. 27—59: Пріятель дорогой, здорово....
Прощай!...

Идея разговора между откупщикомъ и сапожникомъ остается та же, но изложеніе у Крылова совершенно оригинально.

Къ ст. 30: Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ.

Измѣненная пословица: «Кто кому надобенъ, тотъ тому памятенъ» (Снегиревъ, «Рус. пословицы и поговорки», 1848, стр. 189). Измайловъ приводитъ этотъ стихъ, какъ образецъ удачнаго уклоненія отъ разсказа, *размышленія* («Соч.», т. II, стр. 666).

Къ ст. 56—57: Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги.

У Ла Фонтена: Prenez ces cent écus; gardez-les avec soin,
Pour vous en servir au besoin.

Къ ст. 63—71: Примчалъ гостинецъ подъ полой....
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.

У Ла Фонтена:

Il retourne chez lui: dans sa cave il enserre
L'argent, et sa joie à la fois.
Plus de chant: il perdit la voix,
Du moment qu'il gagna ce qui cause nos peines.
Le sommeil quitta son logis:
Il eut pour hôtes les soucis,
Les soupçons, les alarmes vaines.
Tout le jour il avait l'oeil au guet; et la nuit
Si quelque chat faisait du bruit,
Le chat prenait l'argent.

Къ ст. 74—80: Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику....
Не надобенъ милльонъ.

У Ла Фонтена:

.... A la fin le pauvre homme
S'en courut chez celui qu'il ne réveillait plus:
Rendez-moi, lui dit-il, mes chansons et mon somme,
Et reprenez vos cent écus.

XXXIV. Вороненокъ.

Ла Фонтенъ содержаніе своей басни le Corbeau voulant imiter l'Aigle заимствовалъ изъ Эзоповой б. Соя и Пастухъ (№ 203 пер. Мартынова), но измѣнилъ правоученіе Эзопа. — У послѣдняго выводъ тотъ, что «спорящій съ высшими себя, не только никакого не имѣетъ успѣха, но и въ несчастіи подвергается смѣху». У Ла Фонтена же читаемъ слѣдующее:

Il faut se mesurer; la conséquence est nette:
Mal prend aux volereaux de faire les voleurs.
L'exemple est un dangereux leurre:
Tous les mangeurs de gens ne sont pas grands seigneurs;
Où la guêpe a passé, le moucheron demeure.

Сумароковъ также перевелъ эту б., подъ заглавіемъ «Ворона» (кн. VI, притча LV), и вывелъ правоученіе, что «не должно браться за дѣло, которое выше силъ»; впослѣдствіи и гр. Хвостовъ перевелъ ее, прибавивъ совершенно иное заключеніе, въ которомъ отчасти выразилась идея Ла Фонтена, отчасти Крылова:

Положимъ, воровать иному безопасно, —
Примѣровъ тысячи всегда легко сыскать;
Но въ этой басенкѣ правоученье ясно:
Худому образцу не должно подражать.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изд. 1811 г., стр. 5, съ слѣдующими незначительными варіантами:

Ст. 13: Тутъ воронъ поднялся и сталъ кружить надъ стадомъ (1811).
22: Тутъ поздно онъ узналъ....

Къ ст. 1—5: Орелъ....
Взманило это вороненка.

Первые пять стиховъ Крылова соотвѣтствуютъ слѣдующимъ четыремъ Ла Фонтена:

L'oiseau de Jupiter enlevant un mouton,
Un corbeau, témoin de l'affaire,
Et plus faible de reins, mais non pas moins glouton,
En voulut sur l'heure autant faire.

*

Къ 6—12: Да только думаетъ онъ такъ....
Такъ царскій, подлинно, кусочекъ подхвачу.

У Ла Фонтена воронъ, высмотрѣвъ барана, говоритъ:

Je ne sais qui fut ta nourrice;
Mais ton corps me paraît en merveilleux état:
Tu me serviras de pâture.

Къ ст. 12—19: Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ....
Который доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.

У Ла Фонтена:

Il tourne à l'entour du troupeau,
Marque entre cent moutons le plus gras, le plus beau,
Un vrai mouton de sacrifice:
On l'avait réservé pour la bouche des dieux.

Къ ст. 20—32: Изладясь, на него спустился....
И дѣтямъ отдали играть.

По содержанію эта часть разсказа сходна съ подлинникомъ, но значительно отличается по изложенію; у Ла Фонтена:

Sur l'animal bêlant.... il s'abat.
La moutonnière créature
Pesait plus qu'un fromage; outre que sa toison
Etait d'une épaisseur extrême,
Et mêlée à peu près de la même façon
Que la barbe de Polyphème.
Elle empêtra si bien les serres du corbeau,
Que le pauvre animal ne put faire retraite:
Le berger vient, le prend, l'encage bien et beau,
Le donne à ses enfants pour servir d'amusette.

Къ ст. 33—36: Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ....
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

Ср. съ приведеннымъ выше правоученіемъ Ла Фонтена. — По поводу этой басни Каченовскій въ своей желчной, придирчивой статьѣ о «Новыхъ басняхъ Крылова», говоритъ, что здѣсь орелъ неправильно представленъ воромъ, «потому что въ области баснословія орелъ имѣетъ не такой характеръ», и такое представленіе противорѣчитъ мнѣнію Баттё, который говоритъ: «основаніемъ басни должна быть натура или по крайней мѣрѣ *всѣми принятое мнѣніе*». Несправедливость этого замѣчанія можно доказать ужъ тѣмъ, что у Ла Фонтена, котораго наши классики почитали безукоризненнымъ, не только въ этой баснѣ орелъ представленъ воромъ, что видно изъ правоученія, но и въ б. les deux

Pigeons ему приданъ тотъ же эпитетъ: когда между коршуномъ и орломъ завязалась изъ-за голубя борьба,

Le pigeon profita du conflit «des voleurs».

Послѣдній стихъ басни Крылова: «Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ», съ малымъ измѣненіемъ въ расположеніи словъ, вошелъ во всѣ сборники пословицъ (Д. К., стр. 283, Снегиревъ, стр. 459, Даль, 157).

XXXV. Подагра и Паукъ.

Заимствована изъ б. Ла Фонтена la Goutte et l'Araignée, который, по указанію Валькнэера (Fables de La Fontaine, Paris, 1841, кн. III, б. VIII), взялъ сюжетъ изъ Camerarii fabulae, 1570. Тредьяковскій первый изъ русскихъ писателей перевелъ эту басню («Соч.» т. I. стр. 250) и отнесъ ее къ числу Эзоповыхъ, что совершенно несправедливо, потому что у Эзопа вовсе нѣтъ басни такого содержанія.

Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 8., съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 2—6: Такъ въ баснѣ Ла Фонтенъ сказалъ — и утвердилъ.
Не мнѣ за нимъ судить, вывѣшивать и мѣрить,
На сколько правды тутъ; при томъ же ужъ кому,
Коль не ему,
Намъ въ басняхъ вѣрить (1811).
(Первый изъ приведенныхъ стиховъ измѣненъ уже въ изд. 1815 г., остальные при изд. 1830 г.)

29—31: Подалѣ отъ аптекъ, въ деревнѣ жить я рада.
А то меня хирурги, доктора
Тамъ сгонятъ съ каждаго богатаго двора (до 1830).

39—40: Но только что съ работою убрался,
По-утру щеткою все смелъ слуга долой.

вм. 43—44: Паукъ туда, сюда — гдѣ сѣть сновать ни станетъ.

72—74: .... не видались
И не мѣнялись,
Довольны участью равно.

Къ ст. 1—25: Подагру съ паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ . . .
И трудъ, и нищета.

Этой части разсказа, исключая отступленіе, отъ 2-го до 13-го стиха, соотвѣтствуютъ слѣдующіе стихи Ла Фонтена:

Quand l'enfer eut produit la goutte et l'araignée,
Mes filles, leur dit-il, vous pouvez vous vanter
D'être pour l'humaine lignée
Egalement à redouter.
Or, avisons aux lieux qu'il vous faut habiter.
Voyez-vous ces cases étraites,
Et ces palais si grands, si beaux, si bien dorés?
Je me suis proposé d'en faire vos retraites.

Къ ст. 26—31: Мнѣ хижинъ ни за что не надо . . . .
Гонять изъ каждаго богатаго двора.

У Ла Фонтена:

Il n'est rien, dit l'aragne, aux cases qui me plaise.
L'autre, tout au rebours, voyant les palais pleins
De ces gens nommés médecins,
Ne crut pas y pouvoir demeurer à son aise.

Къ ст. 32—58: Такъ смолвясь братъ съ сестрой . . . .
Избавишься отъ ней.

Въ этой части басни Крыловъ измѣнилъ порядокъ изложенія, но сохранилъ мысль подлинника, а мѣстами и способъ выраженія:

Elle (la goutte) prend l'autre lot, y plante le piquet,
S'étend à son plaisir sur l'orteil d'un pauvre homme,
Disant: Je ne crois pas qu'en ce poste je chôme,
Ni que d'en déloger et faire mon paquet
Jamais Hippocrate me somme.
L'aragne cependant se campe en un lambris,
Comme si de ces lieux elle eût fait bail à vie;
Travaille à demeurer: voilà sa toile ourdie.
Voilà des moucherons de pris.
Une servante vient balayer tout l'ouvrage.
Autre toile tissue, autre coup de balai.
Le pauvre bestion tous les jours déménage.
Enfin, après un vain essai,
Il va trouver la goutte. Elle était en campagne,
Plus malheureuse mille fois
Que la plus malheureuse aragne.
Son hôte la menait tantôt fendre du bois,
Tantôt fouir, houer: goutte bien tracassée
Est, dit-on, à demi pansée.

Къ ст. 59—77: Нѣтъ, братецъ, говоритъ она: не жизнь мнѣ въ полѣ....
И оба дѣлаютъ умно.

Эта часть басни по мысли также сходна съ оригиналомъ:

Oh! je ne saurais plus, dit-elle, y résister.
Changeons, ma soeur l'aragne. Et l'autre d'écouter:
Elle la prend au mot, se glisse en la cabane:
Point de coup de balai qui l'oblige à changer.
La goutte, d'autre part, va tout droit se loger
Chez un prélat, qu'elle condamne
A jamais du lit ne bouger.
Cataplasmes, Dieu sait! Les gens n'ont point de honte
De faire aller le mal toujours de pis en pis.
L'une et l'autre trouva de la sorte son compte,
Et fit très sagement de changer de logis.

XXXVI. Квартетъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 12. Въ этомъ изданіи и сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Затѣйщица Мартышка (рукоп.)
13: Въ изд. 1830 и 1834 неправильно печаталось: *прямо* вм. *прима*
19: Сказалъ Оселъ.... (р.).
34—36: Имъ соловей на то въ отвѣтъ:
А этого-то въ васъ и нѣтъ —
То какъ, друзья, вы ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь (р.).

О поводѣ къ сочиненію этой б. находимъ свидѣтельство въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля (т. II, стр. 151). Въ 1811 г. въ мартѣ мѣсяцѣ была открыта Бесѣда любителей русскаго слова. «На подобіе государственнаго совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и Бесѣду раздѣлили на четыре разряда, также какъ у него посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку членовъ и по нѣскольку членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію Бесѣды. Вообще она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста, чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ

о талантахъ».... Списокъ членовъ «украшался именемъ Крылова, какъ вечернія собранія ихъ оживлялись немного чтеніемъ его басенъ» . . . «Крыловъ хотя и выдалъ особу свою Бесѣдѣ, но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея открытія выданную имъ басню «Квартетъ».... Сверхъ того, баронъ М. А. Корфъ указываетъ на другой фактъ, послужившій поводомъ къ сочиненію этой басни: Послѣ преобразованія государственнаго совѣта въ 1810 г., «первыми предсѣдателями департаментовъ были: гр. Завадовскій, Мордвиновъ, кн. Лопухинъ и гр. Аракчеевъ. Извѣстно, что продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ ихъ разсадить и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ мы обязаны остроумною баснею Крылова «Квартетъ». («Жизнь гр. Сперанскаго», изд. 1861 г., т. I, стр. 118). Оба эти свидѣтельства такъ вѣроятны, что нѣтъ возможности положительно рѣшить, которому изъ нихъ должно отдать предпочтеніе.

XXXVII. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 15, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: .... стѣны тамъ....
8: Съ богатствомъ легъ....
36: За этимъ стихомъ слѣдовалъ:
Совѣтовъ ихъ не оберешься.

Къ ст. 26—29: Возьми у меня щенка любаго . . .
Чѣмъ ихъ топить.
Измайловъ признаетъ образцомъ *простодушія* («Соч.» т. I, стр. 701).

XXXVIII. Хозяинъ и Мыши.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 17, и перешла въ послѣдующія изданія безъ всякихъ перемѣнъ.

Не имѣетъ ли эта басня отношенія къ послѣдствіямъ, обнаружившимся послѣ всеобщаго наказанія, постигшаго чиновниковъ коммиссаріатскаго и провіантскаго департаментовъ, за злоупотребленія во время войны съ Франціею? (Отъ нихъ отняты были мундиры, см. «Полн. собр. зак.» т. XXIX, № 22542). На эту мысль наводитъ все содержаніе басни и въ особенности слѣдующіе стихи:

.... берегись клепать,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору.

и потомъ:

Тутъ чѣмъ бы вора подстеречь,
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ и виноватый
Скорѣй съ двора долой.

Дѣйствительно, множество чиновниковъ немедленно подало въ отставку, не желая нести общаго, многими, можетъ быть, не заслуженнаго наказанія. «Графъ Аракчеевъ, опасаясь, чтобы малое число честныхъ людей не поспѣшило оставить службу, выпросилъ, вопреки дворянской грамотѣ, запрещеніе подавать въ отставку даже и тѣмъ (чиновникамъ), кои найдены будутъ совершенно исправными» («Воспом.» Вигеля, ч. III, стр. 23). Это дѣло могло особенно интересовать Крылова, потому что должность генералъ-провіантмейстера занималъ тогда Дмитрій Борисовичъ Мертваго, женатый на родной сестрѣ Елизаветы Марковны Олениной. («Записки» Д. Б. Мертваго, «Русск. Архивъ», 1867 г. № 8 и 9-й стр. 225—252).

Мы не имѣемъ никакихъ средствъ опредѣлить время, когда написана была эта басня; но очень вѣроятно, что Крыловъ написалъ ее задолго до изданія «Новыхъ Басенъ», въ число которыхъ включено нѣсколько басенъ, сочиненныхъ въ 1808 г., напр. «Слонъ на Воеводствѣ, Лисица и Виноградъ» и другія.

XXXIX. Волкъ и Волченокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 20, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 2: Трудомъ когтей питаться (1811),
вм. 6 и 7: На счетъ сосѣдній отобѣдать.
15: Да ободрать и съѣсть.
23: И плохи, кажется, или ужъ очень смирны.

Къ ст. 33: А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.

Ср. этотъ стихъ, выражающій основную мысль басни, съ пословицами: «Каковъ попъ, таковъ и приходъ», «Каковъ батька, таковы у него и дѣтки» и др. (Снегиревъ, «Русскія народныя пословицы и притчи», М. 1848 г., стр. 163).

XL. Обезьяна.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 22, и перешла въ слѣдующія изданія безъ перемѣнъ.

Крыловъ не причислялъ этой б. къ разряду заимствованныхъ, но у Сумарокова находимъ притчу подъ заглавіемъ: «Пахарь и Обезьяна» (кн. VI, пр. XXXV), весьма сходную по содержанію съ «Обезьяною» Крылова. Вотъ эта притча:

Мужикъ своимъ трудомъ на свѣтѣ жить родился.
Мужикъ пахалъ, потѣлъ, мужикъ трудился,
И отъ труда
Онъ ждетъ себѣ плода.
Прохожій похвалилъ работника съ дороги.
То слыша подняла и обезьяна ноги,
И хочетъ похвалы трудами испросить,
Отъ любочестія и въ ней разжегся пламень,
Взяла великой камень,
И стала камень сей переносить
На мѣсто съ мѣста,
А камень не пирогъ, и здѣланъ не изъ тѣста;
Такъ ежели когда носить ево хотѣть,
Конечно надлежитъ нося ево потѣть:
Потѣетъ и трудится.
Другой прохожій шелъ,
Въ трудѣ ее нашелъ,
И говоритъ: на что толикой трудъ годится?
Безумцы ни когда покоя не хранятъ.
Впередъ не заманятъ
Къ трудамъ меня, она болтала:
Свой камень бросила, трудиться перестала;
И жестоко роптала,
За что хвала другимъ, за то меня бранятъ.

По всей вѣроятности, эта притча послужила источникомъ Крылову.

XLI. Совѣтъ мышей. [1]

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 23, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 13—14: Да впрочемъ объ умѣ мы сами часто судимъ
По бородѣ (1811).
36—37: У всѣхъ
По ней одной подымутъ насъ на смѣхъ;
Какой же съ ней въ дѣлахъ намъ будетъ и успѣхъ
(до изд. 1825).

XLII. Мѣшокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 25, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 31: Хоть такъ онъ вретъ (1811).
40: Мы басней ни на чье лицо не намекали.
43: . . . . въ подносщикахъ бывали.
49: Которые теперь не рѣдко съ тѣмъ вельможей (до 1825).

Къ ст. 20—21: Когда же кто къ нему подсядетъ,
То, вѣрно, ужъ его потреплетъ иль погладитъ.

У Измайлова эти стихи приведены какъ образецъ «естественности въ описаніи происшествій». («Соч.» т. II, стр: 680).

Къ ст. 33—35: Но у людей къ несчастью тотъ порокъ . . . .
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.

Эти три стиха Измайловъ приводитъ, какъ примѣръ *размышленія*, въ которомъ «баснописецъ, повѣствуя какое нибудь вымышленное происшествіе, мимоходомъ намекаетъ на слабости и пороки». (Тамъ же.)

XLIII. Крестьянинъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 29, и перешла въ послѣдующія изданія безъ перемѣнъ.

Къ ст. 20—21: Притомъ же иногда, голубчикъ мой . . . .
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ.

У Измайлова они приводятся, какъ образецъ удачнаго *размышленія* «Соч.» т. II. стр. 668).

---

[1] У Ла Фонтена есть басня Conseil tenu par les Rats (кн. II, б. 11), которую перевелъ гр. Хвостовъ, подъ заглавіемъ «Совѣтъ мышей» (кн. I, б. 28): но она ничего не имѣетъ общаго съ этой б. Крылова.

Къ ст. 43—47: Въ комъ есть и совѣсть и законъ....
Онъ воровать не перестанетъ.

Эти стихи, составляющіе выводъ изъ басни, суть ничто иное, какъ распространеніе народной пословицы: «Дай вору хоть золотую гору — воровать не перестанетъ (прибавляется: а честнаго хоть засыпь золотомъ не украдетъ)» («Пословицы русскаго народа», В. Даля, стр, 158). Впрочемъ, очень можетъ быть, что въ настоящемъ случаѣ не Крыловъ заимствовалъ у народа, а его мысль изъ басни перешла въ народъ и приняла форму пословицы, первая половина которой у него уже была готова въ пословицѣ: «Дай вору золотую гору—и ту промотаетъ» (Снегиревъ, «Русс. нар. посл. и притчи», М. 1848 г., стр. 82).

XLIV. Воспитаніе Льва.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 31, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 16—17: А ложь въ устахъ царя гнусна,
И долженъ слово царь хранить ненарушимо;
Итакъ лисицу мимо.
— А слово царское быть должно нерушимо:
Царю и царству ложь въ устахъ царя вредна;
Итакъ лисицу мимо.
(Экземпляръ изд. 1819 г., принадлежащій имп. публ. библіотекѣ).

24: Что кротъ неутомимъ на малыя дѣла.
66: И такъ я съ радостью тебѣ правленье сдамъ.
73: Какой гдѣ птицѣ водъ (1811).
— Какой гдѣ *птицы* болѣ водъ (во всѣхъ изд. до 1843).
87—90: Что пользы мало въ томъ, или и вовсе нѣтъ,
Чтобъ знать, кто какъ у птицъ живетъ,
Тому, кого звѣрьми владѣть зоветъ природа;
И что главнѣйшая наука *и проч.* (во всѣхъ изд. до 1830).
— Что львенокъ не тому, что надобно, учился —
Что онъ о птицахъ лишь твердитъ,
Едва ли вѣдая, въ чемъ состоитъ
Звѣрный бытъ.
Хоть царствовать звѣрьми владѣть (sic) зоветъ его природа *

* Этотъ и слѣдующій стихъ приводимъ, какъ они напечатаны въ изд. 1834 года; ясно, что въ обоихъ вкрались важныя ошибки.

И что главнѣйшей нѣтъ науки въ немъ царей;
Знать пользы своего народа *и проч.* (изд. 1834).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой баснѣ (которая, подобно многимъ другимъ могла быть написана раньше 1811 г.) Крыловъ намекаетъ на неправильное воспитаніе имп. Александра. Вотъ что говоритъ объ этомъ Вигель, вообще относящійся враждебно къ эпохѣ преобразованій и главнымъ ея представителямъ, слѣдовательно, выражающій не столько личное свое мнѣніе, сколько мнѣніе всѣхъ тогдашнихъ консерваторовъ: «Его (Александра) воспитаніе было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины; образованіе его ума поручила она Женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего пріѣзда, и который карманную республику свою поставилъ образцомъ будущему Самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка.... Но не разжевавши ихъ, можно сказать, не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать» («Воспоминанія», ч. II, стр. 11, рки. имп. публ. библ.). «Утверждаютъ, что въ это время (*т. е. въ началѣ царствованія*) благонамѣренный, но неопытный царь, подстрекаемый письмами изъ Женевы (кои послѣ имѣлъ я случай читать и даже переписывать), хотѣлъ безъ всякаго приготовленія, однимъ махомъ издать для Россіи какую-то конституцію». (Тамъ же, стр. 27). Понятно, что такіе слухи, будь они даже неосновательные, должны были самымъ непріятнымъ образомъ поразить людей, воспитавшихся и развившихся въ царствованіе имп. Екатерины, смотрѣвшихъ на всякое измѣненіе въ ея учрежденіяхъ, какъ на святотатство.

Со львенкомъ Крылова Вигель сравниваетъ гр. Виктора Павловича Кочубея: «передъ соотечественниками было чѣмъ ему блеснуть: онъ лучше другихъ зналъ составъ парламента (англійскаго), права его членовъ, прочиталъ всѣхъ англійскихъ публицистовъ и, какъ львенокъ крыловой басни, учить собирался звѣрей вить гнѣзда». (Тамъ же, стр. 7)

Мнѣніе Плетнева объ этой б. см. въ примѣч. къ б. «Бочка».

У Флоріана есть басня подъ заглавіемъ: l'Education du Lion (кн. II, б. XV), переведенная Дмитріевымъ (кн. III, б. I); но ни по содержанію, ни по цѣли эти басни не имѣютъ между собою ничего общаго.

XLV. Свинья.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 41, и перешла въ послѣдующія изданія безъ перемѣнъ.

По поводу этой б. Каченовскій, вѣроятно, принявшій ее на свой счетъ, писалъ слѣдующее: «Собраніе сихъ «Новыхъ Басенъ» заключается престраннымъ сочиненіемъ, которое ниже всего того, что ни есть самаго отвратительнаго въ басняхъ Сумарокова. Піитъ есть художникъ: онъ долженъ искать образцовъ своихъ въ изящной природѣ, долженъ творить идеалы прекрасные и благородные, а не заражать своего воображенія смрадомъ запачканныхъ нелѣпостей. Вотъ чудовище, поставленное на ряду съ баснями!» (Здѣсь выписана басня до 11-го стиха). «Достопамятный пастухъ сей, повидимому, не разумѣетъ, что «бисеръ» и «жемчугъ» точь въ точь одно и тоже *. Дѣло въ томъ, что хавронья, бывши на барскомъ дворѣ, видѣла

Все только лишь навозъ и соръ.

Да что же, спросятъ, изо всей этой кучи сору и навоза? А вотъ что: Стихотворцу вздумалось уподобить критика,

Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно дурное видѣть.

Но что же другое можетъ увидѣть критикъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, а именно, напримѣръ, въ этой хавроньиной исторіи? Иной подумаетъ, что стихотворецъ предпринялъ такой странный подвигъ единственно для того, чтобы испугать критиковъ; но, кажется, онъ не имѣлъ въ этомъ никакой нужды. («Вѣстникъ Европы», 1812 г., № 4, стр. 310).

Къ ст. 5—6: И изъ гостей домой,
Пришла свинья-свиньей.

У Измайлова эти стихи указаны, какъ образецъ забавнаго, состоящаго «въ названіи животныхъ общими ихъ именами, которыя часто у насъ въ разговорѣ даются людямъ» («Соч.» т. II, стр. 691).

---

* Это замѣчаніе критика не совсѣмъ справедливо: въ церковно-слав. языкѣ слово «бисеръ», дѣйствительно, означало жемчугъ (μαργαρίτη) (*Словарь Церк.-слав. яз.* А. Востокова); но въ русскомъ языкѣ «бисеръ» и «жемчугъ» означаютъ двѣ совершенно различныя вещи: «бисеромъ» называются стеклянные разноцвѣтные шарики, употребляемые для низанія; а «жемчугомъ» самородные шарики, образующіеся въ раковинахъ. (*Словарь Акад. II.* и *Словарь Велик.-Русск. яз.* В. Даля).

1812.

XLVI. Червонецъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 55 съ незначительною перемѣною въ одномъ стихѣ:

Ст. 20: Червонецъ былъ измаранъ.... (Ч. въ Б.).

Къ ст. 1—2: Измайловъ приводитъ эти два стиха въ подтвержденіе правила, что «повѣствованіе бываетъ весьма естественно и пріятно, когда въ продолженіе онаго сочинитель обращается къ своимъ читателямъ, или слушателямъ съ вопросами и самъ себѣ на нихъ отвѣчаетъ». («Соч.» т. II, стр. 683).

Басня эта, конечно, имѣетъ значеніе добраго совѣта тѣмъ лицамъ, которыя направляли общественное образованіе въ первую половину царствованія Александра I. Уже въ первые четыре года этого царствованія было много сдѣлано по министерству народнаго просвѣщенія: «составлено положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, преобразованы три и вновь учреждены два университета, основаны три высшихъ училища, 26 гимназій и 80 уѣздныхъ училищъ... Наконецъ, что всего важнѣе, проявилась во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа жажда къ образованію, залогъ будущихъ успѣховъ: богатые приносили обильныя жертвы; прочія возлагали съ усердіемъ лепту свою на алтарь народнаго просвѣщенія». («Первая эпоха преобразованій имп. Александра I», ст. Богдановича, «Вѣстникъ Евр.» 1866 г., т. II, стр. 163). Мѣры, принятыя правительствомъ, были такъ дѣйствительны и прочны, что съ 1800 по 1812 г. открыто было слишкомъ 300 разнаго рода учебныхъ заведеній. Даже въ тягостную эпоху 1812 г. дѣйствіе этихъ мѣръ не прекращалось: въ этомъ году было открыто

51 училище. С.-Петербургскія и Московскія вѣдомости наполнены свѣдѣніями о происшествіяхъ этого рода. Съ какимъ энтузіазмомъ всѣ сословія оказывали содѣйствіе благимъ начинаніямъ правительства, видно изъ того, что предположеніе объ устройствѣ университетовъ и училищъ вызвало повсемѣстныя пожертвованія—даже крестьяне участвовали въ нихъ. (См. «Матеріалы для ист. просв. въ Россіи», собр. П. Кеппеномъ, № 3, 1827 г., статья Л. К. Якоба, стр. 16). Должно помнить, что такое настроеніе русскаго общества совпало со временемъ наибольшаго вліянія иностранцевъ и преимущественно французовъ, противъ чего Крыловъ уже не разъ высказывался и прежде. Естественно, что эти люди, за которыми обычай утвердилъ славу отличныхъ педагоговъ, заняли вліятельнѣйшія мѣста во всѣхъ вновь учрежденныхъ училищахъ. Проистекшее отъ того зло замѣчено было еще ранѣе правительственными лицами, и вызвало противодѣйствіе съ ихъ стороны. «Въ отечествѣ нашемъ давно простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое», пишетъ министръ народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскій, въ докладѣ своемъ, 1811 г. Мая 25. «Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу, воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло толь глубоко въ ономъ внѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ согражданъ своихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣянію ихъ истинными сынами отечества». Но, говоритъ онъ, не отъ него зависитъ переломить духъ своихъ согражданъ и внушить имъ духъ счастливаго недовѣрія къ иностранцамъ; онъ полагаетъ, что вліяніе государя и примѣръ правительства, быть можетъ, благодѣтельно подѣйствуютъ на общество. «Всѣ почти пансіоны въ имперіи», продолжаетъ онъ, «содержатся иностранцами, которые рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянъ образуютъ иностранца. Сего недовольно: и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніямъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго». За тѣмъ предлагаются мѣры если не къ совершенному уничтоженію, то по крайней мѣрѣ уменшенію господствующаго зла. (См. «Полное собраніе законовъ», т. XXXI, № 24647). Этотъ докладъ, вполнѣ знакомящій съ характеромъ народнаго образованія, въ тоже время разрѣшаетъ вопросъ: что вызвало басню «Червонецъ»?

Мнѣніе объ этой б. Плетнева см. въ примѣчаніи къ б. «Огородникъ и Философъ».

XLVII. Орелъ и Паукъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 57, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 29: Нѣтъ, на это я бы не рѣшился (Ч. въ Б.).
34: И такъ, прошу не величаться.
44: Чтобъ ихъ опять на низъ снести и съ паутиной.

Отъ нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ покойнаго Н. И. Греча, мы слышали, будто Крыловъ въ этой исторіи паука изобразилъ судьбу Сперанскаго. Хотя такое объясненіе значенія басни и весьма правдоподобно, несмотря на черезъ-чуръ рѣзкую характеристику паука, которая можетъ быть объяснена ненавистію, внушенною Сперанскимъ консервативной партіи *; однако нельзя принять его безусловно: въ баснѣ паденіе возгордившагося паука представлено уже совершившимся, почему должно было бы предположить, что она написана уже послѣ ссылки Сперанскаго; между тѣмъ она одобрена цензурою слишкомъ за три мѣсяца до этого событія (17-го ноября 1811 г.). Остается допустить, что Крыловъ предугадалъ судьбу этого замѣчательнаго человѣка, который своимъ быстрымъ возвышеніемъ возбуждалъ зависть, а реформами — ненависть и злобу.

---

* Какъ сильно было это чувство, видно изъ слѣдующаго разсказа Вигеля: «Первая важная вѣсть, которую получили мы въ концѣ марта, была о неожиданныхъ отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго: но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человѣкъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился въ тиши кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ, какъ на пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли, наконецъ, глаза обманутому государю; только дивились милосердію его и роптали. Какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ! Не менѣе того сію мѣру, слишкомъ строгую, если человѣкъ былъ безвиненъ, торжествовали, какъ первую побѣду надъ Французами»... («Воспоминанія», ч. IV, стр. 21, 22).

XLVIII. Ручей.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 59; рукопись и первая печатная редакція заключаютъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5 — 6: Несытая рѣка! ручей журчитъ сердито,
Услыша пастуха.... (Ч. въ Б.).
— .... ручей ворчитъ.... (рукоп.).
7: Подобно было, какъ мое (р.).
9: И видѣли бъ.... (р.).
12: И въ пропастяхъ.... (р.).
14—16: Дала судьба такія воды,
Я бъ, украшеньемъ ставъ природы,
И курицѣ не сдѣлалъ зла (р.).
18: У каждой хижинки, вкругъ каждаго кусточка (Ч. въ Б.).
22—23: И дѣлая всѣмъ одно добро
И не причиня.... (р.).
37: Недавно онъ пенялъ.... (Ч. въ Б.).

По поводу этой басни Лобановъ замѣчаетъ: «Иванъ Андреевичъ по какой-то особенной причинѣ преимущественно любилъ свою басню «Ручей». Правда, изобрѣтеніе ея обличаетъ глубокаго мудреца, а исполненіе, плавность стиховъ, чистота языка — великаго художника, и, кажется, она создана болѣе сердцемъ, нежели умомъ. Наблюдая человѣка и заглядывая въ исторію, авторъ видѣлъ, какъ трудно людямъ при возрастающемъ ихъ могуществѣ удержаться въ прежнихъ своихъ границахъ любви и умѣренности; что они, большею частію, по какому-то неизъяснимому дѣйствію ихъ страстей, не могутъ устоять ни въ прежнихъ своихъ правилахъ, ни въ прежнихъ своихъ добродѣтельныхъ наклонностяхъ. Нашъ авторъ излагаетъ и оплакиваетъ эту печальную истину»... («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. 53).

XLIX. Лжецъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 61.

По мнѣнію г. Галахова, эта б. есть подражаніе Геллерту, басня котораго der Bauer und sein Sohn, заимствованная у нѣмецкаго баснописца XVI в. Вильдиса, переведена была на фран-

цузскій языкъ Эмберомъ (Imbert, ум. въ 1790 г.), подъ заглавіемъ: le Paysan et son Fils. У послѣдняго, вѣроятно, заимствовалъ Сумароковъ свою притчу «Хвастунъ» (кн. IV, прим. XXIX)*, которая по основной мысли и по складу равно близка и къ б. Геллерта, и къ б. Эмбера. Очень вѣроятно, что передѣлка русскаго притчетворца послужила источникомъ Крылову. — Всѣ эти три басни приводимъ въ приложеніи.

У Хемницера есть также басня «Лжецъ»: хотя по общей мысли она сходна съ упомянутыми выше, но въ подробностяхъ значительно отъ нихъ отличается.

Въ сохранившейся рукописи и въ изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Съ пріятелемъ своимъ гуляя въ полѣ (р.).
15: И круглый божій годъ какъ будто майскій день.
17: А посмотри-ка ты....
22—23: Ну, что жъ диковинки, пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду (Ч. въ Б.).
— Что за диковинка, пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду (рук. и изд. до 1819 г.).
29: .... Онъ, кажется, и простъ.
30: А свойство странное имѣетъ (р.).
32: Въ Чт. въ Бесѣдѣ л. р. сл. этого стиха нѣтъ.
— До половины лишь дойдетъ (р.).
39: Хоть съ гору огурца мы здѣсь и не найдемъ.
42: Смотри, пожалуй! вѣрить трудно.
49: Не скрою, огурецъ....
61: Что лжецъ ....

О происшествіи, подавшемъ Крылову поводъ къ сочиненію этой басни, намъ случалось слышать отъ разныхъ лицъ весьма разнообразные разсказы; но всѣ они сводятся къ тому, что какой-то провинціалъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, непомѣрно преувеличивалъ ростъ, по словамъ однихъ, барановъ, водившихся на его родинѣ, по словамъ другихъ, стер-

* У него есть еще одна притча, по идеѣ сходная со «Лжецомъ» Крылова: «Господинъ-Лжецъ». Вотъ ея содержаніе: Господинъ, одержимый страстью лгать, приказалъ своему слугѣ, стоявшему обыкновенно за его стуломъ, толкать его, когда онъ, забывшись, солжетъ. Однажды господинъ сталъ разсказывать о видѣнномъ имъ капищѣ, которое было длиною въ пять верстъ. Тутъ слуга толкнулъ его:

Господчикъ зданіе гораздо уменьшаетъ:
А шириной, сказалъ, то капище на перстъ.

*

лядей, арбузовъ. и т. п. Кажется, что Лобановъ точнѣе всѣхъ передастъ этотъ фактъ. Вотъ что онъ разсказываетъ: «Въ англійскомъ клубѣ, въ этомъ разнообразномъ и многолюдномъ обществѣ, онъ (Крыловъ) любилъ наблюдать людей, и иногда не могъ удержаться отъ сатирическихъ своихъ замѣчаній и отвѣтовъ. Однажды пріѣзжій помѣщикъ, любившій прилыгать, разсказывая о стерлядяхъ, которыя ловятся на Волгѣ, неосторожно увеличивалъ ихъ длину. — «Разъ», сказалъ онъ, «передъ самымъ моимъ домомъ, мои люди вытащили стерлядь. Вы не повѣрите, — но увѣряю васъ, длина ея вотъ отсюда.... до....» Помѣщикъ, не договоря своей фразы, протянулъ руку съ одного конца длиннаго стола по направленію къ другому, противоположному концу, гдѣ сидѣлъ Иванъ Андреевичъ. Тогда Иванъ Андреевичъ, хватаясь за стулъ, сказалъ: «Позвольте, я отодвинусь, чтобъ пропустить вашу стерлядь».

Къ ст. 18—19: Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ,
Ахъ, мой Творецъ!

Измайловъ указываетъ на эти стихи, какъ на образецъ «естественности въ выборѣ выраженій въ разговорѣ» («Соч.» т. II, стр. 683).

Первый изъ вышеприведенныхъ стиховъ обратился въ народную поговорку: «Хорошо сказывать сказку про римскій огурецъ» (Даль, 260).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Der Bauer und sein Sohn.

(Геллерта.)

Ein guter dummer Bauernknabe,
Den Junker Hans einst mit auf Reisen nahm,
Und der, trotz seinem Herrn, mit einer guten Gabe,
Recht dreist zu lügen, wieder kam,
Ging, kurz nach der vollbrachten Reise,
Mit seinem Vater über Land.
Fritz, der im Gehn recht Zeit zum Lügen fand,
Log auf die unverschämtste Weise.
Zu seinem Unglück kam ein grosser Hund gerannt.
Ja, Vater, rief der unverschämte Knabe,
Ihr mögt mir's glauben oder nicht,
So sag' ich's euch und jedem in's Gesicht,
Dass ich einst einen Hund bei — Haag gesehen habe,
Hart an dem Weg, wo man nach Frankreich fährt.
Der — ja ich bin nicht ehrenwerth,
Wenn er nicht grösser war, als euer grösstes Pferd.
Das, sprach der Vater, nimmt mich Wunder;
Wiewohl ein jeder Ort lässt Wunderdinge sehn.

Wir, zum Exempel, gehn jetzunter,
Und werden keine Stunde gehn,
So wirst du eine Brücke sehn,
(Wir müssen selbst darüber gehn),
Die hat dir manchen schon betrogen;
(Denn überhaupt soll's dort nicht gar zu richtig sein).
Auf dieser Brücke liegt ein Stein,
An den stösst man, wenn man denselben Tag gelogen,
Und fällt, und bricht sogleich das Bein.
Der Bub' erschrack, sobald er dies vernommen,
Ach! sprach er, lauft doch nicht so sehr!
Doch wieder auf den Hund zu kommen,
Wie gross sagt' ich, dass er gewesen wär'?
Wie euer grosses Pferd? Dazu will viel gehören.
Der Hund, jetzt fällt mir's ein, war erst ein halbes Jahr,
Allein das wollt' ich wohl beschwören,
Dass er so gross, als mancher Ochse, war.
Sie gingen noch ein gutes Stücke;
Doch Fritzen schlug das Herz. Wie konnt' es anders sein?
Denn Niemand bricht doch gern ein Bein.
Er sah nunmehr die richterische Brücke,
Und fühlte schon den Beinbruch halb.
Ja, Vater, fing er an, der Hund, von dem ich redte,
War gross, und wenn ich ihn auch was vergrössert hätte,
So war er doch viel grösser als ein Kalb.
Die Brücke kömmt, Fritz! Fritz! wie wird dir's gehen!
Der Vater geht voran; doch Fritz hält ihn geschwind.
Ach, Vater! spricht er, seid kein Kind,
Und glaubt, dass ich dergleichen Hund gesehen.
Denn kurz und gut, eh' wir darüber gehen,
Der Hund war nur so gross, wie alle Hunde sind.
Du musst es nicht gleich übel nehmen,
Wenn hie und da ein Geck zu lügen sich erkühnt.
Lüg' auch, und mehr als er, und such' ihn zu beschämen:
So machst du dich um ihn und um die Welt verdient.

II.

Le Paysan et son Fils.

(Эмбера.)

Qui vient de loin peut mentir, c'est l'usage:
Grand voyageur
Et grand menteur
Marchent ensemble. En mon dernier voyage,

Vous dira-t-il, j'ai vu, vu de mes yeux:
Eh! qu'opposer à pareil témoignage?
Si l'on dispute, aussitôt sur les lieux
Il vous renvoie. —
Un enfant de village
Epais de corps et d'esprit davantage,
Lucas usait des droits du voyageur.
Une fois en sa vie, aux gages du seigneur,
Il avait fait un court pélérinage:
C'était assez. A peine un jouvenceau
A-t-il perdu de vue et le natal rivage,
Et le clocher de son hameau,
Qu'il se croit un grand personnage.
De retour chez son père, il avait toujours prêt
Un vieux conte qu'il habillait
Du titre de nouvelle histoire.
Un jour surtout en allant en foire
Il ne tarissait plus: chaque nouvel objet
Avertissait sa fertile mémoire
Tout allait bien. lorsqu' à deux pas,
Passe un grand chien. Tenez, mon père,
S'écria-t-il, vous ne m'en croirez pas,
Rien n'est pourtant plus vrai: je suis sincère:
J'ai vu dans mon voyage un chien....
Chut! attendez, c'était tout près de Rome....
Sur le chemin de Paris.—Soit! eh bien? —
Et bien donc! ce chien-là, je veux être un vaurien,
S'il n'était pas plus grand qu'un grand cheval de somme. —
Diable! quel chien! il m'étonne en effet;
J'en crois à peine mes oreilles,
Dit le vieillard; au reste chacun sait
Que tout pays a ses merveilles.
Nous, par exemple, en peu de temps,
Nous allons trouver sur la route
Un pont funeste à bien des gens:
Pour le passer, quelquefois il en coûte!
On croit que c'est un sort. Tu vas le voir mon fils;
Nous devons y passer. Or voici le mystère:
Celui qui dans le jour a dit en quelque affaire
Un seul mensonge, un rien, une misère,
Crac, sur ce maudit pont, quelque soin qu'il ait pris,
Heurte contre un pavé, tombe, et le pauvre hère,
Avec un bras cassé, s'en retourne au — logis. —
Le drôle, à ce récit, se trouble, délibère;

Eh! comme vous courez, dit-il.... le pont n'est rien....
Mais pour revenir à ce chien.
Combien vous ai-je dit qu'il était grand, mon père?
— Comme un cheval.—Ah, c'est trop, j'exagère.
A présent donc, je m'en souviens;
Il n'avait que six mois; mais je jurerais bien
Qu'il était aussi grand au moins qu'une genisse.
Cependant on avance, et le pauvre Lucas
Rêvant au bras cassé, chancèle à chaque pas,
Et semble marcher au supplice.
Bientôt il voit un pont sur un faible ruisseau;
Il regarde son bras, veut avancer, et n'ose:
Ah! mon père, avouez que ce chien était beau,
Et grand surtout, car je suppose
Que j'aie encore outré la chose,
Il était bien au moins de la hauteur d'un veau.
Enfin tous deux au pont arrivent en silence.
Et bien! Lucas, pauvre Lucas!
Comment sortir d'un aussi mauvais pas?
Le père le premier s'élance:
Mais Lucas le retient. Oh ça! de bonne foi,
Mon père, vous sentez, je crois,
Que je n'ai jamais vu de tels chiens en ma vie:
Car s'il faut dire vrai, là-bas, dans la prairie,
Vous en avez pu voir un grand comme cela.
Eh bien! le mien, je le parie,
Etait tout justement de cette grandeur-là.

(Recueil des meilleurs contes en vers. A Genève MDCCLXXIV.)

III.

Хвастунъ.

(Сумарокова.)

Шелъ нѣкто городомъ, но града не былъ житель;
Изъ дальныхъ былъ онъ странъ,
И лгать ему талантъ привычкою былъ данъ.
За нимъ ево служитель.
Слуга наемной былъ и города сево,
Не изъ отечества ево.
Вѣщаетъ господинъ ему вѣщанья новы,
И говоритъ ему: въ моей землѣ коровы
Не мѣняе слоповъ.
Слуга ему плететъ и самъ расказенъ ковъ:

Я чаю, пуда въ три такой коровы вымя;
Слонихой лутче бы ей было дати имя.
Я думаю, у ней одинъ полпуда хвостъ;
А мы имѣемъ мостъ,
Къ нему теперь подходимъ;
По всякой день на немъ диковинку находимъ.
Когда взойдетъ на середину,
Кто въ оной день солжетъ, мостъ тотчасъ разойдется,
Лишъ только лжецъ найдется;
А лжецъ падетъ во глубину.
Проѣзжій говоритъ: коровы то съ верблюда,
А то бы очень былъ великъ коровій хвостъ.
Слоновьева звѣна не врютишь на три блюда:
А ты скажи еще, каковъ бишъ вашъ-атъ мостъ?
А мостъ-атъ нашъ таковъ, какъ я сказалъ, конечно.
Такой имѣти мостъ,
Мой другъ, безчеловѣчно.
Коровы то у насъ
Поболѣ, какъ у васъ:
А мостъ-атъ вашъ каковъ? Сказалъ уже я ето;
У насъ же и зимой рѣкамъ вѣсна и лѣто:
Мосты всегда потребны по рѣкамъ.
Коровы то и здѣсь такіяжъ какъ и тамъ;
Мнѣ только на етотъ часъ ложно показалось,
И отъ тово то все неловко и сказалось;
А мостъ-атъ вашъ каковъ?
Какъ я сказалъ, таковъ.
Проѣзжій говорилъ: коль ето безъ обману,
Такъ я черезъ рѣку у васъ ходить не стану.

(кн. IV, притча XXIX.)

L. Котъ и Поваръ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 8, стр. 67, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

8-е Чтеніе въ Бесѣдѣ вышло въ свѣтъ въ 1813 году; но, разумѣется, оно было раньше 11-го и 13-го, явившихся также въ этомъ году; 8-е Чтеніе одобрено цензурою 16 августа 1812 г., а потому эта басня и помѣщенная съ нею рядомъ б. «Раздѣлъ» отнесены къ 1812 году.

LI. Раздѣлъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 8, стр. 69 (см. примѣч. къ б. «Котъ и Поваръ»), съ слѣдующими незначительными варіантами:

Ст. 11: А нашъ раздѣлъ . . . (Ч. въ Б.).
17: Да какъ, когда . . .

Соображая содержаніе и особенно заключеніе этой басни съ событіями, современными ея сочиненію, не трудно видѣть, что рѣчь идетъ о неумѣстномъ проявленіи эгоистическихъ стремленій во время нашествія Наполеона. Но какіе именно факты и лица вызвали это правоученіе, мы не знаемъ: исторія говоритъ только о проявленіяхъ высокаго патріотизма и самоотверженія, умалчивая о мелочныхъ, себялюбивыхъ разсчетахъ; а что они и тутъ обнаружились, доказательствомъ тому служитъ слѣдующій рѣзкій, желчный и, конечно, преувеличенный отзывъ о дворянствѣ неизвѣстнаго лица, назвавшаго себя «Ротмистромъ дипломатомъ», въ письмѣ также къ неизвѣстному лицу: «Въ годину испытанія, т. е. 1812 года, не покрыло ли оно (дворянство) себя всѣми красками чудовищнѣйшаго корыстолюбія и безчеловѣчія, расхищая, какъ и теперь, все, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратниковъ, и рекрутъ, и плѣнныхъ,—не смотря на прославленный газетами патріотизмъ, котораго дѣйствительно не было ни искры, что̀ бы ни говорили о нѣкоторыхъ утѣшительныхъ исключеніяхъ?!» («Изъ записокъ о времени Императора Александра I», «Вѣстникъ Европы», т. II, 1867 г. стр. 197.) Сергѣй Никол. Глинка тоже упоминаетъ о такого рода проявленіяхъ и приводитъ въ доказательство фактъ. «при позднемъ вооруженіи ополченія пошли мѣстническія передряги. Московскій ратническій комитетъ подчинили петербургскому ратническому комитету, состоявшему подъ предсѣдательствомъ графа Аракчеева, Балашова и Шишкова. Графъ Ростопчинъ въ порывѣ досады сказалъ: «Государь далъ мнѣ эполеты съ брилліантовымъ своимъ вензелемъ, говорилъ, что я его на плечахъ ношу. А теперь отдаетъ меня въ батраки къ Аракчееву». И потому бросилъ ратническій комитетъ». («Изъ записокъ Серг. Никол. Глинки», «Русскій Вѣстникъ», за май, 1866 года, стр. 214.)

LII. Волкъ на Псарнѣ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1812 г., октябрь, № 2, стр. 60. Приводимъ варіанты по тремъ сохранившимся рукописямъ:

Ст. 3: Встревожился вдругъ.... (2 и 3 ред.).
4: Почуявши сѣдаго забіяку.... (2 р.).
— Почуявъ сѣраго *и проч.* (С. От.).
5: Псы взвыли по клѣтямъ.... (2 и ред.).
6: Псари кричатъ: ребята, воръ (2 и ред.).
7: Во 2-й и 3-й редакціи этого стиха нѣтъ.
8: И словомъ, псарня.... (2 ред.).
3—8: Туда *былъ доступъ* не мудренъ;
Да только *какъ-то выйдетъ* вонъ? *
Поднялся лай и вой, и псарный дворъ сталъ адомъ (1-я ред.).
9: Бѣгутъ псари.... (1 ред.).
11: Огня, огня! кричатъ.... (1 и 3 ред.).
— Кричатъ: огня!... (2 ред.).
12: Сидитъ мой волкъ, прижавшись къ углу задомъ (1 ред.).
13—22: И видитъ наконецъ,
Пришло ему расчесться за овецъ;
Однакожъ думаетъ хитрецъ:
Дай, попытаюся вступить въ переговоры.
И зачалъ.... (1 ред.).
— И видитъ онъ, что наконецъ
Пришло ему расчесться за овецъ;
Однакоже хитрецъ
Вступилъ въ переговоры,
Какъ добрый дипломатъ.
И началъ.... (2 ред.).
19: .... Друзья! напрасно весь этотъ шумъ (1 и 3 ред.).
23: Уставимъ общій ладъ (1 ред. вм. цѣлаго стиха).
— Забудемъ старое.... (3 ред.).
25. Но самъ за нихъ со всѣми драться радъ (1 ред.).
26—34: Довольны-ль вы?... Прекрасно!
Тутъ ловчій отвѣчалъ: «Послушай-ка, мой свѣтъ!
Ты сѣръ — я сѣдъ.

---

* Словъ, означенныхъ курсивомъ въ рукописи Крылова недостаетъ; они вписаны карандашемъ рукою Лобанова.

Такъ обмануть тебѣ меня не слѣдъ.
И, вѣрь, трудишься ты напрасно». (1 ред.).
— И клятвою.... (3 ред.; далѣе нельзя разобрать).
27: «Послушай-ка», тутъ ловчій перервалъ:
«Ты сѣръ, а я ужъ сѣдъ» (3 ред.; конца разобрать нельзя).
30: И волчью я натуру крѣпко знаю (2 ред. слѣд. двухъ стиховъ нельзя разобрать).
33: Какъ снявши шкуру съ нихъ долой (2 ред.).

Въ этой баснѣ, какъ извѣстно, Крыловъ представляетъ Наполеона въ Россіи. По словамъ Быстрова, «Крыловъ, собственною рукою переписавъ басню «Волкъ на Псарнѣ», отдалъ ее княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при своемъ письмѣ отправила ее къ свѣтлѣйшему своему супругу» («Сѣв. Пчела», 1846 г., № 64) *, который прочиталъ ее послѣ сраженія подъ Краснымъ собравшимся вкругъ него офицерамъ и при словахъ: «а я пріятель сѣдъ», снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головою («Полн. собр. соч.» Михайловскаго-Данилевскаго, т. V, гл. 2).

Первая мысль этой басни, какъ видно изъ 1-й ред. стиховъ:

И волчьей клятвой утверждаю,
Что я.... Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій перервалъ *и проч.*

---

* Приводимъ вполнѣ разсказъ Быстрова, имѣющій интересъ независимо отъ этой басни. «Иванъ Андреевичъ, какъ и всякій великій геній, былъ необыкновенно скроменъ. Въ 39 № «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» на 1837 г., на стр. 377, въ повѣсти, подъ названіемъ: «Преобразованіе», разсказанъ былъ весьма любопытный анекдотъ изъ незабвенной эпохи 1812 г. Вотъ онъ: «Наполеонъ послѣ Бородинскаго отпора пошелъ ощупью верстъ 15 въ сутки, и какъ бы ожидалъ другой битвы столь же страшной и гибельной, какъ первая. Наши молодые воины также требовали сей битвы и дерзали укорять великаго тактика въ старости, нерѣшительности, а иные близорукіе называли его просто трусомъ». Далѣе авторъ говоритъ, что «Иванъ Андреевичъ Крыловъ, живучи въ С.-Петербургѣ, проникъ думу Кутузова и прислалъ ему свою басню «Волкъ на Псарнѣ». Кутузовъ, зная ропотъ нетерпѣливой молодежи, призвалъ къ себѣ юныхъ героевъ и прочиталъ имъ басню. Смыслъ басни пояснилъ многимъ то, чего они прежде не понимали, и съ той поры, возложивъ надежду на Бога и опытность сѣдаго ловчаго, наши богатыри выжидали въ Тарутинскомъ лагерѣ перваго сигнала къ битвѣ и побѣдѣ».

«Когда я прочелъ это мѣсто Ивану Андреевичу», продолжаетъ Быстровъ, то онъ нахмурился и сказалъ: «Все это вздоръ... Я не Богъ... Возможно ли, чтобъ я, частный человѣкъ, ни дипломатъ, ни военный, напередъ зналъ, что сдѣлаетъ Кутузовъ?.... Смѣшно.... Да и гдѣ Кутузовъ читалъ басню? Не въ Тарутинскомъ же лагерѣ, а послѣ.... Скажите, мой милый, въ какомъ нибудь журналѣ, что все это было не такъ».—На другой день я отнесъ къ А. Ѳ. Воейкову составленныя мною примѣчанія къ б. Ивана Андр. Крылова «Волкъ на Псарнѣ», которыя и были напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 38, 1838 г.).» Въ этихъ примѣчаніяхъ Быстровъ разсказываетъ происшествіе, какъ оно было.

могла явиться у Крылова по полученіи извѣстія о попыткахъ Наполеона вступить въ переговоры, т. е. послѣ 23 сентября (день свиданія Кутузова съ Лористономъ). Послѣдняя же редакція могла составиться не ранѣе, какъ послѣ Тарутинскаго сраженія, бывшаго 6 октября, потому что до того времени, отъ самаго выступленія нашихъ войскъ изъ Москвы, кромѣ ничтожныхъ стычекъ, не было предпринято никакихъ дѣйствій, которыя бы могли служить Крылову основаніемъ сказать: «И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю».

Къ ст. 3—14: Поднялся вдругъ весь псарный дворъ....
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.

Измайловъ указываетъ на эти стихи, какъ на образецъ «быстроты и живости въ разсказѣ». («Соч.» т. II. стр. 661.)

Общій планъ военныхъ дѣйствій, сообщенный Кутузову изъ Петербурга еще въ началѣ сентября, заключался въ томъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ Наполеону, затрудняя отступленіе. Князь Волконскій, посланный для полученія отъ Кутузова объясненія его дѣйствій, доносилъ Государю: «Смѣло можно увѣрить, что Наполеону трудно будетъ выбраться изъ Россіи». («Полн. собр. соч.» Мих.-Данилевскаго, т.V, стр.14.) На это Крыловъ намекаетъ въ первой редакціи 3—8 стиховъ.

Къ ст. 20 — 27: .... «Друзья, къ чему весь этотъ шумъ....
Что я....

Рѣчь попавшаго въ безвыходное положеніе волка довольно близка къ тѣмъ выраженіямъ, въ которыхъ раздраженный Наполеонъ высказывалъ свое желаніе мириться: «Пора положить предѣлъ кровопролитію», говорилъ онъ Яковлеву. «Намъ съ вами легко поладить.... Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора.... Я готовъ возвратиться».... («Ист. Отеч. войны», генерала Богдановича, т. II, стр. 322.) Столь же интересны въ этомъ отношеніи и слова Лористона, приведенныя Кутузовымъ въ донесеніи Государю: «Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами, и положить его навсегда. (Тамъ же, стр. 392.) Въ письмѣ, посланномъ черезъ Яковлева, Наполеонъ непремипулъ напомнить о прежнихъ чувствахъ къ нему Александра: «Если ваше величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувствованія».. *и проч.* (Тамъ же. стр. 325.)

Къ ст. 29: Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ.

Этотъ стихъ, а еще болѣе относящійся къ нему варіантъ 1-й ред. показываетъ, что Крыловъ въ своемъ ловчемъ цѣнилъ преимущественно и даже исключительно хитрость. Такой взглядъ баснописца на главнокомандующаго вполнѣ оправдывается многими историческими данными. Передъ отъѣздомъ Кутузова въ армію, одинъ изъ его родственниковъ имѣлъ нескромность спросить: «Неужели вы, дядюшка, надѣетесь раз-

бить Наполеона»?—Кутузовъ отвѣчалъ: «Нѣтъ! А обмануть надѣюсь». (Богдановичъ, т. II. стр. 15.) Почти тоже самое сказалъ онъ во время Тарутинской стоянки: «Разбить меня можетъ Наполеонъ, а обмануть—никогда». (Мих.-Данилевскій, т. V, стр. 92.) Суворовъ, подъ начальствомъ котораго Кутузовъ пріобрѣлъ извѣстность и заслужилъ расположеніе императрицы Екатерины, говаривалъ о немъ: «уменъ, очень уменъ; его и Рибасъ не обманетъ». (Богдановичъ, т. II, стр. 15.) Въ такомъ же смыслѣ отзывается о немъ и Вильсонъ въ своихъ «Запискахъ»: «Bon vivant, утонченно образованный, вѣжливый, хитрый, какъ грекъ, смѣтливый отъ природы, какъ азіятецъ, и просвѣщенный, какъ европеецъ, онъ болѣе былъ склоненъ разсчитывать на успѣхъ отъ своей дипломатіи, чѣмъ отъ военной отваги».... («Записки» Роберта Вильсона, «Русск. Вѣстникъ», за янв. 1762 г., стр. 134.) См. также характеристику Кутузова во II т. «Исторіи Отечественной войны» и характеристику военныхъ дѣйствій, которою генералъ Богдановичъ заключаетъ свой прекрасный трудъ.

LIII. Обозъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», ноябрь, 1812, № 7, стр. 41, и перепечатывалась въ позднѣйшихъ изданіяхъ съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 18: Таскалъ бы воду ужъ (до изд. 1819).
20: Небось, ужъ время не потратимъ.
25: .... коня толкаетъ въ бокъ.
30: Прыжки....

Цѣль басни—оправдать медлительность дѣйствій Кутузова. Оставленіе въ рукахъ непріятеля Москвы безъ боя, истребленіе ея и вслѣдъ за тѣмъ—бездѣйствіе главнокомандующаго должно было неминуемо возбудить ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя, ждали его подъ стѣнами Москвы; а между тѣмъ Кутузовъ, никому не открывая своего плана истребленія арміи Наполеона, спокойно и настойчиво приводилъ его въ исполненіе—старался ослабить врага, уклоняясь отъ рѣшительной развязки. (Богдановичъ, т. II.) Весьма естественно, что общественное мнѣніе вооружилось теперь противъ него, какъ за полтора мѣсяца передъ тѣмъ противъ Барклая-де-Толли. (Мих.-Данилевскій, т. IV, стр. 629; «Зап.» Вильсона, «Русск. Вѣстн.» 1862 г. кн. I.) Самъ Императоръ поставлялъ ему въ вину то, что онъ не далъ вто-

ричнаго сраженія подъ Москвою. («Краткія Записки» Адмирала А. Шишкова, 1831 г. стр. 45.) Слѣдствіемъ этого былъ рескриптъ на имя главнокомандующаго, полученный имъ за нѣсколько дней до Тарутинскаго сраженія. (Богдановичъ, т. II, стр. 487.) Приводимъ окончаніе его, прямо относящееся къ нашему предмету: «... казалось, что, пользуясь сими обстоятельствами (раздробленностію силъ Наполеона), могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ на Петербургъ,... ибо, съ ввѣренной вамъ арміей *дѣйствуя съ рѣшительностью и дѣятельностью*, вы имѣете всѣ средства отвратить это новое несчастіе. Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы .... Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего *усердія*, *твердости и успѣховъ*» *и проч.* (Мих.-Данилевскій, т. V, стр. 96; Богдановичъ, т. II, стр. 487.) Но Кутузовъ, сравненный въ баснѣ съ добрымъ конемъ, который понесъ на крестцѣ свой возъ, не измѣнилъ своего плана, не смотря ни на упреки, ни на порывы своихъ сподвижниковъ. («Зап.» Роб. Вильсона, «Русск. Вѣстн.» 1862 г., кн. I.)

LIV. Ворона и Курица.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», ноябрь, 1812 г., № 8, стр. 77, подъ заглавіемъ «Ворона», съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 18: А вѣдь Воронъ, ты знаешь, не ѣдятъ (С. От.).
28: Сама къ нимъ въ супъ попалась.

Первыя извѣстія о бѣдственномъ состояніи арміи Наполеона могли достигнуть Петербурга не раньше, какъ въ концѣ сентября. (Богдановичъ, т. II, стр. 288.) Въ «Сынѣ Отечества» (№ 7, стр. 44) находимъ слѣдующую замѣтку: «Очевидцы разсказываютъ, что въ Москвѣ Французы ежедневно ходили на охоту стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь можно дать отставку старинной русской пословицѣ: «попалъ, какъ куръ во щи, «а лучше говорить: «попалъ, какъ ворона во французскій супъ». Къ тому же времени относится и карикатура Ивана Теребенева, приложенная къ 7 № «Сына Отечества»: *Французскій вороній супъ*, гдѣ представлены четыре французскіе гренадера въ оборванныхъ мундирахъ, расположившіеся въ полѣ:

посреди картины стоитъ гренадеръ, раненный въ ногу, которая у него совершенно босая, и отрываетъ у вороны крылья; съ одной стороны, стоя на колѣнахъ на камнѣ, товарищъ схватился за воронью ножку и, судя по разинутому рту, готовъ ее проглотить; не менѣе сильный аппетитъ выражается въ фигурѣ третьяго, сидящаго по другую сторону; позади ихъ лежитъ четвертый, обнимающій обѣими руками пустой котелъ. Подъ каррикатурою находится слѣдующее четверостишие:

Бѣда намъ съ нашимъ великимъ Наполеономъ!
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.
Въ Москвѣ пошировать свистѣлъ у насъ зубъ:
Не тутъ-то похлебаемъ же хоть вороній супъ! *

Можетъ быть, тогда же и явилась у Крылова первая мысль этой басни; но окончательно редактирована она могла быть только въ ноябрѣ: князь Кутузовъ, названный въ б. Смоленскимъ, получилъ этотъ титулъ послѣ дѣла подъ Краснымъ, окончившагося 6-го ноября. (Мих.-Данилевскій, т. V, стр. 273.)

Къ ст. 55: Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей.

Кутузовъ дѣйствительно считалъ голодъ однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. По окончаніи совѣта въ Филяхъ, на вопросъ полковника Шнейдера: «Гдѣ мы остановимся?» фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Это мое дѣло; но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо». (Мих.-Данилевскій. т. IV, стр. 478.) Къ этой цѣли Кутузовъ, кажется, направлялъ дѣйствія партизанскихъ отрядовъ. (Богдановичъ, т. II, стр. 387.)

Къ ст. 27—30: Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ...
Попался, какъ ворона въ супъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта ворона, погнавшаяся за лакомымъ кускомъ, въ увѣренности, что «Воронъ ни жарятъ, ни варятъ», — Наполеонъ, увѣренный въ своей непобѣдимости, погнавшійся за счастіемъ, но обманувшійся въ разсчетѣ. Его неудача въ Россіи внушила нашему поэту стихи, составляющіе нравоученіе басни.

---

* Каррикатуру И. Теребенева см. въ собраніи каррикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ въ библіотекѣ имп. академіи наукъ. — Подобная же картинка приложена къ этой баснѣ въ изданіи Смирдина: «Басни Ивана Крылова». 1834 г. (часть I. кн. I. стр. 9): къ тремъ солдатамъ, расположившимся у треножника, на которомъ виситъ котелъ. подходитъ четвертый съ пучкомъ хворосту въ одной рукѣ и вороною въ другой; въ его лицѣ и фигурѣ видѣнъ оттѣнокъ торжества. а въ лицахъ сидящихъ его товарищей — удовольствіе, вызванное мыслью о предстоящей трапезѣ.

1813.

—

LV. Демьянова Уха.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. II, стр. 95, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

По поводу этой басни Лобановъ разсказываетъ слѣдующее: Иванъ Андреевичъ, зная всю силу своего литературнаго оружія, т. е. сатиры, выбиралъ иногда случаи, чтобы не промахнуться и мѣтко попасть въ цѣль; вотъ доказательство: Въ Бесѣдѣ русскаго слова, бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили его прочитать одну изъ его новыхъ басенъ, которыя были тогда лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ Бесѣду во время самаго чтенія и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пьесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣдатель отдѣленія А. С. Хвостовъ, сидѣвшій напротивъ него за столомъ, въ полголоса спрашиваетъ у него: Иванъ Андреевичъ, что, привезли? — Привезъ. — Пожалуйте мнѣ. — А вотъ ужо, послѣ.—Длилось чтеніе, публика утомилась, начали скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана пьеса. Тогда Ив. Андр. руку въ карманъ, вытащилъ измятый листокъ и началъ: «Демьянова Уха». Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, и принаровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за скуку ея и развеселилъ ее прелестью своего разсказа». («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. 55.)

Къ ст. 1—13: Сосѣдушка, мой свѣтъ . . . .
. . . . Да кланяйся, жена!

Эти стихи Измайловъ приводитъ въ примѣръ «естественности въ выборѣ выраженій въ разговорѣ». («Соч. т. II, стр. 682.)

Г. Флёри въ своей статьѣ о переводѣ басенъ Крылова г. Парфé высказалъ мысль, что б. «Демьянова Уха» заимствована. Приводимъ подлинныя слова г. Флёри: «Krylow du reste a moins inventé qu'on ne pourrait le supposer; il sait si bien imprimer le caractère russe aux sujets qu'il emprunte, qu'on peut croire souvent qu'il a créé quand il s'est borné à imiter. Nous citerons entre autre «l'Oukha de Demiane». Qui en lisant cette fable pourrait supposer qu'elle n'est pas d'origine russe? Eh bien! l'original est français et figure dans les «Fables» du P. Barbe, jésuite, mort en 1792, sous ce titre: «la Politesse villageoise. («Journal de St. P.-bourg», № 219, 1867.) Мы употребили всѣ усилія, чтобы отыскать указанную г. Флёри басню; но, къ сожалѣнію, ни въ одной изъ здѣшнихъ библіотекъ нѣтъ сочиненій Барба. Будемъ надѣяться, что г. Флёри возьметъ на себя трудъ разрѣшить этотъ вопросъ и напечатаетъ текстъ басни, изъ которой, по его мнѣнію, Крыловъ заимствовалъ сюжетъ «Демьяновой Ухи».

LVI. Лисица и Сурокъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 11, стр. 97, и безъ перемѣнъ перешла въ слѣдующія изданія.

LVII. Волкъ и Кукушка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 53, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: . . . . и ты хоть ангелъ будь (Ч. въ Б.).
24: Въ тиши....

LVIII. Заяцъ на ловлѣ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13. стр. 54, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Полагаютъ, что въ этой б. Крыловъ въ образѣ Зайца представилъ Австрію, домогавшуюся на конгрессѣ нѣкоторыхъ областей послѣ пораженія Наполеона союзными державами; но такое предположеніе ужъ и

потому неосновательно, что б. появилась лѣтомъ 1813 года (она одобрена цензурою 5 іюня 1813), въ самый разгаръ войны за независимость Германіи. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи, во время Вѣнскаго конгресса, примѣнили эту басню къ слишкомъ притязательной Австріи, и вслѣдствіе того утвердилось приведенное мнѣніе

Къ ст. 14—16: Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно ...
Что Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

Измайловъ находитъ, что такое представленіе зайца противоестественно: «какъ волки не ѣдятъ капусты», говоритъ онъ: «такъ и зайцы не питаются мясомъ». («Соч.», т. II, стр. 654.)

Къ ст. 17—18: Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Эти два стиха вошли въ сборники народныхъ пословицъ. (Д. К., 151, Снег. 243.)

LIX. Орелъ и Пчела.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 91. Въ сохранившейся рукописи и въ печатной редакціи находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 4: Но сколько тотъ .... (Чт. въ Б.).
12: Послѣ этого стиха слѣдовало:
Но стоятъ ли твои труды такихъ заботъ (р.).
15: Который воскъ тутъ или медъ
Твоей работы (р.).
29: Но я, родясь труды для пользы общей несть (р.).

«Предметъ этой басни», говоритъ Плетневъ, «есть одно изъ самыхъ утѣшительныхъ и высокихъ чувствованій человѣческаго сердца. Поэтъ видѣлъ, что изложеніе сей басни должно быть достойно своего предмета. Онъ избралъ для сего языкъ благородный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышенный. Въ самомъ понятіи объ Орлѣ и Пчелѣ нѣтъ ничего комическаго, или забавнаго; потому что одинъ служитъ изображеніемъ могущества, а другая — трудолюбія. Такимъ образомъ все употреблено, чтобы оставить въ душѣ читателя чувство, располагающее болѣе къ задумчивости, нежели къ удовольствію. Красоты поэзіи разительны. Изображеніе страха, который наводитъ орелъ полетомъ своимъ на другихъ животныхъ, вѣрно и живописно». («Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ

поэтахъ», въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г., собранныхъ б. Дельвигомъ, стр. 26.)

О вступительныхъ стихахъ этой б. Гоголь говоритъ: «Въ книгѣ его (Крылова) всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ высшаго сановника и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытой,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Слова эти останутся доказательствомъ вѣчнымъ, какъ благородна была душа самого Крылова». («Соч.», т. III, стр. 464.)

LX. Щука и Котъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 92, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Поводомъ къ сочиненію этой б. была извѣстная неудача адмирала Чичагова, который долженъ былъ пресѣчь путь Наполеону черезъ Березину. «Нельзя изобразить общаго на него негодованія», пишетъ Вигель: «всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, т. е. о морякѣ, начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ». («Воспом.» ч. IV, стр. 73.) Въ современной карикатурѣ * сохранилось весьма опредѣленное выраженіе того убѣжденія,

* Эта каррикатура находится въ сборникѣ каррикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ, подаренномъ П. Л. Лавровымъ императорской публичной библіотекѣ. Сборникъ состоитъ изъ 53 каррикатуръ; изъ нихъ 15 Ивана Теребенева, 5 подписаны буквами И. И. (Ивановъ?) и 33 безъ подписи; къ числу послѣднихъ относится и та, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Мы слышали, будто существовала другая каррикатура такого содержанія: Кутузовъ съ великимъ усильемъ затягиваетъ мѣшокъ, а Чичаговъ съ другаго конца перочиннымъ ножикомъ разрѣзываетъ этотъ мѣшокъ и выпускаетъ изъ него маленькихъ французскихъ солдатиковъ. Къ сожалѣнію, всѣ наши старанія отыскать ее остались тщетны.

*

что Чичаговъ преднамѣренно уклонился отъ общаго плана. Въ ней Кутузовъ скачетъ на конѣ и тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Наполеонъ; а на другомъ концѣ ея Чичаговъ, сидящій на якорѣ, восклицаетъ: je le sauve! и Наполеонъ въ видѣ зайца проскальзываетъ за его спиною. То же убѣжденіе выразилось и въ слѣдующей эпиграммѣ, найденной Я. К. Гротомъ въ бумагахъ Державина (см. «Соч. Державина», академич. изд., т. III. стр. 451):

Смоленскій князь Кутузовъ
Продерзостныхъ французовъ
И гналъ и билъ,
И наконецъ имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земноводный генералъ
Приползъ, — да всю и распустилъ.

Характеризуя его, какъ человѣка, Вигель говоритъ, что «въ душѣ онъ былъ англичаниномъ, учился въ Англіи мореплаванію, и былъ женатъ на англичанкѣ; что съ суровостію моряка онъ соединялъ надменность англичанина и это сдѣлало его ненавистнымъ для русскихъ; послѣдній же его подвигъ (защита Березины) заставилъ ихъ всѣхъ презирать его». («Воспоминаніе,» т. II, стр. 9, рукоп. имп. публ. библ.) «Да и не могло быть иначе», пишетъ ген. Богдановичъ (т. II, стр. 289): «князь Кутузовъ, освободитель Россіи отъ нашествія Наполеона и его полчищъ, Витгенштейнъ, защитникъ нашей сѣверной столицы,... оба они стояли такъ высоко въ общемъ мнѣніи, что никто не смѣлъ усомниться въ безошибочности ихъ дѣйствій.... Общему порицанію подвергся Чичаговъ, потому что, во 1-хъ, положеніе, занимаемое его арміею, давало ему наиболѣе возможности преградить путь Наполеону; во 2-хъ, потому, что, командуя въ Отечественную войну впервые сухопутными силами, онъ еще не успѣлъ заслужить славы искуснаго военачальника. Къ тому же онъ сдѣлалъ важную ошибку, уклонясь отъ направленія, по которому отступала наполеонова армія». Этимъ общимъ мнѣніемъ, котораго не раздѣлять Крыловъ не имѣлъ причины, можетъ быть объяснена рѣзкость выраженій во вступленіи и заключеніи басни.

Къ ст. 30: И крысы хвостъ у ней отъѣли.

Въ этомъ стихѣ заключается намекъ на неудачное отступленіе войскъ Чичагова отъ Борисова на правую сторону Березины; при этомъ были потеряны многіе изъ полковыхъ обозовъ, канцелярія главнокомандующаго, большая часть экипажей и въ томъ числѣ фургонъ со столовымъ сервизомъ Чичагова, и всѣ наши раненные и больные, изъ коихъ нѣкоторые погибли отъ пожара, опустошившаго городъ. (Богдановичъ, т. III, стр. 249.)

Къ ст. 26 — 32: Такъ въ добрый часъ, пойдемъ.
— Пошли, засѣли....
Кумъ за-мертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

Измайловъ находитъ, что выраженіе *пошли* здѣсь неумѣстно, потому что Щука ходить не можетъ; объ остальныхъ стихахъ онъ замѣчаетъ, что «басня оканчивается собственно 32-мъ стихомъ и что больше бы ничего не надобно; но послѣ сихъ быстрыхъ и сильныхъ стиховъ прибавлены, къ сожалѣнію, четыре вялыхъ и прозаическихъ стиха:

И дѣльно! это, Щука,
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Все бы еще лучше было, если бы сказалъ это Щукѣ Котъ; а здѣсь говоритъ самъ сочинитель, который въ началѣ басни помѣстилъ уже приличное къ ней нравоученіе». («Соч.» т. II, стр. 645.)

LXI. Водолазы.

Напечатана въ первый разъ въ «Описаніи торжественнаго открытія Императорской публичной библіотеки, бывшаго января 2-го дня 1814 года». С.-Пбргъ, 1814 г., стр. 99; но мы относимъ эту басню къ 1813 г., потому что Крыловъ написалъ ее лѣтомъ этого года, что видно изъ письма къ нему Оленина. Здѣсь она помѣщена подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Читанный въ торжественномъ собраніи помощникомъ библіотекаря, титулярнымъ совѣтникомъ Крыловымъ Апологъ (притча): Водолазы». Оленинъ приглашалъ Крылова прочесть эту басню въ собраніи письмомъ, отъ 17 ноября 1819 г., которое также помѣщено въ «Описаніи»: сказавъ нѣсколько словъ о предстоящемъ торжествѣ и исчисливъ вопросы, которые предложилъ разрѣшить библіотекарю Красовскому, архимандр. Филарету (впослѣдствіи митрополиту московскому) и Гнѣдичу, Оленинъ продолжаетъ: «четвертымъ вопросомъ, т. е. «о пользѣ истиннаго просвѣщенія и пагубныхъ слѣдствіяхъ суемудрія», — давно уже занимался человѣкъ вамъ весьма коротко знакомый, и именно: Иванъ Андреевичъ Крыловъ; — онъ знаетъ съ какимъ удовольствіемъ прекрасный его трудъ былъ уже принятъ въ кругу его пріятелей и знакомыхъ,

(которые иногда строго разбираютъ его творенія). Теперь остается ему только согласиться сей трудъ самому прочесть передъ публикою въ день торжественнаго открытія Императорской публичной библіотеки. — Вотъ о чемъ я рѣшился васъ, милостивый государь мой, письменно просить, и надѣюсь, что вы въ томъ мнѣ не откажете; я увѣренъ, что почтенная публика съ большимъ удовольствіемъ будетъ слушать вашъ апологъ, который вы нынѣшнимъ лѣтомъ на дачѣ моей сочинили, подъ названіемъ «Водолазы». Пребываю и проч. («Описаніе торж. откр. Имп. п. б., стр. 149.)

Въ первомъ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 25: Ни дара постигать вещей безплотныхъ (до изд. 1819).
28: Безсмысленныхъ животныхъ.
33—34: Что весь ученый бредъ
Былъ правовъ простотѣ во вредъ.
41—42: . . . . Созвавъ со всѣхъ сторонъ
Разумниковъ, изъ нихъ онъ учредилъ собранье.
52: Такъ онъ.... (Опис. откр. б.)
98: Хотя близъ береговъ ласкаться счастьемъ можно
(до изд. 1819).

Къ ст. 19—20: Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской.
48—50: И если бы имъ волю дали ....
Да жалованье брали.

Эти стихи приводятся Измайловымъ, какъ образецъ намека на слабости и пороки человѣческіе, о которыхъ баснописецъ упоминаетъ мимоходомъ. (»Соч.» т. II, стр. 668—669.)

Плетневъ видитъ въ этой баснѣ рѣшеніе одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія». («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. LVII.)

Къ ст. 113 — 117: Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину....
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Г. Стоюнинъ замѣчаетъ, что «здѣсь высказывается странный взглядъ на науку, въ которой баснописецъ хочетъ видѣть какую-то гибельную глубину, забывая, что наука развиваетъ только истину, а она несетъ лишь свѣтъ и добро людямъ». («О преподаваніи русской литературы», стр. 385.)

Нельзя не согласиться съ почтеннымъ педагогомъ, что наука развиваетъ только истину, а она дѣйствительно приноситъ одно добро. Но намъ кажется, что здѣсь баснописецъ указываетъ на вредныя послѣдствія

увлеченія не истинною, а ложною идеею: его водолазъ погибаетъ отъ того, что рѣшился на дѣло, противное природѣ человѣка. Мы думаемъ, что Крыловъ здѣсь говоритъ о политическомъ и религіозномъ вольнодумствѣ, какъ «пагубномъ суемудріи» и причинѣ народныхъ бѣдствій.

LXII. Крестьянинъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1813 г., № XXXIX, стр. 43, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 1: Къ крестьянину пришла змѣя проситься въ домъ (С. О.).
2: Не даромъ....
9: . . . . твердитъ молва.
13: Къ несчастью, правда все.... (до изд. 1819).
19—20: И, словомъ, всѣхъ я змѣй добрѣй (С. О.).
29: А сверхъ того....
33: Отцы! Вдогадъ ли вамъ, на что здѣсь цѣлю я? (С. О.).
— Отцы! Вы видите-ль, на что здѣсь мѣчу я?
(изд. 1815—1819).

Эта б. касается непосредственныхъ слѣдствій Отечественной войны и при своемъ появленіи имѣла живое современное значеніе. Она была направлена противъ зла, возбуждавшаго въ тѣ времена сильное негодованіе патріотовъ и усилившагося послѣ кампаніи 1812 года, — противъ обыкновенія поручать воспитаніе дѣтей иностранцамъ, преимущественно французамъ. «Выморозки» — такъ называли тогда оставшихся въ Россіи воиновъ изъ арміи Наполеона — были разсылаемы партіями въ различныя, преимущественно внутреннія губерніи, гдѣ имъ, по свидѣтельству анонимнаго современника, оказывали не только человѣколюбіе, но даже лестное вниманіе. «Достовѣрные свидѣтели разсказывали намъ, говоритъ этотъ современникъ,... что не бываетъ ни одного собранія, ни одного бала, куда бы французы преимувщественно приглашены не были, что они имѣютъ входъ во всѣ дома, что нѣкоторые русскіе дворяне съ ними о Россіи разсуждаютъ, слушаютъ ихъ, любуются ихъ краснорѣчію и даже берутъ ихъ въ учители къ дѣтямъ своимъ; увѣряютъ, и «безъ ужаса повторить сего не можно.

On dit et sans horreur je ne puis le redire,

что нѣсколько благородныхъ дѣвицъ собираются выдти за нихъ замужъ; что, забывъ честь, долгъ родства и любви къ отечеству, не погнушались онѣ руку свою предложить—кому? Тѣмъ, у которыхъ кровь свойствен-

никовъ или ближнихъ, несчастнымъ симъ дѣвицамъ принадлежащихъ, не успѣла еще на рукахъ обсохнуть *... Вотъ достойная награда родителямъ, столь много пекущимся о томъ только, чтобы дѣти ихъ болтали по французски! вотъ плодъ воспитанія, введеннаго у насъ въ XVIII столѣтіи, — воспитанія, въ которомъ отцы и матери, отрекшись отъ священной обязанности своей, отъ должнаго присмотра за своими дѣтьми «слѣпо» ихъ предаютъ въ руки иноплеменныхъ, ибо безъ сего коварнаго условія ни одинъ французскій гувернеръ или гувернантка въ русскій домъ не вступаетъ! Нерѣдко случается, что въ провинціяхъ парижская судомойка становится наставницею молодыхъ благородныхъ дѣвицъ! И чему удивляться, когда здѣсь, въ столицѣ, мы часто видимъ французскую горничную дѣвку, вдругъ возведенную въ почетное достоинство наставницы! Сіи-то наставницы, а паче тѣ, которыя слывутъ учеными, постепенно развращаютъ нашихъ дѣвицъ, знакомятъ ихъ съ образомъ мыслей, съ языкомъ непримиримыхъ враговъ нашихъ, заставляя забывать и презирать нашъ отечественный **»! («Сынъ Отечества», 1813, № XXVI, стр. 301—305.)

Въ томъ же духѣ высказались около того времени Оленинъ и Гнѣдичъ, лица бывшія въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Крыловымъ. Приглашая митрополита Филарета (бывшаго тогда ректоромъ петербургской духовной академіи) принять участіе въ торжественномъ открытіи императорской публичной библіотеки, онъ предлагалъ ему написать рѣчь въ которой были бы разрѣшены слѣдующіе вопросы: 1) Что полезнѣе для успѣха въ отечественной словесности: изученіе ли двухъ мертвыхъ классическихъ, или многихъ живыхъ чужихъ языковъ? 2) Время, употребляемое въ нашей молодости на пріобрѣтеніе самаго чистаго произношенія иностранныхъ языковъ, а особливо французскаго, не лучше ли бы сберечь на усовершенствованіе въ знаніи природнаго своего языка? И наконецъ 3) не вредно ли будетъ со временемъ для народной нравственности и для любви къ отечеству общее употребленіе живаго чужаго языка съ исключеніемъ природнаго даже въ обыкновенномъ разговорѣ съ ближними родственниками, не говоря о единоземцахъ». Къ послѣднему пункту Оленинъ относитъ слѣдующее примѣчаніе, прямо касающееся

---

* Подобный бракъ авторъ признаетъ не дѣйствительнымъ, основываясь на правилахъ, составленныхъ святѣйшимъ Синодомъ, по порученію Петра I, послѣ пораженія Карла XII (о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными *и проч*. Спб. 1721 г. мѣсяца августа, въ 18 день), гдѣ на страницѣ 8 сказано, что бракъ такой допускается только въ томъ случаѣ, когда *плѣнники и свободные иностранцы царскому величеству запишутся въ вѣчную службу.*

** Статья эта была доставлена издателямъ съ слѣдующимъ, не лишеннымъ интереса письмомъ: «Соболѣзнующіе о заблужденіи нашихъ соотечественниковъ, а еще болѣе нашихъ молодыхъ соотечественницъ, просятъ издателей *Сына Отечества* помѣстить слѣдующее извѣстіе въ ихъ смѣси для свѣдѣнія всѣхъ вѣрныхъ и доблестныхъ россіанъ и россіанокъ».

нашего предмета: «Признаюсь, я не могу довольно надивиться непонятной для меня страсти щеголять знаніемъ, а особливо чистымъ произношеніемъ всѣхъ языковъ, кромѣ своего природнаго! Скоро между нами будетъ, какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи! *Не услышитъ кійждо гласа ближняго (своего).* Сіе странное изступленіе ума до такой степени доходитъ, что въ иныхъ русскихъ домахъ дѣти, рожденныя отъ русскихъ, учиться должны природнаго своего языка отъ такихъ учителей, которые бы знали какой нибудь иностранный языкъ, а безъ того бѣдныя, невинныя дѣти учителя своего въ самыхъ простыхъ изрѣченіяхъ понимать не въ состояніи. O tempora! o mores»! («Описаніе торжеств. открытія имп. публ. библ.» стр. 131—132.)

Гнѣдичъ въ своей рѣчи «*о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности*», читанной при открытіи публичной библіотеки, находитъ, что главная причина заключается въ недостаткѣ строгаго классическаго образованія и пристрастіи къ французскому языку, который не могла вытѣснить даже ненависть, внушенная варварствомъ наполеонцевъ. «Я слышалъ», говоритъ онъ, «какъ убійцъ нашихъ дѣтей языкомъ убійцъ ихъ у насъ проклинали съ прекраснымъ произношеніемъ. Я слышалъ, какъ молили Бога о спасеніи отечества—языкомъ враговъ Бога и отечества, сохраняя выговоръ во всемъ совершенствѣ». (Тамъ же, стр. 90.)

Такой рѣшительный протестъ противъ укоренившагося пристрастія къ французскому языку, французскимъ гувернерамъ и гувернанткамъ, конечно былъ слѣдствіемъ измѣненія понятій о Франціи и о французахъ, послѣдовавшаго за нашествіемъ Наполеона. Мы не станемъ говорить о ненависти, возбужденной его полчищами въ массѣ народа (см. «Зап.» Р. Вильсона, «Русск. Вѣстн.» за январь 1862 г., стр. 191 и 192); обратимъ вниманіе на то, какъ это чувство выразилось въ литературѣ, и именно въ «Сынѣ Отечества», въ которомъ Крыловъ въ то время помѣщалъ свои басни.

«Нынѣшнее слово французъ есть синонима чудовищу, извергу, варвару и проч. такого рода», говорится въ этомъ журналѣ (1812 г., ч. 8, стр. 90). Дѣйствительная безнравственность наполеоновскихъ солдатъ, которые оскверняли не только православные, но и католическіе храмы, какъ то видно изъ письма католическаго священника въ Москвѣ, свидѣтельствующаго о ихъ неблагопристойномъ поведеніи въ церкви, а впослѣдствіи подвергшагося личнымъ оскорбленіямъ и насмѣшкамъ при посѣщеніи больницы, гдѣ помѣщались плѣнные («Сынъ От.», 1812 г., ч. 2, стр. 180),—перенесена на всю націю и приписана французскому воспитанію. Французскій народъ представлялся лишеннымъ всѣхъ нравственныхъ основъ, разрушенныхъ энциклопедистами (тамъ же, стр. 71): у него «религія сдѣлалась посмѣшищемъ, добродѣтель предразсудкомъ, а блестящіе пороки—добродѣтелями». А такъ какъ, по словамъ Платона, легче городъ построить на воздухѣ, чѣмъ учредить государство безъ религіи и нравственности, то авторъ анонимныхъ писемъ изъ Москвы въ Нижній

Новгородъ («Сынъ Ог.» ч. 8, 9 и 10), позволяя себѣ забѣжать впередъ, предсказываетъ совершенное исчезновеніе французской націи. «Приговоръ: delenda Francia! по его мнѣнію, во всѣхъ сердцахъ, если не у всѣхъ въ устахъ»; но этотъ приговоръ исполнится, «и тогда развратнѣйшій изъ всѣхъ народовъ представитъ собою ужасное позорище на театрѣ міра. Останки его, скитающіеся по свѣту, будутъ вопить, подобно Ѳезею въ Виргиліевомъ аду:

Discite justitiam moniti et non temnere Divos!

и докажутъ примѣромъ своимъ, что безъ вѣры, общество человѣческое. какъ бы оно сильно ни было, долго существовать не можетъ». Французскому народу, наконецъ, предсказывается участь болѣе плачевная, чѣмъ евреевъ; «послѣднимъ религія служитъ узломъ, связующимъ бродячее ихъ общество; французамъ не предстоитъ и подобнаго сему жребія. Одно имъ останется — быть особливымъ родомъ цыганъ». («С. От.» 1813 г., ч. 8, стр. 96—97.)

Отказавъ французскому народу въ нравственныхъ началахъ, отказали и въ качествахъ гражданина. Быстрый переходъ отъ революціи и республики къ монархіи объясняется «подлостію и низостію народа». «Нѣсколько вѣковъ разврата потребно было на то, чтобы пріучить потомство Гракховъ ползать у ногъ Тиверія», говоритъ авторъ тѣхъ же писемъ: «во Франціи это дѣлается скорѣе: сегодня издается законъ, которымъ осужденъ на казнь всякъ, кто только осмѣлится предложить возстановленіе монархіи, а на другой день все стадо французское уже лежитъ у ногъ пришельца и присягаетъ ему въ вѣчномъ рабствѣ. Каковъ народъ?— Natio comoeda est»! (Тамъ же.)

Французская литература, предъ которою безусловно преклонялись лучшіе умы XVIII и начала нынѣшняго вѣка, подверглась также строгому осужденію. О Расинѣ говорили, что все его очарованіе состоитъ въ искусствѣ владѣть своимъ языкомъ, что̀ однакожъ не составляетъ геніятворца: поэму Вольтера называли «уродливою рапсодіею, холодною въ стихахъ декламаціею»; въ Мольерѣ цѣнили только «очищеніе комедіи отъ кощунства; что же касается характеровъ, хода комедіи и развязки, то онъ занялъ ихъ отчасти у древнихъ, отчасти у испанскаго театра»; Ла Фонтенъ оказывается подражателемъ Федру, Боккаччіо и Аріосту. Наконецъ всю поэзію и художества французовъ упрекали въ страсти украшать природу и въ изнѣженномъ жеманствѣ, проникающемъ ихъ живопись, скульптуру и музыку». («С. От.», № XLIV.)

Такимъ жалкимъ представлялся этотъ народъ, къ которому русское общество питало ничѣмъ непобѣдимое пристрастіе. На чемъ же могло основываться и чѣмъ поддерживалось это пристрастіе? Вопросъ этотъ разрѣшался очень просто: основано на привычкѣ, заразившей русское общество еще въ XVIII в., а поддерживается воспитаніемъ, «которое отравлено вліяніемъ французскимъ, которое низведено до безсмысленной

заботливости о правильномъ носовомъ выговорѣ и изяществѣ манеръ». (Тамъ же.)

Всѣ эти разсужденія были, такъ сказать, резюмированы въ каррикатурѣ Теребенева: «Жидъ обманываетъ вещами, цыганъ лошадьми, французъ воспитаніемъ! Который вреднѣе»? Содержаніе ея слѣдующее: съ правой стороны еврей услужливо подаетъ ящикъ съ галантерейными вещами; по срединѣ цыганъ старается украдкою разгорячить уродливую клячу, а на лѣвой сторонѣ — французъ, качаясь на стулѣ, самодовольно любуется билетомъ, на которомъ написано: 10 рубл. за часъ. За нимъ у стола сидитъ мальчикъ за книжкою, и возлѣ него: Oeuvres de Voltaire, Honny soit qui mal y pense; далѣе — романъ Pigault le Brun, l'histoire de France и наконецъ географическая карта, на которой видна только Франція; законы же русскіе и россійская грамматика лежатъ подъ столомъ, надъ сочиненіями русскихъ авторовъ трудится мышь, а катихизисъ валяется подъ ногами учителя. (См. Сборникъ каррикатуръ имп. акад. наукъ.)

Таковы были мнѣнія, высказываемыя тѣмъ кругомъ, къ которому тогда принадлежалъ Крыловъ и нисколько не противорѣчившія его собственнымъ убѣжденіямъ. Вотъ какъ онъ отзывался о французахъ еще въ «Почтѣ Духовъ»: «Скорѣе всего можно познакомиться съ французомъ: въ немъ нѣтъ ни гордости, свойственной испанцамъ, ни врожденной нѣмцамъ угрюмости, ниже той подозрительной улыбки, которая въ поступкахъ сопровождаетъ всегда италіянцевъ; кажется, природа одарила его столь выгодною наружностію, подъ которою должны храниться истинная добродѣтель и честнѣйшая въ свѣтѣ душа, но напротивъ того.... Однакожъ, оставимъ это; я не хочу никого вооружать противъ себя; и если мало могу сказать добраго о французахъ, такъ, право, это самому мнѣ досадно»... («Полное собраніе сочиненій», т. I, стр. 34.) Въ 1807 году въ двухъ своихъ комедіяхъ («Модная Лавка», гдѣ французъ представленъ плутомъ, ростовщикомъ и доносчикомъ, и «Урокъ дочкамъ»), имѣвшихъ огромный успѣхъ на сценѣ («Воспом.» Вигеля, ч. III, стр. 123), онъ язвительно смѣялся надъ галломаніею, господствовавшею въ столицѣ и въ провинціяхъ. Теперь же, когда литература сдѣлалась выраженіемъ патріотизма, иногда слишкомъ неумѣренною, но совершенно понятнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда въ ней безпрестанно слышался громкій протестъ противъ «враговъ Бога и отечества», Крыловъ присоединился къ этому протесту и подъ видомъ змѣи, просящейся къ крестьянину въ домъ няньчить дѣтей, изобразилъ гувернера француза, несущаго съ собою нравственный ядъ.

1814.

—

LXIII. Лягушка и Юпитеръ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 29; но мы относимъ ее къ 1814 г., потому что она сохранилась въ рукописи, на которой означено 11 января 1814 г. Въ рукописи и въ изд. 1815 г. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 6: Подъ тѣнью ивнячка.... (р. и 1816).
10: . . . . могли въ ней ползать мухи (р.).
12: Меня несчастную не погубите.
14: Чтобы въ моемъ помѣстьѣ....
16: Кричитъ лягушка безъ умолку.
19: Безмозглая!...
25: На свѣтѣ много мы такихъ головъ найдемъ.
26: Которымъ все, опричь себя....

Къ ст. 14 — 15: Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода.

Измайловъ замѣчаетъ въ этихъ стихахъ грамматическую ошибку, состоящую въ ненужномъ повтореніи союза *бы*. («Соч.» т. II, стр. 676.)

Къ ст. 25 — 28: На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ....
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

Нравоучительная мысль этой б. выражается весьма разнообразно во многихъ народныхъ пословицахъ; каковы напр.: «Мнѣ, хоть весь свѣтъ гори, только бы я живъ былъ»; «Чортъ возьми сосѣда, жги огнемъ деревню»; «Мнѣ что до кого? — Было бъ намъ хорошо» и проч. («Пословицы русскаго народа, сбор.» Даля, стр. 666, 670, 671 и слѣд.)

LXIV. Прохожіе и Собаки.

Сохранилась въ двухъ рукописяхъ, изъ коихъ первая отмѣчена 11 января 1814 года, а вторая 12 мая того же года; но въ первый разъ напечатана въ изд. 1815 года ч. II, стр. 20; въ рукописяхъ и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: И разговоръ вели....
9—11: Собакъ намъ не исправить;
Пойдемъ, увидишь самъ, что лучше ихъ оставить (рук. и изд. до 1819).
13—14: . . . . шаговъ десятковъ пять,
Какъ стало ни одной собаки не слыхать (р. и изд. до 1825).
15: Хулители (рук. и изд. до 1819).

Г. Флёри утверждаетъ, что Крыловъ заимствовалъ сюжетъ этой б. у Вольтера, который въ предисловіи къ своей трагедіи «Alzire, ou les américains» (Théatre de Voltaire, Paris, 1801, t. III, p. 161), говоря о критикахъ, приводитъ слѣдующій разсказъ италіанскаго сатирика Боккалини (ум. 1613): «Un voyageur était importuné dans son chemin du bruit des cigales: il s'arrêta pour les tuer; il n'en vint pas à bout, et ne fit que s'écarter de sa route. Il n'avait qu'à continuer paisiblement son voyage; les cigales seraient mortes d'elles-mêmes au bout de huit jours». Хотя дѣйствительно этотъ разсказъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ баснею Крылова, но трудно сказать утвердительно, что именно онъ послужилъ ему источникомъ, потому что и въ другихъ литературахъ можно найти произведенія, въ которыхъ завистливые критики уподобляются животнымъ, безпокоящимъ путника. (Ср. стихотвореніе Гёте: der Kläffer); сверхъ того Крыловъ даетъ своей баснѣ самое общее значеніе: подъ собаками онъ разумѣетъ не однихъ критиковъ, но вообще «хулителей, завистниковъ».

У Сумарокова (кн. I, пр. XLIX) и у гр. Хвостова (кн. II, б. XXL) находимъ также басни подъ заглавіемъ: «Прохожій и Собака»; но притча Сумарокова не имѣетъ ничего общаго съ б. Крылова; басня же Хвостова написана въ подражаніе ей, о чемъ свидѣтельствуетъ примѣч. (48), что «авторъ не будетъ хвастаться изобрѣтеніемъ содержанія этой басни; нравоученіе свое онъ относитъ къ журналисту, который.

Зоильствомъ наполняя листъ,
Подчасъ облаетъ всѣхъ, и никому не вреденъ:
Онъ злобою богатъ, — умомъ и вкусомъ бѣденъ».

LXV. Безбожники.

Сохранилась въ рукописи, отмѣченной 11 янв. 1814 года; но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 года ч. II, стр. 9; сверхъ упомянутой рукописи, сохранились еще двѣ черновыя этой басни, неизвѣстно, къ какому году относящіяся. Въ рукописяхъ и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: . . . . судъ небесъ и слѣпъ.... (рукописи).
16—19: Олимпъ съ мольбой къ Зевесу приступилъ,
Чтобы грозящую бѣду онъ отвратилъ (2-я черн. рукоп.).
— Тутъ боги Зевсу бьютъ челомъ,
Чтобъ отвратилъ онъ зло иль силой, иль умомъ,
И даже всѣ согласны въ томъ,
На беззаконныхъ кинуть громъ (1-я черн. рук.).
— Тутъ боги Зевсу бьютъ челомъ,
Чтобъ отвратилъ онъ зло иль силой, иль умомъ,
И даже всѣ согласны въ томъ,
Что къ укрощенію....
20: Хоть маленькое сдѣлать чудо (1-я черн. р.).
24: Въ рукописяхъ и изданіяхъ до 1825 г. вкл. этого стиха нѣтъ.
25: Они въ дѣлахъ своихъ казнятся (2-я черн. рукоп.).
— . . . . если не смирятся *,
То намъ ли въ небесахъ ихъ дерзости бояться?
Кому не вѣдомо изъ васъ,
Что камни, стрѣлы ихъ, не досягнувъ до насъ,
На нихъ же обратятся (1-я черн. рук.).
29: На собственныя ихъ обратилися главы (1-я черн. р.).
30—35: О вы,
Которымъ Богъ вручилъ о царствахъ попеченье!
Любите мудрости ученье:
Оно людей къ добру ведетъ.
Но бойтесь, если въ нихъ невѣріе гнѣздится;
Иль придетъ часъ, оно какъ туча разразится,
Присягу, и родство, и дружбу разорветъ
И каменнымъ дождемъ на царство упадетъ (1-я черн. р.).

«Въ баснѣ «Безбожники», говоритъ Плетневъ, «представлена картина, до такой степени поразительная и согласная съ очевидностію, что въ

* Варіанты 25-го стиха и 30—35 напечатаны въ «Библіографич. запискахъ», 1859 г., т. II, стр. 85—87; первый изъ нихъ прочитанъ не совсѣмъ правильно: вмѣсто: «Что камни, стрѣлы ихъ, не досягнувъ до насъ, на нихъ же обратятся», — «Что камни, стрѣлы ихъ *не досягнутъ* до насъ»?

слѣдъ за нею, всякое сомнѣніе и легкомысліе уступятъ въ сердцѣ мѣсто отрадному вѣрованію». («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. LVII.)

Нѣтъ сомнѣнія, что подъ этимъ безбожнымъ народомъ Крыловъ разумѣлъ французскій народъ; бѣдствія революціи и послѣдовавшія за нею тягости наполеоновскихъ войнъ, онъ, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, приписываетъ исключительно вліянію философовъ, а потому и совѣтуетъ тѣмъ, кому «Богъ вручилъ о царствахъ попеченье», любить ученіе мудрецовъ, но бояться невѣрія, которое рано или поздно должно навлечь народныя бѣдствія.

Къ ст. 30: Плоды невѣрія ужасны таковы.

Измайловъ замѣчаетъ здѣсь грамматическую ошибку; надлежало бы сказать: «*такъ* или *столь ужасны плоды невѣрія*». («Соч.» т. II, стр. 676.)

LXVI. Крестьяне и Рѣка.

Сохранилась въ рукописи 11 января 1814 г.; напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 30. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: Гдѣ озими изрыты.
24: Вздохнули и пошли домой.

Къ ст. 27—28: На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ.

Ср. заключеніе съ нравоученіемъ б. Эзопа «Претерпѣвшій кораблекрушеніе и Море» въ примѣч. къ б. «Пловецъ и Море».

Ср. эту б. съ разсказомъ у Гоголя о недогадливомъ просителѣ, которому обѣщали принести дѣло на домъ, но не несутъ. Онъ начинаетъ вывѣдывать и узнаетъ, что надо дать писарямъ. — «Почему жъ не дать? говоритъ онъ; я готовъ четвертакъ, другой. — Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой! отвѣчаютъ ему. — По бѣленькой писарямъ? вскрикиваетъ проситель. — Да чего вы такъ горячитесь? отвѣчаютъ ему: оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству». («Мертв. Души», ч. I, гл. XI.)

LXVII. Пожаръ и Алмазъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 года, ч. IV, стр. 28; но сохранилась въ рукописи 11 января 1814 года, гдѣ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Тогда жъ, при общей тутъ тревогѣ (р.).
8—9: Какъ ты ничтоженъ предо мной,
Сказалъ ему огонь, со всей твоей игрой.
17: . . . . блескъ твой ослабляетъ.
32: А ты живешь лишь тѣмъ....
37: . . . . народъ пожаръ тушить принялся.

Здѣсь кстати припомнить, что пожаръ для Крылова былъ занимательнѣйшимъ зрѣлищемъ. Онъ не пропускалъ ни одного значительнаго пожара и о каждомъ сохранилъ самыя живыя воспоминанія. «Безъ сомнѣнія», замѣчаетъ Плетневъ, «отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его басняхъ всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно точны и оригинально хороши». («Полн. собр. соч.» т. I, стр. LXXIII.)

LXVIII. Бумажный змѣй.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1814 г., № II, стр. 73, подъ заглавіемъ: «Бумажный Змѣй и Мотылекъ», съ слѣд. варіантами:

Ст. 1—2: Бумажный змѣй, увидя съ высока (С. От.).
16: Безъ устали пустаго.

Къ ст. 16—17: Пустаго
Вѣкъ цѣлый не трещу.

Измайловъ находитъ неправильность въ употребленіи глагола «*трещать*»; по его мнѣнію, это глаголъ средній и не можетъ управлять никакимъ падежомъ; («Соч.» т. II, стр. 676), тоже самое онъ говоритъ и о дѣепричастіи «*гуторя*» въ б. «Муха и Дорожные», что совершенно несправедливо. Вообще Измайловъ требуетъ, чтобы сочинитель, говоря самъ, изъяснялся «всегда правильно, и особливо избѣгалъ словъ, употребляемыхъ чернью». На этомъ основаніи онъ осуждаетъ выраженія: «*обидѣть не моги*», *стеречи* съѣстное, начнетъ *печи*, *глядитко* насъ. (Тамъ же.)

LXIX. Тѣнь и Человѣкъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., № XI, стр. 206, и сохранилась въ рукописи 11 января 1814 г., гдѣ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Чудакъ.... (р. и изд. до 1819).
3: Она туда жъ; онъ наконецъ, что мочи есть, бѣжать (рук.).
8: . . . . видалъ я сколько разъ (рук).

У Хемницера есть б. подъ заглавіемъ: «Дуракъ и Тѣнь» («Соч.» стр. 168), въ которой также, какъ и у Крылова, представленъ человѣкъ, гоняющійся за своею тѣнью. Разсказъ примѣняется къ человѣку, который «въ счастіи счастія искалъ», и заключается слѣдующими стихами:

— Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняяся за нимъ, его гоняешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись твоимъ желаньемъ
И будь доволенъ состояньемъ,
Въ которомъ ты живешь.

LXX. Прудъ и Рѣка.

Сохранилась въ рукописи, отмѣченной 12 мая 1814 г.; но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 14, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 4: Не уже ли таки.... (1816).
41: Этого стиха нѣтъ въ рукоп. и въ изданіяхъ 1816, 19 и 25 г.
48: По всякій день . . . .

Мнѣніе Гоголя объ этой б. см. въ примѣч. къ б. «Сочинитель и Разбойникъ»

LXXI. Дерево.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г.; въ первый разъ напечатана въ изд. 1816 года, ч. IV, стр. 8, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 5: Этотъ стихъ внесенъ въ изд. 1830 г.
7: Притомъ же солнечный мнѣ чуть мелькаетъ свѣтъ (р.).
9—12: Когда бъ вокругъ меня не этотъ сбродъ,
Я вѣрно бъ выросла до облакъ въ годъ,
И скрасилась бы мной здѣсь цѣлая долина;
Теперь же тонокъ я и сухъ, какъ хворостина (1816).

— Послѣдній стихъ въ изд. 1819 г.:
Теперь же я какъ хворостина.
— И скрасила бъ собой здѣсь цѣлую долину;
Теперь же не расту и въ половину (р.).
14: И молодому другу (р.).
18: То жаромъ солнечнымъ печетъ.
20: И бурей....
23: Когда бъ укрытое ты лѣсомъ....
25—26: Деревья крѣпкія тебя бы берегли.
И если бъ нѣкогда большихъ деревъ не стало.
28: То до того ты столько бъ возросло (1816, 19).

У Хемницера есть б. подъ тѣмъ же заглавіемъ («Соч.», стр. 15). Въ ней также представлено дерево, недовольное тѣмъ, что растетъ въ долинѣ. Зевесъ превращаетъ долину въ гору, и когда поднялась буря, то дерево позавидовало деревьямъ, растущимъ въ долинѣ. Басня примѣняется къ людямъ, стоящимъ на высотѣ.

LXXII. Камень и Червякъ.

Въ первый разъ напечатана въ изд. 1816 года, ч. V, стр. 7, но сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., гдѣ находимъ слѣдующее заключеніе, не вошедшее ни въ одно изданіе:

Послѣ 18 ст.: Такъ нечего тебѣ напрасно тратить словъ.
И долгимъ здѣсь твоимъ бытьемъ гордиться;
А развѣ тѣмъ ты можешь похвалиться,
Что въ нѣсколько вѣковъ
Не пролежалъ ты здѣсь боковъ.

—

Есть люди, коихъ Богъ, конечно, избираетъ:
Таковъ вельможа мудрый, вождь,
Хоть иногда судьба ихъ жизнь.... *,
Но жизнь сія, какъ благотворный дождь,
Здѣсь по слѣдамъ своимъ лишь благо оставляетъ.

—

Вы спросите: кого жъ намъ къ камню примѣнить?
Про тѣхъ не стоитъ говорить.

---

* Послѣднее слово въ этомъ стихѣ осталось не разобраннымъ.

LXXIII. Чижъ и Голубь.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г. и напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 1. Ни въ рукописи, ни въ изданіяхъ не находимъ никакихъ перемѣнъ.

Къ ст. 10: Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ.
Ср. пословицу: «Не радуйся чужому безвременью! самъ подъ Богомъ ходишь». (Снегиревъ, стр. 285.)

LXXIV. Орелъ и Кротъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 3, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 12—14: Что корнемъ онъ не крѣпокъ и не цѣлъ,
Что даже, можетъ быть, онъ скоро и свалится,
Такъ чтобы вить на немъ гнѣзда
Не принималъ Орелъ напраснаго труда (р. 1816, 19).
32—34: Несчастный! онъ сказалъ: за то бѣда мнѣ эта,
Что не послушалъ я совѣта.
30: Но какъ же было воображать .... (р.).
38—41: .... Кротъ сказалъ: то бъ зналъ, что подъ землею
Живу я вѣкъ и, роясь близъ корней,
Здорово ль дерево, могу судить вѣрнѣй.

Къ ст. 1—2: Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.
Эти два стиха внесены Д. К. и Снегиревымъ въ сборникъ народныхъ пословицъ.

LXXV. Комаръ и Пастухъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., но напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 года, ч. V, стр. 13, съ слѣдующею незначительною перемѣною:

Ст. 3: Ползетъ къ нему, обливши ядомъ жало (до изд. 1830).

---

*

LXXVI. Крестьянинъ и Разбойникъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 18, съ незначительными перемѣнами:

Ст. 4: Брелъ подъ вечеръ домой.... (р.).
6: Разбойникъ мужичка.... (до изд. 1843).

LXXVII. Лебедь, Щука и Ракъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г.; напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. 4, стр. 10:

Ст. 7: ...а возу нѣту ходу (изд. 1816, 19).

Эту басню такъ часто примѣняли къ различнымъ коллективнымъ учрежденіямъ и преимущественно къ государственному совѣту, что наконецъ утвердилось мнѣніе, будто она была вызвана несогласіями членовъ этого совѣта. Но чтобы утвердительно сказать, что именно къ нему относится сатира Крылова, для того нѣтъ никакихъ данныхъ. Другіе же видятъ въ ней сатиру на Вѣнскій конгрессъ; но Вѣнскій конгрессъ открылся 1 ноября 1814 года, а басня, какъ показываетъ рукопись, написана была уже въ маѣ 1814 г.

Къ ст. 7—10: Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу нѣту ходу....
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.

Измайловъ находитъ неестественнымъ соединеніе этихъ дѣйствующихъ лицъ за однимъ дѣломъ: «если, дѣйствительно, поклажа была легка, то лебедь могъ поднять на воздухъ и возъ, и щуку, и рака». («Соч.» т. II, стр. 654.)

LXXVIII. Клеветникъ и Змѣя.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г.; напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 17-е, стр. 45 (цензорская отмѣтка отъ 18 дек. 1814 г.), съ слѣдующимъ варіантомъ:

Ст. 5—7: Въ какомъ-то торжествѣ въ аду,
Для дня рожденія Аттилы иль Нерона.

Иль, можетъ быть, Наполеона;
Боюсь сказать,
Чтобъ не солгать;
А впрочемъ все равно; извѣстно: дни такіе
У сатаны
Всѣ въ табель включены
И торжества для нихъ уставлены большія;
Такъ въ торжествѣ такомъ,
Готовясь въ ходъ, змѣя съ клеветникомъ
Другъ другу уступить ни пяди не хотѣли... (до изд. 1825).
10: А въ адѣ большинство.... (Ч. въ Б.).

Эта басня тогда же была перепечатана въ «Сынѣ Отечества» (ч. 21. № XVII, стр. 179). Въ этомъ №, стр. 181, въ отдѣлѣ современной русской библіографіи помѣщено извѣстіе о выходѣ означенной книги «Чтенія въ Бесѣдѣ любит. р. сл.» съ перечнемъ помѣщенныхъ въ ней статей, при чемъ редакторъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Одною изъ сихъ басенъ украсили мы нынѣшнюю книжку «С. О.». Почтенный сочинитель въ нынѣшнемъ году забылъ нашъ журналъ». Дѣйствительно, Крыловъ шесть послѣднихъ б., написанныхъ въ 1814 г., напечаталъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ», чѣмъ отчасти оправдывается выраженіе Вигеля: «Крыловъ выдалъ особу свою Бесѣдѣ». («Воспом.», ч. III, стр. 152.)

Къ ст. 28—31: Но можешь ли язвить ты такъ издалека ....
Ни за морями.

Ср. пословицу: «Змѣю обойдешь, а отъ клеветы не уйдешь». (Сборн. Даля, стр. 179.)

LXXIX. Конь и Всадникъ.

Напечатана въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 10; но сохранилась въ двухъ спискахъ въ рукописи 12 мая 1814 г.; въ первомъ изъ нихъ сдѣлано нѣсколько измѣненій, второй совершенно сходенъ съ первою печатною редакціею. Приводимъ варіанты:

Ст. 6: Съ собою всадникъ разсуждалъ (р.).
16—17: Мой расходился конь ретивый;
Въ немъ разыгралась кровь....
21—22: Напрасно на него дрожащею рукой
Сѣдокъ узду накинуть покушался.

По идеѣ и по нѣкоторымъ подробностямъ эта басня сходна съ стихотвореніемъ Державина «Колесница» («Соч.» академич. изд., т. I, стр.

524). У Державина возница, убѣжденный, что кони его смирны, ослабилъ возжи и задремалъ. Кони понеслись:

Дрожатъ, храпятъ, ушми прядутъ,
И, стиснувъ сталь во рту зубами,
Изъ рукъ возницы возжи рвутъ,
Бросаются и прахъ ногами,
Какъ вихорь, подъ собою вьютъ;
Какъ стрѣлы, изъ лука пущенны,
Летятъ они во весь опоръ.
Отъ сна возница возбужденный,
Поспѣшно открываетъ взоръ....
Уже колеса позлащенны,
Какъ огнь, сквозь пыль кружась, гремятъ!
Ѣздокъ, ихъ шумомъ устрашенный,
Вращая поблѣднѣлый взглядъ,
Хватаетъ возжи, но ужъ поздно;
Зоветъ по именамъ коней,
Кричитъ и ихъ смиряетъ грозно;
Но ужъ они его рѣчей
Не слушаютъ, не понимаютъ;
Не знаютъ голоса того,
Кто ихъ любилъ, кормилъ, — пыхаютъ
И звѣрски взоры на него
Бросаютъ страшными огнями.
Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ....

Возница падаетъ подъ нихъ.
Безъ управленья, перевѣса,
И колесница вмигъ,
Какъ лодка, бурей устремленна,
Безъ кормщика, снастей, средь волнъ,
Разломанна и раздробленна,
Въ ровъ мрачный вержется вверхъ дномъ.
Раззбруенные Буцефалы,
Томясь отъ жажды, отъ алчбы,
Чрезъ камни, пни, бугры, забралы
Несутся, скачутъ на дыбы
И, что ни встрѣтятъ, сокрушаютъ.
Отвсюду слышенъ вопль и стонъ:
Кровавы рѣки протекаютъ;
По стогнамъ мертвыхъ милліонъ!
И въ толь остервененьи лютомъ,
Всѣ силы сами потерявъ,

Падутъ стремглавъ смердящимъ трупомъ,
Безумной воли жертвой ставъ.

Обыкновенно думаютъ, что Крыловъ этою баснею отвѣчалъ на либеральныя стремленія, возникшія въ нашемъ обществѣ послѣ войнъ съ Наполеономъ. Отчасти онъ самъ, а еще болѣе Плетневъ, сказавшій, что б. «Конь и Всадникъ» «есть отвѣтъ на политическіе толки» («Полн. собр. соч.», т. 1, стр. LVII), были причиною тому, что ее примѣнили именно къ революціонной пропагандѣ, которую начали съ 1818 года тайныя политическія общества, образовавшіяся сперва въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ: въ изданіи 1825 года Крыловъ помѣстилъ эту басню въ самомъ началѣ и такимъ образомъ заставилъ своихъ современниковъ искать въ ней прямыхъ намековъ на дѣйствительность; приложенная къ ней прекрасная картинка, работы Зауэрвейта, скомпонованная по мысли Алексѣя Николаевича Оленина (какъ то доказываетъ подпись А. О.), должна была обратить на нее особенное вниманіе. Но отмѣченная 12 мая 1814 года рукопись, въ которой находимъ вполнѣ законченную редакцію этой басни, положительно доказываетъ, что, задумавъ ее, Крыловъ могъ имѣть въ виду только французскую революцію и бѣдственныя ея послѣдствія. Въ его Всадникѣ, какъ и въ Возницѣ Державина, мы должны видѣть Людовика XVI, а въ Конѣ — французскій народъ; тогда и заключительное четверостишіе:

Какъ ниприманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана. —

пріобрѣтетъ болѣе основательное значеніе, какъ выводъ изъ совершившагося уже факта.

LXXX. Добрая Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 17, стр. 43 (одобрено цензоромъ 18 дек. 1814 г.), подъ заглавіемъ «Лисица», такъ же какъ и въ рукописи 12 мая 1814 г.; настоящее же заглавіе дано этой баснѣ въ изд. 1816 г. Въ рукописи и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: .... за ней еще должны .... (р. и изд. 1816).
6: Бѣдняжки терпятъ голодъ (чужою рукою вписано: Малютки).
10: Такое горе видя.

17: .... жизнь имъ сохраните.
36—37: Когда птеняточекъ ко сну потянетъ;
Межъ тѣмъ какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качать ихъ станетъ.
38: Съ такой-то нѣжностью... (чужою рукою исправлено: Такою.).

Нѣкоторое, впрочемъ весьма отдаленное сходство находимъ между этой б. Крылова и двумя баснями Флоріана: въ первой изъ нихъ le Renard qui prêche (кн. III, б. XV), переведенной Дмитріевымъ, подъ заглавіемъ «Лиса-Проповѣдница» (кн. I, б. VI), дряхлая, болѣзненная лисица, удалясь отъ свѣта, проповѣдуетъ добродѣтель и кротость, громитъ кровожадныхъ медвѣдей, тигровъ, львовъ. Молва о ея краснорѣчіи доходитъ до царя звѣрей. Ее приглашаютъ ко двору, и левъ, восхищенный ея рѣчью, спрашиваетъ, чего она желаетъ въ награду за свои поученія. — Sire, quelques dindons, отвѣчала лисица. — Въ другой баснѣ: la jeune Poule et le vieux Renard (кн. II, б. XVII), лисица, встрѣтивъ заблудившагося цыпленка, разсказываетъ ему, что ходитъ слухъ, будто въ слѣдующую ночь намѣревается забраться въ ихъ курятникъ очень хитрая и злая лисица; но такъ какъ предохранять невинныхъ отъ опасности составляетъ для нея самое большое наслажденіе, то она проситъ цыпленка показать ей дорогу къ курятнику. Цыпленокъ показываетъ, и лисица, ворвавшись въ него, передушила всѣхъ куръ. — Басня заключается слѣдующимъ двустишіемъ:

La pire espèce de méchans
Est celle des vieux hypocrites.

Подобнымъ же образомъ представлена лисица въ баснѣ Ла Фонтена le Coq et le Renard (кн. II, б. XV): увидѣвъ сидящаго на деревѣ пѣтуха, лисица приглашаетъ его спуститься на землю и увѣряетъ, что заключенъ на этотъ разъ общій миръ, почему она хотѣла бы поцѣловать его по-братски. Различіе между этой баснею и предшествующими состоитъ въ томъ, что пѣтухъ не поддается обману.

Сличивъ съ этими баснями басню Крылова, не трудно замѣтить, что сходство между ними заключается единственно въ характерѣ главнаго дѣйствующаго лица — лисицы; но событія, вся обстановка и нравоученіе не имѣютъ ничего общаго съ ними.

Эта басня, безъ всякаго сомнѣнія, вызвана современными явленіями: послѣ наполеоновскихъ войнъ осталось въ Россіи множество семействъ, совершенно разоренныхъ вслѣдствіе нашествія непріятеля или вслѣдствіе того, что отцы ихъ пали на полѣ брани. Сочувствіе къ такимъ несчастнымъ жертвамъ событій не заключало въ себѣ, конечно, ничего достойнаго порицанія; но чрезмѣрное увлеченіе и благотворительностію могло обличать въ людяхъ и смѣшныя и дурныя ихъ стороны. Въ тогдашнихъ журналахъ безпрестанно читаемъ объявленія, въ которыхъ изображается бѣдственное состояніе какого либо лица или семейства и призы-

ваются всѣ къ благотворенію. Съ другой стороны, въ тѣхъ же журналахъ находимъ длинные списки лицъ, жертвовавшихъ въ пользу бѣдныхъ, а иногда и письма отъ нихъ къ издателямъ, отзывающіяся самымъ безцеремоннымъ самохвальствомъ. (См. «Сынъ Отечества» 1814 и 1815 г.) Этого рода явленія, по всей вѣроятности, заставили нашего поэта сказать:

Кто добръ по-истинѣ, не располжая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

LXXXI. Чижъ и Ежъ.

Была читана Крыловымъ въ «Бесѣдѣ любителей русскаго слова» и напечатана въ 17-мъ чтеніи, стр. 100, которое вышло въ свѣтъ уже въ 1815 г., но было одобрено цензоромъ 18 декабря 1814 г. Въ сохранившейся рукописи, отмѣченной 12 мая 1814 г., и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Покой и музыку любя (р.).
3—10: Не изъ награды, не изъ славы,
А для своей забавы, —
Какъ изъ морей
И въ блескѣ, и во славѣ всей
Фебъ лучезарный показался,
И громкій соловьевъ по рощѣ свистъ раздался (р.).
12: Кумъ милый .... (р. и Чт. въ Б.).
17: Такъ нынѣ я крушуся .... (р.).

Разсказываютъ, будто этою баснею Крыловъ отвѣчалъ на упреки своихъ друзей, что онъ пишетъ только басни, и на совѣты ихъ написать что нибудь по-серьезнѣе на возвращеніе имп. Александра въ Россію. «Когда послѣ взятія Парижа», говоритъ Вигель, «Александръ возвратился въ Петербургъ *, тогда вся восхищенная толпа поэтовъ въ

---

* Имп. Александръ возвратился въ Петербургъ 6 іюля 1814 г.; на праздникѣ, данномъ по этому поводу имп. Маріею Ѳеодоровною въ Павловскѣ, пѣли пѣсню Лобанова: «Ѣздилъ Русскій бѣлый царь» (Михайловскій-Данилевскій, т. VII, стр. 314).

честь и славу его возвысила свои искренніе не купленные голоса, и Жуковскій * посланіе свое къ нему начиналъ сими словами:

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ тебѣ зовутъ: великій....

когда раздался всеобщій сей, безподобный, трогательный гимнъ, то въ немъ различить можно было и умирающіе звуки лиры Державина**, и нѣжный, но уже сильный голосъ еще ребенка Пушкина***, который посвятилъ ему первые плоды чуднаго своего таланта †. Крыловъ нашелъ средство въ маленькой премилой баснѣ «Чижъ и Ежъ» также воспѣть ему хвалу». («Воспоминанія», ч. IV, стр. 159.) Упомянутая выше рукопись доказываетъ, что Крыловъ предупредилъ всѣ упреки и совѣты: почти за мѣсяцъ до возвращенія имп. Александра, онъ прочиталъ уже вполнѣ отдѣланную басню имп. Маріи Θеодоровнѣ. Можетъ быть, и это очень вѣроятно, что извѣстіе о взятіи Парижа и о томъ, какое высокое положеніе занялъ Александръ послѣ этого событія, побудили поэта къ сочиненію этой басни.

LXXXII. Троеженецъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1814 г., № XXVII. стр. 23. съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 6: То.... (С. О.).
9—11: И чтобъ никто не могъ впередъ
Такое сдѣлать злодѣянье;
А если де найду....
14: Въ сердцахъ у нихъ боязнь.
18: . . . . отъ зла людей не отучаютъ.

* См. «Собраніе соч.» изд. 1849. т. II. стр. 163.

** Въ академическомъ изданіи «Сочиненій» Державина находимъ два стихотворенія, относящіяся къ возвращенію Александра: «На возвращеніе Императора Александра I» (т. III, стр. 214), которое авторъ назвалъ кантатою и которое было пѣто въ Павловскѣ у имп. Маріи Θеодоровны, 17 іюня 1814 г., и «На срѣтеніе побѣдителя Европы, Александра I» (т. III, стр. 215).

*** Здѣсь Вигель ошибается: въ 1814 году Пушкинъ не писалъ ничего по поводу возвращенія имп. Александра (см. изд. Анненкова, т. II).

† Къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній, написанныхъ по этому поводу, принадлежитъ стих. Н. Карамзина: «Освобожденіе Европы и слава Александра I», которое было напечатано въ «Вѣстн. Европы», 1814 г., ч. I, стр. 238, и отдѣльно; стихотвореніе А. Востокова: «Государю Императору на возвращеніе Его Величества въ Россію по заключеніи всеобщаго мира». («Стихотворенія», изд. 1821 г., ч. III, стр. 260).

Покойный Н. И. Гречъ разсказывалъ намъ, что эта басня написана была по поводу производившагося тогда въ сенатѣ разводнаго дѣла Егора Борисовича Фукса, который, разведясь съ первою женою и, не дождавшись окончанія дѣла, возникшаго по поводу его развода со второю, перешелъ изъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ православное и вступилъ въ третій бракъ. Въ общемъ собраніи сената, которое, по высочайшему повелѣнію, разсматривало это дѣло не въ очередь, кто-то изъ сенаторовъ сказалъ: «Что же намъ разсуждать объ этомъ? Крыловъ прежде насъ рѣшилъ дѣло?» Фуксъ очень былъ оскорбленъ появленіемъ въ печати басни и совершенно прервалъ знакомство съ Гречемъ, редакторомъ и издателемъ «Сына Отечества».

Г. Флёри (Journal de St.-Petersbourg, № 219, 1867) полагаетъ, что б. «Троеженецъ» есть переложеніе въ дѣйствіе bon-mot, которое является во множествѣ французскихъ сочиненій. Но исторія происхожденія этой басни, кажется, не оставляетъ сомнѣнія, что и по содержанію, и по формѣ она вполнѣ принадлежитъ Крылову.

LXXXIII. Любопытный.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., № XL, стр. 69, и сохранилась въ рукописи, гдѣ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 6: Ужъ подлинно чудесъ палата (р.).
7: Куда на выдумки натура.... (р. и С. О.).

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ о И. А. Крыловѣ» Булгаринъ разсказываетъ, что «одинъ стихотворецъ (но не поэтъ), впрочемъ человѣкъ остроумный *, выпустилъ въ свѣтъ стишки, въ которыхъ говоритъ, что въ литературѣ три великихъ баснописца и всѣ трое Иваны: Иванъ Ла Фонтенъ, Иванъ Хемницеръ и Иванъ Дмитріевъ. Объ Иванѣ Крыловѣ, уже наслаждавшемся полною славою,—ни помина»! («Сѣверная Пчела», 1845, № 8). Говорятъ, будто Крыловъ, оскорбленный такимъ невниманіемъ, написалъ басню «Любопытный», въ которой далъ понять автору стихотворенія, что онъ высмотрѣлъ козявокъ, мушекъ и проч., а слона-то, Ивана Крылова, не замѣтилъ.

Г. Флёри (Journal de St.-Petersbourg, № 219, 1867) выразилъ мысль, что въ этой баснѣ Крыловъ вооружается противъ «ученыхъ, занятыхъ мелоч-

* Здѣсь Булгаринъ разумѣетъ кн. П. А. Вяземскаго.

ными изслѣдованіями»; такое объясненіе значенія басни весьма близко къ толкованію Плетнева, который причисляетъ ее къ разряду тѣхъ произведеній нашего баснописца, въ которыхъ онъ указываетъ, какъ «нелѣпъ педантизмъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ» («Полн. собр. соч.», т. I, стр. LVII; см. прим. къ б. «Огородникъ и Философъ»). Мы думаемъ, что вѣрнѣе всего будетъ склониться на сторону послѣдняго объясненія, потому что первое, свидѣтельствуя о колоссальномъ самолюбіи Крылова, будто бы считавшаго себя слономъ въ сравненіи съ Ла Фонтеномъ, противорѣчитъ взгляду его на этого баснописца, выраженному въ б. «Подагра и Паукъ», и взгляду на самого себя, высказавшемуся въ б. «Чижъ и Ежъ». Нельзя сказать, чтобы Крыловъ вовсе не былъ самолюбивъ. Онъ самъ сказалъ о себѣ въ письмѣ къ Варварѣ Алексѣевнѣ Олениной: «Я авторъ, и сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивъ» («Жизнь и соч. И. А. Крылова», Лобанова, стр. 72); Лобановъ также замѣчаетъ, что онъ «не чуждъ былъ этого» (тамъ же, стр. 76); однако трудно предположить, чтобы авторское самолюбіе могло побудить столь разумнаго и сдержаннаго человѣка, дожившаго уже почти до пятидесяти лѣтъ, къ такой ребяческой выходкѣ. Сверхъ того, свойственная только посредственности, самоувѣренность, которую надлежало бы предположить въ Крыловѣ, придавая баснѣ его то значеніе, какое ей даетъ молва, была совершенно чужда ему. «... прочтите мои басни», пишетъ онъ къ В. А. Олениной, посылая ей три новыя басни, «и скажите (если лѣнь вамъ не помѣшаетъ ко мнѣ отписать), скажите чистосердечно: на много ли я поглупѣлъ, и какъ онѣ въ сравненіи съ прежними моими баснями. Ахъ, какъ я боюсь, чтобы не сдѣлаться архіепископомъ гренадскимъ и чтобы мнѣ не сказали: point d'homélies, monseigneur. Право, мнѣ кажется, я похожъ на стараго танцовщика, который, хотя отъ лѣтъ сутулится, а все еще становится въ третью позицію». (Лобановъ, стр. 75.)

Еще опредѣлительнѣе высказался взглядъ Крылова на самого себя въ томъ, что онъ сказалъ Плетневу и Карлгофу, поѣхавшимъ приглашать его на юбилейный обѣдъ. «Знаете что», сказалъ онъ имъ: «я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и конечно, мнѣ еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними; боюсь только, не подумали бы вы чего лишняго: вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только бѣды не случилось, что онъ не хаживалъ далеко въ море». («Полн. собр. соч.», т. I, стр. LXXVI.)

LXXXIV. Бочка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 16, стр. 55. (Цензорская отмѣтка 6-го апрѣля 1816 г.) *

Ст. 2: .... дни на два .... (Чт. въ Б.).
4: Ну ....
7—8: Какъ воротилася она, тогда опять
По-прежнему возить въ ней стали воду.
9: .... да дѣло только въ томъ.
11—12: И напиталась такъ простымъ виномъ,
Что винный духъ отъ ней пошелъ во всемъ.
18: .... онъ долженъ былъ разстаться.
19—21: Нельзя довольно вамъ, отцы, остерегаться,
Когда ввѣряете наставнику дѣтей.
Намъ стоитъ только съ юныхъ дней
Лишь вреднымъ толкомъ напитаться ....
24: Имъ станешь вѣчно отзываться.

Значеніе этой басни отчасти объясняетъ Плетневъ: «Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, сколько нравственнаго зла распространяется въ государствѣ отъ ложнаго понятія о воспитаніи, и въ какой мѣрѣ задерживаются успѣхи общественнаго образованія отъ предпочтенія иностраннаго языка отечественному, Крыловъ, въ каждомъ періодѣ литературной жизни своей, обращался къ развитію темы» о воспитаніи. «Ей посвятилъ онъ .... двѣ комедіи: «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» и три басни: «Крестьянинъ и Змѣя», «Бочка» и «Воспитаніе Льва».

Въ «Почтѣ Духовъ» онъ также затрогиваетъ этотъ вопросъ: «Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей, и толковали имъ только о томъ, чтобы были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія. Къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцовъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе хотя не были краснорѣчивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Теперь же по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и

---

* Хотя 17-е чтеніе въ Бесѣдѣ было цензировано прежде 16-го (18 декабря 1814), но мы здѣсь, какъ и выше, слѣдуемъ порядку чтеній, о которыхъ въ свое время были публикаціи, между прочимъ въ «Сынѣ Отечества».

болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство». («Полн. собр. соч.» т. I, стр. 151).—Нельзя однакожъ не видѣть, что въ этой баснѣ Крыловъ глубже, чѣмъ во всѣхъ упомянутыхъ произведеніяхъ, разсматриваетъ этотъ вопросъ. Онъ не ограничивается однимъ языкомъ: онъ прямо говоритъ о томъ «вредномъ ученіи» или «вредныхъ толкахъ», проводниками которыхъ въ нашемъ обществѣ могли быть французскіе наставники, оставшіеся въ Россіи послѣ 1812 года. Но въ чемъ состояло это вредное, по мнѣнію Крылова, ученіе? На этотъ вопросъ отвѣчать возможно только предположительно. «Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ», говоритъ Плетневъ (стр. LVII), не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ». Т. е. Крыловъ, никогда не увлекаясь моднымъ настроеніемъ умовъ, постоянно оставался вѣренъ однимъ и тѣмъ же убѣжденіямъ.

Замѣчаніе Плетнева, въ которомъ рядомъ съ матеріализмомъ, проповѣдывавшимся до 1812 года, упомянуто о мистицизмѣ, даетъ нѣкоторое основаніе думать, что въ концѣ 1814 года онъ вооружился противъ мистиковъ. Вспомнимъ, что въ это время знаменитая баронесса Крюднеръ уже вела въ Парижѣ бесѣды съ монархами, рѣшавшими судьбы Европы; что сочиненія Штиллинга не только читались и переводились въ Россіи, но и вызывали подражанія; какова, напр., «Побѣдная повѣсть», въ которой предсказывается всемірная революція и свѣтопреставленіе, долженствующее наступить въ 1836 году. Къ этому же времени относится возникновеніе тайныхъ мистическихъ обществъ, о цѣли которыхъ одинъ современникъ выражается такимъ образомъ: «Адская гордость породила тайныя общества, кои подъ видомъ братолюбія и самоотверженія стремятся надъ всѣми владычествовать тайнымъ образомъ... Это обольщеніе производятъ они наипаче изданіемъ коварныхъ книгъ, имѣющихъ благовидную наружность, но внутренность, постигаемую размышленіемъ, погибельную» *. Что эти общества пріобрѣтали многочисленныхъ адеп-

* Степанъ Смирновъ, «Чтенія въ имп. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», 1858 г., окт.—дек., кн. 4, отд. V, стр. 139. «Письмо къ государю о богохульныхъ книгахъ».

Здѣсь въ числѣ богохульныхъ книгъ, имѣющихъ такую цѣль, находимъ «Науку числъ» Эккартсгаузена, гдѣ доказывается мысль, что Илія пророкъ

товъ и начинали угрожать общественному благосостоянію, видно изъ письма бывшаго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уварова къ императору Александру (отъ 18 ноября 1821 года) по поводу гоненія на профессоровъ с.-петербургскаго университета (Германа, Раупаха, Арсенева и Галича), обвиненныхъ въ либерализмѣ и стремленіи къ ниспроверженію существующаго порядка:

«Peut-être alors sera-t-il clairement déterminé quels sont ceux qui menacent l'ordre établi et quels sont les amis de l'ordre? S'il faut les chercher dans les rangs des hommes essentiellement religieux et monarchiques, liés à la conservation de ce qui existe par tous les liens de principes, de sentiments, de patriotisme, d'orgueil national, de lumières, de propriété et de famille; qui ne «peuvent» connaitre «qu'une voye» et qui fidèles à Dieu sans ostentation et à Votre Majesté Impériale sans servilité sont prêts à donner pour Vous tout leur sang parcequ'ils savent que «Vous êtes la pierre angulaire de l'édifice social» et leur unique point de ralliements,—ou bien si les provocateurs des désordres ne seraient pas plutôt cette poignée d'hommes sans aveu qui le fiel dans le coeur et la charité à la bouche ennemis-nés «de tout ordre positif» et par conséquent «amis des ténèbres» se revêtent des noms les plus saints pour s'emparer de l'autorité et saper dans ses fondements l'ordre établi; fanatiques de sang-froid qui tour à tour exorcistes, illuminés, quakers, maçons, lancastriens, méthodistes, tout enfin excepté hommes et citoyens, prétendent défendre le trône et l'autel contre des attaques qui n'existent pas et faire en même temps planer le soupçon sur les véritables appuis de l'autel et du trône; comédiens habiles qui prennent tous les masques pour troubler toutes les consciences, alarmer tous les esprits et qui créent maintenant autour d'eux des dangers chimériques pour prolonger de quelques instants leur éphémère existence»? («Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I». М. Сухомлинова, стр. 371). Соображая всѣ эти данныя, мы рѣшились высказать предположеніе, что подъ «вредными ученіями» или по варіанту, подъ «вредными толками» Крыловъ разумѣетъ здѣсь мистическіе толки.

зналъ кабалистику; «Приключенія по смерти». Штиллинга, въ которой говорится о временности мукъ по смерти; «О истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей», безъименное сочиненіе, написанное, какъ кажется, въ подражаніе первымъ двумъ: въ немъ проповѣдуется пантеизмъ, утверждается высокое значеніе кабалистики, которую будто бы въ совершенствѣ постигали Адамъ и Моисей, отвергается вѣчность мукъ и проч.—Эти сочиненія не могли пройти незамѣченными для Крылова: какъ библіотекарь публ. библіот., онъ принималъ ихъ и, ужъ только для того, чтобы опредѣлить имъ соотвѣтственное мѣсто, долженъ былъ хоть поверхностно познакомиться съ ихъ содержаніемъ.

LXXXV. Вельможа и Философъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 16, стр. 56 (цензорская отмѣтка отъ 6-го апрѣля 1815 г.), съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: И будто книгу разбираешь (до изд. 1815 г.).
7: Ну, не успѣемъ оглянуться (Чт. въ Б.).
9: Не ужъ ли жъ.... (до изд. 1815).
12: Какъ.... (Чт. въ Б.).
14: Хозяева еще въ него не выбрались (Чт. въ Б.).

Эта басня, какъ видно изъ самаго ея содержанія, есть сатира на какое-то не задолго передъ тѣмъ открытое коллективное учрежденіе; но ни въ «Полномъ собраніи законовъ» (за 1813 и начало 1814 г.), ни въ современныхъ газетахъ мы не могли отыскать никакихъ данныхъ даже къ основательному предположенію.

LXXXVI. Лань и Дервишъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 17, стр. 99 (ценз. 18 дек. 1814), съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 1: Младая лань, лишась своихъ.... (рукп. и Чт. въ Б.).
13: .... Лань Дервишу отвѣчала.
19: Такъ благодѣтельный, любя едину благость.
21: И если онъ богатъ, ему избытки въ тягость.
22: .... съ бѣднымъ....

Эта б. представляетъ обратную сторону предмета, котораго Крыловъ коснулся въ б. «Добрая Лисица». Тамъ, какъ мы видѣли, онъ порицалъ благотворителей лицемѣровъ; здѣсь выставляетъ идеалъ доброты, тяготящейся избытками, если они не раздѣлены съ ближнимъ, и жертвующей ими безъ всякаго помысла о благодарности. Надо полагать, что и послѣдняя б. находится въ связи съ тѣми же современными явленіями, какъ и предыдущая.

Она особенно замѣчательна, потому что въ ней нашъ баснописецъ представляетъ положительный идеалъ.

1815.

—

LXXXVII. Тришкинъ Кафтанъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1815 г., № 27, стр. 24.

Ст. 4: И локти заплатилъ — кафтанъ готовъ (до изд. 1825).

Г. Соснецкій въ своей книгѣ: «Опытъ разбора образцовъ русской словесности» (Москва, 1867 г.) замѣчаетъ, что б. «Тришкинъ Кафтанъ» заключаетъ намекъ на нашихъ помѣщиковъ, которые, заложивъ имѣнія въ опекунскій совѣтъ, не платили процентовъ, перезакладывали и наконецъ доходили до того, что лишались имѣній (стр. 129). Но, къ сожалѣнію, г. Соснецкій не объясняетъ, на какомъ основаніи онъ дѣлаетъ такое заключеніе.

LXXXVIII. Туча.

Въ первый разъ напечатана въ «Сынѣ Отечества», 1815, № 29, стр. 100 (одобренъ цензоромъ 17-го іюля); здѣсь и въ позднѣйшихъ изданіяхъ находимъ слѣд. варіанты:

Ст. 4: Большая туча пронеслась,
Не освѣжа ея не каплею одною,
Дождемъ густымъ надъ моремъ пролилась (С. О.).
— Обильнѣйшимъ дождемъ .... (до изд. 1843.).
12: .... безъ тебя и такъ воды довольно (О. С.).

Разсказываютъ, и мы это слышали съ разныхъ сторонъ, будто Крыловъ написалъ эту басню по поводу пожалованія аренды псковскому губернатору во время всеобщаго голода въ этой губерніи; но въ совре-

менныхъ журналахъ мы не нашли никакихъ извѣстій ни о голодѣ въ псковской губерніи (между тѣмъ какъ въ «Сынѣ Отечества» сообщаются подробности о пожарѣ въ Казани и о мелочныхъ пожертвованіяхъ въ пользу погорѣвшихъ), ни о наградѣ арендою никакого губернатора. Можетъ быть, подобный случай совершился въ псковской или въ иной какой нибудь губерніи уже позже, и къ нему примѣнили эту басню.

Мы съ своей стороны обращаемъ вниманіе читателя на связь этой б. съ баснями: «Добрая Лисица» и «Лань и Дервишъ». Во всѣхъ этихъ трехъ басняхъ Крыловъ разсматриваетъ одинъ и тотъ же предметъ, только съ разныхъ сторонъ. Къ этой темѣ, какъ уже замѣчено было выше, вниманіе его было привлечено общимъ настроеніемъ.

LXXXIX. Оселъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 г., ч. II, стр. 5, съ слѣдующими замѣчательными варіантами, имѣвшими, по всей вѣроятности, для современниковъ значеніе (для насъ къ сожалѣнію утраченное) прямаго указанія на извѣстное лицо:

Ст. 7: И выдался .... (1825); въ остальныхъ изд. *А* выдался ....
— .... почти какъ муха малъ (1815, 19).
— И выдался оселъ почти какъ бѣлка малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ;
А въ спеси никому оселъ не уступалъ.
И жить ему невыносимо (зачеркн.).
И хочется ослу повеличаться. (рук. современная послѣдней редакціи басни «Дубъ и Трость»).

9—13: Однако же оселъ спесиваго былъ духу:
Какъ ростомъ оставаться съ муху?
Оселъ къ Юпитеру присталъ,
И росту .... (1815, 19).
— Но въ спеси .... (1825).

18: .... объ нихъ лишь, да объ нихъ (1815, 19).

24: И свѣтъ бы больше ихъ о мнѣ заговорилъ (1815, 19).

27: Въ изд. 1834 и 1843 по ошибкѣ пропущено «*ему*»; по всѣмъ остальнымъ: И до того ему онъ надоѣлъ.

30: Изъ мошки сталъ оселъ .... (1815, 19).

41—42: Смыслъ этой басни мы найдемъ,
Когда подумаемъ немножко:
Не лучше ль маленькой изжить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ осломъ (1815, 19).

XC. Мартышка и Очки.

Напечатано въ первый разъ въ изд. 1815 г., ч. II, стр. 11, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

XCI. Левъ и Барсъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1815 г., ч. II, стр. 13, съ слѣдующимъ варіантомъ:

Вм. ст. 4—7: Хоть разобраться льзя бъ имъ по правамъ:
Но сильные въ правахъ бываютъ часто слѣпы,
И вѣрятъ болѣе когтямъ (до изд. 1830 г.).

Какъ самый смыслъ басни показываетъ, Крыловъ въ ней говоритъ о назначеніи какого-то лица въ дипломатическую должность; но безъ прямыхъ указаній невозможно сказать, о комъ именно идетъ рѣчь.

XCII. Собачья дружба.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1815 г., ч. II, стр. 17, и безъ перемѣнъ перешла во всѣ послѣдующія изданія; но въ рукописи, гдѣ она озаглавлена «Дружество», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: .... Кудланъ....
3—4: Хоть сидя бы передъ дворомъ
Пристойнѣе стеречь имъ было домъ.
7: Не лаютъ на прохожихъ днемъ.
8: Такъ философствовать....
11: .... говоритъ Кудланъ....
16: И наконецъ глядѣть въ глаза....
20: Что если бъ....
21: Такое дружество другъ къ другу пламенѣло.
23: Что мы бъ не взвидѣли, какъ время пролетѣло.
32: Примѣромъ дружества пса ставятъ съ давнихъ дней.
36: Сказалъ Кудланъ....
38: Вертѣть хвостомъ и цѣловаться.
39: .... къ кому бы приравняться.

*

Ст. 41: .... изъ кухни кинь имъ кость.
42—43: Кудланъ съ Барбосомъ къ ней несутся,
Рвутъ кость другъ у друга, храпятъ.

По всей вѣроятности, въ этой баснѣ, (цензированной въ маѣ 1815 г.) Крыловъ намекаетъ на тогдашнія политическія событія. На Вѣнскомъ конгрессѣ, на который было обращено вниманіе всей Европы, какъ извѣстно, интересы договаривавшихся державъ такъ перепутались, что нѣкоторыя изъ нихъ рѣшались уже поддержать свои требованія силою оружія; наконецъ въ январѣ 1815 г. Австрія заключила съ Англіею и Франціею оборонительный союзъ противъ Россіи и Пруссіи. Не эта ли вражда сторонъ, стремящихся къ миру, и вызвала басню?

Къ ст. 32: Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ лѣтъ.

«Неправильная разстановка словъ», замѣчаетъ Измайловъ. По моему мнѣнію, стихъ сей можно было бы поправить слѣдующимъ образомъ:

Примѣромъ дружества слыветъ песъ съ давнихъ лѣтъ.
(«Соч.» т. II, стр. 677).

XCIII. Крестьянинъ и Работникъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 г., ч. II, стр. 37, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 5: .... отъ насъ же придетъ худо (до изд. 1830 г.).
15: .... вертитъ его, ломаетъ (1815, 19).
20—22: Вотъ новый Геркулесъ, собравшись съ силой,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ. (до изд. 1830).

1816.

XCIV. Волкъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 5, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 1—4: Охотно любятъ то дарить и уступать,
Что некуда самимъ дѣвать. —
Я про Лису примѣръ хочу сказать.
За тѣмъ что.... (1816, 19).
8: Глядитъ, анъ въ гости....
19—21: И такъ, пріятель сѣрый мой
Обласканъ по уши кумой;
Однакоже пошелъ безъ ужина домой.

Къ ст. 1—2: Охотно мы даримъ
Что намъ ненадобно самимъ.

Основная мысль басни выражается народными пословицами: «Что гнило (намъ не мило), то тому въ кадило». (Русск. народ. послов. Снегирева, стр. 485), и «Удобрилась мачиха до пасынка: велѣла въ заговѣнье всѣ щи выхлѣбать» («Сборникъ» Даля, стр. 633).

Къ ст. 4: За тѣмъ что истинна сноснѣе вполоткрыта.

Ср. народную пословицу: «Съ нагольной правдой въ люди не кажись». («Сборникъ» Даля, стр. 193.)

XCV. Собака.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 11, съ слѣдующимъ варіантомъ:

Ст. 4—6: .... счастлива,
Общественныхъ не нарушая правъ.
Но ужъ у ней такой былъ нравъ:
Что изъ мяснаго.... (1816, 19).

См. примѣч. къ б. «Медвѣдь у Пчелъ».

XCVI. Механикъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 12, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 1—2: Какой-то молодецъ, но только не умомъ,
Огромный каменный купилъ съ деревней домъ. (1816, 19).
4: ... пришелъ молодчику по нраву.

XCVII. Цвѣты.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 19, безъ всякихъ перемѣнъ.

XCVIII. Мірская сходка.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 22, безъ всякихъ перемѣнъ.

По поводу этой б. Плетневъ замѣчаетъ: «Въ «Мірской Сходкѣ» изъяснено начало несообразности многихъ общественныхъ постановленій... Для общества онъ (Крыловъ) проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія, законной власти. Злоупотребленія, пороки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя» (стр. LVII). Это замѣчаніе должно отнести ко всѣмъ баснямъ однороднымъ по содержанію съ «Мірской Сходкою».

XCIX. Скворецъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 25.

Ст. 23—24: Въ изданіяхъ до 1830 г. этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.

С. Волкъ и Журавль.

Ла Фонтенъ могъ заимствовать свою б. le Loup et la Cigogne (кн. III. б. 6) у Эзопа («Волкъ и Журавль», № 143, пер. Мартынова) или у Федра (кн. I, б. 8). Оба эти баснописца совершенно одинаково разсказываютъ происшествіе; но выводятъ различное правоученіе. Первый относитъ басню къ тѣмъ, «кои, избавившись отъ опасности, подобно волку благодарятъ своихъ благодѣтелей», второй заключаетъ, что тотъ, «кто требуетъ отъ злыхъ наградъ за услуги, вдвойнѣ ошибается: во-первыхъ, онъ помогаетъ недостойнымъ, во-вторыхъ, едва ли онъ уйдетъ отъ нихъ безнаказанно». Изъ русскихъ писателей Тредьяковскій первый передѣлалъ эту басню («Соч.», 1849, т. I, стр. 222), вполнѣ сохранивъ подробности разсказа, но опустивъ правоученіе. Сумароковъ (кн. VII, пр. XXI) прибавилъ правоученіе, нѣсколько напоминающее Федра:

Тотъ права честности не мало сберегаетъ,
Кто людямъ никогда худымъ не помогаетъ.

Гр. Хвостовъ, также передѣлавшій эту б. и озаглавившій ее: «Волкъ и Журавль-Лѣкарь» (кн. III, б. XIII), сузилъ смыслъ ея, назвавъ волка лѣснымъ вельможей и отнеся правоученіе къ хитрымъ вельможамъ:

Вельможѣ хитрому кто оказалъ услугу, —
Совѣтую, какъ другу,
Объ этомъ языкомъ не много шевелить:
Награды у него за трудъ свой не просить.

Измайловъ («Соч.» т. I, б. XII) и Крыловъ послѣдовали примѣру Ла Фонтена: передали въ точности его разсказъ и не вывели никакого правоученія.

Басня Крылова въ первый разъ была напечатана въ изданіи 1816 г., ч. IV, стр. 27, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 1—4: Что Волкъ жадненекъ, всякій знаетъ:
Онъ ѣвши никогда
Костей не разбираетъ.
За то съ однимъ изъ нихъ случилася бѣда. (1816, 19.)
11: Журавль свой долгій носъ....

Къ ст. 11—12: Журавль свой долгій носъ по шею
Засунулъ волку въ пасть....
15—16: А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ.

Въ этихъ стихахъ Измайловъ видитъ погрѣшность противъ правдоподобія. «Судя по величинѣ волчьяго горла и журавлинаго носа, послѣдній долженъ былъ пройти гораздо долѣе и повредить у волка внутренность». («Сочин.» т. II, стр. 655.) Впрочемъ этотъ упрекъ одинаково относится и къ Ла Фонтену, у котораго также говорится, что журавль вытащилъ изъ волчьяго горла свою шею.

Сравненіе этой б. Крылова съ французскимъ подлинникомъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ нашъ баснописецъ заботился преимущественно о сохраненіи подробностей оригинала. Приводимъ б. Ла Фонтена:

Le Loup et la Cigogne.

Les loups mangent gloutonnement.
Un loup donc étant de frairie
Se pressa, dit-on, tellement
Qu'il en pensa perdre la vie:
Un os lui demeura bien avant au gosier.
De bonheur pour ce loup, qui ne pouvait crier,
Près de là passe une cigogne.
Il lui fait signe; elle accourt.
Voilà l'opératrice aussitôt en besogne.
Elle retira l'os; puis, pour un si bon tour,
Elle demanda son salaire.
Votre salaire! dit le loup:
Vous riez, ma bonne commère!
Quoi! ce n'est pas encor beaucoup
D'avoir de mon gosier retiré votre cou!
Allez, vous êtes une ingrate:
Ne tombez jamais sous ma patte.

CI. Хмѣль.

Въ первый разъ напечатана къ изд. 1816 г., ч. V, стр. 2, и перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ безъ перемѣнъ.

CII. Мышь и Крыса.

Въ первый разъ напечатана въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 4; въ сохранившейся рукописи, безъ означенія года, находимъ слѣдующіе варіанты, сравнительно съ печатной редакціею:

Ст. 4: Теперя погулять....
8—9: Я такъ думаю, что льву не быть живому.
14: Весь долженъ свѣтъ глядѣть его глазами.

CIII. Госпожа и двѣ служанки.

Содержаніе этой басни Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: la Vieille et les deux Servantes (кн. V, б. 6), которому источникомъ служила б. Эзопа: «Вдова и Служанки» (№ 79, перев. Мартынова), значительно отличающаяся отъ новѣйшихъ передѣлокъ по цѣли. У Эзопа кто-то надоумилъ служанокъ убить пѣтуха; а потому выводится правоученіе, что «многимъ людямъ совѣты бываютъ виною бѣдствій». Басню Эзопа передѣлалъ Тредьяковскій, озаглавивъ ее: «Вдова и Служанки» («Сочиненія», т. I, стр. 247), а потомъ Сумароковъ, который назвалъ ее: «Пряхи» (кн. I, притча XVIII); оба они опустили нравоученіе.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1815—16 г., ч. V, стр. 5, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Въ приложеніи приводимъ б. Ла Фонтена, изъ сравненія съ которой можно видѣть, что Крыловъ заимствовалъ только основной фактъ и идею правоученія; форма же изложенія вполнѣ оригинальна.

Къ ст. 44: .... Изъ огня онѣ да въ полымя попали.

«Изъ огня да въ полымя» — народная пословица, перешедшая къ намъ, по мнѣнію Снегирева, изъ греческаго («Русскіе въ своихъ пословицахъ», М. 1831, стр. 87).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

La Vieille et les deux Servantes.

(Ла Фонтена).

Il était une vieille ayant deux chambrières:
Elles filaient si bien. que les soeurs filandières
Ne faisaient que brouiller au prix de celles-ci.
La vieille n'avait point de plus pressant souci
Que de distribuer aux servantes leur tâche.
Dès que Téthys chassait Phébus aux crins dorés,
Tourets entraient en jeu, fuseaux étaient tirés;
Deçà, delà, vous en aurez:
Point de cesse, point de relâche.
Dès que l'Aurore, dis-je, en son char remontait,
Un misérable coq à point nommé chantait;
Aussitôt notre vieille, encor plus misérable,
S'affublait d'un jupon crasseux et détestable,
Allumait une lampe, et courait droit au lit
Où, de tout leur pouvoir, de tout leur appétit,
Dormaient les deux pauvres servantes.
L'une entr'ouvrait un oeil, l'autre étendait un bras;
Et toutes deux, très-mal contentes.
Disaient entre leurs dents: Maudit coq, tu mourras!
Comme elles l'avaient dit, la bête fut grippée:
Le réveille-matin eut la gorge coupée.
Ce meurtre n'amenda nullement leur marché:
Notre couple, au contraire, à peine était couché,
Que la vieille, craignant de laisser passer l'heure,
Courait comme un lutin par toute sa demeure.

C'est ainsi que, le plus souvent,
Quand on pense sortir d'une mauvaise affaire,
On s'enfonce encor plus avant:
Témoin ce couple et son salaire.
La vieille, au lieu du coq, les fit tomber par là
De Charybde en Scylla.

CIV. Медвѣдь у Пчелъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 8, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

По идеѣ эта басня приближается къ б. «Собака», въ которой баснописецъ совѣтуетъ, чтобы исправить вора, отнимать у него кражу; здѣсь же указывается на то, что нерѣдко отъ уличеннаго вора отнимаютъ возможность продолжать красть, но оставляютъ накраденное, что, конечно, не можетъ повести къ исправленію; съ другой стороны, въ б. «Медвѣдь у Пчелъ», какъ и въ б. «Мірская Сходка», авторъ осуждаетъ и тѣхъ, кто избираетъ къ должностямъ людей не только не способныхъ къ честному исполненію своихъ обязанностей, но уже заслуживавшихъ своею недобросовѣстностію самую дурную извѣстность.

Лихоимство и вообще злоупотребленіе довѣріемъ правительства были застарѣлымъ зломъ въ нашей администраціи. Противъ этого зла съ равною энергіею вооружались и правительство и литература. Императоръ Александръ въ первый же годъ своего царствованія подтвердилъ законъ «о нечиненіи никакихъ незаконныхъ поборовъ»; потомъ призывалъ губернаторовъ употребить всѣ мѣры «къ пресѣченію гнуснаго лихоимства и отвращенія всякаго поползновенія къ оному во всѣхъ подчиненныхъ имъ». Въ 1809 году, послѣ открытія злоупотребленій коммиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, онъ подтвердилъ указъ Петра I (1714 г. 24 дек.) о наказаніяхъ за взятки и указъ Екатерины 1763 г. дек. 16. Первымъ изъ нихъ повелѣвается виновныхъ во взяточничествѣ «весьма жестоко на тѣлѣ наказывать, всего имѣнія лишать, шельмовать и изъ числа добрыхъ людей извергать или и смертію казнить»; а вторымъ: «не только изъ числа честныхъ, да изъ всего рода человѣческаго истреблять». Но, какъ видно, всѣ эти мѣры не приводили къ желанному результату: каждый годъ до самаго конца царствованія Александра издавались указы противъ взяточничества и казнокрадства.

Въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ министру юстиціи Трощинскому (1816 г. авг. 5) между прочимъ сказано: «.... въ полной къ вамъ довѣренности, поручаю вамъ усугубить надзоръ,... чтобъ законы и указы повсюду исполнялись неизмѣнно, чтобъ бѣдные и угнетаемые находили въ судахъ защиту и покровительство, чтобъ правосудіе не было помрачено ни пристрастіемъ къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ, Богу противнымъ и мнѣ ненавистнымъ, и чтобъ обличаемые въ семъ гнусномъ порокѣ не терпимы были въ службѣ и преслѣдуемы всею строгостію законовъ».... («Полное собраніе законовъ».)

Такимъ образомъ во всѣхъ басняхъ противъ злоупотребленій должностныхъ лицъ, Крыловъ дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ зако-

подательствомъ, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что эти басни имѣютъ прямое отношеніе къ дѣйствительности; что его Медвѣдь, перетаскавшій медъ въ свою берлогу, Собака, не перестававшая красть, не смотря на побои, Волкъ, посаженный въ овчарню,—дѣйствительныя лица. Но кто они—это намъ остается неизвѣстнымъ.

CV. Зеркало и Обезьяна.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 12, и сохранилась въ двухъ рукописяхъ, но безъ означенія года; въ одной изъ нихъ б. переписана на-чисто, безъ перемѣнъ сравнительно съ печатною редакціею; въ другой, въ которой баснѣ дано заглавіе: «Мартышка и Медвѣдь», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Взгляни-тка, шепчетъ, милый мой.
5: Что за ужимки, за прыжки.
7: Когда бы на нее родилась чуть похожа.
10: Я, право....
11—14: Этихъ четырехъ стиховъ въ рукописи нѣтъ.
15—18: Какъ часто тожъ бываетъ въ мірѣ,
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ любитъ взять, всѣ знаютъ....

Плетневъ замѣчаетъ, что «стрѣлы сатиры, какъ бы онѣ остры ни были, не исправляютъ пороковъ, и никому не приходитъ въ голову приложить описаніе къ своей особѣ. Все дѣло оканчивается, какъ въ баснѣ «Зеркало и Обезьяна» (стр. XLIII). Судя по этой баснѣ, Крыловъ также сознавалъ эту истину. Да и могла ли подѣйствовать сатира на людей, которыхъ не могли обуздать даже суровые законы Петра?

Такое же сознаніе безсилія сатиры высказалъ и Гоголь въ концѣ «Мертвыхъ душъ». Сказавъ о томъ, какія обвиненія посыплются на автора, онъ продолжаетъ: «Вы боитесь глубоко устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему не думающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ, можетъ быть, даже похвалите автора—скажете: «Однакожъ коечто онъ ловко подмѣтилъ, должно быть веселаго нрава человѣкъ»! И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостью, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ и вы прибавите: «А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да подлецы при томъ не малые»! А кто изъ васъ,

полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой углубитъ во внутрь собственной души всѣ тяжелые запросы: «А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова»? Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо него какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ не слишкомъ большой, не слишкомъ малый, — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ»!... («Соч.» т. III, стр. 251—252.)

CVI. Рыцарь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 14, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 19: Состроить....
21—22: Теперя и овса ты видишь не всегда,
А воду пьешь изъ мутнаго ручья;
Тогда
Ячмень *и проч.* (изд. 1816, 19).
— Теперь знакомъ
Ты мало и съ овсомъ;
Тогда у насъ пойдетъ инымъ все чередомъ (1825).

CVII. Крестьянинъ и Топоръ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 17, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CVIII. Левъ и Волкъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. V, стр. 19, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CIX. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. V, стр. 20.

Ст. 34: Но въ нуждѣ лишь узнать льзя истиннаго друга (до изд. 1830).

Крыловъ не призналъ этой басни заимствованною; однако жъ нельзя не видѣть въ основной ея идеѣ сходства съ идеею б. Эзопа «Пѣшеходцы и Медвѣдь» (№ 249, перев. Мартынова). Содержаніе б. Эзопа слѣдующее: Два друга шли одною дорогою. Когда имъ повстрѣчался Медвѣдь, то одинъ изъ нихъ, котораго чуть было не схватилъ Медвѣдь, упалъ на землю и притворился мертвымъ; а другой взлѣзъ на дерево. Перваго изъ нихъ Медвѣдь обнюхалъ и, не замѣтивъ другаго, ушелъ. Тогда слѣзшій съ дерева спросилъ товарища, что ему говорилъ Медвѣдь. «Впередъ не ходить въ дорогу съ такими друзьями», отвѣчалъ онъ, «которые въ опасностяхъ насъ оставляютъ. — Басня учитъ, что искренніе друзья въ несчастіи познаются».

Къ ст. 34: Но въ нуждѣ лишь узнать прямаго можно друга.

Ср. пословицы: «Безъ бѣды друга не узнаешь»; «Другъ познается въ несчастіи», «Коня въ рати узнаешь, а друга въ бѣдѣ» и пр. («Сборникъ» Даля, стр. 859.)

CX. Волкъ и Пастухи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 22; въ послѣдующихъ изданіяхъ измѣненъ одинъ стихъ:

Ст. 6: Сказалъ имъ, уходя въ досадѣ (до изд. 1830).

Во всѣхъ изданіяхъ Крыловъ эту басню причислилъ къ разряду заимствованныхъ. У Ла Фонтена есть басня, подъ заглавіемъ le Loup et les Bergers, которую онъ, по мнѣнію Валькнэера, заимствовалъ у Филибера Ежмона (des Pasteurs et du Loup). Въ б. Ла Фонтена есть одно положеніе, которое могло подать Крылову мысль, выраженную въ этой баснѣ. У Ла Фонтена Волкъ, сознавъ свою жестокость, рѣшается уже перестать питаться тѣмъ, что имѣетъ жизнь; но вдругъ видитъ, что пастухи ѣдятъ ягненка, изжаривъ его на вертелѣ, и собаки участвуютъ въ ихъ ужинѣ. Тогда онъ воскликнулъ: если они это дѣлаютъ, то и ему не въ чемъ упрекать себя.

CXI. Слонъ въ случаѣ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 23, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 5: .... Или, сестрица,
Хоть когти были бъ у него,
Прибавилъ Волкъ, а то вѣдь нѣту ничего (до 1819).

20—22: Послушайте-жъ меня, я радъ божиться:
Не будь лишь у него такихъ большихъ ушей,
Такъ дворъ бы и не зналъ о немъ, ей! ей! (до 1825).

Основная мысль б. весьма разнообразно выражается въ народныхъ пословицахъ: «Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ»; «Всякая старина свою плѣшь хвалитъ»; «Всякая харя сама себя хвалитъ» *и проч.* (Даль стр. 811, 813).

CXII. Фортуна и Нищій.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 26, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CXIII. Лиса-строитель.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, стр. 31; въ сохранившейся рукописи и въ изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 15—18: .... и кончено оно.
Смотрѣли, видѣли: строенье
Заглядѣнье (рукоп. и изд. до 1819).
20: Кормъ подъ бокомъ....
35: Чтобъ куръ таскать оттоль не могъ никакъ никто (рук.).
36: Послѣ этого стиха въ рукописи слѣдовало еще три стиха, долженствовавшіе составить нравоученіе:
Какъ этотъ курятный построенъ дворъ,
Такъ въ свѣтѣ не одинъ написанъ договоръ,
И даже приговоръ (зачеркнуто).

Послѣдній варіантъ, совершенно измѣняющій значеніе басни, указываетъ на заднюю мысль Крылова; но за недостаткомъ хронологическихъ данныхъ (потому что на рукописи не означено года) нѣтъ возможности даже предположительно указать факта, къ которому эта басня могла бы относиться.

CXIV. Напраслина.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 33, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Основная мысль басни выражается въ народныхъ пословицахъ: «На чорта только слова, (а монахъ поросенка съѣлъ»); «На лукаваго только славу пускаютъ, а сами грѣшатъ». Сверхъ того Даль приводитъ поговорку, которая очевидно составилась на основаніи б. Крылова: «Монахъ говоритъ: сатана соблазнилъ (яйцо на свѣчкѣ испечь); а чертъ говоритъ: и самъ впервые вижу». (Даль, стр. 185.)

CXV. Фортуна въ гостяхъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 35, съ незначительною перемѣною въ одномъ стихѣ:

Ст. 4: А разсмотрѣть.... (изд. 1816, 19).

CXVI. Апеллесъ и Осленокъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1816 г., ч. 32, № XXXVII, стр. 197 (вышедшемъ 15 сентября), и въ томъ же году перепечатана въ «Вѣстникѣ Европы», ч. 89, № XIX, стр. 203. Въ обѣихъ этихъ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 2: Тотъ милъ себѣ и тѣмъ.... (С. О. и В. Е.).
4: Чего бы долженъ былъ стыдиться.
6: Къ себѣ просилъ....
7: Запрыгали въ Осленкѣ кости.
9: И всякому кричитъ....
10: Я имъ замученъ....
11: Все проситъ, чтобы я
Былъ съ нимъ, какъ съ тѣнью неразлученъ.

По словамъ Н. И. Греча, Крыловъ въ образѣ Осленка изобразилъ начинавшаго тогда молодаго писателя, Катенина, который однажды въ библіотекѣ преважно сказалъ, что ему Крыловъ (который, дѣйствительно,

раза два зазывалъ его къ себѣ) надоѣлъ своими вѣчными приглашеніями. У Греча въ «Черной Женщинѣ» Катенинъ выведенъ на сцену подъ именемъ штабсъ-капитана Закатаева (Свѣдѣнія эти сообщены Н. И. Гречемъ, 10 ноября 1863 года).

CXVII. Похороны.

Напечатана въ «Трудахъ общества любит. россійск. слов.», М. 1816 г., ч. VII, стр. 65, а потомъ перепечатана въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи имп. публич. библіотеки, января 2 дня 1817 г.», Спб. въ типогр. имп. театра. Въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: .... схоронить (Труд.)
14—15: Молитвы мы съ собой такія носимъ:
Покойникъ встанетъ сей же часъ.
17: Лишь одного при томъ мы просимъ. (Труд. и Три нов. б.)
20: Въ живомъ здѣсь не было въ немъ проку никакова (Труд.).
21: Какъ много богачей....

Въ чрезвычайномъ засѣданіи, 26 февраля 1816 года, московское общество любителей россійской словесности избрало Крылова своимъ членомъ. 26-го іюня того же года онъ написалъ въ общество письмо, въ которомъ благодарилъ за честь избранія и обѣщалъ «приложить всѣ старанія, сколь только слабые его таланты дозволятъ, чтобы быть оной достойнымъ». Въ октябрѣ того же года онъ доставилъ въ общество двѣ басни: «Похороны» и «Водопадъ и Ручей», которыя по прочтеніи въ собраніи общества (28 октября) были напечатаны въ «Трудахъ общества». — Этимъ и кончились сношенія его съ почтеннымъ обществомъ.

CXVIII. Водопадъ и Ручей.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ общества люб. рос. слов.», М. 1816 г., ч. V, стр. 66, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 2: Съ презрѣньемъ нѣкогда Ручью сказалъ (Труд.).
4: Этого стиха нѣтъ вовсе.
6: .... толпа гостей.
7: Не мудрено, коль пышности моей
Приходитъ кто дивиться.

1817.

—

CXIX. Кукушка и Горлинка.

Напечатана въ первый разъ въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи имп. публ. библіотеки, января 2-го дня 1817 года» (С.-Пбргъ, 1817 г.). Въ сохранившейся рукописи и въ перепечаткахъ этой б. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—5: Или о томъ, что ужъ прошла весна (Тр. б.).
19: .... за тебя (рукоп. и изд. до 1825).
20—23: Такъ у тебя ужъ дѣти есть?
Когда же ты гнѣздо успѣла сплесть?
27: Я, сидя на гнѣздѣ, напрасно растеряла.
28: .... всего смѣшнѣй (рукоп.).

———

Уже въ «Почтѣ духовъ» Крыловъ укорялъ родителей за то, что они поручаютъ воспитаніе своихъ дѣтей «наемничьимъ рукамъ» (см. примѣч. къ б. «Бочка»). Но обычай этотъ, ведущій свое начало съ прошлаго столѣтія и особенно усилившійся послѣ Отечественной войны (см. примѣч. къ б. «Крестьянинъ и Змѣя», подъ 1813 г.), могъ уничтожиться только вслѣдствіе значительнаго возвышенія уровня образованія въ нашемъ обществѣ, на что требовалось много времени. Ни протестъ литературы, ни мѣры правительства (см. примѣч. къ упомянутымъ баснямъ, а также къ б. «Червонецъ») не могли истребить укоренившагося зла. Доказательствомъ тому служитъ воспитаніе Евгенія Онѣгина и, нѣсколько позже, воспитаніе Бельтова въ романѣ «Кто виноватъ?»

Съ другой стороны, безпрестанно умножавшіяся закрытыя учебныя заведенія * давали возможность родителямъ слагать съ себя заботу вос-

* См. «Полн. собр. законовъ», 1801—1817 г.

питанія на правительство. При внимательномъ разсмотрѣніи басни, нельзя не замѣтить указанія и на эту сторону предмета въ заключительныхъ стихахъ, составляющихъ ея правоученіе:

Отцы и матери, вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И не любовь — всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виноваты сами.
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ.

CXX. Сочинитель и Разбойникъ.

Напечатана въ первый разъ въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи имп. публ. библіотеки, января 2-го дня 1817 г.» (С.-Пбргъ, 1817 г.), а потомъ безъ перемѣнъ перепечатана въ изданіи 1819 года и послѣдующихъ.

Утвердилось мнѣніе, что въ этой баснѣ Крыловъ говоритъ о Вольтерѣ. Крыловъ самъ, конечно, не подалъ къ тому повода, потому что, какъ видно изъ разсказовъ Лобанова и Булгарина, онъ никогда не открывалъ, даже близкимъ къ нему людямъ, на кого именно намекалъ въ своихъ басняхъ. Сколько намъ извѣстно, Гречъ первый примѣнилъ эту б. къ Вольтеру. Въ «Сынѣ Отечества», 1819 г. (ч. 54, № XXII, стр. 136—137) находимъ слѣдующую замѣтку: «Знаменитый нѣмецкій трагикъ Шиллеръ написалъ романтическую трагедію: die Jungfrau von Orleans, принадлежащую къ числу лучшихъ его произведеній. Нѣсколько разъ покушались переводить и передѣлывать ее на французскій языкъ и представлять сіи переводы и подражанія на театрахъ; но одно названіе: la Pucelle d'Orléans производило въ одной части публики глупый смѣхъ, а въ другой негодованіе. Въ этомъ случаѣ можно сказать Вольтеру словами нашего Крылова:

.... уже твои истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.»

Вскорѣ убѣжденіе, что нашъ поэтъ посадилъ въ адъ Вольтера, проникло во Францію и произвело тамъ свое дѣйствіе. Въ 1824 г. 2-го ян-

варя въ Journal de Paris явилась статья, авторъ которой подписавшійся буквами B(ormian) L(aour) — (какъ видно изъ отвѣта на нее *), вообще мало знакомый и съ исторіею Россіи и съ исторіею нашей литературы, нападаетъ на Крылова за то, что онъ въ своей баснѣ l'Auteur et le Voleur (какъ перевелъ гр. де Местръ ея заглавіе) унижаетъ достоинство великаго человѣка Франціи. Эта статья побудила Я. Толстаго издать брошюру въ защиту Крылова: Quelques pages sur l'anthologie russe; pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, insérée dans le Journal de Paris du 2 janvier 1824, par J. de Tolstoy. Suivies d'une fable, traduite du Russe. A Paris, 1824 (19 страницъ). Хотя доказательства Я. Толстаго и не достаточно сильны, однако мы находимъ умѣстнымъ привести ту часть брошюры, которая имѣетъ отношеніе къ нашему предмету.

« .... la pièce qui excite le plus sa colère (автора статьи) est une fable intitulée: «l'Auteur et le Voleur», par M. Kriloff. M. B. L. prétend que l'objet des sarcasmes de cet écrivain est Voltaire. Qu'il me soit permis de demander à M. le critique, d'où il a tiré la preuve que cette fable était écrite contre le philosophe de Ferney! M. Kriloff parle d'un auteur qui par ses oeuvres ayant semé dans la société des principes dangereux, reçoit dans l'enfer le salaire des maux que ses écrits ont produits: or, Voltaire n'est pas le seul qui, dans ses écrits, ait attaqué les prêtres, et surtout les abus du pouvoir et de la religion, ou, pour me servir des expressions de M. le comte de Maistre, la morale et les moeurs; et comme la fable est écrite en russe et pour la nation russe, n'est-il pas plus probable que ses traits sont aussi dirigés contre quelque philosophe russe? D'ailleurs, M. de Saint-Maure, dans sa notice sur M. Kriloff, s'exprime clairement sur ce sujet; voici ses propres paroles: «Le fabuliste s'adresse aux masses dans ses innocentes allusions; l'individu qui se reconnaît au miroir, n'étant point saisi corps à corps, pardonne à la fable qui fait rire, et à l'auteur, qui ne le visait pas en décochant son trait. M. Kriloff transporte rarement ses personnages hors de la Russie; il reste sur son terrain, craignant de perdre en le quittant cette précieuse originalité», etc. Si M. B. L. reconnaît à ce portait l'auteur de la Henriade, il n'en résulte pas que le poète russe, en le traçant, ait eu en vue ce grand homme. L'inculpation que M. B. L. fait à M. Kriloff d'avoir maltraité Voltaire est d'autant plus injuste, que ce philosophe a été constamment admiré en Russie, et s'il a trouvé des détracteurs, c'est plutôt en France que partout ailleurs.

N'avons-nous pas entendu, encore tout récemment, un orateur célèbre tonner de sa chaire contre cet apôtre de la civilisation, et prodiguer des éloges à Racine au détriment de Voltaire! Racine, disait-il, a copié les anciens, et Voltaire a copié Racine.

---

* Въ публ. библіот. Journal de Paris нѣтъ вовсе.

En Russie, au contraire, on a toujours su l'apprécier: l'impératrice Catherine était une des plus zélées protectrices de ce grand homme; elle admirait son génie, et la nation a suivi l'exemple de sa souveraine.»

Извѣстный нашъ библіографъ, С. Д. Полторацкій, которому мы приносимъ благодарность за указаніе намъ упомянутой брошюры, высказываетъ мнѣніе, что Крыловъ, дѣйствительно, подъ сочинителемъ разумѣлъ Вольтера; но основываетъ это мнѣніе единственно на сущности самой басни. Замѣчательно, что сами французы-роялисты, жившіе въ Россіи, высказывали мнѣніе, что бѣдствія, постигшія Францію, суть плодъ ученія Вольтера: «Онъ (графъ Монфоконъ) очень полюбилъ меня», говоритъ г. Жихаревъ, «особенно за то, что я не большой охотникъ до Вольтера, котораго онъ ненавидитъ, приписывая его ученію бѣдствія своего отечества» («Отеч. Зап.» 1855 г., за апрѣль, «Дневникъ чиновника», стр. 390). Цитируемый М. Дмитріевымъ отзывъ гр. де-Местра тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что приближается къ мысли Крылова, высказанной о сочинителѣ въ баснѣ: «Много сдѣлалъ намъ вреда этотъ человѣкъ»! говоритъ гр. де-Местръ: «подобно насѣкомому, которое въ нашихъ садахъ нападаетъ на корни самыхъ драгоцѣнныхъ растеній, Вольтеръ безпрестанно уязвляетъ своимъ жаломъ два корня человѣческаго общества: молодыхъ людей и женщинъ; онъ впускаетъ въ нихъ свой ядъ, который передается отъ одного поколѣнія другому». («Москвит.» 1853, № 23, стр. 158.)

Однакожъ, не смотря на это, по всей вѣроятности, случайное совпаденіе взглядовъ, трудно предположить, чтобы Крыловъ, вообще не увлекавшійся чужими мнѣніями, увлекся этими сужденіями и возсталъ въ своей баснѣ именно противъ Вольтера; не правильнѣе ли будетъ признать мнѣніе Гоголя, который не видитъ въ этой б. намековъ на извѣстнаго какого либо писателя, но относитъ ее вообще къ писателямъ, избравшимъ ложное направленіе. Вотъ его слова: «Но и умному дѣлаетъ онъ (Крыловъ) также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ «Прудъ и Рѣка» за то, что далъ задремать своимъ способностямъ, и строго укоривши въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ» за развратное и злое ихъ направленіе». («Соч.» т. II, стр. 463—4.)

1818.

ПРИМѢЧАНІЕ. Всѣ біографы Крылова, равно какъ и всѣ лица, пользовавшіяся его знакомствомъ, единогласно утверждаютъ, что онъ безъ всякой посторонней помощи на пятидесятомъ году, т. е. въ 1818, выучился по-гречески. Исполненіе такого труднаго предпріятія уже въ преклонныхъ лѣтахъ могло бы казаться невѣроятнымъ, если бы мы не имѣли положительныхъ доказательствъ. Уже разсказъ Лобанова, сообщающаго подробности событія и напечатавшаго даже отрывокъ изъ Одиссеи (стр. 69), переведенный Крыловымъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ вполнѣ овладѣлъ этимъ языкомъ. Но кромѣ того мы нашли другое доказательство въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву: переводъ изъ Плутарха жизнеописанія Алкивіада; какъ видно, нѣкоторыя фразы затрудняли переводчика: для этихъ фразъ онъ оставлялъ мѣсто въ текстѣ и выписывалъ ихъ на поляхъ.

Конечно, баснописцу, который, благодаря единственно своимъ собственнымъ усиліямъ, открылъ себѣ путь къ поэтическимъ сокровищамъ древняго греческаго міра, всего интереснѣе было прочитать въ оригиналѣ произведенія баснописца; можетъ быть, онъ даже съ него и началъ изученіе греческихъ классиковъ. «Иногда», говоритъ Лобановъ, «находили его съ Эзопомъ въ рукѣ, скромно отвѣчающаго на вопросы: *учусь у него*» (стр. 64). Съ этого года начинаютъ появляться басни, заимствованныя непосредственно у Эзопа. Но къ сожалѣнію, Крыловъ, удовлетворивъ своему желанію и удививъ своихъ друзей, вскорѣ забылъ греческихъ классиковъ, и они, покрытые пылью, мало-по-малу перешли изъ-подъ его постели въ печь. (Плетневъ, стр. LXXII и слѣд.)

CXXI. Мотъ и Ласточка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ торжественномъ собраніи имп. россійской академіи, бывшемъ въ 5 день декабря 1818 г.».

Содержаніе этой басни заимствовано у зопа. У него находимъ слѣдующую басню, подъ заглавіемъ: «Молодой человѣкъ и Ласточка» (№ 248. перев. Мартынова): «Развратный юноша, промотавши наслѣдство и оставшись въ одномъ только платьѣ, увидѣлъ ласточку, преждевременно показавшуюся и, думая, что уже наступила весна, не требующая никакого платья, продалъ и его. Когда же пришла зима и подулъ сильный вѣтеръ, увидѣвши ласточку мертвую, сказалъ ей: бѣдняжка! ты меня погубила. — Басня учитъ, что все, дѣлаемое не во время, опасно».

Изъ сличенія обѣихъ басенъ видно, что Крыловъ измѣнилъ подробности разсказа, чтобы примѣнить его къ сѣверному климату; что же касается нравоученія, то онъ опустилъ его, какъ не вполнѣ соотвѣтствующее разсказу.

Въ сохранившейся рукописи и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 13: .... во всей природѣ (1818).
19: Гдѣ ни возьмись, опять трескучіе морозы (рукоп.).
— .... отколь опять .... (1818).
20: Скрыпятъ обозы (рукоп.).
25: Онъ видитъ на полу .... (1818, 19).
29: И я теперь безъ шубы (рукоп.).

Къ ст. 18: .... Ласточка одна не дѣлаетъ весны.

Народная пословица, какъ самъ Крыловъ сказалъ въ предыдущемъ стихѣ, съ измѣненіемъ расположенія словъ.— Въ «Письмовникѣ» Курганова, у Д. К. и у Снегирева: «Одна ласточка весны не дѣлаетъ».

CXXII. Алкидъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ торжественномъ собраніи въ имп. россійской академіи, бывшемъ въ 5 день декабря 1818 г.».

Содержаніе этой басни заимствовано у Эзопа; такъ какъ въ изданіи Мартынова эта б. пропущена, то приводимъ подлинный ея текстъ, обязательно доставленный намъ г. академикомъ Наукомъ:

К. Гальма № 159. Ἡρακλῆς καὶ Ἀθηνᾶ. Διὰ στενῆς ὁδοῦ ὥδευεν Ἡρακλῆς· ἰδὼν δ' ἐπὶ γῆς μήλῳ ὅμοιόν τι, ἐπειρᾶτο συντρῖ-

ψαι. ὡς δὲ εἶδε διπλοῦν γενόμενον, ἔτι μᾶλλον ἐπέδετο καὶ τῷ ῥοπάλῳ ἔπαιεν· τὸ δὲ φυσηδὲν εἰς μέγεδος τὴν ὁδὸν ἐπέφραξεν· ὁ δὲ ῥίψας τὸ ῥόπαλον ἵστατο δαυμάτων. Ἀθηνᾶ δὲ αὐτῷ ἐπιφανεῖσα εἶπε. πέπαυσο, ἀδελφέ. τοῦτ᾽ ἔστι φιλονεικία καὶ ἔρις. ἄν τις αὐτὸ καταλείπῃ ἀμάχητον, μένει οἷον ἦν πρῶτυν, ἐν δὲ ταῖς μάχαις οὕτως οἰδεῖται.

Ὅτι αἱ μάχαι καὶ ἔριδες αἰτίαι μεγάλης βλάβης ὑπάρχουσιν. *

Въ первой печатной редакціи пропущенъ 14-й стихъ:

Застановляетъ солнца свѣтъ;

во всѣхъ же послѣдующихъ изданіяхъ печаталась безъ перемѣнъ.

CXXIII. Гребень.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ торжественномъ собраніи имп. россійской академіи, бывшемъ въ 5-й день декабря 1818 г.», съ слѣдующими незначительными перемѣнами:

Ст. 3: .... вонъ изъ рукъ дитя обновку (1818).
11: Такъ гладокъ, плавенъ.
24: Да голова теперь всклокочена ** твоя.
25: .... со злости ....

---

* Т. е. «*Геркулесъ и Аѳина.* По узкой дорогѣ шелъ Геркулесъ; увидѣвъ на землѣ что-то похожее на овцу, онъ попытался разбить (это); но когда увидѣлъ, что (оно) вдвое больше выросло, онъ еще сильнѣе поразилъ и побилъ палицею. Выросшее своею величиною закрыло дорогу. Бросивъ палицу, онъ сталъ удивленный. Но Аѳина, ему явившись, сказала: Перестань, братъ. Это любовь къ раздору (φιλονεικία—die Streitsucht) и ссора. Если кто его оставитъ въ покоѣ, оно останется, какимъ было прежде; но въ битвахъ оно такъ возрастаетъ. Что битвы и ссоры бываютъ причинами великаго вреда».

** Въ этой баснѣ Крыловъ употребляетъ нѣсколько формъ производныхъ отъ глагола *клочить*, которыя въ разныхъ изданіяхъ печатались различно. Сравненіе ихъ ясно показываетъ, что онъ колебался между двумя формами: *всклоченный* (отъ *клочить, всклочить* волосы) и менѣе правильной, но болѣе употребительной: *всклокоченный*. Въ изд. 1819 и 1825 г. въ 15-мъ ст. печаталось: «всклок*а*тилъ» отъ клок*а*тіть, всклок*а*тіть (Словарь Акад. Наукъ).

1819.

CXXIV. Скупой и Курица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 65, безъ перемѣнъ.

Прототипъ этой басни находимъ въ б. Эзопа (№ 24, перев. Мартынова): «Вдова и Курица»: У одной вдовы была курица, которая всякій день несла ей яйца. Думая, что если она больше станетъ давать курицѣ ячменю, то она будетъ нестись два раза въ день: это и сдѣлала. Курица же, пожирнѣвъ, не стала нестись и одинъ разъ въ день. — Басня учитъ, что изъ корыстолюбія желающіе получить много, теряютъ и послѣднее.

Этотъ сюжетъ передѣлалъ Ла Фонтенъ: у него курица несетъ золотыя яйца, и скупой обладатель ея убиваетъ ее въ надеждѣ, что найдетъ въ ней сокровище.

Сличеніе съ этими двумя баснями б. Крылова показываютъ, что онъ заимствовалъ ее не у Эзопа, а у Ла Фонтена: онъ распространилъ разсказъ, прибавивъ нѣсколько подробностей, и правоученіе французскаго баснописца замѣнилъ его же мыслью, высказанною въ началѣ басни:

Скупой теряетъ все, желая все достать.

Кромѣ Крылова изъ русскихъ писателей передѣлали эту б. Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Курица, несущая золотыя яйца» (т. I, стр. 249), и Сумароковъ — «Золотыя яйца» (кн. V, пр. XXXVIII).

Къ ст. 1: Скупой теряетъ все, желая все достать.

Мысль эта выражается въ народныхъ пословицахъ: «Многаго захочешь, послѣднее потеряешь»; «Много желать, добра не видать» (Д. К., стр. 142; Снегиревъ, стр. 225, 226).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

La Poule aux oeufs d'or.

L'avarice perd tout en voulant tout gagner.
Je ne veux, pour le témoigner,
Que celui dont la poule, à ce que dit la fable,
Pondait tous les jours un oeuf d'or.
Il crut que dans son corps elle avait un trésor;
Il la tua, l'ouvrit, et la trouva semblable
A celles dont les oeufs ne lui rapportaient rien,
S'étant lui-même ôté le plus beau de son bien.

Belle leçon pour les gens chiches!
Pendant ces derniers temps, combien en a-t-on vus
Qui du soir au matin sont pauvres devenus
Pour vouloir trop tôt être riches!

CXXV. Двѣ Бочки.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 67, безъ перемѣнъ сравнительно съ позднѣйшими изданіями.

Приводимъ мнѣніе Гоголя о Крыловѣ, которое онъ подтверждаетъ заключительными стихами этой басни: «Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ, шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ вы-

даетъ она ощутительно самую невыразимую ея духовность. Стоитъ вспомнить величественное заключеніе басни «Двѣ Бочки»:

Великій человѣкъ лишь видѣнъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ самаго размѣщенія словъ какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка». («Соч.» т. III. стр. 464.)

CXXVI. Охотникъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI. стр. 69. и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Идея басни выражается пословицею: «Не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня». По Снегиревъ находитъ источникъ ея въ нѣмецкой поговоркѣ: Spar nicht auf morgen, was du heut' thun kannst (стр. 720).

CXXVII. Пловецъ и Море.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 71, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Эту басню Крыловъ заимствовалъ у Эзопа (№ 247, перев. Мартынова), но значительно измѣнилъ какъ ея содержаніе, такъ и правоученіе. Приводимъ б. Эзопа: «Претерпѣвшій кораблекрушеніе и Море»:

«Претерпѣвшій кораблекрушеніе, выброшенный волнами моря на берегъ, спалъ отъ утомленія. Черезъ нѣсколько времени проснувшись, сталъ бранить море, обвиняя его, что оно, обольщая людей наружною своею тихостію, когда къ себѣ заманитъ, ихъ поглощаетъ и губитъ. Море, принявъ видъ жены, сказало ему: не меня, другъ мой, вини, но вѣтры; я таково отъ природы, какимъ видишь меня. Кто же нечаянно попадаетъ ко мнѣ, тѣ поднимаютъ на мнѣ волны и приводятъ меня въ ярость. — И намъ

должно винить не тѣхъ, кои дѣлають обиды, когда они подчинены другимъ, но ихъ начальниковъ».

Изъ этого разсказа Крыловъ вывелъ однакожъ другое нравоученіе:

И я скажу, совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру не возможно.

Съ нравоученіемъ Эзопа сравн. заключеніе б. «Крестьяне и Рѣка». Идея басни Крылова выражается вполнѣ пословицею: «Не море топитъ корабли, а вѣтры»; это изрѣченіе находимъ у Даніила Заточника (Снегиревъ, стр. 277).

CXXVIII. Крестьянинъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 72, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

CXXIX. Левъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 73.

Приводимъ басню Эзопа подъ тѣмъ же заглавіемъ (№ 5, переводъ Мартынова), которая служила ему оригиналомъ: «Лисица, никогда невидавшая льва, по какому-то случаю съ нимъ встрѣтилась и въ первый разъ такъ испугалась его, что чуть было не умерла. Потомъ, увидѣвши его во второй разъ, хотя испугалась, но не столько, какъ прежде; увидѣвъ же въ третій, сдѣлалась такъ смѣлою, что, подойдя къ нему, вошла съ нимъ и въ разговоръ. — Басня учитъ, что привычка и страшные предметы дѣлаетъ удобоприступными».

Къ ст. 7—8: Инаго также мы боимся.
Поколь къ нему не приглядимся.

Во всѣхъ изданіяхъ съ 1819 до 1834 г. эти стихи печатались такъ:

Инова также мы боимся,
Поколь *къ чему* не приглядимся.

Они окончательно редактированы при изданіи 1843 г. и показываютъ, что Крыловъ, подобно Эзопу, сначала относилъ выводъ изъ этой б. вообще къ предметамъ, внушающимъ страхъ.

CXXX. Муравей.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI. стр. 73, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 28: Мой Муравей то на возу....
35—36: Въ городѣ народъ
Большой уродъ.

Къ ст. 12: Я лишнія хвалы считаю за отраву.

Ср. народныя пословицы. «Хвала молодцу — пагуба»; «Хвала — первая порча» (Даль, 814).

CXXXI. Овцы и Собаки.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 75, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CXXXII. Оселъ и Мужикъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 77, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Къ ст. 1—2: Мужикъ на лѣто въ огородъ,
Нанявъ Осла, приставилъ....

Этотъ фактъ, служащій основою басни, выражается въ народной пословицѣ: «Пустилъ козла въ огородъ» (Д. К., стр. 215; Снегиревъ, стр. 346).

Къ ст. 9—12: Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ....
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.

Ср. пословицу: «Заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ расшибетъ» (Снегиревъ, стр. 136).

CXXXIII. Медвѣдь въ сѣтяхъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 78. Въ послѣдующихъ изданіяхъ измѣнено только одно слово: въ 7-мъ стихѣ: опутанъ вм. *окутанъ*.

«Медвѣдь въ сѣтяхъ» представляетъ развитіе весьма сжатой басни Эзопа (№ 164, перев. Мартынова): «Медвѣдь и Лисица»:

«Нѣкогда медвѣдь хвасталъ, что онъ всѣхъ животныхъ человѣколюбивѣе. Ибо, говорятъ, что Медвѣдь ничего мертваго не ѣстъ. Лисица, услышавъ это, усмѣхнулась и сказала ему: о, когда бы ты ѣлъ мертвыхъ, а не живыхъ. — Басня изобличаетъ обманщиковъ и лицемѣровъ».

Положеніе медвѣдя, попавшаго въ сѣти, его оправданіе и роль ловчаго напоминаютъ б. «Волкъ на Псарнѣ». См. также пословицы: «Присмирѣлъ, что волкъ подъ рогатиной»; «Поджалъ хвостъ, что волкъ на псарнѣ» (Даль. стр. 280). Ясно, что послѣдняя изъ этихъ пословицъ составилась уже подъ вліяніемъ басни Крылова.

CXXXIV. Колосъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 80, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 15: Въ изд. 1819 и 25 г. этого стиха нѣтъ; въ изд. 1830 г. онъ напечатанъ неправильно:
Велѣлъ ли насъ полить .... (вм. *полоть*).
29: Этого стиха также нѣтъ въ изд. 1819 г.

CXXXV. Мальчикъ и Червякъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 80. Въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе незначительные варіанты:

Ст. 5: Садовника .... (рукоп.).
13: Притомъ же, кажется ....
27: Тряхнуть ее ....
30: .... я слышалъ это точно.
39: Червякъ мой работать пустился.

CXXXVI. Пастухъ и Море.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 84, съ незначительною перемѣною въ 8 стихѣ: вм: *Но, видя всякій разъ* . . . . Но, видя, наконецъ . . . .

Эту басню Крыловъ заимствовалъ у Ла Фонтена, басня котораго: le Berger et la Mer (кн. VI, б. II), есть передѣлка эзоповой: «Пастухъ и Море» (№ 49, перев. Мартынова). Сумароковъ также перевелъ эту б. подъ заглавіемъ «Пастухъ-Мореплаватель» (кн. III, притча LVIII). Для сравненія приводимъ б. Ла Фонтена:

Le Berger et la Mer.

Du rapport d'un troupeau, dont il vivait sans soins,
Se contenta longtemps un voisin d'Amphitrite:
Si sa fortune était petite,
Elle était sûre tout au moins.
A la fin, les trésors déchargés sur la plage
Le tentèrent si bien qu'il vendit son troupeau,
Trafiqua de l'argent, le mit entier sur l'eau.
Cet argent périt par naufrage.
Son maître fut réduit à garder les brebis,
Non plus berger en chef comme il était jadis,
Quand ses propres moutons paissaient sur le rivage:
Celui qui s'était vu Corydon ou Tircis
Fut Pierrot, et rien davantage.
Au bout de quelque temps il fit quelques profits,
Racheta des bêtes à laine;
Et comme un jour les vents, retenant leur haleine,
Laissaient paisiblement aborder les vaisseaux:
Vous voulez de l'argent, ô mesdames les Eaux!
Dit-il; adressez-vous, je vous prie, à quelque autre:
Ma foi, vous n'aurez pas le nôtre.

Ceci n'est pas un conte à plaisir inventé.
Je me sers de la vérité
Pour montrer, par expérience,
Qu'un sou, quand il est assuré,
Vaut mieux que cinq en espérance;
Qu'il se faut contenter de sa condition;

*

Qu'aux conseils de la mer et de l'ambition
Nous devons fermer les oreilles.
Pour un qui s'en louera, dix mille s'en plaindront.
La mer promet monts et merveilles:
Fiez-vous-y; les vents et les voleurs viendront.

Къ ст. 52: Что впереди — Богъ вѣсть; а что мое — мое.

Этотъ стихъ внесенъ въ нѣкоторые сборники пословицъ (Д. К., стр 279; Снегиревъ, стр. 445).

CXXXVII. Мальчикъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 87, безъ перемѣнъ сравнительно съ послѣдующими изданіями.

Основная мысль этой б. заимствована изъ б. Эзопа (№ 263, перев. Мартынова): «Мальчикъ, ловящій саранчу, и Скорпіонъ»:

«Мальчикъ ловилъ на стѣнѣ саранчу. Наловивъ ея довольно и увидѣвши Скорпіона, котораго счелъ за саранчу, хотѣлъ было и его схватить рукою. Скорпіонъ, поднявъ жало, сказалъ: берегись взять меня, чтобъ не бросить тебѣ и той саранчи, которую ты наловилъ. — Хорошо знать и противное, чтобы доброе уважать, а худаго избѣгать».

CXXXVIII. Пчела и Мухи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 88, и безъ перемѣнъ перешла въ позднѣйшія изданія.

CXXXIX. Трудолюбивый Медвѣдь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 89, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ:

Плетневъ относитъ эту басню къ самому Крылову: говоря о томъ періодѣ жизни Крылова, когда онъ, приглашенный въ деревню кн. Голицына, не находя для себя занятія и не желая играть роль безполезнаго

нахлѣбника, сталъ добровольно учить дѣтей князя и воспитывавшихся съ ними двухъ мальчиковъ. Плетневъ, очевидно, основываясь на свидѣтельствѣ Вигеля, но не называя его, характеризуетъ слѣдующими чертами будущаго баснописца: «Онъ описанъ (въ Запискахъ Вигеля) человѣкомъ уклончивымъ, тонкимъ и замѣтно угождавшимъ прихотливому вкусу хозяина, что подтверждаетъ мысль объ его затруднительномъ положеніи (въ домѣ кн. Голицына) и доказываетъ гибкій, проницательный умъ его, рано постигнувшій истину, изложенную имъ послѣ въ баснѣ: «Трудолюбивый Медвѣдь».

Характеристика Крылова, сочиненная Вигелемъ, такъ извѣстна, что мы почитаемъ излишнимъ повторять ее здѣсь. Но намъ кажется, въ рѣзкомъ, необыкновенно рельефномъ портретѣ этомъ многія черты черезъ-чуръ преувеличены. И могъ ли мальчикъ 10 — 15 лѣтъ, который самъ сознается, что, если слылъ умнымъ человѣкомъ, то обязанъ этимъ своему наставнику, вѣрно понимать поступки этого наставника, видѣть въ нихъ скрытыя цѣли и правильно ихъ оцѣнивать? Характеристика же написанная по одному воспоминанію, не подтвержденная достаточнымъ количествомъ фактовъ, не оправдывающаяся ни другими свидѣтельствами, ни дальнѣйшимъ развитіемъ человѣка, положительно не можетъ быть признаваема авторитетомъ. Отрывокъ въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля, посвященный Крылову, мы признаемъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ, но не можемъ признать за нимъ историческаго значенія.

Изъ одного письма Льва Андреевича Крылова къ брату*, относящагося къ этому времени, видимъ, что Иванъ Андреевичъ чувствовалъ себя въ домѣ кн. Голицына, какъ дома, и былъ совершенно счастливъ. Трудно допустить, чтобы онъ находилъ счастье въ необходимости поддѣлываться подъ чужіе вкусы, раболѣпствовать, короче, говоря его словами, ходить на заднихъ лапкахъ; также трудно предположить, чтобы въ перепискѣ своей съ братомъ, дышущей искренностію и прямотою (что можно заключить изъ пространныхъ отвѣтовъ на его письма), безъ всякой при томъ надобности, онъ представлялъ свое положеніе лучшимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Мысль этой б. выражается народными пословицами: «Правитъ, какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ (прибавляютъ: гнетъ не паритъ, а переломитъ — не тужитъ»); «Исподволь и ольху согнешь, а вкрутѣ и вязъ переломишь». (Даль. стр. 225 и 735.)

---

* Объ этой перепискѣ см. Русскій Архивъ 1868 г.

CXL. Ягненокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VII, стр. 91; въ сохранившейся рукописи и печатныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Послѣ этого стиха слѣдовало:
— При добромъ поведеньѣ (рукоп.).
15: Ужъ ли же не глядѣть? ужъ ли не улыбаться.
33: Взревѣли.... (рукоп. и изд. до 1830).

По словамъ В. А. Олениной, басню эту Крыловъ написалъ для ея младшей сестры, Анны Алексѣевны, когда она была еще ребенкомъ. Этимъ объясняется тонъ разсказа, начиная съ 19 стиха, въ которомъ Крыловъ видимо поддѣлывается подъ дѣтскій языкъ.

1823.

CXLI. Крестьянинъ и Овца.

Напечатана въ первый разъ въ «Полярной звѣздѣ», изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, на 1823 годъ; но судя по цензорской отмѣткѣ (отъ 30 ноября 1822 г.), написана была въ 1822 году.

Въ первой печатной редакціи и позднѣйшихъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Судьей былъ Волкъ . . . («Пол. зв.»).

4—5: Допросъ отвѣтчику, другой запросъ истцу,
Сказать . . . .

9: . . . . перушки да косточки остались.

14—15: Ни плутовства,
Ни воровства.

17: И волчій приговоръ . . . .

18—27: Понеже куръ овца сильнѣй,
И съ ними ночь была, какъ видится изъ дѣла,
То признаюсь по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла («Пол. зв.»).
— Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны,
Но такъ какъ, со двора не отлучаясь прочь,
Овца та съ курами была одна всю ночь,
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То, обстоятельства соображая дѣла,

*

Я признаюсь по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла (изд. 1825).

— Въ изд. 1830 г. повторена первая редакція этихъ стиховъ; окончательно редактированы они при изданіи 1834 года.

CXLII. Василекъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1823 г., т. 86, стр. 226, съ помѣткою: «Павловскъ, 15 іюня 1823»; тогда же Крыловъ предоставилъ перепечатать эту б. издателямъ «Полярной звѣзды» на 1824 годъ, какъ видно изъ цензорской помѣтки, отъ 20 декабря 1823 г.

Въ сохранившейся рукописи и печатныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Межъ тѣмъ зефиру онъ такъ жалобно шепталъ (р.).
11: Неужъ-то....
21—22: И восхитительной для сердца красотой
Цвѣты пушистые.... (р.).
(Первый изъ приведенныхъ стиховъ остается безъ перемѣны до изд. 1830 г.)
36—38: О вы! кому судьбой удѣлъ счастливый данъ
Носить высокій санъ,
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ возьмите (р.).
41: И кедру и цвѣтку....

О поводѣ къ сочиненію этой б. Лобановъ разсказываетъ слѣдующее: «Изъ всѣхъ привязанностей второй половины жизни Ивана Андреевича, привязанность къ просвѣщенному и добродушному семейству А. Н. Оленина была теплѣе и искреннѣе всѣхъ. Въ этомъ семействѣ, нѣкогда полномъ, цвѣтущемъ, радушномъ, гостепріимномъ, собирались и находили пріятный пріютъ и занимательную бесѣду всѣ знаменитѣйшіе русскіе писатели, начиная съ Державина и Карамзина. Крыловъ почти ежедневно былъ тутъ, или на обѣдѣ, или на ужинѣ, или только на вечерней бесѣдѣ. Пріятно ему было служить у такого начальника, который былъ и другомъ и благодѣтелемъ и меценатомъ. Черезъ него лились на Крылова

и милости двухъ Монарховъ *. Мать этого семейства, почтенная Е(лисавета) М(арковна), была изъ числа тѣхъ рѣдкихъ, разумныхъ, добродушныхъ дамъ, которыя, составляя счастіе своего семейства, разливаютъ его и на все ихъ окружающее. Въ ней нашелъ Ив. Андр. нѣжнѣйшую мать и преданъ ей былъ съ сыновнею горячностію, и знаменитый нашъ поэтъ слышалъ и любилъ слышать изъ устъ ея ласкательное себѣ названіе: *Крылышко!* Крылышко любилъ покоиться подъ крыломъ добрѣйшей, благодѣтельной своей матери и, согрѣтый ея заботливостію и попеченіемъ о немъ, вполнотѣ чувствъ однажды сказалъ ей: «Елисавета Марковна, когда наступитъ мой часъ, я приду умереть къ вамъ, сюда, къ вашимъ ногамъ». — И въ самомъ дѣлѣ, когда отъ прилива крови къ головѣ, удары начали его поражать такъ, что при второмъ ударѣ покривилось его лицо, онъ больной дотащился до ихъ дома (отъ дома публичн. библ. до дома Олениныхъ на Фонтанкѣ, противъ Обуховской больницы). — «Вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня». Доктора были призваны и всякая помощь была оказана больному съ материнскою нѣжностью» (ст. 69 — 70). В. А. Оленина, вполнѣ подтвер-

---

* Самъ Крыловъ признавалъ, что вниманіемъ членовъ Августѣйшаго семейства и своими успѣхами онъ обязанъ покровительству Оленина. Эту мысль онъ выразилъ въ стихотвореніи: «А. Н. Оленину при доставленіи послѣдняго изданія басенъ» (т. е. изд. 1825 г.), которое появилось потомъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», на 1828 г., съ помѣткою: «18 апрѣля, 1826». Стихотвореніе это съ пропусками перепечатано Плетневымъ (стр. LXIX); а потому повторяемъ его здѣсь:

Прими, мой добрый меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь,
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь.
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедротъ Монаршихъ лучь склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта
И я бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?
При мысли сей мое живѣе сердце бьется.
Прими жъ мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не лестью онъ дается.

дивъ этотъ разсказъ, прибавила, что Крыловъ оставался въ ихъ домѣ почти до совершеннаго выздоровленія. Когда же весною имп. Марія Ѳеодоровна переѣхала въ Павловскъ и до нея дошла вѣсть о болѣзни благотворимаго ею баснописца, то она приказала А. Н. Оленину перевезти его въ Павловскъ, сказавъ: «подъ моимъ надзоромъ онъ скорѣй поправится». «Здѣсь онъ излилъ благодарныя свои чувствованія прелестною баснею «Василекъ» (Лобановъ), оставленною имъ «въ одномъ изъ альбомовъ, которые въ Розовомъ павильонѣ разложены были для удовольствія посѣтителей». (Плетневъ, стр. LXXIV.)

1824.

CXLIII. Кошка и Соловей.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности (или по прежнему заглавію: Соревнователь просвѣщенія и благотворенія), ч. XXV, кн. I, стр. 128; въ трехъ сохранившихся рукописныхъ редакціяхъ и въ печатныхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—7: Соловушка, дружокъ, слыхала часто я,
Что голосъ твой .... и славятъ,
И съ первыми тебя пѣвцами рядомъ ставятъ,
И сказывала мнѣ лиса, моя кума (1-я рукоп. ред.).

6: .... съ первыми пѣвцами .... (3-я рукоп. ред. и 1824).

7: Мнѣ говоритъ лиса, моя кума (2 рукоп. ред.).

8: Что голосъ у тебя чудесенъ.

9: .... прекрасныхъ пѣсенъ (1 ред.).

10: Пастушки, пастухи всѣ сходятъ здѣсь съ ума (1 ред.).

11—12: Мнѣ очень хочется тебя послушать.
Пропой мнѣ что нибудь (1 ред.: 2-й стихъ остается также и во 2-й).

14: Повѣрь, что не хочу тебя я скушать (3 ред.).

15: Лишь спой, тотчасъ тебѣ я волю дамъ
Гулять по рощамъ и лѣсамъ (1 ред.: 1-й ст. также и во 2-й).

17: Въ 1-й ред. этого и слѣд. стиховъ нѣтъ.
— Я къ музыкѣ въ любви тебѣ не уступаю (2 ред.).

22—23: Пропой хотя немножко.

Но бѣдный нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а чуть пищалъ (1 ред.).
— Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только чуть пищалъ (2 ред.).
26—29: Гдѣ эта чистота, пріятность, плавность, сила?
Все а-а, — да ты, я вижу, хватъ,
И дразнишь, кажется, моихъ котятъ,
Негодный! а въ пѣньѣ ты вовсе не искусенъ (1 ред.).
28: — Мнѣ скученъ этотъ пискъ.... (2 ред.).
29: Нѣтъ, видно.... (3 ред. 1824).
Послѣ этого стиха:
— Все безъ начала, безъ конца (2 и 3 ред. 1824 г.).
33—35: Хотите ль, поясню я басню вамъ мою
И на ушко скажу: нѣтъ плохо соловью
Въ когтяхъ у кошки (1 ред.).

Редакція «Соревнователя» по поводу этой б. сдѣлала слѣдующее заявленіе, свидѣтельствующее о томъ, какъ современники относились къ Крылову и его баснямъ: «Вотъ одно изъ новыхъ произведеній г. почетнаго члена общества, И. А. Крылова! Общество, раздѣляя съ почтенными читателями своего журнала чувство удовольствія при неожиданномъ появленіи новыхъ басенъ классическаго нашего баснописца, предварительно извѣщаетъ ихъ, что въ теченіе нынѣшняго года оно часто будетъ украшать «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» сими драгоцѣнными произведеніями русскаго Ла Фонтена. Пріятно извѣстить отечественную публику, что И. А. Крыловъ написалъ еще до двадцати басенъ. Черезъ нѣсколько времени онъ предполагаетъ сдѣлать новое изданіе своихъ сочиненій. Кто не согласится, что подобный трудъ съ его стороны есть примѣрная, чистѣйшая благодарность за ту любовь, которую повсюду торжественно изъявляютъ ему соотечественники? Онъ столько могъ быть увѣренъ въ своей неизмѣнной славѣ, что, вѣроятно, по одному благородному стремленію къ пользѣ согражданъ принялся вновь за литературные труды — и тѣмъ съ бо́льшимъ восторгомъ, конечно, принято будетъ появленіе новаго его изданія».

По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ Крылова, б. эта касалась самаго чувствительнаго современнаго вопроса, — именно, вопроса о цензурѣ. Въ ней онъ изобразилъ печальное состояніе русской литературы, которая, въ тѣ времена, въ эпоху реакціи, подверглась невѣроятнымъ цензурнымъ стѣсненіямъ. Хотя цензоры обязаны были руководиться цензурнымъ уставомъ 1804 года, однако примѣненіе его зависѣло отъ личнаго взгляда министра (А. Н. Голицына) и членовъ главнаго правленія училищъ, и самъ онъ измѣнялся и утрачивалъ свой первоначальный характеръ вслѣдствіе различныхъ толкованій тѣхъ его статей, которыми до нѣкоторой степени ограждалась свобода книгопечатанія. Такъ событія политическія, отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, конституціонныя начала и въ особенности крѣпостное право включены были въ кругъ тѣхъ

предметовъ, которые не подлежали суду и разбору печати; запрещались книги, которыя, по мнѣнію цензоровъ, не вели къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, или въ которыхъ находили мысли, противныя началамъ нравственности, личной чести и политическому устройству страны (напр.«Эгмондъ» Гёте, «Замокъ Смальгольмъ» Жуковскаго); цензура переходила иногда въ область литературной критики и возвращала рукописи для исправленія слога; наконецъ, въ отношеніи къ журналистамъ, она не только задерживала ихъ программы, если не была увѣрена въ успѣхѣ предпріятія; но бывали случаи, что откладывала изданіе журнала до того времени, пока редакторъ журнала не пріобрѣтетъ необходимыя свѣдѣнія и опытность (какъ было съ А. Бестужевымъ въ 1819 году). (Подробности см. въ ст. М. Сухомлинова, «Матеріалы для ист. просвѣщ. въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I», «Журналъ Министерства нар. просвѣщ.», ноябрь, 1866 г.)

CXLIV. Двѣ Собаки.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности», 1824, ч. XXVI, кн. I, стр. 64. Въ сохранившихся рукописяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—7: Собака добрая, Барбосъ,
Который на дворѣ усердно службу несъ,
Жужу, кудрявую болонку,
Лежащую увидѣвъ на окнѣ,
Онъ, ей обрадуясь....(1 ред.).
— Обрадуясь ей, какъ роднѣ (2 ред.).
8: Отъ радости едва (1 ред.).
16: На счастье грѣхъ пенять (2 ред.).
17: Кусочекъ лучшій мнѣ идетъ съ стола (1 ред.)
20: А ежели рѣзвясь устану....
24: Живу по-старому ....
27: Сплю подъ заборомъ здѣсь....
31: Безсиленъ ты и малъ.

Басня Измайлова: «Два Кота», заимствованная имъ у Флоріана (кн. II, б. IX) и явившаяся уже въ изданіи его «Басенъ и сказокъ» 1821 г. весьма близка по содержанію къ этой б. Крылова. У него тоже котъ-Васька находитъ счастіе въ томъ, что «ходитъ на заднихъ лапкахъ, пляшетъ» и вообще забавляетъ хозяина; между тѣмъ какъ котъ-Ванька,

честно исполняющій свою службу, оберегающій цѣлый домъ отъ крысъ и отъ мышей, голодаетъ. Басня заключается слѣдующимъ четверостишіемъ, которое произноситъ первый котъ:

Знай, глупенькій, что тотъ, кто людямъ угождаетъ
Въ бездѣлкахъ, пустякахъ, — у нихъ не потеряетъ:
А кто для пользы ихъ трудится и не спитъ,
Тотъ часто голоденъ бываетъ.

CXLV. Рыбьи пляски.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности», 1824 г., ч. XXVII, кн. I, стр. 3 (цензорская отмѣтка, отъ 1-го іюля 1824); тогда же перепечатана въ «Сынѣ Отечества» (т. 29, стр. 33) и въ «Полярной звѣздѣ на 1824 г.»

Въ рукописяхъ сохранились двѣ различныя редакціи этой басни: первая въ совершенно чистомъ спискѣ; вторая въ нѣсколькихъ черновыхъ, составляющихъ переработку печатной редакціи. Приводимъ первую вполнѣ:

Отъ жалобъ на судей,
На сильныхъ и на богачей
Левъ, вышедъ изъ терпѣнья,
Пустился самъ свои осматривать владѣнья.
Онъ йдетъ—а мужикъ, расклавши огонекъ,
Наудя рыбъ, изжарить ихъ сбирался.
Бѣдняжки прыгали отъ жару кто какъ могъ:
Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался.
На мужика разинувъ зѣвъ,
Кто ты? что дѣлаешь? спросилъ сердито левъ.
Всесильный царь! сказалъ мужикъ, оторопѣвъ,
Я старостою здѣсь надъ водянымъ народомъ;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здѣсь тебя съ твоимъ приходомъ.
Ну, какъ они живутъ? богатъ ли здѣшній край?
Великій государь! здѣсь не житье имъ—рай.
Богамъ о томъ мы только и молились,
Чтобъ дни твои безцѣнные продлились.

(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).
Да отчего же, левъ спросилъ, скажи ты мнѣ,
Онѣ хвостами такъ и головами машутъ?
О, мудрый царь! мужикъ отвѣтствовалъ: онѣ
Отъ радости, тебя увидя, пляшутъ.
Тутъ старосту лизнувъ левъ милостиво въ грудь*,
Отправился въ дальнѣйшій путь.

Въ такомъ видѣ Крыловъ хотѣлъ напечатать эту басню; но цензоръ, вообразивъ, что баснописецъ разумѣетъ въ ней путешествовавшаго тогда по Россіи имп. Александра, положительно ее запретилъ. Это такъ оскорбило Крылова, что онъ въ порывѣ негодованія хотѣлъ-было уничтожить свою басню; но уступилъ наконецъ просьбамъ своихъ друзей и передѣлалъ ее. (Сл. отъ В. А. Олениной.)

Приводимъ начало и заключеніе первой передѣлки, которыя имѣютъ мало общаго съ предыдущею и послѣдующею редакціями:

Когда-то въ царствѣ льва такъ развратились нравы,
Что безъ суда и безъ расправы,
Кто по-сильнѣй, тотъ слабаго давилъ.
Не только что въ лѣсахъ, но въ глубинѣ подводной
Былъ ропотъ всенародной.
И всякій день до льва онъ доходилъ.
Онъ слушать уставалъ прошенья
Въ лѣсахъ на тигровъ, на волковъ,
А изъ воды на щукъ и рыболововъ.
И вышедъ наконецъ отъ жалобъ изъ терпѣнья,
Пустился самъ *и проч.*

Далѣе какъ въ 1-й редакціи до стиха 24:

Не могши болѣ тутъ обмана левъ стерпѣть,
Я вижу, говоритъ, что ты чудакъ великой:
Какъ можно музыки на балѣ не имѣть?
Однакожъ я тотчасъ ихъ сдѣлаю съ музыкой.
И плута онъ въ когтяхъ своихъ заставилъ пѣть.

Въ остальныхъ трехъ рукописныхъ редакціяхъ и въ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 1—2: Левъ, получа въ свое владѣнье воды,
А съ ними подданныхъ несмѣтное число.
— Какой-то левъ завоевалъ
Не только что лѣса, и воды.

---

* Этотъ стихъ зачеркнутъ и замѣненъ слѣдующимъ:
Еще изволя разъ на пляску ихъ взглянуть;
но и этотъ зачеркнутъ.

— Имѣя въ области своей лѣса и воды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей, чтобъ посудить. (3 ред.),
— Имѣя въ области своей
Не только-что лѣса, и воды (5 ред., 1824).
Ст. 4: Послѣ этого стиха:
Какъ водится, пошли на голоса (5 ред. и до изд. 1830).
5: Вотъ велѣно къ тому лисицу нарядить (3 ред.).
10: .... Лиса, какъ воевода, судитъ (3 ред.).
— Межъ тѣмъ какъ съ берегу .... (5 ред. и 1824).
11: И дѣлитъ съ лисынькой (3 ред.).
— И дѣлится съ кумой (5 ред. и 1824).
15: Что покривилися Ѳемидины вѣсы (5 ред. и 1824).
18: Вотъ онъ идетъ .... (3 ред.).
28—29: При мнѣ онъ секретарь;
За правду здѣсь почтенъ всѣмъ водянымъ народомъ (3 ред.).
33: Ну какъ суды идутъ?... (5 ред. и 1824).
36: Этого стиха въ ред. 1824 г. и предыдущихъ нѣтъ.
42: Для пляски рыбьяго народу (3 ред.).
44: По-своему въ когтяхъ .... (3 ред.).

1825.

CXLVI. Муха и Пчела.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ, на 1825 г., стр. 261 (цензорская отмѣтка отъ 9 авг. 1824 г.).

Вѣроятно по ошибкѣ или по забывчивости, Крыловъ не отнесъ этой басни къ разряду заимствованныхъ; но что она заимствована у Ла Фонтена, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Съ своей стороны Ла Фонтенъ свою басню la Mouche et la Fourmi (кн. IV, б. III), которую для сравненія приводимъ ниже, передѣлалъ изъ б. Федра: Formica et Musca (кн. IV, б. 21). Ее находимъ у Тредьяковскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Муха и Муравей» (т. I, стр. 213).

Въ рукописяхъ и перепечаткахъ заключаются слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 4: И въ близости .... (р.).
7: Я съ грусти бъ ....
8—9: Вотъ на меня бъ ты посмотрѣла.
11: Летать день цѣлый по гостямъ.
12: И молвя ....
20: Беру, что думаю .... (рукоп. и 1824).
23: И въ нѣгѣ отдыхать .... (р.).
28: И на пирахъ ....

ПРИЛОЖЕНИЕ.

La Mouche et la Fourmi.

(Ла Фонтена.)

La mouche et la fourmi contestaient de leur prix.
O Jupiter! dit la première,
Faut-il que l'amour-propre aveugle les esprits
D'une si terrible manière,
Qu'un vil et rampant animal
A la fille de l'air ose se dire égal!
Je hante les palais, je m'assieds à ta table:
Si l'on t'immole un boeuf, j'en goûte devant toi;
Pendant que celle-ci, chétive et misérable,
Vit trois jours d'un fétu qu'elle a traîné chez soi.
Mais, ma mignonne, dites-moi,
Vous campez-vous jamais sur la tête d'un roi,
D'un empereur, ou d'une belle?
Je le fais; et je baise un beau sein quand je veux;
Je me joue entre des cheveux;
Je rehausse d'un teint la blancheur naturelle;
Et la dernière main que met à sa beauté
Une femme allant en conquête,
C'est un ajustement des mouches emprunté.
Puis allez-moi rompre la tête
De vos greniers! — Avez-vous dit?
Lui répliqua la ménagère.
Vous hantez les palais; mais on vous y maudit.
Et quant à goûter la première
De ce qu'on sert devant les dieux,
Croyez-vous qu'il en vaille mieux?
Si vous entrez partout, aussi font les profanes.
Sur la tête des rois et sur celle des ânes
Vous allez vous planter, je n'en disconviens pas;
Et je sais que d'un prompt trépas
Cette importunité bien souvent est punie.
Certain ajustement, dites-vous, rend jolie;
J'en conviens: il est noir ainsi que vous et moi.
Je veux qu'il ait nom mouche: est-ce un sujet pourquoi
Vous fassiez sonner vos mérites?
Nomme-t-on pas aussi mouches les parasites?
Cessez donc de tenir un langage si vain:
N'ayez plus ces hautes pensées.
Les mouches de cour sont chassées;

Les mouchards sont pendus: et vous mourrez de faim,
De froid, de langueur, de misère,
Quand Phébus régnera sur un autre hémisphère.
Alors je jouirai du fruit de mes travaux:
Je n'irai, par monts ni par vaux,
M'exposer au vent, à la pluie:
Je vivrai sans mélancolie:
Le soin que j'aurai pris de soin m'exemptera.
Je vous enseignerai par là
Ce que c'est qu'une fausse ou véritable gloire.
Adieu; je perds le temps: laissez-moi travailler,
Ni mon grenier, ni mon armoire,
Ne se remplit à babiller.

CXLVII. Богачъ и Поэтъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ, на 1825 г., стр. 283.

Приводимъ варіанты по рукописямъ и печатнымъ редакціямъ:

Ст. 1: Поэтъ къ Юпитеру Вельможу позвалъ въ судъ (1 рук. ред.).
Поэтъ съ Вельможею затѣялъ судъ (2 ред.).
2: И на него просилъ у Зевса онъ управы.
Обоихъ велѣно представить для расправы (1 ред.).
20: .... не будутъ вѣдать внуки (2 ред., 1824, 25).
23—24: Но вѣрь, коль при его умѣ была бъ возможность
Почувствовать свою.... (2 ред. и 1824, 25).

CXLVIII. Прихожанинъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ, на 1825 г., стр. 284.

Эта б. ни въ одномъ изданіи не причислена къ разряду заимствованныхъ; но г. Лонгиновъ («Русскій Архивъ», 1866 г., 11 и 12 вып.) указалъ на эпиграмму старшаго, давно забытаго французскаго писателя, Баратона, l'Excuse, какъ на источникъ, изъ котораго Крыловъ почерпнулъ сюжетъ своей басни. У Бара-

тона, дѣйствительно, есть эпиграмма одинаковаго содержанія съ б. «Прихожанинъ», но она носитъ другое заглавіе. Помѣщаемъ здѣсь эту эпиграмму, по изд. 1705 г. *)

Les Pleureurs.

Epigramme.

Près de Meudon, dans un village,
Prêchoit un Père Capucin,
Qui le Crucifix à la main,
Pour émouvoir les coeurs mettoit tout en usage.
Sur les peines d'Enfer au long il s'étendoit;
Chacun des assistans pleuroit.
Parmi ces bonnes gens chose assez ordinoire.
Un Paysan de Vaugirard,
Qui se trouvoit là par hazard,
Tranquille, et d'un oeil sec écoutoit le bon Père.
«Tu vois que je pleurons, luy dit le grand Colas,
D'où vient que tu ne pleures pas?
Morgué quand j'avons tous le coeur serré d'angoisse,
Le tien est aussi dur qu'une pierre à fusil.
— Pourquoy pleurerois-je, dit-il,
Je ne suis pas de la Paroisse.

Этотъ сюжетъ обработалъ и другой французскій писатель, Экушаръ Лебренъ (род. 1729, ум. 1807), подъ заглавіемъ:

Le Sermon.

Un bon curé dans son village
Prêchait la passion si bien
Qu'il n'était bon paroissien
Qui de larmoyer ne fit rage.
Un seul paysan à l'écart
Semblait ne prendre aucune part
A cette universelle angoisse.
— Eh pourquoi ne pleures-tu pas?
Dit quelqu'un. — Moi! répond Lucas,
Je ne suis point de la paroisse.

Г. А. Марковъ въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866 г., № 313, указалъ еще на одинъ источникъ,

---

*) Баратонъ родился въ Парижѣ около половины XVII в., умеръ около 1725 года. Собраніе его сочиненій было издано два раза: въ 1704 и въ 1705 г. Послѣднее изданіе, находящееся въ имп. публ. библіот., носитъ слѣдующее заглавіе: Poésies diverses, contenant des Contes choisis, Bons Mots, Traits d'Histoire et de Morale, Madrigaux, Epigrammes et Sonnets. Par M. Baraton. Paris. Упомянутая эпиграмма на стр. 224.

очень вѣроятный, если принять во вниманіе страсть Крылова къ пустымъ книгамъ. «Есть старинная книжонка 1778 года», пишетъ г. Марковъ, «едва ли кому нибудь теперь извѣстная, да быть можетъ, и въ дни своего процвѣтанія не пользовавшаяся особенною извѣстностію. Называется она: «Отрада въ скукѣ, или книга веселія и размышленія», напечатана въ Москвѣ, въ типографіи при театрѣ у Клаудія. Книжечка эта наполнена анекдотами, изъ которыхъ иные забавны и остроумны. Нѣкоторые изъ нихъ и теперь помѣщаются въ повременныхъ изданіяхъ и приводятся изустно, какъ произведеніе новѣйшаго остроумія. Въ этой книжечкѣ, во второй ея части, есть слѣдующій анекдотъ: «Въ нѣкоторой деревнѣ, священникъ, сказывая проповѣдь внятнымъ слогомъ и чувствительными выраженіями, привелъ въ слезы слушающихъ его поселянъ; всѣ плакали, исключая одного крестьянина. Его спросили, для чего онъ не плачетъ. На сіе отвѣчалъ онъ: «Я не здѣшняго прихода *». Нашъ неподражаемый И. А. Крыловъ позаимствовалъ смыслъ изъ этого анекдота, далъ баснѣ своей новую жизнь и значеніе, направивъ эпиграмму анекдота на литературные приходы».

Лобановъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе этой басни: «Едва ли какой писатель при жизни своей имѣлъ столько пріятностей, какъ нашъ Крыловъ: едва ли чье либо самолюбіе было такъ лелѣяно, даже до упоенія, какъ нашего баснописца; живой — онъ уже наслаждался безсмертіемъ. Критика почти не прикасалась къ нему: первыя басни его даже въ Москвѣ были приняты по достоинству. В. А. Жуковскій отозвался объ нихъ тогда въ журналѣ («Вѣстникъ Европы», 1809 г., ч. 45, № 9, стр. 35) добросовѣстно и уважительно. Но если въ послѣдствіи Москва не вполнѣ дѣлила восторги Петербурга, вспомнимъ, что въ стѣнахъ ея жилъ заслуженный гражданинъ и знаменитый поэтъ, котораго вѣнокъ ей тяжело было уступить другому. За нѣкоторую ея холодность Крыловъ позволилъ себѣ мщеніе — такова была его натура — въ баснѣ «Прихожанинъ», которую онъ составилъ изъ анекдота о мужикѣ, мною ему случайно разсказанномъ.

* Повторяемъ разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ приведенъ въ замѣткѣ г. Маркова, потому что указанной имъ книжки мы не имѣли возможности найти.

Такимъ образомъ разсказъ Лобанова есть уже четвертый источникъ, которымъ могъ воспользоваться Крыловъ. Какъ бы то ни было, но сравненіе его б. съ французскими стихотвореніями, положительно доказываетъ, что онъ воспользовался только однимъ скелетомъ разсказа и заключительнымъ отвѣтомъ.

Въ рукописи, гдѣ б. озаглавлена «Проповѣдникъ», и въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 7: Хоть, можетъ быть, я ихъ немного разсержу (рукоп.).
— Хоть, можетъ быть, я имъ немного досажу (Сѣв. ц., 1825 г.).
8: .... быль на это вамъ скажу (рук. и Сѣв. ц.).
.... быль на это я скажу (1825).
13: Въ немъ правда чистая безъ помощи искусства (рук.).
15: Восхитя .... (рук.).
22: Какой прелестный даръ.
30: Вѣдь я не этого прихода (р., 1825).

Приведенное выше замѣчаніе Лобанова отчасти объясняетъ обстоятельства, вызвавшія б. «Прихожанинъ». Дѣйствительно послѣ извѣстной статьи Жуковскаго, упомянутой Лобановымъ, и рѣзкаго отзыва Каченовскаго о «Новыхъ басняхъ», 1811 года, «Вѣстникъ Европы», бывшій тогда средоточіемъ литературной дѣятельности въ Москвѣ, до самаго 1825 г., когда появилась эта басня, даже не упомянулъ его имени. Всѣ изданія его басенъ, не говоря уже о тѣхъ басняхъ, которыя явились отдѣльно въ журналахъ, пройдены молчаніемъ. Конечно, такое невниманіе московской журналистики могло задѣть самолюбіе баснописца, избалованнаго петербургскими журналами и публикою.

Булгаринъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ объ И. А. Крыловѣ» несравненно точнѣе и подробнѣе разсказываетъ о поводѣ къ сочиненію б. «Прихожанинъ». Въ «Извѣстіи о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева», помѣщенномъ вмѣсто предисловія въ изданіи «Стихотвореній И. И. Дмитріева», 1823 года, кн. П. А. Вяземскій, «превознося И. И. Дмитріева, впрочемъ по заслугамъ.... и желая отдать ему преимущество предъ всѣми и въ басняхъ, напечаталъ между прочимъ слѣдующее: «По счастію совершенство нашего баснописца (т. е. И. И. Дмитріева) не испугало, а подстрекнуло къ соревнованію многихъ истинныхъ поэтовъ; прибавимъ, къ сожалѣнію, многихъ и подложныхъ; но они неизбѣжные гаеры, слѣдующіе по пятамъ за каждымъ образцовымъ твореніемъ. Въ числѣ первыхъ сыскался одинъ, который не только послѣдовать и, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ нашимъ поэтомъ (т. е. И. И. Дмитріевымъ), перерабатывая басни уже имъ переведенныя, и басни превосходныя, и мы благодарны ему за его смѣлость». — Послѣ нѣсколькихъ

похвалъ дарованію Крылова въ общихъ выраженіяхъ, сочинитель «Извѣстія» заключилъ сужденіе о немъ тѣмъ, что хотя достоинство слога и языка Крылова не такъ велико въ отношеніи къ предмѣстнику его, который былъ изобрѣтателемъ своего слога, то оно велико въ сравненіи съ тѣми, которые не изобрѣли ни слога, ни содержанія своихъ басенъ» (см. стр. LX и XLI).

Этотъ приговоръ, по словамъ Булгарина, тронулъ Крылова, «потому что ему было извѣстно, что сочинитель «Извѣстія», кн. Вяземскій, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Карамзину, Дмитріеву и Жуковскому, и слѣдовательно, это печатное мнѣніе есть отголосокъ и ихъ мнѣнія. Однакожъ онъ не входилъ въ полемику, хотя изъ рѣчей его можно было заключать, что сердце его уязвлено». — Тогда Булгаринъ началъ въ «Литературныхъ Листкахъ» (1823 г.) полемику, вызвавшую. какъ онъ говоритъ, множество эпиграммъ и сатиръ на него.

«Однажды», продолжаетъ Булгаринъ, «Крыловъ сказалъ ему: «Напрасно ты за меня поссорился и раздражилъ сильныхъ словесниковъ: мнѣ, право, это больно». — «Богъ милостивъ, Ив. Андр., хоть и укусятъ, а не съѣдятъ», отвѣчалъ я. — «А все-жъ тебѣ нельзя жить долѣе въ этомъ приходѣ». — Черезъ нѣсколько дней на вечерѣ А. Н. Оленина И. А. Крыловъ прочелъ новую басню свою, одну изъ превосходнѣйшихъ: «Прихожанинъ». — Всѣ догадались, что значила эта басня». («Сѣв. Пчела», 1845 г. № 8.)

Этотъ разсказъ въ общемъ весьма вѣроятенъ: замѣчательно, «что изъ лучшихъ поэтовъ того времени, говоритъ г. Лонгиновъ («Соврем.» 1857 г., май, стр. 72), только Крыловъ и Гнѣдичъ не были арзамасцами и, хотя находились съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, но состояли членами Шишковской Бесѣды». Между ними двумя и членами арзамасскаго общества существовалъ какой-то необъяснимый антагонизмъ. Это подтверждаетъ и В. А. Оленина, которая видитъ въ б. «Прихожанинъ» отвѣтъ на эпиграмматическій отзывъ кн. Вяземскаго. (Объ отношеніяхъ Крылова къ арзамасскому обществу см. также «Воспомин.» Вигеля. ч. IV, стр. 165 и слѣд.).

CXLIX. Левъ состарѣвшійся.

Эту б. Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: le Lion devenu vieux (кн. III, б. XIV), которому источникомъ послужила б. Федра: Leo senex, Aper, Taurus et Asinus (кн. I, б. 21). Такъ какъ въ связи съ этими произведеніями упомянутыхъ двухъ баснописцевъ находится не только б. «Левъ состарѣвшійся», но и

слѣдующая за нею: «Лисица и Оселъ», то мы помѣщаемъ ихъ въ приложеніи.

Изъ русскихъ писателей эту басню передѣлывали: Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Левъ престарѣлый» (т. I, стр. 241), Сумароковъ — «Левъ состарѣвшійся» (кн. I, притча XXXVII), и, наконецъ, Измайловъ — «Дряхлый Левъ» («Соч.» т. I, стр. 10), помѣстившій ее въ «Сынѣ Отечества», 1815 г.

Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ на 1825 г., стр. 290. Въ сохранившихся трехъ рукописныхъ редакціяхъ * находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 1: Левъ, царь звѣрей, лѣсовъ гроза (1 ред.).
2: .... своей лишился силы (1 — 3 ред.).
3: Нѣтъ взора пламенна .... (1 ред.).
— Нѣтъ глазъ тѣхъ огненныхъ .... (2 ред.),
— Огонь въ глазахъ потухъ .... (зачеркнуто въ 3 ред.).
— Нѣтъ пламенныхъ тѣхъ глазъ .... (тамъ же).
4: Чѣмъ прежде наводилъ .... (3 ред.; въ 1-й ред. этого стиха нѣтъ).
6: А что всего больнѣй, что въ подданныхъ звѣряхъ
Не только что пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
Но всякъ за прежнія обиды льву въ отмщенье
Старался дѣлать оскорбленье (1 ред.).
— Не только что къ нему исчезъ весь прежній страхъ,
Но всякъ за старыя обиды льву въ отмщенье
Наноситъ оскорбленье (2 ред.).
— Стремится дѣлать оскорбленье (3 ред.).
10: Конь на-отмашъ его копытомъ .... (1 и 2 ред.).
13: Въ 1 ред. этого стиха нѣтъ.
14: Сжавъ сердце, терпитъ левъ, готовясь къ смерти злой (1 ред.)
— Сжавъ сердце, сноситъ .... (2 и 3 ред.).

* На томъ же листѣ, на которомъ переписана эта б. на-чисто, въ томъ видѣ, какъ появилась въ печати, набросано частью чернилами, частью карандашемъ, весьма неразборчиво 13 строкъ; изъ того что можно было разобрать, видно, что Крыловъ задумывалъ басню, но почему-то оставилъ ее: Вотъ эти строки:

Попалъ Заяцъ (sic) въ тенета,
И отведенъ ему въ жилье пустой сарай.
Какъ хочешь, бѣгай въ немъ, играй,
Была бы лишь охота;
Лишь худо то, что заперты ворота. . . .

Остальные 8 стиховъ написаны карандашемъ, который совершенно стерся.

15: Оплакивая жребій свой (2 ред.).
19: И мѣсто выбиралъ.... (1 ред.).
— Тутъ вовсе левъ терпѣнье потерялъ (3 ред.).
19—20: Тутъ левъ терпѣнье потерялъ:
О боги! къ небесамъ онъ жалобно воззвалъ:
Пошлите мнѣ.... (1 — 3 ред.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Leo senex, Aper, Taurus et Asinus.

(Федра).

Quicunque amisit dignitatem pristinam,
Ignauis etiam jocus est in casu graui.
Defectus annis, et desertus viribus
Leo quum jaceret, spiritum extremum trahens,
Aper fulmineis ad eum venit dentibus.
Et vindicauit ictu veterem iniuriam.
Infestis taurus mox confodit cornibus
Hostile corpus. Asinus ut vidit ferum
Impune laedi, calcibus frontem exterit.
At ille expirans: Fortes indigne tuli
Mihi insultare: Te, naturae dedecus,
Quod ferre cogor, certe bis videor mori *.

II.

Le Lion devenu vieux.

(Ла Фонтена).

Le lion, terreur des forêts,
Chargé d'ans. et pleurant son antique prouesse,
Fut enfin attaqué par ses propres sujets,
Devenus forts par sa faiblesse.
Le cheval s'approchant lui donne un coup de pied;
Le loup. un coup de dent; le boeuf, un coup de corne.

* Т. е. Старый Левъ, Вепрь, Волкъ и Оселъ. — Кто утратилъ прежнее достоинство, тотъ въ случаѣ несчастія бываетъ посмѣшищемъ и для презрѣнныхъ.— Удрученный годами и лишенный силъ, левъ лежалъ, испуская последнее дыханіе. Подошелъ къ нему вепрь съ оскаленными зубами, и ударомъ отмстилъ прежнюю обиду. Затѣмъ и волъ непріязненными рогами пропоролъ ненавистное тѣло (льва). Лишь только увидѣлъ оселъ, что безнаказанно оскорбляютъ звѣря (льва), копытами ударилъ его въ лобъ. Левъ, издыхая (сказалъ): Я переносилъ съ негодованіемъ, когда сильные меня обижали; принужденный же терпѣть (обиды) и отъ тебя. поношеніе природы, я подлинно считаю это двойною смертью.

Le malheureux lion, languissant, triste, et morne,
Peut à peine rugir, par l'âge estropié.
Il attend son destin, sans faire aucunes plaintes;
Quand voyant l'âne même à son antre accourir:
Ah! c'est trop, lui dit-il; je voulais bien mourir;
Mais c'est mourir deux fois que souffrir tes atteintes.

CL. Лисица и Оселъ.

Во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ изданія 1825 года, Крыловъ относилъ эту басню къ разряду заимствованныхъ. По содержанію она очень близка къ предыдущей и при томъ не только одновременно съ нею явилась въ печати, но даже, какъ видно изъ рукописей, одновременно задумана: на оборотѣ того листа, на которомъ набросана первая редакція б. «Левъ состарѣвшійся», находимъ черновую накидку и б. «Лисица и Оселъ». Что такое раздѣленіе сюжета возможно, это видно изъ сравненія обѣихъ басенъ Крылова съ произведеніями Федра и Ла Фонтена.

Пропустивъ первые два стиха Федра, заключающіе общую мысль, Ла Фонтенъ пересказалъ почти слово-въ-слово все содержаніе басни, измѣнивъ только то, что относилось къ ослу. Федръ представилъ дѣло уже конченнымъ, между тѣмъ какъ Ла Фонтенъ останавливается на одномъ намѣреніи осла: а потому вмѣсто стиховъ:

.... Asinus ut vidit ferum
Impune laedi, calcibus frontem exterit, —

у него читаемъ:

Quand voyant l'âne même à son antre accourir:
Ah! c'est trop, lui dit-il ....

По поводу этого отступленія отъ подлинника, сдѣланнаго Ла Фонтеномъ, Валькиэеръ замѣчаетъ: «Кажется Ла Фонтенъ боялся оскорбить величество льва, представивъ намъ его переносящимъ послѣднюю обиду: онъ только указываетъ на ту картину, которою Федръ заключаетъ эту басню: calcibus frontem exterit».

Въ своей б. «Левъ состарѣвшійся» Крыловъ послѣдовалъ примѣру французскаго баснописца: хотя онъ значительно распро-

страшилъ ее вставкою многихъ подробностей: однакожъ, подобно ему, ограничился только указаніемъ на намѣреніе осла. Но роль осла, бьющаго копытомъ безсильнаго льва, сама по себѣ такъ богата, и правоученіе, выводимое изъ этого поступка, такъ часто можетъ находить примѣненіе, что Крыловъ не могъ не остановиться на ней. Онъ отдѣлилъ ее и основалъ на ней другую басню, которая окончательно исчерпываетъ содержаніе б. Федра съ его правоученіемъ. Этимъ объясняется между прочимъ и то, почему въ б. «Лисица и Оселъ» роль лисицы сравнительно безцвѣтна и почему эта басня, не представляя дѣйствія во время его совершенія (чего у Крылова вообще не бываетъ), заключаетъ только разсказъ о фактѣ, уже совершившемся.

Приводимъ вполнѣ первую рукописную редакцію:

Гдѣ былъ ты умна голова?
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.
Въ пещерѣ былъ у стараго я льва,
Оселъ въ отвѣтъ. — Куда его дѣвалась сила!
Бывало зарычитъ, такъ лѣсъ кругомъ *
. . . .
. . . отъ этого урода.
Теперь, чуть шевелясь, безъ силъ
Лежитъ въ пещерѣ, какъ колода.
За то ужъ всякъ безъ страха заходилъ.
И поплатился левъ старинными долгами!
Всякъ терзалъ (?) его — кто зубомъ, кто рогами.
Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?
Лиса осла перерываетъ.
Да, какъ не такъ! . . .
И я его лягнулъ —
Пускай другихъ не обижаетъ.

Сверхъ этой редакціи сохранились еще двѣ, значительно полнѣйшія. Извлекаемъ изъ нихъ варіанты:

Ст. 1: Отколѣ умна голова? (2 и 3 ред.).
4: Куда, кума, его дѣвалась сила (2 ред.).
— .... вся дѣлась сила (3 ред.).
5: .... такъ стонъ въ горахъ кругомъ (2 ред.).
6—7: И со страстей, признаться, я не зналъ,
Куда бѣжать .... (2 ред.).

---

* Мѣстъ означенныхъ точками нельзя было разобрать.

8—16: А нынѣ, въ старости, чуть шевелясь, безъ силъ
Лежитъ въ пещерѣ, какъ колода.
За то ужъ всякъ къ нему безъ страха заходилъ.
И поплатился левъ старинными долгами:
Всякъ принималъ его — кто зубомъ, кто рогами (2 ред.).
11—12: Въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь страхъ (3 ред.).
14: Кто тутъ ни шелъ....
17—21: Но тронуть льва ты, вѣрно, не дерзнулъ?
Лиса осла перерываетъ.
А мнѣ что онъ за сватъ? — Я такъ его лягнулъ,
Что онъ и ноги протянулъ.
Пускай другихъ не обижаетъ (2 и 3 ред.).
22—25: Какъ много есть людей,... *
Тогда твои имъ страшны взгляды;
Но поскользнись лишь съ высоты,
То менѣ всѣхъ отъ нихъ себѣ ты жди пощады (2 и 3 ред.).
(Въ приведенной выше, черновой ред. эти стихи набросаны такъ неразборчиво, что можно прочитать только нѣкоторыя слова).

CLI. Мельникъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Полярной звѣздѣ», изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ на 1825 г., стр. 374. Въ рукописяхъ сохранилось пять редакцій этой басни: 1-я крайне неразборчивая и перечеркнанная, на сколько можно судить по нѣкоторымъ стихамъ, мало чѣмъ отличается отъ 2-й редакціи; 5-я совершенно согласна съ печатною; а потому приводимъ варіанты изъ 2-й, 3-й и 4-й.

Ст. 4: Мельникъ мой не думаетъ тужить (2 ред.).
6: Вода ужъ бьетъ . . . .
9: Но мельникъ....
11—15: И сю мельница моя богата:
А между тѣмъ
Глядитъ: вода ужъ льетъ, какъ изъ ушата.

* 2-я половина стиха осталась неразобранною.

.... мельница совсѣмъ;
Едва-едва ужъ жорновъ служитъ. (2, 3 ред.).
16—17: Мой мельникъ охаетъ и тужитъ,
Сбирается упять въ плотинѣ течь (2 ред.).
18: Вотъ, ходя у рѣки .... (2 и 3 ред.).
19: Онъ видитъ, что къ рѣкѣ ....
20: Негодныя! кричитъ мой мельникъ: дуры!
26—34: Есть люди — эта басня имъ сдѣлана въ улику:
Имъ тысячей не жаль для прихотей своихъ;
На дѣло жъ попроси у нихъ копѣйку — то отъ нихъ
Не оберешься крику (2 ред.).
— Что этимъ я хотѣлъ сказать?
(Остальные стихи, какъ во 2-й ред.).
— Есть люди — эта басня пусть будетъ имъ въ улику —
На прихоть тысячми сорятъ;
Спроси на дѣло рубль — заспорятъ, зашумятъ,
И ты отъ нихъ не оберешься крику;
А съ бережью такою, диковинка-ль, что домъ
Скорехонько пойдетъ вверхъ дномъ (4 ред.).

Въ этой б., какъ должно заключить изъ словъ Плетнева, Крыловъ изобразилъ самаго себя: «Онъ былъ», говоритъ Плетневъ, «безпеченъ и неразсчетливъ ...» «Отправляясь со мною вмѣстѣ куда нибудь въ гости (разсказывалъ Гнѣдичъ), Крыловъ никакъ не соглашался заплатить хорошему извощику столько же, сколько платилъ я, и считалъ это мотовствомъ. Половину дороги онъ шелъ пѣшкомъ, и наконецъ, усталый, бывалъ принужденъ сѣсть на самый дурной экипажъ, и за половину дороги платить почти столько же, сколько просили его при началѣ. Это называлъ онъ бережливостью». Вотъ образчикъ разсчетливости поэта, имъ же изображенной въ б. «Мельникъ» («Собр. соч.» т. I, стр. XXXIX).

Отзывъ Пушкина объ этой баснѣ сохранился въ письмѣ его къ Дельвигу, отъ 8 іюня 1825 г.: «Какую Крыловъ выдержалъ операцію *? Дай Богъ ему многія лѣта! Его «Мельникъ» хорошъ, какъ «Демьянъ и Фока». («Соч.» 1855 г., т. I, стр. 157).

* Мы никогда не слышали, чтобы Крылову дѣлали какую либо операцію; да врядъ ли бы онъ на нее рѣшился. Очень можетъ быть, что петербургскій корреспондентъ Пушкина употребилъ это слово въ переносномъ смыслѣ, намекая на прежнюю болѣзнь Крылова, о которой Пушкинъ, жившій тогда въ деревнѣ, могъ узнать очень поздно.

CLII. Пестрыя Овцы.

При жизни поэта эта басня не была напечатана и едва ли кому была извѣстна. Мы открыли ее въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву, и напечатали въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 года, вып. 3, стр. 386—392. Помѣщаемъ ее подъ 1825 г. и именно послѣ б. «Мельникъ» на слѣдующихъ основаніяхъ: во-первыхъ, черновые ея списки находятся на однихъ листахъ съ баснями «Мельникъ» и «Змѣя и Овца», изъ коихъ первая одобрена цензурою 20-го марта 1825 года, а вторая 30 августа того же года; во-вторыхъ, листъ, на которомъ совершенно чисто и четко переписана послѣдняя редакція этой б., положенъ былъ между листами, изъ которыхъ первый, означенный числомъ 20, заключалъ б. «Мельникъ», а второй, означенный числомъ 21, б. «Голикъ», появившуюся въ печати одновременно съ б. «Змѣя и Овца». Поэтому можно совершенно достовѣрно сказать, что «Пестрыя Овцы» занимаютъ середину въ группѣ басенъ, написанныхъ Крыловымъ въ промежутокъ времени отъ 1819 года, когда онъ объявилъ, что болѣе писать не будетъ, до 1825 года, когда появилось пятое изданіе его басенъ, съ прибавленіемъ седьмой книги.

Изъ четырехъ редакцій б. «Пестрыя Овцы» четвертая *, судя по четкости письма, по относительной правильности орѳографіи и пунктуаціи, которыхъ вообще Крыловъ не соблюдалъ, была, повидимому, на равнѣ съ другими, приготовлена къ печати. Изъ остальныхъ 3-хъ двѣ значительно различаются между собою и не вполнѣ закончены; третья же**, сохраняя нѣкоторыя подробности второй, въ цѣломъ совершенно сходна съ четвертой; въ ней не достаетъ только двухъ заключительныхъ стиховъ. Помѣщаемъ послѣднюю, совершенно законченную редакцію, а за тѣмъ первыя двѣ, чтобы дать возможность прослѣдить процессъ созданія и всѣ перемѣны, которымъ подвергалась основная мысль произведенія.

---

* На оборотѣ этого листа черновая б. «Змѣя и Овца».

** На томъ же листѣ написана карандашемъ черновая б. «Свинья подъ дубомъ», весьма неразборчиво, съ большими помарками.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно:
Но это было бы неправосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу: —
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ!
Какъ сбыть ихъ и свою сберечь на свѣтѣ славу?
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ,
И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю овцу, онъ всякій разъ
Глазами цѣлый день страдаетъ,
И что придетъ ему совсѣмъ лишиться глазъ,
И, какъ такой бѣдѣ помочь, совсѣмъ не знаетъ.
Всесильный левъ! сказалъ, насупившись, медвѣдь:
На что тутъ много разговоровъ?
Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить. — Кому о нихъ жалѣть?
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
Смиренно говоритъ: О царь! нашъ добрый царь!
Ты вѣрно запретишь гнать эту бѣдну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То прикажи овецъ волкамъ пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собой переведется.
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ;
И что бъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ.
Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу взяло *.
И такъ удачно въ ходъ пошло, что наконецъ
Не только пестрыхъ тамъ овецъ,
И гладкихъ стало мало.
Какіе жъ у звѣрей пошли ** на это толки?
Что левъ бы и хорошъ, да все злодѣи волки!

---

* И мнѣніе лисы въ совѣтѣ силу взяло.
Проектъ свой выполнять (зачеркнуто)

** Какіе жъ вышли (зачеркнуто).

Первая редакція, на отдѣльномъ листѣ, безъ заглавія, написана такъ неразборчиво, что нѣсколькихъ словъ вовсе нельзя прочесть; эти слова означаемъ точками.

Левъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно.
(Что жъ левъ придумалъ наконецъ *)
Онъ не затѣмъ носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу;
Притомъ сберечь свою онъ хочетъ славу.
.... придумалъ наконецъ ....

На оборотѣ того же листа продолженіе:

Придумалъ — и звѣрей сзываетъ на совѣтъ.
Друзья, онъ говоритъ . . .
. . . .
Съ прискорбіемъ давно я замѣчалъ,
Что кто у насъ и слабъ и малъ,
Тому съ трудомъ есть гдѣ и пріютиться,
Не только что кормиться;
А это не годится....
Кому жъ за слабаго и гдѣ .... вступиться?
Я . . . .
И для того хочу, чтобъ бѣдненькихъ овецъ,
Которыхъ между насъ житье бываетъ тошно,
И прокормить и .... какъ можно,
И для того луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ.
И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
(То наряжать волковъ овецъ и ....).
То волки могутъ ихъ пасти.

Вторая редакція, написанная на одномъ листѣ съ черновою б. «Мельникъ», уже гораздо полнѣе, но все еще съ значительными помарками и также безъ заглавія.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ (истребить ему) прямо перевесть ему не трудно;
Но это было бы неправосудно:
А онъ былъ милостивъ и подданныхъ отецъ
(И наблюдалъ свою онъ славу);
Такіе бы ему поступки не по праву.

---

* Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

При томъ же наблюдалъ свою онъ очень славу;
А видѣть пеструю овцу (ему бѣда) терпѣнья нѣтъ.
Въ такой кручинѣ и печали
Медвѣдя и лису зоветъ онъ на совѣтъ.
Пришли — и разсуждать о царскомъ горѣ стали.
Всесильный левъ! сказалъ медвѣдь:
Начто тутъ много разговоровъ?
Вели (ты ихъ) безъ дальнихъ сборовъ
Ихъ всѣхъ передушить (кто станетъ ихъ жалѣть); кому о
нихъ жалѣть?
(Лишь ты бы былъ у насъ въ покоѣ).
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
(Вертя хвостомъ, смиренно говоритъ)
Смиренно говоритъ: о царь! нашъ добрый царь!
Ты, вѣрно, гнать не станешь эту тварь,
И не прольешь невинной крови.
Напротивъ: повели луга имъ отвести.
Гдѣ бъ былъ разгулъ и пища какъ для матокъ,
Такъ и для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То ихъ вели волкамъ пасти.
(Пускай невинныхъ родъ овецъ....)
Пускай блаженствуютъ онѣ;
А тамъ, что ни случись,
Ты будешь въ сторонѣ.

Относительно историческаго значенія этой б. не только нѣтъ возможности сказать что либо положительное, но даже сдѣлать болѣе или менѣе основательное предположеніе. Послѣдняя редакція могла бы быть примѣнена къ занимавшей въ тѣ времена общественное мнѣніе университетской исторіи: но первая редакція, въ которой левъ скорбитъ о томъ, что «бѣдненькимъ овечкамъ нечѣмъ прокормиться и негдѣ пріютиться, что никто за нихъ не заступается» разрушаетъ такое предположеніе. Поэтому вопросъ о томъ, на что здѣсь намекаетъ баснописецъ, остается нерѣшеннымъ.

CLIII. Ворона.

Басню такого содержанія находимъ у Эзопа: «Соя и Голуби» (№ 101, перев. Мартынова): «Соя, увидѣвши, что въ голубятнѣ хорошо кормятъ голубей, выбѣлила себя и пошла къ нимъ. Пока она молчала, голуби, полагая, что она голубка, оставляли ее

въ покоѣ; но однажды, забывшись, она крикнула. Голуби узнали, кто она, стали бить ее и прогнали отъ себя. Лишившись здѣсь корму, она возвратилась къ соямъ; но тѣ не узнали ея и отказали ей въ пищѣ. — Басня учитъ, что и намъ должно быть довольными своимъ, помня, что жадность, не пользуя ни къ чему, часто отнимаетъ и то, что имѣемъ». Федръ (кн. I, б. 3) сохранилъ разсказъ Эзопа, но вывелъ изъ него другое правоученіе: онъ осуждаетъ тѣхъ, кто «тщеславится чужимъ». Басня Ла Фонтена: le Geai paré des plumes du Paon (кн. IV, б. 9) по содержанію сходна съ произведеніями обоихъ его предшественниковъ; но въ примѣненіи значительно отличается отъ б. Эзопа. Ла Фонтенъ относитъ ее къ тѣмъ,

.... que l'on nomme plagiaires,

и такимъ образомъ приближается къ Федру. Этотъ сюжетъ въ значительно измѣненномъ видѣ является у Тредьяковскаго въ баснѣ: «Ворона, чванящаяся чужими перьями». («Соч.» т. I, стр. 242): Ворона, набравъ перьевъ другихъ птицъ, убралась ими и стала величаться. Ласточка, замѣтивъ на ней свое перо, вырвала его; другія птицы послѣдовали ея примѣру. Обнаженная такимъ образомъ ворона подвергается общему посмѣянію. — Сумароковъ замѣнилъ ворону коршуномъ (кн. VII, притча III), который, утыкавши себя павлиными перьями, сталъ ими гордиться. Разсказъ примѣняется къ низкимъ людямъ, которые гордятся чинами.

По содержанію б. Крылова близка ко всѣмъ упомянутымъ; но значительно различается въ примѣненіи.

Она напечатана въ первый разъ въ «Полярной звѣздѣ», изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, на 1825 годъ, стр. 375, и сохранилась въ двухъ рукописяхъ. Приводимъ варіанты:

Ст. 2: Старайся быть въ кругу, въ которомъ ты рожденъ (1 ред.).
3: Не знатный ....
— Простолюдимъ .... (до изд. 1830).
4—5: И въ великаны не тянися,
Коль карлика дала тебѣ природа ростъ (1 ред.).
6: И озирайся ты на свой по-чаще ростъ (2 ред.; въ 1-й этого стиха нѣтъ).
— А помни свой ты скудный ростъ (тамъ же).

Ст. 7: Натыкавши себѣ павлиныхъ перьевъ въ хвостъ,
Ворона въ стадо павъ .... (1 и 2 ред.).
12—26: Что такъ, какъ равную сестру
Ее .... павы всѣ ...;
И даже, что ее представятъ
Къ Юнонину двору;
Но бѣдную ворону нашу
Щипали для забавы.
А прежніе друзья оставили совсѣмъ.
Я къ этой баснѣ быль прибавлю (1 ред.).
— Что павамъ всѣмъ она набитая сестра (2 ред.).
26: Я въ этой баснѣ быль простую принялъ.
29: Во 2 ред. этого стиха нѣтъ.
30: Матрешенька графиней стала.
34: И стала бѣдная Матрена.

Къ ст. 24—25: .... отъ воронъ она отстала.
А къ павамъ не пристала.

Ср. пословицы: «Отъ воронъ отсталъ, а къ павамъ не присталъ»; «Ни пава, ни ворона» (заключительный стихъ басни). Сюда же относятся поговорки: «Соколъ — вороньи перья»; «Ворона въ павлиныхъ перьяхъ» (Даль. стр. 817).

CLIV. Булыжникъ и Алмазъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 257. Въ сохранившейся рукописи* находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 14: Не понимаю я, за что же въ случай онъ попался.
15: .... здѣсь по грязи валялся.
16—18: .... набитый братъ;
А вѣсомъ я его еще и по-тяжелѣ.

---

* На томъ же листѣ написано 10 строкъ крайне неразборчиво; однакожъ нѣсколько стиховъ можно разобрать, и изъ нихъ видно, что Крыловъ начиналъ писать другую басню, но оставилъ:

Купецъ . . .
А чтобы сберегать отъ кражи свой товаръ
Къ амбару злыхъ собакъ приставилъ.
Послѣдній стихъ зачеркнутъ и вм. него:
Къ амбару онъ собакъ приставилъ стаю.

По только бъ выбраться отсѣлѣ!
Кто знаетъ, если я въ столицу покажуся,
Быть можетъ, что и я тожъ въ дѣло пригожуся.

Ст. 21: Мой камень думаетъ, что рядомъ....
24: Мой камень въ дѣло взятъ....

Послѣ этого стиха слѣдуютъ въ рукописи еще два стиха, которые долженствовали составить правоученіе:

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
За что онъ въ почести, въ чинахъ и въ уваженьѣ....

CLV. Плотичка.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 258. Въ рукописяхъ и перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 5: Вотъ юный другъ.... (рукоп.).
25: .... она къ несчастью первый шагъ.
26: Она становится сперва привычкой....
27: И, вовлекая насъ....
29: Чтобы тебѣ еще живѣй представить.
45: Вотъ, кажется, взяла....
56: Сегодня съ рукъ сошло.... (рукоп. и изд. до 1843).

Къ ст. 57: Но глупымъ, что глухимъ разумныя слова.

Ср. стихъ Дмитріева въ б. «Два Голубя»: «Безумцамъ умна рѣчь, что въ ручейкѣ вода».

По словамъ В. А. Оленииной, Крыловъ написалъ эту басню для одного изъ племянниковъ Елисаветы Марковны, Полторацкаго, который умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

CLVI. Паукъ и Пчела.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 261. Въ двухъ сохранившихся рукописяхъ и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Въ которыхъ пользы нѣтъ (1 ред.).
3: Хоть иногда и имъ дивится свѣтъ (2 ред.).

Ст. 4: .... ярмонку.... (рукоп. и изд. до 1843).
5: .... что надобны для всѣхъ (2 ред.).
9—10: Товаръ прекрасно сходитъ съ рукъ.
Увидя то, завистливый паукъ
На барыши.... (рукоп.).
17—18: И ждетъ, надувшися спесиво,
Не отходя отъ лавки прочь (1 ред.).
21: Насталъ и день. — Но что жъ? Затѣйника метлой (1 ред.).
26—27: Твое, пчела ему тутъ отвѣчаетъ (1 ред.).
— Пчела въ отвѣтъ ему.... (2 ред.).

CLVII. Крестьянинъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 263. Изъ трехъ сохранившихся рукописей двѣ совершенно сходны съ печатною редакціею, а въ третьей заключаются слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 2: Съ разборомъ выбирай....
5: Такъ вкралась въ мужика....
16: Ни огорчилъ ничѣмъ, ни опечалилъ.

CLVIII. Котелъ и Горшокъ.

Содержаніе этой б. Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: le Pot de terre et le Pot de fer (кн. V, б. 11), который въ свою очередь заимствовалъ у Эзопа изъ слѣдующей б., подъ заглавіемъ: «Горшки» (№ 289, перев. Мартынова): «Плыли по рѣкѣ два горшка: глиняный и мѣдный. Глиняный сказалъ мѣдному: плыви по-дальше отъ меня; если до меня дотронешься, то расшибешь меня, хотя бы я и не хотѣлъ до тебя дотрогиваться. — Жизнь бѣдняка бываетъ подвержена опасности, когда близъ него живетъ вельможа».

Ла Фонтенъ значительно измѣнилъ какъ разсказъ, такъ и правоученіе: у него желѣзный горшокъ приглашаетъ глиняный путешествовать. Глиняный сначала отказывается, но потомъ,

уступивъ убѣжденіямъ товарища, отправился въ путь и былъ имъ разбитъ въ куски. Отсюда нравоученіе:

Ne nous associons qu'avecque nos égaux;
Ou bien il nous faudra craindre
Le destin d'un de ces pots.

Сумароковъ въ своей притчѣ: «Горшки» (кн. VII, пр. XXXIX) вполнѣ сохранилъ какъ основу разсказа, такъ и нравоученіе.

Изъ сравненія б. Крылова съ предшествовавшими переработками этого сюжета видно, что онъ заимствовалъ только основу разсказа; изложеніе же и нравоучительный выводъ вполнѣ принадлежитъ ему. Эта б. была въ первый разъ напечатана въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 264. Въ трехъ рукописяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Этого и слѣдующаго стиховъ въ 1-й ред. нѣтъ.
7: И на огнѣ.... (3 ред.).
— Другъ безъ друга и на огнѣ имъ скучно (2 ред.).
10—11: Вотъ надобно котлу въ дорогу отправляться,
И друга онъ зоветъ съ собой (1 ред.).
12: Пускается съ котломъ горшокъ въ дорогу.
19: Горшокъ и чести ужъ не радъ (2 ред.).
21: Что такъ съ котломъ онъ подружился.
22—24: Какъ были странствія ихъ далеки,
Не знаю — только то провѣдать я успѣлъ,
Что изъ пути домой котелъ пріѣхалъ цѣлъ (1 ред.).
23: .... вѣрно извѣстился (3 ред.).
26—27: Сей басни мысль простая,
Что въ дружбѣ и любви равенство вещь святая (1 ред.).

Основная мысль этой басни выражается во многихъ народныхъ пословицахъ: «Горшокъ чугуну не товарищъ»; «Лычко съ ремешкомъ не связывается»; «Сапогъ лаптю не братъ» и проч. (Даль, стр. 856 — 7).

CLIX. Свинья подъ Дубомъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 268, и безъ перемѣнъ перешла въ позднѣйшія изданія (рукописей не сохранилось).

Идея этой басни заимствована изъ б. Эзопа: «Пѣшеходцы и Яворъ» (№ 251, перев. Мартынова): «Пѣшеходцы лѣтнею порою, около полудня, томимые зноемъ, увидѣвши яворъ, пошли подъ него и, легши подъ его тѣнью, покоились. Взглянувши же на яворъ, говорили другъ другу, что это дерево безплодно и безполезно для людей. Яворъ имъ отвѣчалъ: о неблагодарные! наслаждаясь моимъ благодѣяніемъ, называете меня безполезнымъ и безплоднымъ. Такъ многіе бываютъ несчастны: благотворя ближнимъ, больше лишь дѣлаютъ ихъ неблагодарными».

CLX. Змѣя и Овца.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 273. Въ единственной сохранившейся рукописи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 7: Какъ вдругъ....
9: Кровь ядомъ въ немъ горитъ.
14: .... и съ жизнію растался.
17: И злость одну....

CLXI. Дикія Козы.

Содержаніе этой басни заимствовано изъ б. Эзопа «Пастухъ и Козы» (№ 149, перев. Мартынова): «Пастухъ въ ненастіе привелъ козъ къ необитаемой пещерѣ, гдѣ нашелъ дикихъ козъ и козловъ больше числомъ и ростомъ, чѣмъ было у него. Почему, оставивши своихъ, началъ кормить дикихъ листьемъ. Когда наступила хорошая погода, то онъ нашелъ своихъ козъ околѣвшими съ голоду, а дикія убѣжали въ горы. Пастухъ, разсмѣявшись,

пошелъ домой безо всего. — Никогда не надобно пренебрегать своимъ добромъ, въ надеждѣ прибыли отъ чужаго».

Эта басня напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 274. Въ рукописныхъ и первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Онъ въ радости судьбу.... (1 и 2 ред.).
6: И этихъ козъ къ себѣ....
11: .... и шкурками беретъ.... (1 ред.).
14: Вотъ отъ своихъ овецъ онъ къ гостьямъ.... (1, 2 ред. и изд. до 1843).
20: При томъ съ своими легче сладить (1 и 2 ред.).
29: И мой настухъ пошелъ къ веснѣ съ сумой (2 ред. и изд. до 1843 г.).
33—34: Чѣмъ въ дикихъ тратить кормъ напрасно,
Не лучше ли бъ своихъ по-болѣ поберечь (2 ред. и изд. 1825).

Существуетъ мнѣніе, что Крыловъ написалъ эту б. по поводу дарованія конституціи царству польскому и что имп. Александръ, которому будто бы эта б. была представлена, крайне былъ недоволенъ баснописцемъ и, сказавъ: «Не ожидалъ я этого отъ старика», запретилъ ее печатать. Но сохранившіяся рукописи, свидѣтельствующія, что басня написана почти десять лѣтъ спустя послѣ упомянутаго событія, положительно доказываютъ неосновательность молвы. Вѣроятнѣе всего, что Крыловъ, перечитывая Эзопа, безъ всякой задней мысли остановился на этой баснѣ.

CLXII. Голикъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 276. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Голикъ попалъ въ большую честь (1 ред.).
2: .... не будетъ въ сѣняхъ месть.
11—14: Видалъ я иногда,
Что у людей бѣды выходятъ тѣ же,
Коль поправлять дадутъ ученаго невѣжѣ (2 ред.).

CLXIII. Соловьи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 278. Въ рукописи и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Когда въ тюрьму попалъ.... (рукоп.).
14: .... злу горемъ не помочь.
22—26: .... свободу заслужу.
И началъ пѣсни мой пѣвецъ:
И вечеръ пѣснями кончаетъ,
И солнечный восходъ онъ пѣснями встрѣчаетъ (рукоп. и изд. 1825).
24: Такъ разсудилъ.... (1830).
34: Тѣмъ берегли.... (рукоп.).

CLXIV. Скупой.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 281. Въ рукописи и печатной редакціи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 2: Какъ вдругъ ему нарядъ (рукоп.).
12: Оставить просто кладъ, такъ можетъ онъ пропасть.
24: Пей, ѣшь теперь.... (1825).
42: Не домовому ли онъ деньги бережетъ (рукоп.).

Ср. пословицы: «Что скупому въ руки попало, то и пропало»; «Въ могилу глядитъ, а надъ копѣйкой дрожитъ» и т. п. (Даль, стр. 90—91).

CLXV. Волкъ и Мышенокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 283. Въ сохранившихся двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—11: Волкъ изъ овцы черево вырвалъ вонъ,
И такъ надъ ней трудился онъ,

Что на зубахъ хрустятъ лишь кости.
Мышенокъ, запахомъ пирушки привлеченъ (1 ред.).
Ст. 12: По мхамъ и кочкамъ онъ.... (2 ред.),
13—14: Кусокъ мясца схватилъ и съ нимъ скорѣй убрался
Домой къ себѣ въ дупло (1 ред.).
— Въ укромный свой пріютъ, въ дупло (2 р.).
16—18: Волкъ поднялъ вой — пошелъ по лѣсу гулъ:
Разбой! кричитъ онъ: караулъ! (1 ред.).
21—23: У Климыча судьи часишки воръ стянулъ;
Онъ то жъ кричитъ на вора: караулъ,
Хлопочетъ.
Радъ цѣлый міръ поднять вверхъ дномъ;
А этого и вспомнить онъ не хочетъ,
Что самъ имѣніе все нажилъ грабежомъ (1 ред.).

CLXVI. Два Мужика.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 284. Въ двухъ сохранившихся рукописяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3—4: Охъ, кумъ, вижу, ты бѣды моей не знаешь!
Господь прогнѣвался.... (1 ред.).
12: Ты какъ живешь....
15: Какъ живъ еще....
— Какъ спасся самъ.... (1 ред.).
18—19: .... полугара
.... пожара (до изд. 1830).
22: Послѣ этого стиха:
Я съ лѣстницы стремглавъ, чуть шеи не свихнулъ.
Убавилъ у меня полвѣка (2 ред.).
24—29: Неправы оба вы, друзья,
Сказалъ имъ сватъ Степанъ: пустая осторожность
Вредна не менѣе, какъ и оплошность.
Свѣчи въ дому держу и я,
И тоже иногда о праздникахъ гуляю;
Но со свѣчею не зѣваю:
А ежели бываю на дворѣ,
Свѣчу держу я въ фонарѣ (2 ред.).

CLXVII. Котенокъ и Скворецъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 288. Въ рукописи и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2—3: Философъ, говорунъ презнатный (рукоп. и изд. 1825).
17: Но и совѣсть.... (рукоп.).
24: Тутъ на свои манеры (рукоп. и изд. 1825).
26: Котенку по-сердцу пришла (р.).
29: Хоть голоду совсѣмъ....
31: Съ большимъ вниманьемъ весь прослушалъ.

1829.

CLXVIII. Бритвы.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 127 (цензорская помѣтка отъ 27 дек. 1828). Въ сохранившихся двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—2: Съ знакомцемъ встрѣтясь я однажды на дорогѣ (1 ред.).
1—6: Съ пріятелемъ въ дорогѣ
Я на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Заутра — я едва глаза продралъ —
И что же слышу.... (2 ред.).
— И что жъ мнѣ слышится.... (1 ред.).
9: .... Такъ, ничего! я брѣюсь.
11: Противу зеркала такъ кисло....
14—16: Что дива? я сказалъ: пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не бритвы — косари (1 ред.).
18: Охъ, братецъ, отвѣчалъ бѣдняжка: признаюсь (2 ред.).
20—21: .... очень тупы,
Вѣдь мы не такъ-то глупы (2 ред.).
26—29: Не такъ ли многіе, боясь большихъ умовъ,
Охотнѣй при себѣ лишь держатъ дураковъ (1 ред.).
— Не такъ ли многіе, боясь большихъ умовъ... (2 ред.).

Значеніе этой басни объяснено у Гоголя: «Какъ у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недогадливыхъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ

(Крыловъ) написалъ замѣчательную басню: «Двѣ Бритвы», и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
И терпять при себѣ охотнѣй дураковъ.
(«Сочин.» т. III, стр. 463).

CLXIX. Бѣдный Богачъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 годъ, стр. 127, и безъ перемѣнъ перешла въ слѣдующія изданія. Въ рукописяхъ сохранилась одна черновая накидка до того неразборчиво написанная карандашемъ, что невозможно разобрать ни одного полнаго стиха.

CLXX. Пушки и Паруса.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 годъ, стр. 149. Рукописи не сохранилось; но въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 11: Какъ будто равнаго намъ сану (1829).
15: Не мы ль съ собой несемъ....
18: .... помоги, могучій намъ Борей.
22: Покрылись тучами густыми небеса.
26: Межъ тѣмъ бушуетъ непогода.
28: Игрушкой сдѣлался....
29: И въ морѣ носится, какъ вялая колода.

«Когда нѣкоторые, черезъ-чуръ военные люди», говоритъ Гоголь, «стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія, Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:

Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь». («Сочин.» т. III. стр. 463).

Плетневъ находитъ соотношеніе между этой б. и другимъ сочиненіемъ Крылова, именно: »Посланіемъ о пользѣ страстей». Вотъ его слова: «онъ (Крыловъ) здѣсь (въ этомъ «Посланіи»), говоря о значеніи страстей, какъ бы подготовилъ канву для одного изъ совершеннѣйшихъ своихъ произведеній, которое названо: «Пушки и Паруса».

1830.

CLXXI. Крестьянинъ и Лошадь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 261. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Такъ про себя съ досадой разсуждала.
7—9: Какъ разбросать овесъ свой по-пустому.
12—16: А тутъ не вижу я ни пользы, ни ума.
Въ той осени овесъ тотъ сжали
И той же лошади его давали.
— И лошадь ту жъ кормить имъ стали.
17—20: Что глупо конь судилъ, конечно, нѣтъ сомнѣнья;
Но съ древности начавъ, въ нашъ даже самый вѣкъ
Не такъ ли.... *и проч.*

CLXXII. Бѣлка.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 262 *. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: И скалитъ предъ царемъ....
23: У бѣлки ужъ давно ни зуба во рту нѣтъ.
На что жъ орѣхи ей? пустое только бремя:
Награда хороша, когда она во время.

Обыкновенно думаютъ, что эту б. Крыловъ написалъ по поводу назначенія пенсіи за очень долгій срокъ службы; но приведенный варіантъ указываетъ на совершенно иное обстоятельство.

* И въ томъ же году въ «Московскомъ телеграфѣ», № 9, стр. 44.

CLXXIII. Щука.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 263 *. Сохранилась въ двухъ спискахъ; въ одномъ изъ нихъ, черновомъ, находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Чтобъ форму соблюсти и учинить допросъ,
То виноватую....
11: Да добрая лиса за прокурора.
13—14: Лиса любила рыбный столъ.

CLXXIV. Кукушка и Орелъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 265. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 6—10: Глядитъ — всѣ прочь летятъ. Кукушка огорчилась,
И съ просьбою къ орлу: Помилуй, говоритъ.
13: .... Орелъ въ отвѣтъ: я сдѣлалъ все, что могъ.
15—16: Звать соловьемъ тебя я могъ заставить,
Но голосъ соловья я дать тебѣ не могъ.

Мы слышали, что подъ этою кукушкою должно разумѣть профессора Толмачева, который, замѣнивъ въ Педагогическомъ институтѣ Мартынова, не удовлетворялъ своихъ слушателей и жаловался министру, что студенты не посѣщаютъ его лекцій; но едва ли это справедливо, потому что Мартыновъ оставилъ институтъ въ началѣ 1817 года.

CLXXV. Левъ, Серна и Лиса.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 266. Сохранившаяся черновая рукопись, весьма неразборчивая, съ большими помарками, показываетъ, что Крыловъ, дописавъ эту басню почти до половины, задумалъ было перестроить ее

* А также въ «Литературной газетѣ», 1830 г., т. I, стр. 143.

совершенно по другому плану; но оставилъ это намѣреніе и возвратился къ первому.

Ст. 2: Уже ее онъ догонялъ.
— ..... достигалъ.
5: Спастись нельзя никакъ.
10: Все до этого стиха зачеркнуто; за тѣмъ слѣдуетъ:
Лиса ко льву въ большую дружбу вкралась.
Передо львомъ
Вертитъ хвостомъ. (зачеркн.)
— Лиса ко льву въ большую милость вкралась.
. . . .
И честью лишь своей клянется,
Что онъ сильнѣй Самсона,
И во сто разъ премудрѣй Соломона.
Ну такъ, что левъ, душой къ ней прилепясь,
Жилъ.... (друзья у сильныхъ рѣдки).
. . . .
За то свою лису
Онъ часто жаловалъ отъ своего обѣда (зачеркнуто).
16: Махни за ней и сдѣлай чудеса.
17: Хоть пропасть глубока, но коль захочешь,
Ты вѣрно....
21: Когда бъ навѣрно я не знала.
25: Но пропасти....
32: У друга пировать на похоронахъ сталъ.
Послѣ этого стиха начато правоученіе:
Я впрочемъ этого самъ.... не видалъ;
Но слышалъ стороною:
Такихъ друзей.... (зачеркнуто).

CLXXVI. Соколъ и Червякъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 272; въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующую незначительную перемѣну:

Ст. 6: .... высоко такъ доползъ.

CLXXVII. Булатъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 274. Въ трехъ рукописныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ первыя двѣ весьма сходны между собою, а третья съ печатною редакціею, находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: И началъ драть въ лѣсу булатомъ лыки.
. . . .
То вѣтви у плетня имъ обрубать (1 ред.).
13: Какъ бѣдный мой булатъ
Весь въ ржавчинѣ, въ зубцахъ, игрушкой сталъ ребятъ (2 ред.).
14: Сталъ наконецъ ребятамъ ужъ конькомъ (3 ред.).
16: Вотъ ужъ.... (вм. *ежъ*) (1 ред.).
22—30: Не стыдно ли тебѣ игрушкой быть ребятъ,
Или щепать лучину,
Или обтесывать тычину.... (1 ред. не кончена).
— Не стыдно ли тебѣ конькомъ служить ребятамъ,
Или щепать лучину,
Или обтесывать тычину.
Такъ отвѣчалъ булатъ ему:
Я знаю то, что здѣсь въ дому
Истощены мои въ пустыхъ работахъ силы;
Работы эти мнѣ не сродны и не милы;
Но стыдно то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто, самъ родясь къ большимъ дѣламъ не сроденъ,
Не могъ понять, къ чему я годенъ (2 ред.).
24: А наконецъ.... (3 ред.).
26: Отвѣтствовалъ булатъ....
27—30: Но я ль тому виною?
Въ рукахъ у мужика — я ножикъ лишь простой,
Въ рукахъ дѣтей служу игрушкою пустою.

CLXXVIII. Купецъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 276. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—2: Фадѣй! Фадѣй!
Куда ты тамъ запалъ? Подитка поскорѣй (1 ред.).

— .... поди же поскорѣй (2 ред.).
Ст. 4: .... то будешь .... (1 ред.).
5—6: Такъ своего племянника училъ купецъ.
Смотри-ка молодца....
11: Самъ Богъ помогъ мнѣ.
15—21: Сказать здѣсь людямъ не въ укоръ:
На свѣтѣ столько я обмановъ примѣчалъ.
Что изъ того невольно заключалъ:
Едва ли свѣтъ похожъ не на гостинный дворъ (1 ред., во 2-й эти стихи зачеркнуты).

CLXXIX. Миронъ.

Напечатана въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 277. Сохранилась въ трехъ рукописныхъ редакціяхъ; въ двухъ первыхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: .... сосѣди въ томъ не правы (1 ред.).
7: А нищимъ ....
14: .... онъ бѣдный разорился.
16—27: Суббота какъ придетъ, онъ съ цѣпи злыхъ собакъ
Отвяжетъ,
И нищенькій на дворъ лишь только носъ покажетъ,
Не только чтобы тамъ попить, поѣсть,
А дай Богъ ноги лишь убраться.
И нашъ богачъ не кормитъ нищихъ — травитъ.
А между тѣмъ молва повсюду славитъ
Ему за щедрость похвалы.
Всѣ говорятъ: онъ радъ послѣднимъ подѣлиться;
Лишь жаль, что у него собаки очень злы.
Случалось часто мнѣ
Видать такой пріемъ въ палаты:
Но въ томъ то секретарь, то жучки виноваты (1 ред.).
— И нищихъ бѣдныхъ онъ не кормитъ, только травитъ (2 ред.).
24—27: Случалось въ старину — и то едва ли не во снѣ —
Вельможу видѣть мнѣ:
Нѣтъ доступа въ его палаты;
Но все секретари его въ томъ виноваты,
А самъ онъ вѣчно въ сторонѣ (2 ред.).

CLXXX. Крестьянинъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, ч. VIII, стр. 278. Въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 9—13: Не въ разумѣ, кума, тутъ сила,
Крестьянинъ ей въ отвѣтъ:
Въ умѣ ея мнѣ нужды нѣтъ,
А нужно, чтобъ она меня возила

CLXXXI. Оселъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, ч. VIII, стр. 279.

У Эзопа есть басня весьма близкая къ этой б. Крылова, какъ по содержанію, такъ и по заключенію, подъ заглавіемъ: «Собака» (№ 210, перев. Мартынова): «Собака привыкла кусать изъ-подъ-тиха. Хозяинъ привѣсилъ ей гремушку, чтобы всѣ ея остерегались. Она, потряхивая гремушкою, на рынкѣ величалась. Старуха сказала ей: что ты хвастаешь? Не за добродѣтель носишь ты это, но для обличенія кроющагося въ тебѣ лукавства.— Тщеславные нравы хвастуновъ обнаруживаютъ скрытную ихъ злость».

Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Что имъ не могъ крестьянинъ нахвалиться.
11: Но надобно сказать вамъ напередъ.
13: Но прежде до звонка ему все съ рукъ сходило.
17: .... мой новый господинъ.
25: И кости лишь на немъ осталися да кожа.
26—30: И людямъ въ чинахъ
Съ плутами та жъ бѣда — что кто богаче чиномъ,
Такъ пакости его виднѣй.

CLXXII. Филинъ и Оселъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, ч. VIII, стр. 280. Сохранившаяся рукопись заключаетъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Онъ странствовать было пустился.
4: Что двинуться назадъ не могъ онъ....
7—8: И, сторговавшися съ осломъ,
Онъ взялся быть его проводникомъ.
22—25: Ему кричитъ: лѣвѣй, еще лѣвѣе шагъ!
И втюрился оселъ всей харею въ оврагъ;
А филинъ такъ въ него вцѣпился,
Что вмѣстѣ съ нимъ и самъ убился.
25: Послѣ этого стиха слѣдуетъ:
Есть люди, коимъ просвѣщенье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье (зачеркнуто).
— Иному также просвѣщенье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье;
Чѣмъ болѣе онъ съ книгами знакомъ,
Тѣмъ болѣ голова его идетъ кругомъ;
Не дай Богъ въ путь идти съ такимъ проводникомъ.

CLXXIII. Собака и Лошадь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 282. Въ рукописи находимъ только одинъ стихъ, несогласный съ печатной редакціею:

Ст. 14: То не было бъ чего тебѣ здѣсь и стеречь,
— То было бъ нечего тебѣ здѣсь и стеречь.

CLXXXIV. Левъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 283. Въ рукописи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 3: Онъ въ ней лишь кости мялъ....
9: Мнѣ шерсти бы набрать.
10: Послѣ этого стиха слѣдовало:
А овцы то на что?
12: Кто для тебя жалѣть подумаетъ своей.
16: На что имъ шерсть? собрать съ нихъ шерстью дань.
19: Имъ же легче бѣгать будетъ.

CLXXXV. Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 284. Въ двухъ сохранившихся рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 11—12: То привлекла бъ отъ всѣхъ любовь и удивленье
И даже, можетъ быть, почтенье (1 ред.).
14—15: Послушалъ Юпитеръ змѣинаго прошенья,
И свисту и шипѣнья
Пропалъ у ней и слѣдъ.
18—19: И стая птицъ къ змѣѣ было подсѣла.
Но возрясь, кто поетъ такой,
Дождемъ всѣ съ дерева долой.
— Но возрясь, кто пѣвецъ.... (2 ред.).
23—26: Нѣтъ, птицы ей въ отвѣтъ: онъ силенъ, звученъ,
Но издали сладка бесѣда намъ твоя.
— Но пѣснь какъ ни сладка твоя,
Еще твое страшнѣе жало (1 ред.).
27—30: Вм. этихъ стиховъ въ 1-й ред.:
Въ чемъ этой басни смыслъ, мы тотчасъ пояснимъ:
Восхитить можешь всѣхъ талантомъ ты своимъ;
Но если хочешь быть почтенъ или любимъ,
Къ тому однихъ талантовъ мало (зачеркн.).
— И ты, пріятель мой,

Сказать тебѣ не для досады,
Твоихъ мы пѣсенъ слушать рады,
Да только ты отъ насъ подальше пой,

Вторая ред.:

Ты можешь удивить талантомъ всѣхъ своимъ,
Но если хочешь быть почтенъ или любимъ,
Къ тому талантовъ мало.

Варіанты послѣднихъ стиховъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что въ этой баснѣ Крыловъ разумѣлъ извѣстное лицо; но чтобы положительно сказать, кого именно, для того у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ; всякое же предположеніе, даже болѣе или менѣе основательное, въ настоящемъ случаѣ почитаемъ неумѣстнымъ.

CLXXXVI. Волкъ и Котъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 285. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4: За нимъ гналася гончихъ стая (1 и 2 ред.).
5—7: Онъ радъ бы въ первые махнуть тутъ ворота;
Да то лишь горе,
Что въ деревняхъ всегда ворота на запорѣ (1 ред.).
10: И говоритъ: скажи мнѣ, Васенька, скорѣе (1 и 2 ред.).
11: Кто здѣсь изъ мужичковъ у васъ добрѣе (2 ред.).
14: .... Просись же у Степана.
Онъ очень добръ....
17: Ну, отвѣдай....
20: Такъ къ Сидору. Тебя навѣрно онъ спасетъ;
Его добрѣй во всей деревнѣ нѣтъ (зачеркн.).
— Бѣги жъ вонъ къ той избѣ:
Авось тебя укроетъ Климъ.
Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка (1 ред.).
25—26: Въ досадѣ котъ сказалъ тутъ волку:
Я вижу: ты здѣсь всѣмъ въ деревнѣ насолилъ.
. . . .
Кому не сдѣлалъ ты убытку иль досады.
За то теперь ты.... (1 ред. не кончено).
31: Какъ ты посѣялъ, такъ и жни (2 ред.).

---

*

Къ ст. 31: Что ты посѣялъ, то и жни.

Народная пословица (Д. К. стр. 282). Ср. также пословицы: «Чѣмъ кого взыщешь — и себѣ то же сыщешь»; «Какъ постлался, такъ и выспался» и др. (Даль, стр. 281).

CLXXXVII. Лещи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 287. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2—4: Въ прозрачной, какъ хрусталь, водѣ
Лещи водились,
И барской милостью они не нахвалились.
— И барской милостью хвалясь, они рѣзвились.
7—8: Вотъ баринъ напускать велѣлъ въ прудъ этотъ щукъ.
Такой приказъ его услыша другъ.
11—12: Или ты свойства щукъ не знаешь?
Вѣдь у тебя они лещей переведутъ.
14: Тутъ баринъ отвѣчалъ: я самъ все это знаю.

На листѣ, на которомъ написана эта б., Крыловъ написалъ было заглавіе: «Лисица и Куры» и первый стихъ: «Увидя куръ»; но все зачеркнулъ.

CLXXXVIII. Три Мужика.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 288. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2—4: Этихъ стиховъ въ 1 ред. нѣтъ.
6—7: Въ деревнѣ не великъ бываетъ разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ щей на столъ.
9—13: Скудненекъ ужинъ былъ, но рады и тому.
Ужъ всякій ложку взялъ, перекрестился . . .;
Однако же одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего не много для троихъ,
Смѣкнулъ, какъ дѣлу быть, и умудрился.
11—12: . . . . перекрестились,
И къ чашѣ было пріютились (2 ред.).

Ст. 20: Нашъ Царь велѣлъ собрать оброкъ съ Китайцевъ чаемъ.
22—23: Они же грамотѣ хотя не сильно знали
И кой-какъ иногда газеты разбирали (2 ред.).
24—36: Кому быть рекрутомъ, кому повелѣвать.
Тутъ пошли догадки, толки, споры:
Быть такъ! Нѣтъ, будетъ такъ....
А что жъ зачинщикъ нашъ? — Онъ время не терялъ:
Пока по-своему дѣла они вершали
И, быть войнѣ иль нѣтъ, рѣшали,
Онъ щи всѣ до-чиста убралъ.
И двое мужиковъ легли съ пустымъ желудкомъ.
И въ свѣтѣ я видалъ людей съ такимъ разсудкомъ:
Готовы разсуждать они и такъ и сякъ,
О мирѣ, о войнѣ — вверхъ дномъ всѣ царства ставятъ;
Послушаешь, кажись, они всѣмъ свѣтомъ правятъ,
Лишь о своихъ дѣлахъ не думаютъ никакъ,
И часто оттого ложатся на тощакъ.
29—36: Пока они судили да рядили
И войска на словахъ водили,
Онъ ни-гугу — и щи всѣ до-чиста приѣлъ.
Такихъ политиковъ мы много находили:
Готовы разсуждать и такъ они и сякъ,
О мирѣ, о войнѣ — вверхъ дномъ всѣ царства ставятъ;
Послушать, — кажется, они всѣмъ свѣтомъ правятъ;
Управить лишь своихъ не знаютъ дѣлъ никакъ.
И часто оттого ложатся натощакъ (послѣдн. 7 стиховъ зачеркн.).
— Чѣмъ на словахъ вверхъ дномъ чужіе флоты ставить,
Не лучше ль челнокомъ своимъ вѣрнѣе править (зачеркн.).
— Когда бы въ сторону, друзья, не заходили
Въ дѣлахъ, гдѣ вашъ совѣтъ не надобенъ никакъ,
То не легли бы натощакъ (зачеркн.).
— Друзья, чѣмъ толками пустыми заниматься,
Въ которыхъ съ васъ ни справокъ.... (зачеркн.).
— .... ни въ совѣтъ не просятъ васъ никакъ,
Вы бъ лучше подъ носомъ смотрѣли по-точнѣе,
То было бы для васъ прочнѣе
И не легли бъ вы натощакъ (зачеркн.).

Приведенные варіанты показываютъ, что въ этой б. Крыловъ говоритъ о страсти къ политикѣ; о томъ свидѣтельствуетъ также и Гоголь. («Мертв. души», гл. X, стр. 210).

1833.

CLXXXIX. Пастухъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I, стр. 401. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: .... (онъ насъ овецъ господскихъ).
2—4: Пошла бѣда, онъ въ горѣ и печали.
14—15: Изъ поваренковъ онъ былъ сосланъ въ пастухи.
16: Такъ кухня у него была похожа съ нашей.
17—20: Вотъ вся деревня поднялась,
Чтобъ защитить своихъ овецъ.
На волка поднялись войной (зачеркнуто).
— Ругаетъ волка цѣлый свѣтъ.
На волка поднялся весь свѣтъ.
Обшарили весь лѣсъ — и духу волка нѣтъ (зачеркн.).
— Про волка всѣ кричатъ — бранитъ его весь свѣтъ:
Весь лѣсъ обшарили, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья, сказать ли вамъ? — на волка *и проч.*

Къ ст. 19—20: . . . на волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то — Савва.

Народная пословица, которую находимъ уже въ сборникѣ Д. К., стр. 150; см. также Снегирева, стр. 24: «На волка токмо слава, а овецъ таскаетъ Савва».

CXC. Бѣлка.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I, стр. 402. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—3: На бѣлку въ колесѣ дивился свѣтъ (зачерки).
15—16: Что ты бѣжишь, сказалъ ей дроздъ, — то ясно мнѣ,
Да только все на томъ же ты окнѣ (1 ред.).
— Тутъ улетая.... (2 ред.).

На оборотѣ того листа, на которомъ 2 редакція этой б., написано заглавіе: «Разбойникъ и возъ пузырей»; но зачеркнуто; затѣмъ слѣдуетъ 14 строкъ, перечерканныхъ и весьма неразборчивыхъ. На сколько возможно разобрать эти строки, кажется, Крыловъ задумывалъ еще одну басню. Вотъ эти строки:

Юпитеръ нѣкогда построить вздумалъ домъ.
Извѣстно, какъ живали пышно боги.
Въ Гомерѣ образецъ остался ихъ хоромъ:
Такъ Зевсу надобны чертоги.
. . . .
. . . .
Сколь припасы для строенья.
И подлинно, везутъ со всѣхъ сторонъ.

Остальныхъ 6-ти строкъ, какъ и двухъ, означенныхъ точками, разобрать нельзя.

CXCI. Мыши.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I. стр. 404. Въ рукописи, гдѣ эта басня озаглавлена «Двѣ Мыши», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Что, кумушка, совсѣмъ бѣда!
6: Этого стиха нѣтъ.
7: .... какъ самый капитанъ.
11—14: И я имъ всѣмъ твержу довольно,
Что нашъ корабль идетъ на дно.
Сейчасъ давала имъ совѣтъ.

16—17: А кораблю до ночи не проплыть.
Сестрица, какъ намъ быть?
20: Тутъ въ море кумушки спрыгнули.
25—28: А что же течь? что капитанъ? матросы?
Течь слабая, и та въ минуту унята,
А достальное одна лишь клевета.
— А достальное — клевета («Новос.»).

CXCII. Лиса.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I, стр. 405. Въ рукописи и въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 1: Лиса у проруби пила въ большой морозъ (р.).
— Зимой по-утру близъ жилья.
— Зимою рано близъ ....
11: Да какъ попортить (р. «Новос.»).
30: Читатель, я скажу тебѣ смыслъ басни сей (р.).

CXCIII. Волки и Овцы.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I, стр. 407. Въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 5: И учрежденъ совѣтъ звѣрей.
8: Видали многократъ
Такихъ волковъ.
12 Такъ почему жъ въ совѣтѣ имъ не быть.
17—18: И наконецъ премудрый объявили
Звѣрямъ законъ.
Вотъ онъ.
24: Въ дремучій боръ.
25: Законъ хорошъ — въ немъ нечего убавить и прибавить.
27—30: Что волки въ лѣсъ овецъ таскаютъ.
29: Да только волки все овецъ («Новос.»).

CXCIV. Крестьянинъ и Собака.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. II, стр. 473. Въ двухъ сохранившихся рукописяхъ, изъ коихъ въ одной почти совершенно сходной съ печатною редакціею, она озаглавлена: «Собака и Мужикъ», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Собака нанялась въ деревнѣ.... (1 ред.).
6—7: Какой же вздоръ!
Читатель скажетъ мнѣ.
18: Тамъ погулялъ и воротился (2 ред.).
23—28: .... на дворъ
Залѣзъ и обобралъ его до-чиста воръ.
А что жъ барбосъ? Онъ дворъ оставилъ,
Но жалованье все съ хозяина доправилъ.
Я примѣчалъ, что въ этакихъ дѣлахъ
Хозяева всегда бываютъ въ дуракахъ.
— Всегда хозяинъ въ дуракахъ (1 ред.; посл. 5 ст. зачеркн.).
— Вотъ мой хозяинъ развозился:
Зачѣмъ ты хлѣба не испекъ?
Да некогда — я дворъ тогда стерегъ (зачеркн.).
25: Однако жъ у него готово оправданье (2 ред.).

1834.

CXCV. Разбойникъ и Извощикъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1834 года, т. III. стр. 235. Сохранилась въ пяти спискахъ: три изъ нихъ совершенно сходны съ печатной редакціею, въ остальныхъ двухъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Послѣ этого стиха слѣдовало:
Услышали его желанье боги (зачеркн.).
4: Свирѣпымъ взглядомъ онъ дорогу озиралъ (1 ред.).
— Свирѣпымъ взоромъ онъ долину озиралъ (2 ред.).
5: .... какъ будто валъ (1 ред.).
9: И не пропалъ .... (2 ред.).
10: Подъѣхалъ возъ .... (1 ред.).
12: Да повстрѣчался онъ ....
13—14: Извощикъ самъ былъ малый удалой:
Злодѣя встрѣтилъ онъ тяжелой мостовиной (1 и 2 ред.).
17: Пришло брать Трою съ бою.
20: Да переломлена рука .... (1 ред.).
26: .... безчестнаго и злаго (2 ред.).
(Въ первой ред. заключительны 2-хъ стиховъ нѣтъ).

CXCVI. Левъ и Мышь.

Напечатана въ первый разъ въ «Библіотекѣ для чтенія», 1834 г., т. III, стр. 236. Основою этой басни, обработанной Эзопомъ, воспользовался Ла Фонтенъ: въ б. le Lion et le Rat (кн. II, б. XI), правоученіе которой:

> Il faut, autant qu'on peut, obliger tout le monde:
> On a souvent besoin d'un plus petit que soi;

и стихъ:

> De cette vérité deux fables feront foi, —

связываютъ ее съ слѣдующею баснею: la Colombe et la Fourmi. Обѣ онѣ въ старыхъ изданіяхъ печатались вмѣстѣ, подъ общимъ заглавіемъ, и вторая, такъ же какъ и первая, заимствована у Эзопа. Такъ какъ б. Крылова находится съ первою изъ нихъ въ связи, то мы приводимъ ее: «Левъ и Мышь» (№ 217, перев. Мартынова), а б. Ла Фонтена относимъ въ приложеніе.

«Когда левъ спалъ, мышь пробѣжала по его тѣлу. Онъ, вставши, поймалъ ее. Мышь просила оставить ее въ живыхъ, говоря, что она за это много возблагодаритъ ему. Левъ, разсмѣявшись, пустилъ ее. Спустя не много времени послѣ того, дѣйствительно спасенъ онъ мышью. Когда охотники, поймавши его, привязали веревкою къ дереву, то мышь, услышавъ его стонъ и пришедши къ нему, перегрызла веревку и, освободивъ его, сказала: ты смѣялся надо мною, не думая, чтобы я могла тебѣ когда либо возблагодарить: увѣрься же теперь, что и мыши благодарны. — Благомыслящіе люди, хотя бы и бѣдны были, при случаѣ могутъ быть полезны и вельможамъ».

Сравненіе басни Крылова съ произведеніями Эзопа и Ла Фонтена показываетъ, что нашъ баснописецъ воспользовался ихъ сюжетомъ, но измѣнилъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развязку разсказа, равно какъ и его подробности, а потому нельзя положительно сказать, которая изъ двухъ приводимыхъ нами редакцій послужила ему оригиналомъ. Сдѣланное имъ измѣненіе въ этомъ сюжетѣ составляетъ весьма важную характеристическую черту: онъ почти никогда не увле-

каетъ людей къ добру примѣрами добродѣтели, но старается отклонить ихъ отъ порока, показывая имъ вредныя его послѣдствія; «онъ зналъ», говоритъ Плетневъ, «что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ» (стр. LXVI.); оттого въ его басняхъ такъ мало идеаловъ добродѣтели.

Басня Ла Фонтена подала поводъ его комментаторамъ (edit. variorum) написать слѣдующее примѣчаніе: «Въ б. l'Aigle et l'Escarbot, такъ же какъ въ le Lion et le Moucheron, баснописецъ угрожалъ силѣ местью слабости. Здѣсь, въ б. le Lion et le Rat, напротивъ, онъ показываетъ, какія услуги можетъ оказать слабость силѣ, когда послѣдняя бываетъ къ ней великодушна». Крыловъ же не только учитъ сильнаго быть великодушнымъ въ отношеніи къ слабому, но и показываетъ, какъ жестоко наказывается презрѣніе къ нему.

Басню Ла Фонтена передѣлалъ Сумароковъ (кн. VI, пр. XXXVI), подъ заглавіемъ: «Левъ и Мышь».

Въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву, сохранился одинъ довольно чистый списокъ этой басни; другой, копія съ котораго была доставлена намъ Я. К. Гротомъ, хранится въ собраніи автографовъ А. С. Норова; оба эти списка совершенно сходны между собою и въ обоихъ б. озаглавлена: «Левъ и Мышенокъ».

Приводимъ варіанты:

Ст. 1—17. Мышенокъ полевой
Просилъ у льва смиренно позволенье
По близости его въ дуплѣ завесть селенье
Со всей своей семьей;
А къ этому прибавилъ,
Что какъ де силою себя ты ни прославилъ
И какъ ни малымъ я кажусь;
Но въ нуждѣ, можетъ, самъ тебѣ я пригожусь.
Ты! вскрикнулъ левъ: ты, существо ничтожно!
Такого случая представить невозможно,
Чтобъ помощи левъ сталъ искать въ мышахъ.
Прочь, мерзкій, прочь отсель, чтобъ духъ твой здѣсь не пахъ!
Отъ эдакой тревоги
Бѣднякъ — давай скорѣй Богъ ноги,
Простылъ его и слѣдъ....

Къ ст. 32—33: Не плюй въ колодезь, пригодится
Воды напиться.

Эти два стиха составлены изъ народной пословицы: «Не плюй въ чужой колодезь, случится въ немъ воды испить» (Снегиревъ, стр. 134); «Не плюй въ колодезь Титъ, случится въ немъ воды испить» (Д. К. стр. 175).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Le Lion et le Rat.

(Ла Фонтена).

Il faut, autant qu'on peut, obliger tout le monde :
On a souvent besoin d'un plus petit que soi.
De cette vérité deux fables feront foi;
Tant la chose en preuves abonde.

Entre les pattes d'un lion
Un rat sortit de terre assez à l'étourdie.
Le roi des animaux, en cette occasion,
Montra ce qu'il était, et lui donna la vie.
Ce bienfait ne fut pas perdu.
Quelqu'un aurait-il jamais cru
Qu'un lion d'un rat eût affaire?
Cependant il avint qu'au sortir des forêts
Ce lion fut pris dans des rets,
Dont ses rugissements ne le purent défaire.
Sire rat accourut, et fit tant par ses dents
Qu'une maille rongée emporta tout l'ouvrage.

Patience et longueur de temps
Font plus que force ni que rage.

1835.

CXCVII. Вельможа.

По свидѣтельству Плетнева, эта басня была написана въ 1835 году, а потому она и отнесена къ этому году, хотя появилась въ печати позже двухъ остальныхъ басенъ, а именно: въ 1836 году, въ «Сынѣ Отечества», ч. CLXXV, стр. 36. Въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву, сохранилось нѣсколько совершенно чистыхъ списковъ этой басни, сходныхъ съ печатною редакціею, и одна черновая рукопись, въ которой находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Отправился туда....
6: Тотчасъ вопросъ ему....
8—12: Но такъ какъ я все былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
Но только пилъ, да ѣлъ, да спалъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ,
И онъ за подписью моею управлялъ (зачерки.).
18—19: Когда съ его бы властью
Входилъ въ дѣла онъ по несчастью.
22—23: Затѣмъ то мы ему и присудили рай,
Что за дѣла онъ самъ не принимался.

Появленіе этой б. въ печати сопровождалось слѣдующими не лишенными интереса обстоятельствами. Крыловъ былъ иногда приглашаемъ на придворные маскарады. Въ 1836 году при дворѣ устраивался маскарадъ. Крыловъ былъ также въ числѣ приглашенныхъ. За нѣсколько дней до маскарада онъ въ мрачномъ расположеніи духа сидѣлъ послѣ

обѣда у А. Н. Оленина. — «Что съ вами, дѣдушка»? спросила Варвара Алексѣевна, къ которой Крыловъ питалъ глубокую привязанность *.— «Да вотъ бѣда: надо ѣхать во дворецъ въ маскарадъ, а не знаю, какъ одѣться». — «А вы бы, дѣдушка, помылись, побрились, одѣлись бы чистенько, васъ тамъ никто бы и не узналъ».— Шутка искренно любимой «фавориточки» (такъ называлъ Крыловъ Варвару Алексѣевну) развеселила старика, но не уменьшила заботы. Мы слышали (и это вполнѣ подтверждается Бантышъ-Каменскимъ), что разрѣшить трудную задачу, какъ одѣться, удалось знаменитому трагику Каратыгину, который нарядилъ баснописца въ костюмъ боярина-кравчаго **. Сообразно съ этою ролью и написано нижеслѣдующее стихотвореніе ***. Предварительно нужно замѣтить, что праздникъ былъ устроенъ по англійскому обычаю. Кому достался кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ и былъ царемъ праздника.

Къ этому-то царю Крыловъ и обращаетъ рѣчь:

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь,
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась, выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я апетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ бы до сыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать бы вставалъ.
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней къ году, — зà это я, кравчій твой, берусь —
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ! не бери ты съ тѣхъ царей примѣръ,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ,
И только лишь того и смотрятъ и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но, разсуди премудро самъ,
Что за житье съ такой заботой пополамъ;
И бѣднымъ кравчимъ намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло.
Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось!
Я всякій день молюсь тепло.
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь, да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло.

Стихотвореніе это государь выслушалъ съ видимымъ удовольствіемъ; тогда Крыловъ обратился къ гр. Бенкендорфу съ просьбою доложить

* Разсказъ подтвержденъ вполнѣ В. А. Олениною
** См. статью Бантышъ-Каменскаго. И. А. Крыловъ, «Библіот. для чтенія». 1845. т. LXIX.
*** Оно сохранилось, переписанное писарскою рукою, въ бумагахъ, принадлежащихъ г. Савельеву.

государю, что онъ желалъ бы прочесть вновь сочиненную имъ басню. Государь изъявилъ на то согласіе, и Крыловъ прочелъ «Вельможу». Вся басня и особенно заключительные стихи такъ понравились государю, что онъ обнялъ автора, поцѣловалъ его и промолвилъ: «пиши, старикъ, пиши». Воспользовавшись этимъ случаемъ, Крыловъ просилъ высочайшаго разразрѣшенія напечатать басню и, разумѣется, получилъ.

Причина, побудившая Крылова поступить такимъ образомъ, была слѣдующая. Еще за годъ до этого маскарада онъ написалъ «Вельможу». Предполагалъ ли Крыловъ, что его произведеніе не будетъ дозволено цензурою, или дѣйствительно цензура его запретила, но только онъ передалъ его тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Уварову, для представленія государю императору. Не знаемъ, по какой причинѣ, Уваровъ не исполнилъ просьбы баснописца; рукопись оставалась у него около года. Между тѣмъ кто-то ее списалъ, передалъ другому, тотъ третьему и такимъ образомъ въ короткое время басня разошлась въ публикѣ во множествѣ списковъ; дошло до того, что ученики Пажескаго корпуса читали ее на экзаменѣ, а въ публикѣ распространилось мнѣніе, что Крыловъ написалъ басню, которую цензура запретила; а онъ, на зло ей, распространилъ эту басню въ рукописи. Чтобы прекратить эти толки, онъ рѣшился лично просить государя о дозволеніи напечатать эту басню *.

---

*) Разсказъ подтвержденъ нѣсколькими лицами, знавшими Крылова. См. также статью Бантышъ-Каменскаго, «Крыловъ», «Библ. для чт.» 1845 г. мартъ, отд. критики, стр. 17, гдѣ приведено и другое стихотвореніе, читанное Крыловымъ на маскарадѣ, тогда же напечатанное въ небольшой брошюркѣ, составленной изъ стихотвореній, написанныхъ по этому случаю и другими лицами, на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; въ ней же находится между прочимъ и стихотвореніе Пушкина «Циклопъ», о которомъ упоминаютъ Бантышъ-Каменскій и Анненковъ (въ матеріалахъ для біогр. Пушкина, стр. 354).

1836.

CXCVIII. Два Мальчика.

Напечатана въ первый разъ въ «Библ. для чтенія», 1836 г., т. XIV, стр. 65. Изъ четырехъ сохранившихся рукописныхъ редакцій первая такъ неразборчива, что въ ней можно прочитать только отдѣльныя слова; четвертая, чистая, совершенно сходна съ печатнымъ текстомъ; изъ двухъ же промежуточныхъ извлекаемъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Насъ не погнали въ классъ (2 ред.).
5: Хоть, кажется, они и не далеко,
Да знаешь вѣдь, какъ дерево высоко (2 и 3 ред.).
Такъ видно, намъ ужъ ихъ не ѣсть (2 ред.).
10: До ближняго сука....
11: А тамъ ужъ мы и сами....
14—15: Мой Сеня помогать пріятелю тутъ взялся,
Ужомъ и жабой извивался (2 и 3 ред.).
18: Что жъ Сеня? — Сеня мой внизу каштановъ ждалъ,
Да смóтря вверхъ, облизывалъ лишь губки.
Какъ это? — Такъ же. — Нашъ Ѳедюша не дремалъ:
За обѣ щеки самъ каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки (зачеркн.).
— Что жъ вышло? Сеня нашъ облизывалъ лишь губки,
Вверху Ѳедюша не дремалъ (и проч., какъ выше).
(Стиховъ, составляющихъ нравоученіе, во 2-й ред. нѣтъ; въ 3-й они сходны съ печатнымъ текстомъ.)

CXCIX. Кукушка и Пѣтухъ.

Напечатана въ первый разъ въ альманахѣ: «Сто русскихъ литераторовъ», 1841 г., т. II, стр. 15. Сохранилось пять рукописныхъ редакцій; первыя двѣ, написанныя весьма неразборчиво и во многихъ мѣстахъ перечерканныя, почти совершенно сходны между собою; но значительно отличаются отъ печатнаго текста. Приводимъ вторую редакцію вполнѣ:

Куда ты, кумушка, поешь какъ величаво!
Пѣтухъ (воронѣ) кукушкѣ говорилъ:
Мнѣ льстить не для чего, — а право,
Я, слушая тебя, про куръ совсѣмъ забылъ. —
Спасибо, куманекъ, хвалы твои мнѣ лестны;
Вѣдь ты у насъ и самъ пѣвунъ большой,
И слушать голосъ твой я рада всей душой.
Да и кому твои таланты неизвѣстны?
Пусть говорятъ, что твой напѣвъ не очень чистъ, —
Да это все злословье;
За то, дай Богъ тебѣ здоровье,
Ужъ какъ ты голосистъ! —
То правда, я пою отважно;
За то ужъ ты, кума, такъ тянешь плавно, важно.
Когда бъ не этотъ вотъ проклятый соловей,
Тебя заслушалась бы я.
Поди жъ съ народомъ ты! Хоть тресни,
На нихъ не угодишь.
Однако же: друзья....
Скажу вамъ правду хоть въ досаду;
Хвалите вы себя хоть до упаду,
Не пѣть вамъ лучше соловья.

Третья редакція до 14 стиха включительно сходна съ печатною; помѣщаемъ остальную часть басни:

Случася близко, дроздъ тутъ молвилъ имъ: друзья!
Хвалите вы себя хоть до упаду,
Далеко вамъ до соловья;
За тѣмъ что въ васъ ни складу нѣтъ ни ладу.
Когда замѣчу я, что, не боясь грѣха,
Друзья писатели такъ хвалятъ дружка дружку,
Все хвалитъ, кажется, пѣтухъ кукушку,
Кукушка хвалитъ пѣтуха.

Эти же стихи въ 4-й ред.:

Услыша это, дроздъ промолвилъ имъ: друзья!
Хвалите вы себя хоть до упаду,
Далеко вамъ до соловья:
Въ обоихъ васъ ни складу нѣтъ, ни ладу.
Когда увидишь ты, что, не боясь грѣха,
Друзья писатели (возносятъ такъ) честятъ другъ дружку,
Все хвалитъ, кажется, пѣтухъ кукушку,
Хоть слава обоихъ плоха (зачеркн.).

Вмѣсто послѣднихъ пяти стиховъ:

Повѣрьте, хвалитъ тутъ кукушка пѣтуха
За то, что хвалитъ онъ кукушку (зачеркн.).

Въ пятой редакціи, написанной писарскою рукою, все заключеніе отъ стиха: «Услыша дроздъ», — зачеркнуто и рукою самого Крылова приписано:

Пріятели! на то имъ молвилъ воробей:
Хоть вы охрипните хваля другъ дружку,
А слава ваша все плоха.
Какъ ни хвали кукушка пѣтуха,
Какъ ни хвали пѣтухъ кукушку,
Далеко имъ до соловья.
Инымъ писателямъ сказалъ бы то же я.

Извѣстно, что въ этой б. въ образѣ Пѣтуха и Кукушки изображены Гречъ и Булгаринъ, которые, сдѣлавшись издателями «Сѣверной Пчелы», при всякомъ удобномъ случаѣ восхваляли другъ друга. Это подтверждаетъ и замѣтка Н. М. Колмакова, который слышалъ такое объясненіе басни отъ самого ея автора. («Русск. Архив.», 1865 г., вып. 8, стр. 1011.)

---

*

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Крестьянинъ и Смерть.

Стр. 47. Крыловъ окончательно редактировалъ эту б. въ 1809 г. и вновь напечаталъ ее въ «Цвѣтникѣ», ч. II, 1809 г., стр. 213.

Оселъ и Соловей.

Стр. 76. Г. Флёри и эту б. почитаетъ заимствованною. Мы помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ Дидеро, который сообщилъ намъ почтенный критикъ; но принуждены замѣтить, что какъ невозможно отрицать того, что Крылову былъ извѣстенъ этотъ отрывокъ, такъ невозможно и утверждать, что изъ него онъ почерпнулъ сюжетъ своей басни, которая по справедливости почитается однимъ изъ лучшихъ его произведеній.

L'âne et le rossignol.

«Mes amis, je me rappelle une fable; écoutez-la. Elle sera peut-être un peu longue, mais elle ne vous ennuiera pas.

«Un jour, au fond d'une forêt, il s'éleva une contestation sur le chant entre le rossignol et le coucou. Chacun prise son talent. «Quel oiseau», disait le coucou, «a le chant aussi facile, aussi simple, aussi naturel et aussi mesuré que moi»?

«Quel oiseau», disait le rossignol, «l'a plus doux, plus varié, plus éclatant, plus léger, plus touchant que moi?»

«*Le coucou*: «Je dis peu de choses; mais elles ont du poids, de l'ordre, et on les retient».

«*Le rossignol*: «J'aime à parler, mais je suis toujours nouveau, et je ne fatigue jamais. J'enchante les forêts; le coucou les attriste. Il est tellement attaché à la leçon de sa mère, qu'il n'oserait hasarder un ton qu'il n'a point pris d'elle. Moi, je ne reconnais point de maître; je me joue des règles. C'est surtout lorsque je les enfreins qu'on m'admire. Quelle comparaison de sa fastidieuse méthode avec mes heureux écarts!»

«Le coucou essaya plusieurs fois d'interrompre le rossignol. Mais les rossignols chantent toujours, et n'écoutent point; c'est un peu leur défaut. Le nôtre, entraîné par ses idées, les suivait avec rapidité, sans se soucier des réponses de son rival.

«Cependant, après quelques dits et contredits, ils convinrent de s'en rapporter au jugement d'un tiers animal.

«Mais où trouver ce tiers également instruit et impartial qui les jugera? Ce n'est pas sans peine qu'on trouve un bon juge. Ils vont en cherchant un partout.

«Ils traversaient une prairie, lorsqu'ils y aperçurent un âne des plus graves et des plus solennels. Depuis la création de l'espèce, aucun n'avait porté d'aussi longues oreilles.

«Ah! dit le coucou en les voyant, nous sommes trop heureux: notre querelle est une affaire d'oreilles; voilà notre juge: Dieu le fit pour nous tout exprès».

«L'âne broutait. Il n'imaginait guère qu'un jour il jugerait de musique. Mais la Providence s'amuse à beaucoup d'autres choses. Nos deux oiseaux s'abattent devant lui, le complimentent sur sa gravité et sur son jugement, lui exposent le sujet de leur dispute, et le supplient très humblement de les entendre et de décider.

«Mais l'âne, détournant à peine sa lourde tête et n'en perdant pas un coup de dent, leur fait signe de ses oreilles qu'il a faim, et qu'il ne tient pas aujourd'hui son lit de justice. Les oiseaux insistent; l'âne continue à brouter. En broutant, son appétit s'apaise. Eh bien! leur dit-il, allez là: je m'y rendrai; vous chanterez, je digérerai, je vous écouterai, et puis je vous en dirai mon avis».

«Les oiseaux vont à tire-d'aile, et se perchent; l'âne les suit, de l'air et du pas d'un président à mortier qui traverse les salles du palais. Il arrive, il s'étend à terre, et dit: «Commencez, la cour vous écoute». C'est lui qui était toute la cour.

«Le coucou dit: «Monseigneur, il n'y a pas un mot à perdre de mes raisons; saisissez bien le caractère de mon chant, et surtout daignez en observer l'artifice et la méthode». Puis se rengorgeant et battant à chaque fois les ailes, il chanta: «Coucou, coucou, coucoucou, coucoucou, coucou, coucoucou». Et, après avoir combiné cela de toutes les manières possibles, il se tut.

«Le rossignol, sans préambule, déploie sa voix, s'élance dans les modulations les plus hardies, suit les chants les plus neufs et les plus recherchés: ce sont des cadences ou des tenues à perte d'haleine; tantôt on entendait les sons descendre et murmurer au fond de sa gorge comme l'onde du ruisseau qui se perd sourdement entre des cailloux, tantôt on l'entendait s'élever, se renfler peu à peu, remplir l'étendue des airs, et y demeurer comme suspendue. Il était successivement doux, léger, brillant, pathétique, et, quelque caractère qu'il prît, il peignait: mais son chant n'était pas fait pour tout le monde.

«Emporté par son enthousiasme, il chanterait encore; mais l'âne, qui avait déjà baillé plusieurs fois, l'arrêta, et lui dit: «Je me doute que tout ce que vous «avez chanté là est fort beau, mais je n'y entends rien; cela me parait bizarre, «brouillé, décousu. Vous êtes peut-être plus savant que votre rival, mais il est plus méthodique que vous; et je suis, moi, pour la méthode».

(Diderot, Lettre à M-elle Voland. Oeuvres de Diderot, édition 1821.)

Хозяинъ и Мыши.

Стр. 89. Предположеніе наше, что эта б. была написана задолго до появленія изданія 1811 года, вполнѣ подтверждается тѣмъ, что она, подъ заглавіемъ: «Хозяинъ и Кошки», была напечатана въ «Цвѣтникѣ», 1809 года, ч. II, стр. 332. Такимъ образомъ и предположеніе относительно ея значенія становится вѣроятнѣе.

Мѣшокъ.

Стр. 91. До появленія изданія 1811 г. эту б. Крыловъ напечаталъ въ «Цвѣтникѣ», 1809 года, ч. III, стр. 33. Здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя отмѣны, сравнительно съ позднѣйшими перепечатками:

Ст. 4: У самыхъ нижнихъ слугъ.
19: То всякій на него съ умильностью глядитъ.
34: Чтобъ ни сказалъ, всему дивиться станутъ.
39: Мы басней ни на чье лицо не намѣкали.

Орелъ и Паукъ.

Стр. 97. Прилагаемъ стихотвореніе Экушаръ-Лебрена: «Moyen sûr de parvenir», изъ котораго, по мнѣнію г. Флёри, Крыловъ заимствовалъ содержаніе своего сочиненія.

Un chêne était sur la cime hautaine
Du mont Ida, roi des monts d'alentour;
Un aigle était sur la cime du chêne;
Près de l'Olympe il y tenait sa cour.
A l'improviste apparait un beau jour
Maître escargot, fier d'être au milieu d'elle.
Des courtisans l'oeil ne se croit fidèle.
L'un d'eux lui dit: Me serais-je trompé?
Insecte vil, toi qui n'eus jamais d'aile,
Comment vins — tu jusqu'ici? — J'ai rampé.

Намъ кажется, что, не смотря на это, впрочемъ весьма отдѣльное сходство положенія дѣйствующихъ лицъ, б. Крылова слѣдуетъ признать оригинальною, какъ по обработкѣ сюжета, такъ и по примѣненію.

Демьянова Уха.

Стр. 113. Прилагаемъ стихотвореніе Барба, обязательно сообщенное намъ г. Флёри, послужившее, какъ онъ думаетъ, источникомъ Крылову:

La Politesse Villageoise.

Chez un certain coq du village
Eleuthère un jour se trouva.
«Quoi! sécria ce personnage.
«C'est donc vous! Comment vous en va?»
Il met aussitôt sur la table
Un pâté, des fruits et du pain.
«Buvons, dit-il d'un air affable;
Vous serez content de mon vin».

On était sur le point de boire,
Lorsqu'un dialogue maudit
Vint à la traverse. L'histoire
En a conservé le récit.
«Asseyez-vous sur cette chaise...
— Souffrez que je reste debout.
— Oh! vous vous mettrez à votre aise.
— Je ne m'assieds point; c'est mon goût.
— C'est par pure cérémonie.
— Pardonnez-moi; je n'en fais point.
— Asseyez-vous donc, je vous prie.
— Monsieur, vous prenez trop de soin.
— On s'assied toujours quand on mange.
— Je me tiens debout fort souvent.
— Votre conduite est bien étrange.
— N'importe; j'agis librement.
— Après une si longue route!
— J'en conviens, et si j'étais las...
— Oh! monsieur, vous l'êtes, sans doute.
— Croyez-moi, je ne le suis pas.
— Je vous en prie avec instance.
— Eh! pourquoi? — Je fais mon devoir».
Eleuthère par complaisance,
Se vit obligé de s'asseoir.
«Maintenant, monsieur, il faut boire,
Dit le paysan bien joyeux
D'avoir gagné cette victoire,
Si considérable à ses yeux.
— Monsieur, le vin pur m'est contraire;
Un peu d'eau me ferait du bien.
— Gâter du vin si salutaire!
«Oh! monsieur, vous n'en ferez rien.
— Mais le vin sans eau m'est nuisible;
Il fait du tort à ma santé.
— Vous me demandez l'impossible;
Mon vin ne sera pas gâté.
— D'ailleurs, quand vous aurez la fièvre,
Pour avoir bu votre vin pur,
Un peu de ce pâté de lièvre
Vous rétablirait, j'en suis sûr.
— Du lièvre! je vous remercie;
Il m'est défendu d'en manger.
— Mangez-en, monsieur, je vous prie,
C'est le moyen de m'obliger.
— Le lièvre m'est insupportable.
— C'est un pâté de ma façon.
— Jamais on n'en sert à ma table.
— Il est délicat et très-bon».

Ensuite, ouvrant sa tabatière:
«J'ai, dit-il, du tabac divin;
Goûtez. — Le tabac m'est contraire.
— Vous me refuserez en vain.
— Je n'ai pas coutume d'en prendre.
— Il est excellent. — Je le crois..
— A mes désirs daignez vous rendre.
— Je ne puis. — Au moins une fois.
— Songez donc... — Mon tabac surpasse
Celui même que le roi prend.
— Soit! mais dispensez-moi de grâce.
— Je vous en prie, acceptez-en».
Toute politesse gênante
Est soeur de l'incivilité.
Eleuthère s'impatiente,
Se lève, et s'enfuit irrité.

УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ О КРЫЛОВѢ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Драматическій вѣстникъ, 1808, ч. I, № 8, стр. 72. «Стихи» подписаны буквою Н., и ч. IV, № 58, стр. 41. «Письмо» къ г. Крылову (безъ подписи). Въ обоихъ стихотвореніяхъ Крыловъ восхваляется, какъ авторъ комедіи «Урокъ дочкамъ», и призывается къ дальнѣйшему служенію этого рода поэзіи.

Драматическій вѣстникъ, 1808, № 70, стр. 136. — «Разговоръ общества со временемъ».

Общество.

Какъ, время, ты могло промчаться такъ мгновенно?
Вчера ты тише шло, и тише несравненно.

Время.

Крыловъ мнѣ крылья далъ
Тогда, какъ басенки тебѣ свои читалъ.

— а — а.

Вѣстникъ Европы, 1809, ч. 45, № 9, стр. 35. «Басни Ив. Крылова», ст. Жуковскаго. Перепечатана въ Полномъ собр. соч. 1849, ч. 7, стр. 79.

Цвѣтникъ, 1809, ч. I, стр. 378. «Басни Ивана Крылова», СПргъ, тип. губ. правленія, 1809 г., ст. А. Измайлова (по словамъ Быстрова). Авторъ сожалѣетъ, что всѣхъ басенъ не много, всего 23; выписываетъ б. «Разборчивая Невѣста», «которая, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія, понравится нашимъ читателямъ и, можетъ быть, принесетъ пользу нѣкоторымъ читательницамъ». Сравнивъ б. «Дубъ и Трость» съ подлинникомъ и съ переводомъ Дмитріева, и замѣтивъ нѣсколько отступленій какъ у того, такъ и другаго баснописца, перечисляетъ лучшія б. Кр. и заключаетъ статью

слѣдующими словами: «Двѣ изъ сихъ б., взятыя изъ Ла Фонтена, а именно: *Старикъ и трое молодыхъ* и *Два голубя* переведены уже давно, какъ и всѣмъ извѣстно, г. Дмитріевымъ. Переводъ его первой б. кажется намъ лучше перевода г. Крылова; но трудно рѣшить, кто изъ нихъ лучше перевелъ послѣднюю: *Два голубя*».

Вѣстникъ Европы, 1811, ч. 58, № 15, стр. 216. Авторъ «Письма къ пріятелю о третьемъ чтеніи въ Бесѣдѣ люб. рус. сл.», Р. Ц., замѣчаетъ автору «Разсужденія о стихотворствѣ», что онъ, упомянувъ о Дмитріевѣ, «умолчалъ о господинѣ Крыловѣ, который въ своемъ родѣ также имѣетъ пріятную и привлекательную кисть».

Вѣстникъ Европы, 1812, ч. 61, № 4, стр. 333. «Новыя басни И. Крылова», К(аченовскій). Содержаніе ея слѣдующее: сказавъ въ началѣ, что изобрѣтателемъ басни могъ быть не рабъ, а свободный человѣкъ, щадившій чужое самолюбіе, которое несравненно вспыльчивѣе и взыскательнѣе всякаго тирана, а потому предлагавшій истину подъ покрываломъ аллегоріи, онъ продолжаетъ: «Я этому очень вѣрю и желаю, чтобы какой нибудь изобрѣтательный умъ выдумалъ безопаснѣйшій способъ писать баснями критическія замѣчанія на книги и открылъ бы тайну, какъ можно, не расточая невѣжественныхъ похвалъ, и не показывая ребяческаго удивленія, угождать сочинителямъ. На бѣломъ свѣтѣ искони такъ ведется, что въ комъ родилась охота напечатать и сдать книгопродавцамъ произведеніе своей музы, тотъ иногда признаетъ неотъемлемымъ правомъ своимъ папскую непогрѣшительность. Всякій тогда уже обязанъ, купивши книгу, непремѣнно восхищаться всѣмъ тѣмъ, что въ ней написано, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ подвергнуть себя жестокимъ ругательствамъ, уликамъ въ невѣжествѣ, въ зависти, въ развратности, въ вольнодумствѣ и даже въ безбожіи. Irritabile genus vatum! Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ сего спасительнаго изобрѣтенія»... Затѣмъ слѣдуютъ отрывочныя замѣчанія о нѣкоторыхъ басняхъ; они помѣщены при самихъ басняхъ.

Сынъ Отечества, 1814, ч. 14, № XXIV, стр. 206. — Скрывъ время первыхъ двухъ изданій басенъ, книгопродавцы, въ 92 № Санктпетербургскихъ Вѣдомостей объявили, безъ вѣдома автора, что онѣ продаются по 10 рублей, тогда какъ первоначальная цѣна ихъ была 2 руб. 50 коп. Крыловъ нашелся вынужденнымъ обличить ихъ подлогъ.

Сынъ Отечества, 1816, ч. 27, № XI.—Объявленіе о выходѣ въ свѣтъ изданія басенъ 1815 г.; при томъ замѣчено, что въ книгѣ много опечатокъ: «этотъ недостатокъ непріятенъ въ книгѣ, которая во многихъ отношеніяхъ должна быть и будетъ классическою».

Сынъ Отечества, 1816, № XVI, стр. 54. «Разборъ басенъ Крылова», ст. А. Измайлова (некончена). Она состоитъ изъ замѣчаній, вошедшихъ потомъ въ статью «о Разсказѣ басни» (Соч. т. II).

С.-Петербургскія вѣдомости, 1819, марта 28 дня, № 25. «Басни И. А. Крылова» въ 6 частяхъ. «Изданіе сіе заключаетъ въ себѣ сверхъ прежде бывшихъ пяти частей, новую шестую и послѣднюю часть сихъ

твореній знаменитаго нашего баснописца. — Авторъ, желая симъ новымъ и послѣднимъ изданіемъ заключить достославное поприще свое въ семъ родѣ поэзіи, столь черезъ него прославившейся, имѣлъ въ виду соединить въ оном всѣ свои басни со времени послѣдняго изданія вновь сочиненныя, какъ манускриптами у него находившіяся, такъ и въ разныхъ временныхъ листкахъ отпечатанныя, дабы черезъ то удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ своихъ соотечественниковъ, желающихъ имѣть вполнѣ всѣ его произведенія». — Далѣе издатель говоритъ, что употребилъ всѣ средства, чтобы сдѣлать изданіе доступнымъ для всѣхъ состояній, и объявляетъ цѣну 10 рублей за экземпляръ на бѣлой бумагѣ.

Сынъ Отечества, 1819, ч. 53, стр. 90. Крыловъ избранъ въ члены С.-П-скаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія.

Полярная звѣзда, 1823, изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 21. «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» А. Бестужевъ. «И. Крыловъ возвелъ русскую басню въ оригинально классическое достоинство. Невозможно дать большаго простодушія разсказу, большей народности языку, больше осязаемости нравоученію. Въ каждомъ его стихѣ видѣнъ русскій здравый умъ *. Онъ похожъ природою описаній на Ла Фонтена, но имѣетъ свой особый характеръ: его каждая басня—сатира, тѣмъ сильнѣйшая, что она коротка и разсказана съ видомъ простодушія. Читая стихи его, не замѣчаешь даже, что они стопованы, — и это-то есть верхъ искусства. Жаль, что Крыловъ подарилъ театръ только двумя комедіями. По своему знанію языка и нравовъ русскихъ, по неистощимой своей веселости и остроумію, онъ могъ бы дать ей черты народныя».

Литературные листки, журналъ нравовъ и словесности, изд. Булгаринымъ, 1824, ч. I, стр. 61.— По поводу извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева, написаннаго кн. Вяземскимъ (вм. предисловія къ изд. стихотв. И. И. Дмитріева, 1823 г.), Булгаринъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній. Вотъ то, которое относится къ Крылову:

«Что касается до мнѣнія автора о заслугахъ и дарованіяхъ И. А. Крылова, то мы осмѣлимся сказать, что находимъ оное слишкомъ строгимъ и даже пристрастнымъ. Ссылаемся на читателей: можно ли говорить такимъ образомъ о семъ несравненномъ баснописцѣ.

«Въ числѣ первыхъ (т. е. поэтовъ) сыскался одинъ ** (т. е. Крыловъ), который не только послѣдовалъ, но, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ

---

* «Неужели это принадлежность одного Крылова? и что значитъ, русскій здравый умъ»? спрашиваетъ рецензентъ «Вѣстника Европы». «Надобно говорить и осторожнѣе и яснѣе». («Вѣстн. Евр.» 1823 г. январь, стр. 142.)

** Мнѣ кажется, что здѣсь бы надлежало упомянуть объ А. Е. Измайловѣ, котораго многія басни имѣютъ большое достоинство, особенно въ отношеніи къ разсказу. К. П. А. Вяземскій слишкомъ строго и смѣло назвалъ всѣхъ прочихъ поэтовъ, стоящихъ за И. И. Дмитріевымъ, гаерами. Къ чему ведетъ это заключеніе? *Примѣч. Булгарина.*

нашимъ поэтомъ (т. е. Дмитріевымъ), переработывая басни ужъ имъ переведенныя, и басни превосходныя, и мы благодаримъ его за смѣлость». Какъ? И. А. Крылова мы должны только благодарить за то, что онъ *дерзнулъ* бороться съ И. И. Дмитріевымъ и осмѣлился подражать ему? — Но гдѣ это подражаніе? Слогъ И. А. Крылова совершенно *различный*, разсказъ ни мало не *сходствуетъ*; планъ басенъ Крылова оригинальный, а языкъ его есть, такъ сказать, возвышенное простонародное нарѣчіе, неподражаемое въ своемъ родѣ, и столь же понятное и милое для русскаго вельможи, какъ и для крестьянина. Прибавимъ къ тому вымыселъ, печать генія, и мы рѣшительно можемъ сказать, что И. А. Крыловъ есть первый *оригинальный* русскій баснописецъ, по изобрѣтенію, языку и слогу. Басни И. И. Дмитріева прелестны; но онѣ не народныя русскія. Главнѣйшее ихъ достоинство есть чистота слога, и мы никакъ не согласимся съ кн. П. А. Вяземскимъ на счетъ достоинства Крылова. Вотъ что онъ говоритъ: «Между тѣмъ забывать не должно, что онъ (т. е. И. А. Крыловъ), часто творецъ содержанія прекраснѣйшихъ изъ своихъ басенъ, и что если сіе достоинство не такъ велико въ отношеніи къ предмѣстнику его (И. И. Дмитріеву), который былъ изобрѣтателемъ своего слога и проч.» — Если бы въ И. А. Крыловѣ не было другаго достоинства кромѣ того, что *онъ часто творецъ содержанія прекраснѣйшихъ своихъ басенъ*, то и сего одного было бы много; но онъ также *творецъ* своего слога, который, хотя вовсе не похожъ на слогъ его предмѣстника, но имѣетъ необыкновенную прелесть для того, кто знаетъ русскій народъ не въ однѣхъ только гостиныхъ. Слогъ басенъ И. И. Дмитріева, по нашему мнѣнію, есть языкъ образованнаго свѣтскаго человѣка; слогъ И. А. Крылова изображаетъ простодушіе и вмѣстѣ съ тѣмъ замысловатость русскаго народа; это русскій умъ. народный русскій языкъ, облагороженный философіею и свѣтскими приличіями. Содержаніе его басенъ представляетъ галерею русскихъ нравовъ, но только не въ родѣ Теньера, а въ родѣ возвышенной исторической живописи, принадлежащей къ русской народной школѣ. Впрочемъ для И. И. Дмитріева остается столь много преимуществъ, что ему легко уступить другому первенство въ басняхъ. Онъ *первый* въ сатирахъ и посланіяхъ, *первый* въ сказкахъ, *первый* въ пѣсняхъ *, *одинъ изъ первыхъ* въ лирической поэзіи и первый въ легкихъ стихотвореніяхъ. Этого слишкомъ довольно, чтобы *навсегда остаться безсмертнымъ на русскомъ Парнасѣ*».

Полярная звѣзда, на 1825, изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 15. «Взглядъ на русскую словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825 г., А. Бестужевъ». — «И. А. Крыловъ порадовалъ насъ новыми прекрасными баснями; нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, и скоро сіи плоды вдохновенія, числомъ до *тридцати*, покажутся въ полномъ собраніи».

---

* Рядомъ съ И. И. Дмитріевымъ можно поставить въ пѣсняхъ Нелединскаго-Мелецкаго. (Тоже.)

«Сѣверные цвѣты», собр. б. Дельвигомъ на 1825, стр. 26 «О русскихъ поэтахъ», письмо къ гр. С. Н. С., П. Плетнева. (См. б. «Орелъ и Пчела»).

Сынъ Отечества, 1825, ч. 99, стр. 313. «Отечественная литература, Письма на Кавказъ», 2-е письмо. — «Должно ли говорить о басняхъ И. А. Крылова? Онѣ прекрасны, замысловаты, но.... право, не хочется высказать,— по разсказу не могутъ сравниться съ прежними его баснями, въ которыхъ съ прелестью поэзіи соединено что-то русское, національное. Въ прежнихъ басняхъ И. А. Крылова мы видимъ русскую курицу, русскаго во̀рона, медвѣдя, соловья и т. п. Я не могу хорошо изъяснить того, что чувствую при чтеніи его первыхъ басенъ, но мнѣ, кажется, будто я видѣлъ гдѣ-то этихъ звѣрей и птицъ, будто они водятся въ моей родительской вотчинѣ. Лучшія басни Крылова, по моему мнѣнію, суть тѣ, которыхъ нельзя перевесть на чужой языкъ, и почти ни одна прежняя его басня не можетъ быть переведена со всѣми подлинными красотами. О новыхъ басняхъ, напечатанныхъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» и въ «Сѣверной пчелѣ (?)», по совѣсти нельзя сказать этого. Онѣ чрезвычайно хороши, однимъ словомъ, б. Крылова (особенно «Муха и Пчела» и «Прихожанинъ»); но онѣ могутъ быть столь же хорошо переведены. Нельзя не замѣтить здѣсь антологической бездѣлки И. А. Крылова: «Три поцѣлуя». Анакреонъ въ преклонныхъ лѣтахъ не могъ бы лучше изъяснить возвратившихся на минуту воспоминаній юности» *.

Сынъ Отечества, 1825, ч.100, стр. 285. «Нѣсколько замѣчаній на статью г. Геро о переводѣ басенъ Крылова, помѣщенную въ іюньской книжкѣ журнала: Revue Encyclopédique: Fables Russes, tirées du recueil de M. Kriloff, etc». Авторъ статьи, подписавшійся NN, исправляетъ сначала ошибки Геро въ сужденіяхъ его о б. Сумарокова, переходитъ къ разсмотрѣнію проведенной имъ параллели между Ла Фонтеномъ и Крыловымъ, и останавливается на слѣдующемъ заключеніи Геро: «Но есть одна точка, на которой французскій баснописецъ беретъ верхъ; русскій же поэтъ, кажется, ее слишкомъ пренебрегъ, а именно: вѣроятность дѣйствія, столь необходимая въ баснѣ, что безъ нея обманъ воображенія становится невозможнымъ». Можно ли.... «чтобы щука ходила съ котомъ на ловлю мышей, чтобъ мужикъ нанялъ осла стеречь свой огородъ, чтобъ у другаго мужика змѣя бралась воспитать дѣтей, чтобъ щука, лебедь и ракъ впряглись въ одинъ возъ и проч.?» Замѣчаніе опровергается тѣмъ, что и у Ла Фонтена есть подобныя же несообразности: звѣри посылаютъ дань Александру Македонскому (кн. IV); летучая мышь, кустъ и улитка сдѣлались торговыми товарищами и даже завели конторы (кн. VII); что крысѣ черепашки кажутся корабликами (кн. VIII) и пр.»

---

* На эту статью въ «Московскомъ телеграфѣ» № 4, было напечатано возраженіе: «Жуковскій, — Пушкинъ, — о новой піитикѣ басенъ. ст. кн. П. А. Вяземскаго. Авторъ письма, высказавшій мнѣніе свое и объ упомянутыхъ двухъ поэтахъ, написалъ антикритику, въ «С. От.» 1825, ч. 100, стр. 280.

«Г. Геро дѣлаетъ упрекъ почтенному издателю басенъ Крылова въ Парижѣ, гр. Г. В. Орлову, за помѣщеніе въ семъ собраніи трехъ слѣдующихъ басенъ: «Демьянова Уха», «Свинья» и «Гребень». Еще болѣе жалѣетъ онъ, какъ рыцарь прекраснаго пола, что переложеніе сихъ б. на французскіе стихи досталось двумъ дамамъ *. «Могли ли ихъ дарованія, говоритъ онъ, явиться съ выгодной стороны въ столь неблагодарномъ трудѣ? и какія пріятныя картины, какой привлекательный урокъ можно было извлечь изъ такихъ предметовъ»? Хваля г. критика за уваженіе къ прекраснымъ его соотечественницамъ, мы все-таки скажемъ, что г. Крыловъ здѣсь не виноватъ. Вольно-жъ было г-жѣ Амабль Тастю развернуть въ б. Soupe au poisson, написанной, можно сказать, въ подражаніе б. Крылова, «Демьянова Уха», такую картину, которую нашъ баснописецъ открылъ своимъ читателямъ съ большою осторожностію. Стихъ:

«А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ».

Замѣненъ слѣдующимъ:

Etienne se soumet; son coeur bondit.... il crève....

Эта картина и въ самомъ дѣлѣ отвратительна. Также и въ б. «Свинья», весьма осмотрительно нашъ писатель, можно сказать, намекнулъ только о томъ, что видѣла хавронья на барскомъ дворѣ:

Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.

Прелагательница же сей б. дала себѣ волю сказать гораздо больше и яснѣе:

C'est dans la basse-cour un assez beau fumier,
Puis un bassin d'eau verte, *un gros tas d'immondices*,
Voilà tout, et ma bonne foi,
Par un seul fait je vous le prouve,
Car des beautés, qu'en ce château l'on trouve
Je porte encor les parfums avec moi.

Но хотѣлъ бы я знать, чѣмъ оскорбляется разборчивый вкусъ критика въ б. «Гребень»? Картина, представленная Крыловымъ, именно изъ тѣхъ, которыя сами французы называютъ *привлекательными* (des tableaux gracieux). Вотъ изображеніе волосовъ дитяти:

..... Кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завитые
И мелкіе, какъ тонкій ленъ.

Наконецъ, дополнительная мысль г. Крылова, когда мальчикъ бросилъ гребень въ рѣку:

Теперь имъ чешутся наяды....

такова, что въ поэмѣ, требующей гораздо больше разборчивости вкуса составляла бы красоту».

---

* Демьянова Уха и Гребень — г-жѣ Амабль Тастю, Свинья — г-жѣ С. Ге (Gay).

Далѣе слѣдуютъ бѣглыя замѣчанія о сужденіяхъ Геро о переведенныхъ басняхъ Крылова. Статья заключается сравненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ перевода рецензіи Геро, помѣщеннаго въ «Московск. телеграфѣ» (№ 18).

Сынъ Отечества, 1825, ч. 102, стр. 67 и 173. «Предисловіе г. Лемонтея къ изданію басенъ Крылова съ французскими и италіанскими переводами», переводъ С.... — Послѣ общаго и весьма поверхностнаго очерка исторіи русскаго народа и его литературы, авторъ переходитъ къ баснописцамъ, которыхъ насчитываетъ три: Хемницера, Дмитріева и Крылова. Послѣднему отдаетъ между ними первенство. Разсказавъ весьма кратко и мѣстами ошибочно его біографію, и перечисливъ его драматическія сочиненія, авторъ предисловія продолжаетъ: «Но истинный свой талантъ г. Крыловъ явилъ въ басняхъ и сталъ въ первомъ ряду литераторовъ своей отчизны. Вниманіе, которое привлекаетъ къ себѣ столь отличный писатель, возбуждаетъ желаніе узнать его самого, и вотъ подробности, сообщенныя мнѣ нѣкоторыми путешественниками, сведшими съ нимъ знакомство въ Петербургѣ. Г. Крыловъ имѣетъ отъ роду около 56 лѣтъ, высокъ ростомъ, полонъ лицемъ и тѣломъ; походка его небрежна; простое и открытое его обращеніе внушаетъ къ нему довѣріе. Ни отъ кого не завися и не бывъ женатъ, онъ не избѣгаетъ ни игры, ни удовольствій. Въ обществѣ, онъ больше замѣчаетъ, нежели говоритъ; но когда его взманятъ, то разговоръ его бываетъ весьма занимателенъ. При всемъ томъ, онъ никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ, *и только понимаетъ по-французски* *. Подъ тучною его наружностію кроется умъ тонкій и быстрый, вкусъ разборчивый, сердце человѣколюбивое и доброхотное, и всѣ качества превосходнаго друга. Въ одномъ только его укеряютъ, — и это, къ сожалѣнію, есть господствующая черта его характера: онъ перенесъ подъ 60 градусъ широты безпечность неаполитанскую, и предается той роскошной лѣни, которая взлелѣяла геній Ла Фонтена и Шольё. Муза его уступаетъ только настойчивымъ просьбамъ друзей: это *басенникъ* **, который должно крѣпко потрясти, чтобы съ него упали плоды.

«Баснями г. Крылова открылся славный періодъ, въ который Россія, испытавъ себя въ литературѣ, такъ сказать, *заморской*, увидѣла у себя и словесность истинно народную, и публику, ей внемлющую. Басни сіи, думаю, и донынѣ составляютъ то, что Парнассъ невскій имѣетъ совер-

---

* Переводчикъ замѣчаетъ, что это несправедливо, потому что Крыловъ кромѣ французскаго, зналъ нѣмецкій и италіанскій языки, да кромѣ того въ преклонныхъ уже лѣтахъ научился греческому.

** Французы въ семъ случаѣ употребляютъ слово Fablier, означающее какъ бы *басенное дерево*, и составленное по образцу словъ: pommier, poirier, murier exc.

шеннѣйшаго. Ни одинъ народъ не имѣетъ баснописца, который бы превзошелъ сего писателя въ новости разсказа и изобрѣтенія. Почти всѣ его басни принадлежатъ собственно ему. Разсказъ его отличается тонкостію подъ видомъ простосердечія и правдоподобіемъ, и усѣянъ веселыми и остроумными подробностями. Онъ съ отмѣннымъ искусствомъ употребляетъ краски мѣстныя, и кисть его, прямо русская, показываетъ, какъ въ зеркалѣ, необыкновенное подобіе народа, который заемлетъ столько же простоты отъ праотеческаго образа своей жизни, сколько тонкости ума отъ положенія своего въ обществѣ человѣческомъ.

«Изобрѣтеніе въ басняхъ г. Крылова вообще исполнено ума. Онъ рѣдко играетъ своими уроками; правоученіе его открыто и твердо, иногда даже сбивается на эпиграмму, или на ту общую сатиру, которая есть оружіе добродѣтели. Слогъ его, котораго совершенство живо чувствуютъ его единоземцы, совокупляетъ въ себѣ два рода красотъ, недоступныхъ для переводчиковъ: съ одной стороны онъ обилуетъ словами звукоподражательными, а съ другой онъ искусно извлекаетъ изъ нарѣчія простонароднаго самыя, такъ сказать, удобныя и нежданныя выраженія, которыя сами собою пробуждаютъ множество понятій, чувствованій и воспоминаній, любезныхъ русскимъ. Къ счастію русскаго языка, одна и та же эпоха являетъ въ немъ г. Карамзина и г. Крылова, и оба они оказываютъ ему важныя и разнообразныя услуги. Первый изъ нихъ возвышаетъ ту часть сего языка, которая прилична достоинству исторіи, второй изощряетъ въ немъ то, что способно къ списыванію нравовъ. Можно сказать, что г. Карамзинъ даетъ избираемымъ имъ словамъ грамоты на благородство, а г. Крыловъ надѣляетъ слова своего выбора патентами на умъ....

«Правда, не легко было доказать сего переводомъ г. Крылова. То, что мы сказали о его слогѣ, богатомъ звукоподражаніями и выраженіями, такъ сказать, сродными народу и нравамъ его отчизны, довольно ясно уже доказываетъ, что сіи мѣстныя красоты неудобопереносимы въ другой языкъ. Крыловъ, переселенный такимъ образомъ подъ чужое небо, не былъ бы узнанъ своими соотечественниками, такъ какъ и мы не узнаемъ Монтаня и Ла Фонтена въ самыхъ лучшихъ переводахъ. Посему должно было оставить напрасныя попытки — переводить поэзію его басенъ, а ограничиться подражаніями, для которыхъ дѣльность содержанія, прелесть и новость подробностей доставляютъ писателямъ всѣхъ странъ удобный запасъ. Для облегченія сихъ подражаній, графъ Орловъ началъ переводить басни своего единоземца на французскій языкъ прозою и какъ можно ближе къ подлиннику и надъ симъ, уже готовымъ запасомъ, трудились поэты французскіе и италіанскіе, съ свободою таланта и отбросивъ всѣ препоны, противополагаемыя текстомъ подлиннымъ. Такимъ образомъ, изъ творенія г. Крылова до насъ дойдетъ все, что могло перейти за предѣлы Россіи, и новыя красоты, безъ сомнѣнія, замѣнятъ тѣ, которыхъ намъ не суждено постигнуть.» — Затѣмъ слѣдуетъ пере-

численіе писателей, принимавшихъ участіе въ переводѣ басенъ Крылова, и художниковъ, составлявшихъ картинки (числомъ 5) для этого изданія.

Московскій телеграфъ, 1825, часть V, № XVII, критика и библіографія, стр. 40—46. «О предисловіи г. Лемонте къ переводу б. И. А. Крылова»; статья подписана: Н. К. Подъ этими буквами скрылъ свое имя Пушкинъ. (Соч. т. I, стр. 157).

Московскій телеграфъ, 1825, ч. V, № XVIII, отд. Науки и искусства, стр. 100—121. — «Разсужденіе Ф. Сальфи о переводѣ б. Крылова».

Московскій телеграфъ, 1825, № LXI, стр. 245, отд. критики и библіографіи. Рецензія на изданіе перевода басенъ Крылова: Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs, précédées d'une Introduction française de M. Lemontey et d'une Préface italienne de M. Salfi, publiées par M. le comte Orloff, Paris. 1825.

Сѣверные цвѣты, собр. б. Дельвигомъ на 1831 г., стр. 36. Объ изданіи: «Басни И. Крылова» въ 8 книгахъ. «Есть люди, которые по разсчетамъ ли здраваго ума, или по экономіи самой природы, позже другихъ начинаютъ предаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни; за то эти наслажденія долговѣчнѣе, чувства ихъ соблюдаютъ всю живость, ощущенія всю свѣжесть молодости въ такія лѣта, когда другіе живутъ уже однимъ воспоминаніемъ. Тоже можно примѣнить и къ талантамъ, и говоря о нихъ, естественно приходитъ на мысль несравненный нашъ Крыловъ. Талантъ сего баснописца развился въ возрастѣ зрѣлаго мужества и съ тѣхъ поръ безпрерывно шелъ отъ успѣховъ къ успѣхамъ, отъ совершенства къ совершенствамъ. Избранный имъ родъ сочиненій весьма благопріятствовалъ сему позднему развитію: басня требуетъ *поэзіи ума*, т. е. отчотливости въ созданіи, обдуманности въ цѣли, правдоподобія, глубокой истины въ примѣненіяхъ и, такъ сказать, *цѣлости* и полноты обѣихъ частей ея — вымысла и нравственныхъ слѣдствій, изъ онаго извлекаемыхъ. Въ лѣта, когда страсти перестаютъ мучительно тревожить насъ, въ лѣта опытности и соображенія, человѣкъ яснѣе видитъ пороки и недостатки человѣческіе, полнѣе постигаетъ ихъ, и вѣрнѣе передаетъ въ своихъ поучительныхъ разсказахъ. Таковъ плѣнительный наставникъ нашъ Крыловъ: онъ чудно соединилъ въ себѣ юность поэтическаго дарованія съ пожилыми совѣтами и наставленіями разсудительной опытности; любуешься и дивишься, встрѣчая у него часто свѣжіе, трепещущіе жизнью и цвѣтущіе молодостью стихи на ряду съ поученіями ума, давно знакомаго съ жизнью и по опыту знающаго ея превратности. — Новыхъ басенъ его въ этомъ новомъ изданіи двадцать одна: всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о сочной зрѣлости таланта баснописцева, и ни въ одной нѣтъ ни малѣйшихъ примѣтъ преклонности или охлажденія. Издатель, книгопродавецъ Смирдинъ, заслуживаетъ благодарность русскихъ за то, что сію истинно народную русскую книгу, чтеніе по сердцу всякаго, старался сдѣлать *чтеніемъ и по*

карману каждаго, даже недостаточнаго читателя: экземпляры оной, хорошо напечатанные на порядочной бумагѣ, продаются по 4 рубля.»

Библіотека для чтенія, 1834, №I, отд. I, стр.163. «Письмо въ Парижъ къ Якову Николаевичу Толстому»; Н. Гречъ.

«Первыя мѣста въ числѣ дѣйствующихъ нашихъ поэтовъ занимають Крыловъ и Пушкинъ. Жаль, что къ нимъ нельзя приложить рецепта Репетилова:»

Писать, писать, писать!

Крыловъ изрѣдка выдаетъ свои новыя басни. Пять было напечатано въ *Новосельѣ.* Надѣемся, что и *Библіотека для чтенія* будетъ украшаться ими. Крыловъ, какъ человѣкъ умный, не довѣряетъ самъ себѣ и на старости боится славы архіепископа гренадскаго. Мнѣ кажется, что это опасеніе напрасно. Не говоря о поэтическомъ талантѣ его, который ни мало не увялъ съ лѣтами, замѣтили, что и самый родъ его стихотвореній менѣе другихъ подверженъ вліянію лѣтъ. Воображеніе, чувство, пламя лирическое, могутъ потухнуть съ лѣтами, но свѣтская наблюдательность, умъ, прелесть разсказа не ветшаютъ въ человѣкѣ съ дарованіемъ.

Стр. 174: «И. А. Крыловъ по прежнему проводитъ утра, занимаясь своею должностію главнаго библіотекаря русскаго отдѣленія имп. публ. библіотеки, обѣдаетъ въ англійскомъ клубѣ и тамъ просиживаетъ вечеръ, невольно собирая вокругъ себя кружокъ всего, что есть умнаго, грамотнаго и толковаго въ семъ разнообразномъ обществѣ.

Библіотека для чтенія, 1834, № IV, отд. VI. стр. 1. — «Басни Ивана Крылова» Спб. 1834. «Это прекрасное изданіе твореній великаго баснописца соединяетъ съ занимательностію содержанія художническую важность: девяносто три переводныхъ картинокъ карандаша г. Сапожникова... усугубляютъ прелесть живописной поэзіи Крылова».

Библіотека для чтенія, 1834, т. III, отд. III, стр. 177. «Картинки г. Сапожникова и б. Крылова» В. И. Григоровича. — Авторъ находитъ, что къ басн. Крылова картинки необходимы: онѣ помогаютъ памяти: наглядное изученіе крѣпче вкореняетъ въ ней пріобрѣтаемыя свѣдѣнія. Крыловъ самъ хотѣлъ сдѣлать подобное изданіе и принималъ къ тому мѣры; хотѣлъ, по недостатку граверовъ въ Россіи, поручить выгравировать картинки на стали въ Англіи и напечатать тамъ самый текстъ. Съ него спросили милліонъ рублей. Сапожниковъ осуществилъ мысль Крылова. Вообще о картинахъ авторъ говоритъ:

«Искусство художественнаго произведенія состоитъ въ точномъ выраженіи избраннаго предмета; но изобразить не болѣе того, что нужно изобразить такъ, чтобы не было ни въ чемъ недостатка, — это задача, которой разрѣшеніе дается не многимъ. Художникъ долженъ быть богатъ воображеніемъ, чтобы не повторять собственныхъ своихъ, тѣмъ болѣе чужихъ идей и представлять предметы въ ихъ характерѣ. Онъ долженъ знать условія искусства, чтобы умѣть составить картину группу; долженъ твердо и свободно рисовать, чтобы рука повиновалась его фан-

тазіи, долженъ чувствовать за другихъ и постигать, какъ обнаруживаются чувства въ лицахъ и движеніяхъ, чтобы живописать страсти, безъ чего самыя важныя художественныя творенія бываютъ холодны и безжизненны. Въ картинкахъ г. Сапожника разнообразіе сочиненія чрезвычайно. Всякое изъ нихъ совершенно ново и оригинально; характеры лицъ, званій, половъ, дѣйствія схвачены вѣрно. Животныя имѣютъ свою свойственную каждому характеристику. Все начертано, легко свободно, кажется, безъ малѣйшаго труда; неисправностей въ рисункѣ нѣтъ, или онѣ незамѣтны. Вездѣ видѣнъ разговоръ, страсти ясно выказаны, гравировка замѣчательна особенною непринужденностію руки опытнаго художника, управлявшаго иглою по мѣди, какъ карандашемъ или перомъ по бумагѣ.» — Затѣмъ разсказывается содержаніе нѣкоторыхъ картинъ, при чемъ указываются моменты разсказа, изображенныя на картинахъ.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1838, ч. XVII, отд. разныя извѣстія. «Обѣдъ, данный Ивану Андреевичу Крылову въ залѣ благороднаго собранія, 2 февр. 1838 г.» Описаніе обѣда; въ примѣчаніяхъ приведены рѣчи: Оленина, А. С. Норова, Жуковскаго, кн. Одоевскаго и стихи кн. Вяземскаго. (Статья подписана буквами Б. Ф.).

Современникъ, 1838, т. IX, стр. 57. «Праздникъ въ честь Крылова». Статья написана по поводу пятидесятилѣтняго юбилея Крылова Плетневымъ (2-го февр. 1838 г.).

«Поэтъ, по назначенію своему, обязанъ все, доступное обработыванію душевныхъ силъ, лучшими орудьями языка пересоздать въ ясные, полные и живые образы, которые бы изъ области его искусства представляли намъ еще природу со всѣми вѣчными ея законами.» «Крыловъ въ точномъ смыслѣ слова поэтъ, хотя не разнороденъ, но разнообразенъ. Оставивъ другія отрасли безграничнаго искусства, онъ всего себя посвятилъ одной, для которой природа такъ счастливо образовала его душу: преобладающее направленіе ума его обнаруживается уроками практической, житейской мудрости. Онъ по природѣ своей такъ наклоненъ къ этому предмету, что изслѣдованіями своими обвелъ его со всѣхъ сторонъ.» Безъ сильныхъ производительныхъ силъ и сочувствія къ истиннымъ красотамъ природы, съ такимъ направленіемъ ума легко можно бы вдаться въ холодность дидактическую, чего не замѣтишь ни въ одномъ его стихотвореніи. Обдумывая изложеніе какой нибудь истины, которая сама по себѣ столь же неоспорима, какъ и нага, онъ поэтическимъ чувствомъ видитъ и слышитъ ее въ душѣ своей рождающуюся такъ согласно съ законами искусства, какъ бы зачалась она прямо съ поэтическаго зародыша — съ формы чувственной и вмѣстѣ одушевленной. Ни одинъ изъ множества тоновъ прекраснаго не затруднилъ его. Онъ каждый выдержалъ вѣрно, перепробовавши всѣ. Обработываніе одного рода поэзіи не препятствуетъ истинному таланту разнообразить его произведенія.... На всякую новую истину у него готовы новыя краски, и новое вдохновеніе, и новая жизнь. Останавливаясь

мысленно предъ какою нибудь идеею, вникая ли въ нее долго, или по художническому свойству мгновенно обнимая ее съ неимовѣрною живостью, какъ бы то ни было, только онъ никогда не возвращается къ прежнимъ своимъ картинамъ, не ищетъ пособія въ старыхъ своихъ опытахъ, но сливается вполнѣ съ предметомъ, въ эту минуту его поразившимъ, и все почерпаетъ изъ этой жизни»... Запасъ истинъ, доступныхъ его душѣ, столь же неистощимъ, какъ явленія жизни. Даже старая мысль, нѣсколько разъ являвшаяся у его предшественниковъ, облеченная имъ въ новые образы, является какъ созданіе, трепещущее свѣжестію бытія.

«Находясь на такой высокой степени какъ поэтъ, Крыловъ еще замѣчательнѣе какъ баснописецъ... Онъ во всемъ чувствуетъ проявленіе чего-то человѣческаго, подобно жителю Индіи, вѣрующему въ переселеніе душъ. Нѣтъ вещи въ природѣ, которая, не говорила бы ему о человѣкѣ и каждое о немъ помышленіе пріемлетъ какой нибудь одинъ изъ тѣхъ образовъ, которыми такъ богата вселенная. Но какія бы видѣнія ни преслѣдовали душу баснописца, онъ не можетъ освободиться отъ двойственнаго прикосновенія: съ одной стороны человѣка, съ другой аллегорическихъ актеровъ, замѣняющихъ его въ каждомъ апологѣ.

«Баснописецъ, приведенный самою сущностью поэзіи своей въ какую-то ограниченную дѣятельность, принужденъ истощать весь талантъ на образы, положенія и другія внѣшнія красоты выводимыхъ имъ существъ, по наслѣдству переходящихъ изъ одной литературы въ другую... Можетъ быть, этотъ тѣсный горизонтъ, изъ-за котораго мудрено съ перваго шага предвидѣть обширное поле, нѣкогда породилъ въ немъ то отвращеніе отъ апологической поэзіи, о которомъ не забылъ онъ до сихъ поръ». Но онъ преодолѣлъ это отвращеніе, и басня сдѣлалась для него только привычною формою поэзіи истинной и всеобъемлющей. «Человѣкъ въ частной своей жизни, гражданинъ въ общественной дѣятельности, природа въ своемъ вліяніи на духъ нашъ, страсти въ ихъ бореніи, причуды, странности, пороки, благородныя движенія сердца, вѣчные законы мудрости — все перешло въ его область, все подверглось его изслѣдованію, все къ общему изумленію, разрѣшено имъ съ такою ясностію, съ такою легкостію, съ такимъ высокимъ поэтическимъ достоинствомъ, что нынѣ Крыловъ, какъ баснописецъ, конечно, первый поэтъ въ Европѣ. Самыхъ знаменитыхъ изъ числа его предшественниковъ можно сравнить съ дѣтьми; а онъ подлѣ нихъ — мужъ. Они простодушны и увлекательны: а онъ глубокъ и поразителенъ. Поэзія къ нимъ являлась для оживленія всѣмъ извѣстной мысли; а у него передъ глазами полная сокровищница жизни, изъ которой онъ извлекаетъ все новыя мысли и съ ними новую поэзію».

Полная слава Крылова наступитъ тогда, когда русскій языкъ и его литература сдѣлаются предметомъ изученія европейцевъ: «истинный поэтъ такой же дѣеписатель, какъ и историкъ, съ тою разницею, что

послѣдній сохраняетъ строгую систему въ распредѣленіи событій, а первый набрасываетъ группы, не заботясь о ихъ послѣдовательности... Крыловъ во всемірное книгохранилище положилъ твореніе о своемъ отечествѣ съ изумительнымъ прагматизмомъ обработанное».

Явленія русской жизни не представлялись бы такъ поразительно, если бы были представлены другимъ художникомъ-писателемъ: «въ русскомъ языкѣ Крылова есть таинства, еще никѣмъ изъ нашихъ поэтовъ не разоблаченныя: но по крайней мѣрѣ никто ими не воспользовался такъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ Крыловъ. Онъ какъ будто родился, чтобы все русское облекать въ такіе стихи, отъ которыхъ предметъ заимствуетъ болѣе жизни и цвѣту. Она въ такой симпатіи сходится съ идеями, что для обозначенія ихъ выбираетъ съ удивительною разборчивостію и мѣткостію только имъ свойственныя выраженія, обороты рѣчи, разстановку словъ, даже звуки ихъ. Конечно, въ самой сущности дѣла идея уже предполагаетъ бытіе и слова своего; но въ этомъ и состоитъ авторское достоинство, чтобы совокупить въ произведеніи со всею строгостію только такія идеи, которыя вмѣстѣ образуютъ чудную гармонію мыслей, картинъ и событій... Крыловъ проникнутъ чувствомъ всего русскаго — все у него возникаетъ въ воображеніи подъ неизмѣннымъ типомъ народности русской». Въ концѣ статьи авторъ переходитъ къ юбилею и изображаетъ Крылова, «растроганнаго и смущеннаго новостію его положенія посреди друзей, знакомыхъ и чужихъ, гдѣ для всѣхъ онъ былъ единственнымъ предметомъ радости и вниманія»...

Отечественныя записки, 1840, т. X, отд. русск. лит., стр. 2. «Басни Ивана Крылова», въ восьми книгахъ. Сороковая тысяча. Статья Бѣлинскаго, перепечатанная въ IV томѣ его сочиненій, стр. 9.

Современникъ, 1841, т. XXII, стр. 42, въ отдѣлѣ новостей русской литературы. — Разсказывается анекдотъ о листѣ нотной бумаги, неправильно переданный въ біографіи Крылова, напечатанной въ *Портретной и біографической галлереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи*, которая здѣсь разбирается.

Звѣздочка, 1844, ч. IX, № 1. «Крыловъ», статья, написанная, какъ видно изъ примѣчанія редакціи, одною дамою, лично знавшею Крылова; съ эпиграфомъ:

> Какой-то чародѣй, какъ говоритъ преданье,
> Ключъ къ тайнѣ нравиться въ волшебный ларчикъ скрылъ;
> Его могло открыть одно лишь дарованье:
> Крыловъ нашъ просто взялъ — да и открылъ.

Статья обнимаетъ дѣтство Крылова; важнѣйшіе факты, въ ней изложенные, внесены Плетневымъ и Бантышъ-Каменскимъ въ біографію баснописца.

Библіотека для чтенія, 1844, т. 62, отд. VI, стр. 30. «Басни И. А Крылова», въ девяти книгахъ, 1843 г. — Которое это изданіе басенъ И. А. Крылова, право, мы ужъ и сосчитать не умѣемъ. Но дѣло въ томъ,

что И. А. умножилъ его одиннадцатью новыми баснями. 11 новыхъ басенъ Крылова! Да это кладъ для литературы, цѣлая библіотека для публики, золотая розсыпь для книжной торговли: для «разработки» этихъ 11-ти басенъ, вѣрно, составилась уже компанія на акціяхъ. Изумительный старецъ! 2-го февр. 1843 г. кончилось ему 75 лѣтъ; но прочитайте его новыя басни: онѣ также свѣжи, какъ тѣ, которыя писалъ онъ въ лучшіе дни своей жизни». Приводится б. «Волки и Овцы».

Отечественныя записки, 1844, т. II, отд. библіографіи. «Басни Ивана Крылова», въ девяти книгахъ. СПб. 1844.—Статья Бѣлинскаго, перепечатанная въ его сочиненіяхъ, т. IX, стр. 78.

Современникъ, 1844, т. XXXV, стр. 299. Упоминается о Крыловѣ, какъ постоянномъ посѣтителѣ субботнихъ вечеровъ Жуковскаго.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1844, ч. XLIV, отд. VII, стр. 11, Новости и смѣсь. Извѣстіе о смерти и погребеніи Ивана Андреевича Крылова (перепеч. изъ Сѣверной пчелы).

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1844, XLV, отд. VII, стр. 19. Объявленіе о памятникѣ Крылову.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1844, ч. XLV, отд. III, стр. 25. Отчетъ Имп. Акад. Наукъ по отд. Рус. языка и Слов., читанный 29 дек. 1844 г. въ публ. собр. Ордин. Акад. Д. Ст. Сов. П. А. Плетневымъ. Въ краткомъ вступленіи сказано, что «Крыловъ для другихъ націй всегда останется какъ самый вѣрный и точный представитель того, что есть оригинальнаго, любопытнаго и выразительнаго въ русскомъ духѣ, въ русскихъ нравахъ, въ русскомъ соображеніи и дѣятельности мысли;» что онъ, «посвятивъ себя преимущественно апологической поэзіи, не смотря на тѣсную раму ея, умѣлъ обнять главное въ народной жизни и нарисовать картины свои характерными красками, заимствованными изъ нашей природы, изъ нашей общежительности, изъ нашей чистой рѣчи»; что «изученіе иностранныхъ языковъ, чтеніе писанныхъ на нихъ сочиненій, сближеніе съ людьми разныхъ націй, принятіе привычекъ, разлучающихъ насъ съ чисто русскимъ бытомъ, словомъ, все вліяніе той общительности, которая въ Европѣ такъ сглаживаетъ національныя особенности, — не покорили себѣ Крылова, какъ многихъ изъ нашихъ писателей; и онъ своими сочиненіями оставилъ потомству памятникъ русской народности въ совершеннѣйшемъ видѣ по созданію, изложенію и краскамъ». За тѣмъ слѣдуетъ бѣглое изложеніе его біографіи и литературной дѣятельности; авторъ останавливается на Крыловѣ какъ баснописцѣ: «Крыловъ написалъ въ это время (во время службы въ библіот.) большую часть своихъ басенъ, годъ отъ году восходя выше и выше въ соображеніи ихъ, въ оригинальности мыслей и описаній, въ глубокозначительности вымысловъ, въ неподражаемой вѣрности характеровъ, въ изумительной точности русскаго языка и обрисовкѣ природы. Прежде высочайшею похвалою для баснописца было у насъ выраженіе: это русскій Ла Фонтенъ. Оно для Крылова теперь уже было бы несправедливостію. Въ его

созданіяхъ, принадлежащихъ лучшей эпохѣ его, видѣнъ самобытный геній, извлекающій все изъ собственной души, изъ окружающаго его общества, изъ жизни изученнаго имъ народа, изъ смысла и духа роднаго языка и внятной сердцу поэта нашей природы. Изъ всѣхъ Русскихъ писателей наиболѣе Крылову угрожали двѣ крайности: послѣ Ла Фонтена онъ нечувствительно могъ впасть въ принужденное французское простодушіе и привыкнуть къ изысканности въ разсказѣ и отдѣлкѣ стиховъ; или увлекшись ложною, такъ называемою народностію, онъ могъ обременить, даже обезобразить свои произведенія вынужденно простыми выраженіями, безвкусными картинами и неумѣстнымъ во всемъ подражаніемъ грубой простонародности. Его талантъ, его тонкій умъ, его врожденное, такъ сказать, чутье, указали ему истинный путь по каждой сторонѣ искусства, и онъ сдѣлался русскимъ народнымъ писателемъ въ благородномъ, въ надлежащемъ значеніи этого слова. Его басни вразумительны, увлекательны и исполнены поэзіею для всѣхъ возрастовъ, для всѣхъ сословій. Онъ простъ въ созданіи, кратокъ, но полонъ въ разсказѣ, живъ и самообразенъ въ украшеніяхъ, точенъ, всегда правиленъ, выразителенъ и новъ въ языкѣ. Высочайшая тайна магическаго искусства его заключалась въ полномъ его сочувствіи съ духомъ народа: умъ, сердце и душа его проникнуты были русскими элементами».

Авторъ переходитъ къ опредѣленію дѣятельности Крылова какъ академика: «Умственная дѣятельность Крылова не была дѣятельностію ученою въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее обыкновенно. Ему были чужды эти утомительные, разнообразные, хотя и однородные труды, которые изъ науки образуютъ послѣдовательность первоначальныхъ идей, ихъ успѣховъ и окончательныхъ выводовъ. Ни частная, ни общая, ни сравнительная грамматика или лексикографія не привлекали его вниманія. Филологія, критика, эстетика и философія не пріобрѣли отъ него особенныхъ изслѣдованій, разсужденій и системъ. Правда: въ этомъ значеніи онъ не былъ академикомъ; за то онъ былъ едва ли не цѣлою академіею. Въ творческомъ, свѣтломъ и дѣятельномъ умѣ его возникали, принимали образы и полную жизнь геніальныя откровенія, вѣчныя истины, уроки мудрости, завѣты опытовъ, идеалы художнической красоты. Ихъ приняли милліоны людей въ тѣхъ вѣчно неизменныхъ формахъ, съ тѣми многозначительными выраженіями, какія создаются только природою и геніями. Всѣ академіи въ мірѣ не могутъ похвалиться столь дѣйствительнымъ вліяніемъ на умственное, нравственное, гражданское и даже религіозное образованіе человѣчества, какое производилъ незамѣтно, но повсемѣстно и безпрерывно одинъ геніальный писатель. Онъ не только творецъ и законодатель языка, но и всего, что въ душу нашу входитъ изъ этой метафизической вселенной. Раскрытіе и объясненіе силы и законовъ геніальнаго писателя — этой натуральной академіи — достаточно снабжаютъ благороднымъ трудомъ всѣхъ академиковъ, хотя нерѣдко и здѣсь они такъ же приходятъ въ недоумѣніе, какъ испытуя силы и за-

коны природы. Геніальныя произведенія, подобно произведеніямъ природы, оставляютъ въ насъ неизгладимыя впечатлѣнія; но тѣ и другія, такъ легко и свободно сливаясь съ душею нашею, по большей части хранятся въ ней неразгаданными».

«Не удивительно, что Крыловъ, не выходя изъ своей, тѣсной по наружности, сферы дѣятельности, проникнулъ своимъ геніемъ въ каждое русское сердце и населилъ каждое воображеніе своими сказаніями. Не одинъ слѣпой случай ввелъ его какъ наставника, любимца и друга въ семейный кругъ русскаго народа и въ шумные классы дѣтей. Его чтили, изучали и пользовались уроками его люди высшаго образованія, на всѣхъ ступеняхъ гражданской дѣятельности. Его почтили вниманіемъ благоволеніемъ, любовію два Монарха наши — Александръ и Николай. Благоволящее ко всему прекрасному, семейство ихъ усладило жизнь его нѣжнымъ участіемъ и осыпало гробъ его цвѣтами трогательнаго воспоминанія. Всѣ ученыя сословія наши торжественно внесли имя его въ свои лѣтописи, какъ дѣятельнаго участника въ общеполезныхъ трудахъ ихъ. Бывшая императорская россійская академія избрала его въ 16 день декабря 1811 г. въ свои дѣйствительные члены — званіе, которое носилъ онъ до кончины своей и въ отдѣленіи русскаго языка и словесности академіи наукъ». — Далѣе упоминается о праздновапіи юбилея, возбудившемъ общій энтузіазмъ. «Въ этомъ же (1838) году * написана имъ послѣдняя басня его *Вельможи*. Она останется для потомства памятникомъ, что и въ старости геній Крылова сохранилъ всю свою свѣжесть и силу». — Въ заключеніи упомянуто о погребеніи и о подпискѣ на памятникъ.

Сѣверная пчела, 1845, № 8. «Воспоминанія объ И. А. Крыловѣ,» ст. Ѳ. Булгарина. Существенная часть ея приведена въ поясненіе б. *Прихожанинъ*.

Прибавленіе къ Журналу министерства народнаго просвѣщенія, 1845, кн. 2, стр. 35. Статья В. Т. Плаксина: «Въ память Ив. Андр. Крылова,» съ эпиграфомъ изъ Державина:

Здѣсь персть твоя — а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? Онъ тамъ! . . . Гдѣ тамъ? . . . Не знаемъ!
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Во вступленіи авторъ говоритъ, что смерть И. А. даетъ возможность, не опасаясь упрековъ въ пристрастіи, смѣло высказать свои мысли о его произведеніяхъ.

Послѣ краткаго очерка литературной дѣятельности Крылова, авторъ переходитъ къ баснямъ, при чемъ замѣчаетъ, что «мы должны быть чрезвычайно благодарны И. И. Дмитріеву за его высокій, истинно благородный поступокъ въ отношеніи къ Крылову,» которому онъ указалъ его настоящее призваніе. Далѣе сравненіемъ б. «*Ворона и Лисица*» и отрыв-

* Это несправедливо; см. стр. 239.

ка изъ б. «*Моръ звѣрей*» съ оригиналомъ, доказывается, что переводы Крылова возвышаютъ достоинства подлинника.

Переходя къ баснямъ оригинальнымъ, В. Т. Плаксинъ говоритъ, что «Крыловъ умѣлъ создать народность русской басни, которая свободно вылилась изъ души его и слилась также свободно съ народнымъ умомъ и сердцемъ, потому что въ ней нѣтъ ничего чужаго; въ ней все родное; въ ней нѣтъ извороты ума, русскія движенія сердца, русскія формы выраженія. «Крылова несправедливо называютъ дѣтскимъ писателемъ, потому что многія его басни недоступны дѣтямъ. Чѣмъ болѣе вникаешь въ ихъ смыслъ, тѣмъ обширнѣе становится объемъ ихъ и сила.» Потому то вообще о басняхъ Крылова можно безошибочно сказать то, что древніе писатели говорили объ Иліадѣ: въ этой книгѣ всякій можетъ почерпать столько, на сколько у него достанетъ силъ». — Мысль эта доказывается разборомъ б. *Ручей*, *Добрая Лисица*, *Орелъ и Паукъ*. — Совершенство внѣшней отдѣлки басни опредѣляется разборомъ б. *Вороненокъ*, *Слонъ на Воеводствѣ* и *Оселъ* и *Соловей*, содержаніе которыхъ незначительно, но въ нихъ все зависитъ отъ изложенія.

Къ числу достоинствъ б. Крылова, авторъ относитъ то, «что онъ умѣлъ соединить высшую степень народности съ міровою общностію.» Это доказывается разборомъ б. *Крестьянинъ и Работникъ* и указываются б. *Волкъ и Котъ*, *Заяцъ на ловлѣ*, *Крестьянинъ и топоръ*, *Крестьянинъ въ бѣдѣ*, *Курица и Ворона* и проч.

Мнѣніе, что Крыловъ свои басни списывалъ съ частныхъ случаевъ, авторъ не отрицаетъ, но и не утверждаетъ, потому что ни для того, ни для другаго не находитъ достаточныхъ доказательствъ; но замѣчаетъ, что если онъ и точно списывалъ съ частныхъ случаевъ, то придавалъ своимъ изображеніямъ идеальное значеніе.

Въ заключеніи авторъ говоритъ о заслугахъ Крылова въ отношеніи къ языку: «Онъ раскрылъ геній русскаго языка, исполнилъ то, къ чему стремились другіе. Онъ познакомилъ образованныя сословія съ роднымъ языкомъ. — Дмитріевъ для басенъ и сказокъ своихъ образовалъ особый языкъ, простой и легкій,— но все же составленный изъ началъ книжнаго языка. Крыловъ отвергъ вѣковой предразсудокъ противъ народности и народнаго языка. Въ разсказѣ онъ сообразуется съ свойствами предметовъ и возбуждаемыхъ ими мыслей; а когда заставляетъ говорить самихъ дѣйствователей, то даетъ имъ и слова и обороты и даже связь выраженій, согласные и съ нравственнымъ характеромъ и съ свойствами ихъ. На зло гонителямъ раздѣленія слога на *высокій*, *средній* и *низкій*, Крыловъ раздѣлилъ его самымъ дѣломъ такъ рѣзко, какъ никто еще не дѣлилъ». (Приводятся примѣры: описаніе бури въ б. *Пушки и Паруса*, отрывокъ изъ *Левъ, Серна и Лисица*; начало б. *Крестьянинъ* и *Смерть* и начало *Свиньи подъ Дубомъ*.) «Эта разность описаній даетъ ясное понятіе о разности колорита въ языкѣ и слогѣ.»

«И такъ Крыловъ великъ, какъ переводчикъ; ибо онъ свои переводы поставилъ выше прекрасныхъ подлинниковъ славнаго Ла Фонтена; великъ, какъ подражатель: его подражанія далеко превосходятъ образцы; но выше всего онъ является тогда, когда самостоятельно почерпаетъ мысли изъ природы, изъ дѣйствительнаго міра: тогда онъ глубокомысленный философъ, вѣрный другъ природы, предъ которымъ она открываетъ свои тайны; тогда онъ поэтъ въ мысляхъ, въ картинахъ, въ формахъ языка и въ сочетаніи звуковъ. — Онъ разгадалъ нравственный міръ и опредѣлилъ всѣ его изгибы, всѣ пути и уклоненія»...

Современникъ, 1845, т. XXXVII, стр. 33. Иванъ Андр. Крыловъ, статья Плетнева, вышедшая потомъ въ написанную имъ біографію баснописца.

Современникъ, 1845, т. XXXVII, стр. 308. «Избранныя басни Крылова», на французскомъ языкѣ. Съ четырмя гравированными картинками. Изд. П. Эйнерлинга. Краткое заявленіе объ изданіи, въ которомъ помѣщено 89 басенъ, переведенныхъ по предложенію гр. Г. Орлова французскими писателями.

Библіотека для чтенія, 1845, т. 69, отд. критики, стр. 1. «Крыловъ,» статья Бантышъ-Каменскаго. Въ этой статьѣ изложена біографія поэта въ связи съ его литературною дѣятельностію; бѣгло указано отношеніе Крылова, какъ баснописца, къ его предшественникамъ; за тѣмъ описывается 50-ти лѣтній юбилей и церемонія погребенія поэта. Разсказавъ нѣсколько извѣстныхъ анекдотовъ, характеризующихъ Крылова, какъ человѣка, авторъ заключаетъ статью сравненіемъ, впрочемъ совершенно внѣшнимъ, его съ Ла Фонтеномъ.

Отечественныя записки, 1845, т. XXXVIII, отд. II, стр. 62. — Бѣглый очеркъ литературной дѣятельности Крылова, оканчивающійся объявленіемъ о подпискѣ на памятникъ ему.

Сѣверная пчела, 1845, № 71. «Два отрывка изъ неизданнаго сочиненія: Русская Библіотека,» С. П(олторацк)ій. — Говорится о времени и мѣстѣ появленія первыхъ трехъ басенъ Крылова.

Сѣверная пчела, 1845, № 203. «Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ», ст. Быстрова.—«Съ Ив. Андр. находился я въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, сначала по службѣ (1829—1841 г.), а потомъ по *привычкѣ* (1841 — 1844 г.); слѣдовательно, не прибѣгая къ системѣ правдоподобныхъ вымысловъ, могу говорить о бывшемъ моемъ сослуживцѣ и благодѣтелѣ только то, что мнѣ лично о немъ извѣстно. — Памятныя записки мои, изъ коихъ позволяю себѣ извлечь самую малую часть въ пополненіе извѣстныхъ біографій Крылова, заключаютъ въ себѣ непрерывную нить отношеній моихъ къ Ивану Андреевичу, съ 1829 года по день кончины незабвеннаго. Посему было бы съ моей стороны даже непростительно, если бы я не посвятилъ священной памяти сослуживца нѣсколькихъ строкъ. Я увѣренъ также, что никто не сочтетъ

за дерзость, если (въ послѣдствіи) составлю я сводъ, повѣрку и соглашеніе крупныхъ и мелкихъ противорѣчій, которыя, безъ сомнѣнія безъ умысла авторовъ, вкрались въ ихъ біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Андреевичѣ *.

(Перечисляются извѣстные біографическіе очерки и воспоминанія о баснописцѣ).

Извѣстно, что Иванъ Андреевичъ испытывалъ свои талантъ въ разныхъ родахъ словесности: онъ писалъ сатиры, трагедіи, комедіи, драмы, оперы, любовные стишки, подражанія псалмамъ и басни. Иванъ Андреевичъ принималъ также самое дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1789 году издавалъ онъ еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ: *Почта Духовъ*. Товарищемъ ему былъ Рахмановъ, котораго Иванъ Андреевичъ любилъ за остроту его ума, за откровенный и веселый нравъ. «Помнится, мой милый, что разъ поссорились мы съ Рахмановымъ за то, какое названіе дать журналу.... Нельскій, кажется, помирилъ насъ.... Ну, Рахмановъ хорошо былъ ученъ: зналъ языки, исторію, философію.... Онъ давалъ намъ матеріалы.... Послѣ еще ближе сошелся я съ Клушинымъ.... Онъ былъ умный, услужливый человѣкъ.... Мы съ нимъ много писали въ тогдашнихъ журналахъ...» Это подлинныя слова Ивана Андреевича.

Другіе журналы, въ которыхъ Иванъ Андреевичъ печаталъ свои статьи, были: *Зритель* (1792) и *Санктпетербургскій Меркурій* (1793). Въ *Зритель* помѣщены: а) Почи; б) Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ; в) Утро, ода; г) Разсужденіе о дружествѣ; д) Мысли философа по модѣ; е) Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ; ж) Каибъ. Въ *Меркуріи:* а) Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ; б) Примѣчанія на комедію: *Смѣхъ и горе*, соч. А. Клушина; в) Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей: г) Утѣшеніе Анютѣ, стихи; д) Мое оправданіе къ Анютѣ, стихи; е) Замѣчанія на комедію въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, соч. А. Клушина, подъ названіемъ: «*Алхимистъ*»; ж) Стихи къ другу моему, А. И. К. з) Стихи къ счастію, и мой отъѣздъ, пѣсня.

Теперь эти журналы, въ коихъ Крыловъ съ такимъ усердіемъ и искусствомъ нѣкогда подвизался, стали довольно рѣдки. А кто бы изъ насъ не пожелалъ прочесть хоть что нибудь изъ *сочиненій* Ивана Андреевича, писанныхъ имъ *прозою?*

(Слѣдуютъ выписки: изъ рѣчи Ермалафиду и изъ примѣчаній на комедію Клушина: *Смѣхъ и Горе*).

Кто не согласится, что замѣчанія Ивана Андреевича, высказанныя имъ въ 1793 году, не могли бы имѣть равнаго приложенія и къ настоящему времени?...

* Такого свода Быстровъ не успѣлъ составить.

Въ стихахъ «Къ счастію», Иванъ Андреевичъ такъ пеняетъ на фортуну:

«Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подъ часъ не кстати слишкомъ злая,
Подъ часъ роскошна не впопадъ,
Скажи, фортуна дорогая,
За что у насъ съ тобой не ладъ?»

Въ 1831 году, по совѣту Ивана Андреевича, сталъ я заниматься составленіемъ *Алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ*, начавъ эту работу со старинныхъ, нынѣ довольно рѣдкихъ журналовъ. — Однажды я принесъ къ Ивану Андреевичу *Зрителя* и *Меркурія*, въ коихъ находились вышепоименованныя статьи его. И. А. хорошо помнилъ свое прошедшее время, но захотѣлъ снова прочесть прежнія свои сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Между тѣмъ, я обратилъ вниманіе его на стихи «Къ счастію». — «Иванъ Андреевичъ, за что это вы пеняете на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?» — «Ахъ, мой милый; со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить; но тогда .... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя .... Журналу не повезло; полиція, и еще одно обстоятельство .... да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ» .... Это подлинныя слова Ивана Андреевича.

Вообще, проза И. А. лучше его стиховъ, писанныхъ имъ въ 1792 и 1793 годахъ. Любовные стишки его больно плохи, какъ справедливо замѣтилъ О. В. Булгаринъ (Сѣв. пчела, 1845 г. № 8); но въ 1795 году Иванъ Андреевичъ является уже высокимъ лирическимъ поэтомъ. Въ русскомъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки, въ книгѣ разрозненныхъ газетъ и журналовъ, нашелъ я тетрадь стиховъ, писанныхъ собственною Ивана Андреевича рукою. (Это было въ апрѣлѣ 1832 года). «Въ этой тетради есть прекрасная ваша *Молитва къ Богу*», сказалъ я Ивану Андреевичу. — «Покажите, мой милый». — И. А. взялъ рукопись, и сталъ читать про себя. Какой огонь, какой благоговѣйный восторгъ одушевляли въ то время поэта! И не одна слеза скатилась на грудь его!

Говорятъ, что Иванъ Андреевичъ изучилъ греческій языкъ въ совершенствѣ и въ самое короткое время. Такъ, но къ этому надобно прибавить, что Иванъ Андреевичъ началъ учиться по гречески безъ грамматики, по *Новому Завѣту*, и скоро такъ успѣлъ, что въ состояніи былъ переводить классиковъ. Въ Геродота Иванъ Андреевичъ, такъ сказать, влюбился, и предполагалъ также перевести его. — Когда А. Н. Оленинъ изъявилъ свое намѣреніе издать въ свѣтъ, въ буквальномъ русскомъ переводѣ, Одиссею, съ рисунками греческихъ древностей, то Иванъ Андреевичъ не прочь былъ отъ любимой мысли своего начальника друга

и перевелъ изъ этой поэмы, экзаметромъ, двадцать семь стиховъ первой пѣсни, вотъ какъ:

«Мужа повѣдай мнѣ, Муза, *хитраго* *), странствія многи,
Имъ понесенны **), когда былъ священный Пергамъ ниспровергнутъ,
Много онъ видѣлъ градовъ и обычаевъ разныхъ народовъ;
Много, носясь по морямъ, претерпѣлъ сокрушеній сердечныхъ,
Пекшися всею душей о своемъ и друзей возвращеньѣ;
Но не спасъ онъ друзей и сподвижниковъ, сколько ни пекся,
Сами они отъ себя и своимъ безразсудствомъ погибли.
Буйные! — тучныхъ воловъ они *высокаго солнца* ***)
Пожрали; онъ на вѣкъ обрекъ ихъ не видѣть отчизны.
Ты, богиня, и Діева дщерь, намъ все то повѣдай.
Всѣ ужъ иные, кого не постигла горькая гибель,
Въ домы свои возвратились, войны избѣжавши и моря.
Онъ лишь одинъ, по отчизнѣ тоскуя и вѣрной супругѣ,
Властью удержанъ былъ сильной, божественной нимфы Калипсы.
Въ углыхъ † *прекрасныхъ* †† пещерахъ — она съ нимъ узъ брачныхъ желала.
Годъ же когда совершился и новое лѣто настало,
Боги тогда присудили въ отчизну ему возвратиться
Въ область Итаку — и тутъ не избѣгли трудовъ и злосчастій
Онъ и дружина его; боги всѣ къ нему умилились.
Только Посейдонъ одинъ гнѣвенъ жестоко былъ къ Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступилъ онъ на землю.
Но тогда былъ Посейдонъ далеко въ странѣ Ѳіоповъ.
Два Ѳіопскихъ народа земли на концахъ обитаютъ:
Тамо, гдѣ солнце восходитъ, и тамъ, гдѣ солнце нисходитъ,
Жертвами тучныхъ воловъ и богатой стотельчною жертвой
Онъ отъ нихъ услаждался — боги же купно другіе
Были тогда на Олимпѣ, въ чертогахъ могущаго Дія ††† ».

По словамъ Ивана Андреевича, *экзаметръ ему не дался*. «Я не могу сладить съ этимъ Голіаѳомъ, говаривалъ иногда Иванъ Андреевичъ.

Сѣверная пчела, 1845, № 208. Въ статьѣ И. Быстрова: *Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ*, помѣщенной въ № 203-мъ Сѣв. Пчелы, мы обѣщали сообщить стихотвореніе *Молитва къ Богу*, отысканное г. Быстровымъ, въ 1832 г. (въ рукописи), въ книгѣ разрозненныхъ газетъ и журналовъ, въ русскомъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки ***). (Это стихотвореніе повторено въ «Полномъ соб. соч. Крылова»).

---

* Сверху написано рукою И. А.: *мудраго*.

** *Кои претекъ онъ* зачеркнуто, и сверху написано. *имъ понесенны*.

*** Прежде написано было: *свѣтозарнаго Ѳеба*.

† Сначала написано было: *темныхъ*, но оно зачеркнуто

†† *Прохладныхъ* зачеркнуто, и рукою А. Н. Оленина написано сверху: *прекрасныхъ*.

††† Драгоцѣнная рукопись И. А. принадлежитъ имп. публ. библіотеки библіотекарю ст. сов. П. Попову.

*** Въ «Аонидахъ» Карамзина, 1796 г., кн. 1, стр. 36. напечатана также Ода Ивана Андреевича, подъ названіемъ: *Вольное подражаніе Псалму*: «Смягчи, о Боже, гнѣвъ Твой ярый», и проч.

Г. Быстровъ пишетъ относительно этихъ стиховъ: «Присемъ замѣчу, что 1) подлинная рукопись Ивана Андреевича, съ разрѣшенія А. Н. Оленина, отдана была г. С., который выпросилъ ее у И. А. на самый короткій срокъ. Была ли возвращена она А. Н. Оленину, или самому автору, мнѣ не извѣстно. По крайней мѣрѣ, ея нѣтъ въ императорской публичной библіотекѣ. 2) На спискѣ, сдѣланномъ мною въ 1833 году, съ автографа Ивана Андреевича, отмѣчены собственною рукою послѣдняго слѣдующія въ стихахъ поправки:

Строфа 3-я, стихъ 10-й:
«Сгустилъ онъ тучи подъ собой».
Строфа 4-я, стихъ 10-й:
«Смутясь, изъ бездны рвутся вонъ.
Строфа 5-я, стихъ 8-й:
«Столь тѣсны вражьихъ силъ предѣлы».
Строфа 6-я, стихъ 5-й:
«Бѣги мужей коварныхъ льстивыхъ».

Сѣверная пчела, 1846, № 63, «Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ». Ивану Андреевичу обязанъ я первыми уроками и нѣкоторыми свѣдѣніями моими въ библіографіи. Совѣты и наставленія его заохотили меня къ изученію сей науки. Въ маѣ 1829 года, И. А. писалъ мнѣ: «Пришлите мнѣ мои карточки. Что у васъ сдѣлано? Не скучаете ль новою должностью?—Старайтесь, старайтесь, мой милый! Сопиковъ много трудился, ему и честь. Но не безъ грѣха и онъ, и при ссылкахъ на него будьте осторожны. Въ чемъ усомнитесь, спросите Анастасѣвича. Онъ живетъ», и проч.

Таковы были заботы И. А. объ успѣхахъ моихъ въ библіографіи, и это заставляетъ меня, въ память великаго моего учителя, хотя въ краткомъ очеркѣ представить здѣсь хронологическое обозрѣніе басенъ его.

Первое собраніе басенъ Ивана Андреевича, числомъ двадцать три, напечатано было въ началѣ 1809 года, въ типографіи С.-Петербургскаго губернскаго правленія, въ малую осьмую долю листа, и тогда же появились два замѣчательные разбора ихъ: одинъ въ «Вѣстникѣ Европы» *, написанный В. А. Жуковскимъ, другой въ журналѣ «Цвѣтникъ» **. Здѣсь надобно замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ академикъ Георгій, въ извѣстномъ своемъ «Описаніи Петербурга» ***, на страницѣ 558-й провозгласилъ міру о существованіи какого-то Ивана Крылова, какъ *сочинитель разныхъ сатирическихъ писаній и нѣкоторыхъ комедій, трудящагося также въ Россійскомъ Меркуріи*», В. А. Жуковскій, въ превосходной кри-

---

* Часть 3, 1809 г. Съ 35-й до 50-й стр. В. А. Жуковскій разсуждаетъ о баснѣ вообще, а съ 59-й до 67-й стр. разбираетъ *Басни господина Крылова.*

** Часть 1, стр. 378—391. Рецензентъ не называлъ себя, но онъ, какъ мнѣ извѣстно, А. Е. Измайловъ.

*** Изд. Безакомъ, въ С.-Петербургѣ 1794 г. (8).

тической статьѣ своей, первый съ удивительнымъ искусствомъ разобралъ и оцѣнилъ высокое достоинство литературныхъ произведеній неподражаемаго нашего баснописца. (Слѣдуетъ перечисленіе изданій басенъ.)

Весьма хороша, по изобрѣтенію, заглавная картинка, относящаяся къ баснѣ *Василекъ*: Иванъ Андреевичъ сидитъ на камнѣ въ Павловскомъ саду, возлѣ бюста Августѣйшей его Покровительницы, *Императрицы Маріи Ѳеодоровны*, и подслушиваетъ разговоръ Василька съ Жукомъ. Извѣстно, что басня эта написана авторомъ по случаю благодѣяній, оказанныхъ автору сею *Императрицею*. Иванъ Андреевичъ питалъ въ душѣ своей безпредѣльное благоговѣніе къ *Государынѣ*, и однажды, со слезами на глазахъ разсказывая мнѣ о милостяхъ къ нему Царицы, примолвилъ: «Да, мой милый, это одно обязываетъ меня написать исторію моей жизни». Однакожъ, какъ послѣ увидимъ, Иванъ Андреевичъ не сдержалъ своего слова. Онъ былъ безпеченъ, и не скрывалъ отъ меня этой слабости. Разъ (это было въ началѣ 1837 г.), когда я пришолъ къ Ивану Андреевичу дать отчетъ о трудахъ моихъ по службѣ, онъ спросилъ: «А каково идетъ вашъ Указатель къ журналамъ»? Я отвѣчалъ, что отмѣтилъ на карточкахъ до 117 тысячъ статей, и что это, по моему мнѣнію, третья доля изъ того количества историческихъ матеріаловъ, которые возможно будетъ извлечь изъ періодическихъ изданій. — Иванъ Андреевичъ, подумавъ немного, сказалъ: «А я, мой милый, лѣнивъ ужасно... Началъ было нѣчто похожее на вашъ трудъ, и бросилъ.... скучно показалось... Да что, мой милый, говорить!... И французы знаютъ, что я лѣнтяй» *. Кончивъ послѣднюю фразу, Иванъ Андреевичъ вынулъ изъ корзины листъ бумаги и, отдавая его мнѣ, сказалъ: «Прочтите-ка, мой милый!». Это была копія съ предложенія А. Н. Оленина императорской публичной библіотекѣ, отъ 10 января 1812 года, слѣдующаго содержа-

* Этими словами И. А. намекалъ на предисловіе Лемонтея къ баснямъ его, изданнымъ графомъ Г. В. Орловымъ въ Парижѣ, подъ названіемъ: Fables Russes, tirées du recueil de Mr. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de Mr. Lemontey et d'une préface italienne de Mr. Salfi, publiées par Mr. le Comte Orloff, ornées du portrait de Mr. Kriloff et de cinq gravures. Deux vol. imprim. par F. Didot. 1825 (8) т. е. русскія басни, заимствованныя изъ сочиненій г. Крылова съ французскими и италіанскими подражаніями разныхъ авторовъ, съ французскимъ введеніемъ г. Лемонтея и италіанскимъ Сальфи, изданныя гр. Орловымъ, съ портретомъ автора и пятью картинками, два тома. печ. у Ф. Дидота). — Въ переводѣ басенъ Крылова участвовали всѣ тогдашнія знаменитости французской и италіанской литературъ. Изъ французовъ, напримѣръ: графъ Буасси д'Англа, два графа Сегюра, графъ Дарю, Казиміръ Делавинь, Арно, Герцогъ де Бассано, Андріе, Жуи, Суме и другіе; дамы: Констанція Сальмъ, Софія Ге, г-жа Тастю и другія. Рисунки къ изданію дѣлали: Изабе, Бертонъ и другіе отличные художники. — Лемонтей, въ предисловіи къ сему изданію, между прочимъ сравниваетъ Ивана Андреевича съ *басеннымъ деревомъ* (у Лемонтея игра словъ), котораго вѣтви надобно сильно потрясать, если желаешь стряхнуть съ нихъ плоды.

нія: «Помощнику библіотекаря титулярному совѣтнику Крылову, по извѣстнымъ его успѣхамъ въ россійской словесности и по свойственному ему пріятному слогу, поручено было заняться составленіемъ критическихъ замѣчаній, которыя должны были входить въ составъ разборныхъ каталоговъ (catalogues raisonnés). Въ сихъ замѣчаніяхъ (по части только исторической и словесныхъ искусствъ, т. е. витійства и поэзіи), г. Крыловъ долженъ былъ въ виду имѣть слѣдующіе предметы: 1) Краткій критическій разборъ содержанія книгъ; 2) Критическій таковой разборъ слога; 3) Опредѣленіе книгъ въ число рѣдкихъ, полезныхъ или изящныхъ твореній». — «Каковъ же я молодецъ!. . Да и Алексѣй Николаевичъ не принуждалъ меня.... Другое дѣло, если бъ потребовалъ.... А то... ну, вы постараетесь за меня, мой милый....»

Сѣверная пчела, 1846, № 64. «Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ» ст. Быстрова. Иванъ Андреевичъ любилъ читать романы въ старинныхъ переводахъ, и чѣмъ романъ былъ глупѣе, тѣмъ онъ болѣе нравился нашему поэту. Въ мартѣ 1829, при первомъ свиданіи и разговорѣ моемъ съ Иваномъ Андреевичемъ, я увидѣлъ на столѣ его книгу; это, какъ на другой день узналъ я, была повѣсть подъ названіемъ: *Похожденіе задомъ напередъ.* Дорожа и мелкими чертами великаго человѣка, я сохранилъ собственноручную ко мнѣ записку Ивана Андреевича, въ которой онъ говоритъ: посылаю 27 книгъ счетомъ. У меня осталось 5 книгъ, да покорно прошу прислать ко мнѣ *Сказки духовъ,* чѣмъ очень одолжите. Всѣ сочиненія полны.*

Изъ періодическихъ изданій Иванъ Андреевичъ читалъ весьма усердно: Сѣверную пчелу, Библіотеку для чтенія и Сына Отечества, и все прочитанное въ этихъ журналахъ, отъ первой строки до послѣдней, онъ очень хорошо и долго помнилъ. Статьи, относящіяся къ домоводству, технологіи и хозяйству вообще, Иванъ Андреевичъ нарочно отмѣчалъ для Алексѣя Николаевича Оленина. Въ удостовѣреніе сего, можетъ быть, не всѣмъ извѣстнаго факта, ссылаюсь на подлинную ко мнѣ записку Алексѣя Николаевича, отъ 19-го іюля 1838 года. Вотъ она: «Иванъ Андреевичъ Крыловъ сказывалъ мнѣ, что въ послѣднихъ нумерахъ (за мѣсяцъ, должно быть, назадъ) Сѣверной пчелы или Сына Отечества напечатано извѣщеніе отъ какого-то сельскаго хозяина въ Германіи, который объявляетъ, что онъ нашелъ средство добывать лучшій сахаръ изъ свекловицы, безъ машинъ и безъ дальныхъ заведеній, такъ что каждый можетъ варить сахаръ у себя дома, и предлагаетъ принимать учениковъ для изученія сего новаго производства. Прошу Ивана Павловича Быстрова отыскать мнѣ эту статью.»

* Иванъ Андреевичъ не любилъ медицины, и всегда, какъ только начиналъ чувствовать себя подъ вліяніемъ хандры, обращался къ чтенію нелѣпыхъ романовъ. Это было единственное средство къ возстановленію его здоровья.

(Далѣе слѣдуетъ разсказъ, приведенный въ примѣчаніи къ б. «Волкъ на Псарнѣ.»)

«Душевно благодаримъ г. Струйскаго (автора повѣсти «*Преобразованіе*») за прекрасный историческій анекдотъ, но мы обязаны поправить автора тамъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ истины: 1) По словамъ Г. Струйскаго, И. А. Крыловъ проникъ думу Кутузова. Это вовсе несправедливо. Нашъ маститый поэтъ, довольный безсмертными лаврами, которые заслужилъ онъ на скромномъ поприщѣ литературы, торжественно отрекается отъ сюрприза, предлагаемаго ему г. Струйскимъ, и откровенно сознается, что онъ тогда уже разгадалъ высокую думу князя Смоленскаго, когда ангелъ-истребитель, въ лицѣ русскаго Фабія, губилъ полки враговъ, стремглавъ бѣжавшихъ изъ Россіи; 2) И. А. Крыловъ, *собственною рукою переписавъ басню: «Волкъ на псарнѣ», отдалъ ее княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при письмѣ своемъ отправила ее къ Свѣтлѣйшему своему супругу.* Однажды, послѣ сраженій подъ Краснымъ, объѣхавъ съ трофеями всю армію, полководецъ нашъ сѣлъ, на открытомъ воздухѣ, посреди приближенныхъ къ нему генераловъ и многихъ офицеровъ, вынулъ изъ кармана рукописную басню И. А. Крылова, и прочелъ ее вслухъ. При словахъ: «ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ», произнесенныхъ имъ съ особенною выразительностію, онъ снялъ фуражку и указалъ на свои сѣдины. Всѣ присутствовавшіе восхищены были этимъ зрѣлищемъ, и радостныя восклицанія раздались повсюду. — Извѣстно, что армія вошла въ Тарутинскій лагерь 20-го сентября, а Красненское дѣло происходило 2 — 5 ноября. Большая разница! Въ это время сѣрый волкъ бѣжалъ уже отъ побѣдоносной гончихъ стаи, и проч. — Когда я прочелъ Ивану Андреевичу эту статью, то онъ сказалъ: «Не мудрено, мой милый, отгадать, когда дѣло сдѣлано.... Я не люблю этого... Нынче пишутъ, напримѣръ, *всемогущій* геній... и тому подобное ...» Тутъ Иванъ Андреевичъ весьма пріятно улыбнулся и примолвилъ: «Всѣ мудрецами стали... Пожалуй, скоро недостанетъ превосходныхъ степеней въ русскомъ языкѣ... Всѣ выберемъ для себя; что жъ оставимъ Тому?...» При послѣднемъ словѣ Иванъ Андреевичъ устремилъ къ Небу взоръ, въ которомъ выражалось чувство живѣйшаго благоговѣнія его къ Божеству»....

Сѣверная пчела, 1846, № 292. «Матеріалы для біографіи И. А Крылова». — «Знаменитый нашъ баснописецъ Крыловъ принадлежитъ особенно нашей Твери: здѣсь онъ воспитался и провелъ первые годы своей юности; здѣсь онъ началъ свое гражданское служеніе. Я засталъ еще въ Твери одного старика, его бывшаго школьнаго товарища. Онъ передалъ мнѣ объ юношѣ Крыловѣ, что могъ замѣтить особенно замѣчательнаго въ его характерѣ. «Иванъ Андреевичъ,» разсказывалъ онъ между прочимъ, «посѣщалъ съ особеннымъ удовольствіемъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, гдѣ толкался между пестрою толпою, прислушиваясь съ жадностью къ рѣчамъ простолюдиновъ. Нерѣдко сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги, про-

тивъ платомоекъ, и, когда возвращался къ своимъ товарищамъ, передавалъ имъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ изъ устъ словоохотныхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концевъ города, изъ дома богатаго и бѣднаго. Можетъ быть, эти забавныя росказни были богатыми темами для многихъ изъ его басенъ.

По случаю разборки архива тверскаго губернскаго правленія, я открылъ въ немъ любопытные акты о первоначальной службѣ Ивана Андреевича: и, какъ все, что до него касается, особенно насъ интересуетъ, то и передаю ихъ, въ первобытной ихъ простотѣ, съ соблюденіемъ и правописанія подлинника.

Втверское наместническое правленіе Тверскаго Губерискаго Магистрата изъ 2-го Департамента

Репортъ.

Сего Апрѣля 7-го числа здешнему департаменту репортомъ приставъ Никифоръ Ивановъ представилъ что посыланъ онъ былъ отъ департамента вквартиру къ подканцеляристу Ивану Крылову который числился больнымъ для проведыванія естли ему отъ болезни облегченіе но и вквартирѣ его неполучилъ отбабки его Крылова Матрены Ивановой ему приставу объявлено что онъ подканцеляристъ Крыловъ отлучился отсюда всанктпетербургъ вныпешнемъ году зимнимъ временемъ а котораго мѣсяца и числа о томъ она не упомнитъ. Того ради Тверскаго Губернскаго Магистрата во второмъ департаменте определено оботлучкѣ означеннаго подканцеляриста Крылова наместническому правленію отрепортовать о чемъ симъ и репортуетъ Апрѣля 11-го дня 1783 году.»

«Указъ *Ея Императорскаго Величества* Самодержицы Всероссійской изъ тверскаго наместническаго правленія тверскаго губернскаго магистрата 2-му департаменту присудствию наместническаго правленія докладывано что прошлаго 782 года іюля съ 29-го числа по представленію онаго губернскаго магистрата 2-го департамента и по прошенію находящагося въономъ департаментѣ подканцеляриста ивана крылова отпущенъ онъ зданнымъ отнаместническаго правленія пашпортомъ для его нуждъ всанктъ петербургъ на двадцать на девять дней но стого-времени не токмо на указаной срокъ но и понынѣ чему минуло болѣе года вдолжности не явился того ради наместническое правленіе приказали всанктпетербургское губернское правленіе сообщить и требовать дабы благоволило кому надлежитъ приказать означеннаго подканцеляриста крылова *яко проживающаго самовольно засрокомъ сыскавъ прислать за присмотромъ вздешнее наместническое правленіе* когдажъ по сыску єво тамъ неокажется то осемъ уведомить о чемъ губернскаго магистрата 2-му департаменту за известіе дать знать симъ указомъ Іюля 24-го дня 1783 года на подлинномъ подписано тако Михаило Олсуфьевъ секретарь еоремъ вешняковъ справилъ канцеляристъ Ѳедоръ тихановъ.»

«Указъ *Ея Императорскаго Величества* Самодержицы Всероссійской изъ тверскаго наместническаго правленія губернскаго магистрата 2-му департаменту предложеніемъ наместническому правленію его сиятельство господинъ генералъ Аншефъ сенаторъ *Ея Императорскаго Величества* генералъ адъютантъ лейбъ гвардіи семеновскаго полку подполковникъ тверской и новгородской генералъ губернаторъ водяныхъ каммуникацій главный директоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ яковъ александровичь брюсъ прописывая что явясь къ его сіятельству уволенный симъ правленіемъ для надобностей всанктпетербургъ губернскаго магистрата подканцеляристъ иванъ крыловъ подалъ доношеніе о увольненіи его за слабостію здоровья отдолжности на основаніи о вольности дворянства указа поелику онъ изштабъ офицерскихъ дѣтей предлагать изволилъ буде никакихъ унего Крылова на рукахъ дѣлъ нетъ аравномерно и ничемъ по здешнему наместничеству обязаннымъ несостоитъ втакомъ случаѣ его отъ должности уволить и дать пашпортъ относительно награжденія его забеспорочную службу чиномъ то его сіятельство представляетъ на разсмотрѣніе наместническому правленію а по справкѣ по послужному списку значитъ что реченной проситель крыловъ точно изштабъ-офицерскихъ дѣтей отроду имеетъ 15 летъ, по прошенію по наместническимъ правленіемъ 778 іюня 15-го определенъ вгубернской магистратъ подканцеляристомъ 782 года июля 27-го дня отпущенъ для его надобности всанктпетербургъ впредь на двадцать на девять дней по протеченіи которыхъ и по ныне кдолжности не явился по чему о сыску и о присылке ево сюда писано исъ здешняго наместническаго правленія всанктпетербургское губернское правленіе справкою ныне отъ онаго департамента показано что у онаго крылова на рукахъ ни какихъ делъ неимелось и потому ко увольненію ево препятствия по департаменту не состоитъ того ради наместническое правленіе приказали поелику какъ изъ оной справки видно что у показаннаго подканцеляриста крылова на рукахъ делъ нетъ и чтобъ по здешнему намѣстничеству былъ чемъ обязанъ не значитъ и для того ево по прошенію отдолжности уволить снагражденіемъ забезпорочную ево службу чиномъ канцеляриста о чемъ иснабдя ево пашпортомъ которой для отдачи ему по обретательству ево всанктпетербургѣ препроводить въ тамошнее губернское правленіе при сообщеніи стемъ дабы напередъ онъ на тотъ чинъ приведенъ кприсяге о чемъ за известіе губернскаго магистрата 2 департаменту дать знать симъ указомъ августа 23 дня 1783 года.»

Сѣверная пчела, 1847, № 22. «Матеріалы для біографіи И. А. Крылова», (изъ Тверск. губ. вѣдом.). «Помѣщаемъ здѣсь два анекдота о Крыловѣ: они близко выражаютъ его добродушіе и простоту нрава; разсказывалъ ихъ пріятель его, извѣстный художникъ, живущій нынѣ въ своемъ тверскомъ помѣстьѣ. Вотъ подлинныя слова почтеннаго разсказщика:

*

Я зашелъ однажды къ Ивану Андреевичу, и обошелъ всѣ комнаты; въ нихъ не было ни одной живой души; плачъ ребенка привелъ меня въ кухню. Я полагалъ найти въ ней кого либо изъ немногочисленныхъ слугъ его: напротивъ, я нашелъ самого хозяина. Онъ сидѣлъ на простой скамейкѣ; въ колыбели передъ нимъ лежалъ ребенокъ, неугомонно кричавшій. И. А. съ отеческою заботливостью качалъ его и прибаюкивалъ. На спросъ мой, давно ли занимается этимъ ремесломъ, онъ преспокойно отвѣчалъ: «Что жъ дѣлать? Негодяи, отецъ и мать, бросили на мои руки бѣднаго ребенка, а сами ушли, Богъ знаетъ куда». И. А. продолжалъ усердно исполнять обязанность няньки до тѣхъ поръ, пока не возвратилась мать.

Замѣтивъ на стѣнѣ его комнаты грязное пятно, позади тѣхъ креселъ, на которыхъ онъ постоянно сиживалъ, образовавшееся отъ частаго прикосновенія головы къ одному мѣсту, я посовѣтовалъ И. А. выкрасить комнату. Замѣчаніе мое, повидимому, удивило его, какъ бы важное открытіе. — «Эхъ, братецъ, сказалъ онъ, немного подумавши, вѣдь чрезъ нѣсколько дней появится новое пятно; неужто для этого всякій разъ красить комнату»? Призвавъ потомъ служанку, сталъ ей выговаривать, почему она не позаботится смыть пятно; когда же она возразила, что пятно будетъ еще хуже и больше, если его вымыть, потому что краска кругомъ сойдетъ, И. А. отвѣчалъ пресеріозно: «Да, правда твоя! Ну, пока мы сдѣлаемъ лучше: прикрой пятно чистою тряпичкою, прикрѣпивъ ее къ стѣнѣ, и каждый разъ, какъ тряпичка замарается, можешь ее вымыть». Выдумкою этою онъ остался такъ доволенъ, что лице его, прежде озабоченное, тотчасъ просіяло особеннымъ удовольствіемъ».

Сынъ Отечества, за январь 1847, «Жизнь и Сочиненія И. А. Крылова». М. Лобанова. (Напечатана такъ же отдѣльно).

Современникъ, 1847, т. I, русск. литер., стр. 124. Рецензія на вышедшее въ этомъ году: «Полное собраніе сочиненій И. Крылова, съ біографіею, писанною Плетневымъ,» три тома, 1847, и «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова», сочин. академика М. Лобанова. Вся рецензія состоитъ изъ извлеченій изъ этихъ изданій.

Отечественныя записки, 1847, т. LI, отд. рус. лит., стр. 1. — Рецензія на статью М. Лобанова: «Жизнь и Сочин. И. А. Крылова», состоящая изъ выписокъ изъ этой статьи.

Отечественныя записки, 1847, т. L, отд. рус. лит., стр. 88. — Замѣтка о выходѣ «Полн. собр. соч. Крылова», въ 3-хъ томахъ, съ біографіею, написанною Плетневымъ.

Финскій вѣстникъ, 1847, томъ XIV, отд. библіографич. хроники. Рецензія по поводу изданія «Сочин. Ив. Крылова», три тома, 1847 года.

Отечественныя записки, 1847, т. LV, библіограф. хрон., стр. 4. — Замѣтка о выходѣ въ свѣтъ басенъ Крылова отдѣльнымъ изданіемъ.

Москвитянинъ, 1849, № 13. Эпиграмма Крылова, напечатанная имъ въ журналѣ: «Лекарство отъ скуки и заботъ», 1786 г., Туманскаго, ч. I, стр. 268.

Москвитянинъ, 1851, № 21. «Бесѣда люб. русскаго слова и Арзамасъ», ст. Струдзы, стр. 10 и 11. — Говорится объ участіи его въ Бесѣдѣ, затѣмъ разсказано объ отношеніяхъ его къ Гнѣдичу и о томъ, какъ Крыловъ научился греческому языку.

Москвитянинъ, 1851, т. XII, стр. 424. Упомянуто объ отношеніяхъ Крылова къ Оленину и Елисаветѣ Марковнѣ, статья А. В.

Современникъ, 1852, т. XXXV, отд. соврем. замѣтки, стр. 270. Статья въ Revue des deux Mondes о Крыловѣ.—По поводу этой статьи, авторъ которой Сенъ-Жульенъ, замѣчено, что въ ней безошибочно только то, что Крыловъ названъ народнымъ русскимъ писателемъ.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1852 г., № LXXV, отд. VI, стр. 204 Bajki I. Kryłowa, w IX księgach z rossyjskiego. Wilno, w drukarni M. Zymelowicza, 1851.

Поставляется переводчику въ заслугу какъ самая мысль перевести басни Крылова на польскій языкъ, такъ и исполненіе мысли. Рецензентъ указываетъ на нѣкоторыя частныя неточности; но находитъ, что многія басни: какъ напр. Wilk w Psiarni, Kot i Kucharz, Mucha i Podróżni, Zwierciadło i Małpa, Liszka i Winogrona, Owce i Psy, Dwaj Chłopi, Dwaj Psy, читаются весьма легко и пріятно. Особенно хорошо переведена Бѣлка — Wiewiórka,— и Прихожанинъ. (Статья подписана буквами П. Б).

Пантеонъ, 1852 года, т. V, октябрь, Смѣсь. Сообщается извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ книги Бужо: Kryloff ou le La Fontaine russe, sa vie et ses fables, par Alfred Bougeault: «Въ этой книгѣ Бужо является достойнымъ цѣнителемъ дарованія Крылова, но что всего любопытнѣе—очень удачнымъ переводчикомъ нашего баснописца. Всѣ знаютъ, какъ трудно перевести на иностранный языкъ красоты его басенъ, проникнутыхъ чистымъ русскимъ духомъ».— Далѣе перечисляются французскіе поэты, переводившіе басни Крылова по предложенію гр. Орлова, которыхъ переводы большею частію весьма неудачны. «Не скажемъ, чтобы г. Бужо былъ счастливѣе ихъ всѣхъ, но не можемъ не отдать справедливости его старанію передать Крылова. по возможности подстрочно. Переводъ грѣшитъ скорѣе противъ звучности и гармоніи французскихъ стиховъ, нежели противъ вѣрности съ подлинникомъ. Г. Бужо перевелъ 17 басенъ и помѣстилъ, сверхъ того, еще три въ концѣ книги, переведенныя г. Жеребцовымъ и де Местромъ». Приводятся въ переводѣ б. les Oies и le caftan de Trichka,—которыя по возможности близки къ подлиннику. Краткій очеркъ русской литературы, приложенный къ переводу, не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго, кромѣ мысли, что «русская литература еще молода и не можетъ представить достаточно пищи для образованности и жажды знаній высшихъ классовъ общества.»

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1853, т. LXXVIII, отд. VI, стр. 120. Взглядъ французскихъ критиковъ на басни Крылова. Въ 1852 г. появилось два соч. о Крыловѣ: Сенъ-Жульена, въ XV т. Revue des deux Mondes, который сначала весьма поверхностно, но пространно говоритъ вообще о русской литературѣ, а потомъ переходитъ къ Крылову: «Между нашими старыми баснями найдется нѣсколько маленькихъ поэмъ, которыя выражаютъ сатирическое направленіе въ самой легкой и живой формѣ. Басни Крылова скорѣе похожи на нихъ, чѣмъ на апологи Ла Фонтена. Существенное отличіе Крылова — это мѣстная точность и вполнѣ русская физіономія лицъ, которыхъ онъ выводитъ на сцену». Подъ перомъ Крылова всѣ предметы дѣлаются русскими. Онъ всегда остается оригинальнымъ, даже въ подражаніи, но когда онъ найдетъ предметы и содержаніе въ самомъ себѣ, соединитъ ихъ въ своемъ воображеніи съ жизнью и нравами своего отечества, тогда вся вообще Россія отразится въ его произведеніяхъ: нравы, мысли, предразсудки, характеръ, физіономія, языкъ, одежда, все тамъ найдется; всѣ лица выходятъ на сцену неподражаемо. Другое сочиненіе Бужо (Bougeault), Kryloff ou le La Fontaine Russe, sa vie et ses fables. Paris, 1852, начинается общимъ обозрѣніемъ русской литературы весьма поверхностнымъ и неточнымъ; о Крыловѣ же сказано: «Изъ всѣхъ новѣйшихъ писателей Крыловъ особенно заслуживаетъ изученія по своему таланту и по своей народности. Его назвали русскимъ Ла Фонтеномъ, и такой титулъ, принадлежащій ему по праву, показываетъ всю важность этого писателя» (извлечено изъ Сына Отечества, № 10, и Совр. № 10.)

Москвитянинъ, янв. 1854, «Мелочи изъ запаса моей памяти» М. Дмитріева. (См. б. «Дубъ и Трость» и «Оселъ и Соловей»).

Отечественныя записки, 1856, т. CVI, отд. Библіограф. Хрон., стр. 72. — Извѣстіе о брошюрѣ: «И. А. Крыловъ, для простонародія», при чемъ замѣчено, что она вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію.

Сѣверная пчела, 1857 г., № 119. Пчелка. *Газетныя Замѣтки.* Эрміонъ (Гречъ). По поводу *Библіографич. Записокъ*, которыя М. Н. Лонгиновъ печаталъ въ Современникѣ, Гречъ разсказываетъ:

«Не всѣмъ извѣстенъ слѣдующій анекдотъ, въ достовѣрности котораго мы ручаемся: 9-го апрѣля 1812 года имп. Александръ Павловичъ отъѣзжалъ къ дѣйствующей арміи. На молебствіе въ Казанскомъ соборѣ съѣхались всѣ знавшіе объ отъѣздѣ государя. Площадь передъ соборомъ наполнилась народомъ. И. А. Крыловъ, пробираясь въ толпѣ, столкнулся съ гр. Хвостовымъ. «Ну, что, графъ, спросилъ онъ, не напишите ли вы оды? Вы, конечно, пришли сюда за вдохновеніемъ?» Графу непонравилось это насмѣшливое привѣтствіе. «Почему жъ именно я долженъ писать?» спросилъ онъ: «вы также пишете стихи, и, какъ говорятъ, очень хорошіе». «Мои стихи», отвѣчалъ Крыловъ, «ничтожныя басни, а вы парите высоко, вы лирикъ». Толпа разлучила ихъ.

Должно знать, что государь, назначивъ А. С. Шишкова государственнымъ секретаремъ на мѣсто Сперанскаго, пожаловалъ ему на дорогу придворную карету. Въ тотъ день данъ былъ прощальный обѣдъ Александромъ Семеновичемъ Хвостовымъ. Въ концѣ обѣда, когда начались тосты, подали хозяину пакетъ на его имя. Онъ распечатываетъ его и читаетъ вслухъ слѣдующее:

Стихи А. С. Шишкову.

(На случай всемилостивѣйше пожалованной ему коляски).

Шишковъ! оставя днесь бесѣды свѣтлый домъ,
Ты ѣдешь въ дальній путь въ каретѣ подъ орломъ:
Нашъ добрый царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое беречь, покоить тѣло:
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь:
Неколебимый духъ умѣешь самъ беречь. *Иванъ Крыловъ.*

Восторженные гости захлопали въ ладоши, закричали: прекрасно, безподобно! Хозяинъ сказалъ экспромтомъ:

Не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ,
А диво, что онъ самъ стихи переписалъ.

Отправили стихи въ типографію, напечатали и роздали въ публикѣ. Остолбенѣлъ Крыловъ, получивъ, въ званіи библіотекаря русскаго отд. имп. публ. библіотеки, это свое печатное стихотвореніе! Онъ написалъ возраженіе, въ которомъ отступался отъ литературнаго *подкидыша* *; но не могъ его нигдѣ напечатать. Литературныхъ журналовъ тогда въ Петербургѣ не было, а въ газетахъ сочтено было неприличнымъ печатать статьи такого рода. И знаменитые стихи остались за нимъ. Для курьоза слѣдовало бы помѣстить ихъ въ полномъ собраніи твореній Крылова.

Графъ Хвостовъ торжествовалъ: онъ не объявлялъ гласно о своей хитрости, но вездѣ, гдѣ только могъ, хвалилъ эти стихи, прибавляя изрѣдка: «Ихъ хвалятъ по достоинству: но еслибъ, вмѣсто *Иванъ Крыловъ*, было подписано *гр. Дмитрій Хвостовъ*, бранили бы безъ милосердія».

Сѣверная пчела, 1857, № 137, *Пчелка, Газетныя Замѣтки*. По поводу замѣчанія М. Н. Лонгинова (Соврем. 1857 г., май, стр. 72), «что изъ лучшихъ поэтовъ того времени только Крыловъ и Гнѣдичъ не были Арзамасцами, и хотя находились съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, но состояли членами Шишковской Бесѣды. Оба они избѣгали крайностей»,— Гречъ говоритъ объ отношеніяхъ Крылова къ Гнѣдичу и ихъ обоихъ къ Оленину. Тутъ же разсказано о томъ, какъ Крыловъ изъ дружбы къ Гнѣдичу, чтобы имѣть возможность говорить съ нимъ объ Иліадѣ, научился по-гречески.

---

* Собственное выраженіе Крылова.

Сѣверная пчела, 1857, № 147. *Пчелка*, *Газетныя Замѣтки*, Гречъ. Собраны воспоминанія о Крыловѣ. Здѣсь заключается бѣглый очеркъ его литературнаго развитія, разсказанъ анекдотъ о происхожденіи комедій *Проказники* (въ которой Рифмокрадъ — Княжнинъ, Таратора — его жена, урожденная Сумарокова; Тонкославъ — Карабановъ(?) и Ланцетинъ — докторъ Віенъ, другъ дома Княжнина. Княжна Тройкина выведена, видно, только для того, чтобы можно было сказать: это портретъ Княжнинъ (въ новомъ изданіи замѣнено: *сестринъ*). Съ 1794 года Крыловъ предался карточной игрѣ и разъѣзжалъ по ярмаркамъ метать банкъ. Онъ нажилъ значительный капиталъ, но потомъ все спустилъ до копѣйки. — Далѣе говорится объ отношеніяхъ его къ князю Голицыну, о возвращеніи въ Москву и о первыхъ басняхъ, напечатанныхъ при участіи И. И. Дмитріева. Въ 1806 г. онъ написалъ двѣ комедіи (*Урокъ Дочкамъ* и *Модная Лавка*) по внушенію Оленина, потомъ *Илью богатырь* по просьбѣ Александра Львовича Нарышкина, чтобы замѣнить нелѣпое либретто Русалки. Въ 1808 году онъ помѣщалъ свои басни въ Драм. Вѣстникѣ, который ими однѣми и былъ интересенъ. — Басня *Гуси*, прочитанная Крыловымъ въ первомъ чтеніи Бесѣды Любителей р. сл., заставила всѣхъ безъ исключенія признать за нимъ талантъ — «онъ сдѣлался писателемъ истинно народнымъ». Статья заключается разсужденіемъ о томъ, что писателю для его развитія необходимо образованное общество.

Сборникъ литературныхъ статей, посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца-издателя Алекс. Филипповича Смирдина, т. I, Пбргъ. 1858 года. «*Голосъ за прошедшее*», статья В. Т. Плаксина. — Говоря объ литературной дѣятельности 30 годовъ, авторъ ставитъ во главѣ тогдашнихъ писателей Крылова, за которымъ въ это время утвердилась слава великаго самостоятельнаго баснописца. Смирдинъ изданіями его басенъ облегчилъ знакомство съ ними всѣмъ сословіямъ. — Басни Крылова продавались по 15 рубл. ассигн. Смирдинъ заплатилъ Крылову 40000 руб., напечаталъ ихъ въ числѣ 44000 экземпляровъ, прибавивъ къ прежнимъ болѣе 20 басенъ, и пустилъ въ продажу по 4 руб. ассигн.

Утро, литературный альманахъ. М. 1859. Здѣсь напечатана приписываемая Крылову б. *Конь;* потомъ съ нѣкоторыми варіантами перепечатана въ Библіографич. запискахъ, 1859 г., № 2.

Библіографическія записки, 1861, стр. 638. «Видѣнія на берегахъ Леты», Батюшкова. Слѣдующія строфы относятся къ Крылову:

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафрокѣ издранномъ,
Въ пуху, съ косматой головой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой:
«Меня въ расплохъ, она сказала,

Въ обѣдъ нарочно смерть застала;
Но съ вами я опять готовъ
Еще хоть съизнова отвѣдать
Вина и адскихъ пироговъ.
Теперь же часъ, друзья, обѣдать.
Я вамъ знакомый — я Крыловъ» *.
Крыловъ! Крыловъ! въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо глухо повторяло
Подъ сводомъ адскимъ: здѣсь Крыловъ!
— Садись сюда, пріятель милый!
Здоровъ ли ты? — «И такъ, и сякъ».
— Ну, что жъ ты дѣлалъ? — «Все пустякъ!
Тянулъ тихонько вѣкъ унылый,
Пилъ сладко, ѣлъ, а болѣ спалъ.
Ну вотъ, Миносъ, мои творенья;
Съ собой я очень мало взялъ:
Комедіи, стихотворенья,
Да басни всѣ». — Купай! купай!
О чудо! всплыли всѣ — и вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай...

Библіографическія записки, 1861, стр. 673. Замѣтка о комедіи Крылова *Пирогъ*, считавшейся потерянною. Она находится въ библ. Александринскаго театра; была отдана на театръ авторовъ въ 1802 году и была играна 26 іюля.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1862, за апрѣль, май, августъ и декабрь. — Четыре статьи В. Водовозова. Первыя три подъ заглавіемъ: «Народное и общественное значеніе Крылова», послѣдняя — «О педагогическомъ значеніи Крылова».

Русскій архивъ, 1863, вып. I, стр. 68. Отрывокъ изъ Воспоминаній Вигеля: характеристика Крылова. (См. «Воспоминанія» Вигеля, изд. 1866, ч. I, стр. 141.)

Русскій архивъ, 1864, стр. 1158. «Нѣсколько свѣдѣній о басняхъ Крылова», М. Н. Лонгинова.

Русскій архивъ, 1865, стр. 1316. Письмо И. А. Крылова къ молодой дамѣ, и стр. 1319. «Разсказы объ И. А. Крыловѣ», Н. М. Колмакова.

Русскій архивъ, 1865, стр. 1323. «Хронологія басенъ Крылова». В. Кеневича.

Русскій архивъ, 1865, стр. 1340. «Замѣтки о заимствованныхъ басняхъ Крылова». Его же.

---

* Крыловъ познакомился съ духами черезъ «Почту» *(Примѣч. поэта).*

Учитель, 1865, № 1. «Замѣтки о басняхъ Крылова». В. Кеневича, и № 3 и 4. «Исторія происхожденія двухъ басенъ Крылова». Его же.

Русскій архивъ, 1866, стр. 255. «Басня Крылова — Прихожанинъ». Его же.

Русскій архивъ, 1866, стр. 1335. «Маскарадныя стихотворенія Крылова». Его же.

Русскій архивъ, 1867, стр. 386. «Неизданная басня Крылова, *Пестрыя Овцы*». Его же.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

БАСЕНЪ КРЫЛОВА.

ОПЕЧАТКИ.

Страница 24:	слѣдуетъ	читать	Вас. Иван. Майковъ.
» 27:	»	»	Иль, такъ сказать . . .
» 31:	»	»	Абдаллагомъ бенъ-Мокаффа.
» 166:	»	»	B(aour) — L(ormian).